

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
КАПОШВАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ

**КАВКАЗ-КАРПАТЫ-БАЛКАНЫ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ,
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ,
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ
КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО
МЕНТАЛИТЕТА В XVIII–XX вв.**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Ставрополь
2015

УДК
ББК 63.3
С 25

С 25 **Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв.:** материалы международной конференции (Ставрополь 26–29 июня 2014 г.) / отв. ред. И. В. Крючкова, К. В. Никифоров, Ф. Саваи. Ставрополь: СКФУ, 2015. – 190 с.

ISBN

УДК
ББК 63.3

ISBN

© Коллектив авторов, 2015
© Российский государственный гуманитарный университет, 2015
© Институт славяноведения РАН, 2015
© Северо-Кавказский федеральный университет, 2015
© Капошварский университет, 2015

РАЗДЕЛ I. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ КАВКАЗА, КАРПАТ И БАЛКАН

К. В. Никифоров
(Институт славяноведения РАН)

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ОТ КАВКАЗА ДО БАЛКАН В XX В.

Говоря об особенностях этнических процессах на огромном пространстве от Кавказа до Балкан за последние сто лет, нужно отметить два момента.

Во-первых, следует напомнить, что существуют два взгляда на нацию. Первый – политическая гражданская нация, когда это понятие связывается, прежде всего, с государством и второй – этническая нация, где на первый план выходит этнокультурная близость. И этот второй подход, в отличие от Западной Европы, доминирует в ментальности кавказцев, балканцев и всех восточноевропейцев. Не случайно на востоке Европы провалились все попытки сформировать гражданские нации. Безрезультатно окончилось конструирование «сложных этносов», создание югославы, чехословаков, «новой исторической общности – советского народа». Наоборот, на Балканах во второй половине XX в. выделились новые этносы – македонцы, черногорцы, боснийцы. Фактически утвердились в качестве отдельного восточнославянского этноса закарпатские русины. Этничность просто пронизывает самосознание восточноевропейцев. Отмена во второй половине 1990-х годов упоминания национальности в паспорте гражданина Российской Федерации сопровождалась ожесточенной дискуссией, продолжающейся до наших дней.

Во-вторых, регионы Кавказа, Карпат и Балкан всегда отличались этнической чересполосицей, вызванной многочисленными вторжениями и завоеваниями. В XX в. этническая и религиозная пестрота этих регионов усугубилась насильственными перемещениями больших групп населения во время мировых войн, революций, депортаций. В этих регионах до сих пор остается большое количество территориальных споров. Совсем не случайно именно здесь в конце XX в. возник такой феномен, как непризнанные государства. На территории бывшей Югославии возникло пять подобных государств, включая Косово; на территории, примыкающей к Карпатам – Приднестровье и Гагаузия, на Кавказе – Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах. Совсем недавно на территории Украины, в исторической Новороссии возникли Донецкая и Луганская Народные Республики.

Указанные этнические противоречия в XX в. пытались разрешать различными способами. После Первой мировой войны и распада Османской и Австро-Венгерской империй на их месте были образованы новые национальные государства, что было реализацией на практике модного тогда лозунга о праве наций на самоопределение. В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые.

Особенно большие изменения на этнической карте Восточной Европе произошли во время Второй мировой войны. Достаточно вспомнить о холокосте – трагедии еврейского населения. В Восточной Европе доля этого населения сократилась после войны до 0,9 %. В Венгрии осталось всего 1,5 % евреев, в Болгарии – 10 %. Относительно благоприятнее сложилась судьба евреев в Румынии, где уцелело 57 % еврейского населения¹. Но потом и из Румынии начался отток евреев. И если до войны в этой стране было 750 тысяч евреев, то в начале XXI в. их осталось менее десяти тысяч².

Не стала исключением и Россия. Как известно, к концу XIX в. в Российской империи существовала самая большая еврейская община мира. Сегодня же в России осталось около 180 тыс. евреев. Фактически это означает конец того многогранного явления русско-еврейского симбиоза, которое А. И. Солженицын назвал «Двести лет вместе».

Самые крупные этнические чистки предстояло испытать по завершении войны и самим немцам, проживавшим на территории стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы³. Первыми с депортациями еще в начале войны столкнулось немецкое население Советского Союза. Сначала

¹Марьина В. В., Яжборовская И. С. Глава 12. Гулкое эхо прошлого. Послесловие // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 502–503.

²См.: Lenta.ru. Новости.05.11.2010 // <http://lenta.ru/news/2010/11/05/grave/>.

³См.: Ваннер Я. Глава 2. Массовые депортации в СССР // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 84.

около 500 тыс. немцев были высланы из Автономии немцев Поволжья, а всего места проживания в европейской части России и Закавказье были вынуждены покинуть около 800 тыс. немцев. В конце войны немецкое население сначала бежало с отступающей гитлеровской армией, а затем в течение нескольких лет было насильственно выселено из своих домов в Польшу, Чехословакию и других стран. В Восточной Европе фактически исчезла более чем 10-миллионная довоенная немецкая диаспора.

Этот процесс «немецкого исхода» затронул и Балканы, в частности Югославию. Из полумиллионной немецкой диаспоры довоенной Югославии по переписи 1948 г. в стране осталось не более 55 тыс. человек¹. В Воеводине до Второй мировой войны было около 500 тыс. немцев. По переписи же 2002 г. в этом сербском крае оставалось около 3 тыс. немцев, а во всей Сербии их было менее 4 тыс. Еще около 28 тыс. немцев проживало до войны в Словении. Они также практически полностью были высланы. Из Хорватии, в основном из Славонии, было изгнано около 90 тыс. немцев².

Исключение в первые послевоенные годы составила Румыния, где осталось три четверти немецкого населения³. Немцы стали покидать эту страну позже, уже во время правления Н. Чаушеску.

Пострадали и союзники немцев. В 1944–1948 гг. около 170 тыс. венгров были переселены в Венгрию из Словакии, Югославии и Закарпатской Украины. Происходили встречные перемещения венгерского и румынского населения. С обеих сторон было перемещено 425 тыс. человек. Тогда же около 140 тыс. итальянцев были высланы из Хорватии в Италию, а около 120 тыс. болгар – из Македонии и Греции в Болгарию. (До 1951 г. происходил встречный процесс отъезда турок из Болгарии в Турцию, который затронул более 180 тыс. человек)⁴.

Фактически везде в Восточной Европе происходил один и тот же процесс создания монолитных в этническом отношении государств. Отношение к национальным меньшинствам было подспудно подорвано гитлеровской Германией, которая в предыдущий период активно разыгрывала карту своего меньшинства сопредельных странах. К тому же в сложившихся после войны условиях «в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Считалось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп... Так или иначе ... многие, отделенные от основной части своей нации этнические общности долгое время были лишены коллективных прав»⁵.

Процессы усиления этнического однообразия происходили, в том числе и в Греции (политически вошедшую в НАТО, но цивилизационно остающуюся частью Восточной Европы). «Многоэтничность Юго-Восточной Европы еще недавно была чем-то очевидным, – пишет немецкий историк Ш. Трёбст, – недаром ее обозначали расхожим итальянским выражением *macedonia di frutta*, «фруктовая смесь». Прекрасным примером этого, по мнению немецкого исследователя, служит греческий город Салоники. Некогда «светская секуляризованная многоязычная столица европейской Турции за несколько десятилетий превратилась в моноязычный и моноконфессиональный промышленный город, населенный вчерашними крестьянами, практически лишенный пригородов и к тому же расположенный на северной окраине маленького национального греческого государства»⁶.

Аналогичная картина наблюдалась в болгарском Пловдиве (в прошлом Филиппополе). Ее талантливо описал уроженец этого города старейший болгарский писатель А. Вагенштайн. В его романе «Вдали от Толедо» древний торговый Пловдив, населенный, помимо болгар, евреями-сефардами, турками, цыганами, армянами, греками, после Второй мировой войны постепенно превращается в чисто болгарский город, где место коренных пловдивцев занимают деревенские пришельцы⁷.

Кстати, сходную судьбу пережила и Одесса – главный порт Российской империи. Некогда это был один из самых этнически пестрых русских городов (одних евреев в межвоенный период было около 40 %). Однако сегодня уже более 90 % его жителей составляют украинцы и русские⁸. (Следует заметить, что в городах исторической Новороссии или Крыма русские и украинцы фактически составляют единую этническую группу).

¹ Goldstein I. Hrvatska. 1918–2008. Zagreb, 2008. S. 383.

² Ibid.

³ Марьина В. В., Яжборовская И. С. Указ. соч. С. 501.

⁴ Там же. С. 499.

⁵ Там же. С. 503.

⁶ Трёбст Ш. Заветный город // Отечественные записки. № 3 (48). 2012. См.: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/t32.html>.

⁷ См.: Вагеништайн А. Вдали от Толедо (жизнь Авраама Гуляки) [перевод Н. Нанкиновой] // Вагеништайн А. Двадцатый век. Изгнанники. М., 2013.

⁸ См., например: <http://www.odecca.net/page/page15.html>.

Для Карпат городом с подобной судьбой может быть назван Львов. Польский мультиэтнический город в межвоенный период полностью поменял свою этническую окраску. В войну почти полностью была истреблена большая, до 30 % горожан, еврейская община. После войны Львов покинули поляки. Армянская община города также фактически прекратила свое существование после войны. Сегодня Львов – на 85 % заселен украинцами и на 10 % русскими.

На Кавказе примерами превращения мультиэтнических городов в моноэтнические стали Тбилиси и Баку. Еще в начале XX в. в Тбилиси было примерно по 30 % армян, русских и грузин. Затем за счет постоянного притока из сельской местности это соотношение менялось, доля грузин постоянно росла. До войны грузины составляли уже почти половину населения города. По переписи 2002 г. их было 84,2 % (армян – 7,6 %, русских – 3 %). Аналогичная ситуация сложилась в Баку, где вплоть до 1940-х годов азербайджанцы не составляли большинства населения, а по переписи 2009 г. их в Баку проживает более 90 %.

В Болгарии в конце 1984 – начале 1985 гг. более 850 тыс. болгарских граждан в результате административного давления были вынуждены сменить свои мусульманские имена на болгарские¹. Характерно, что в своих мемуарах коммунистический лидер Болгарии Т. Живков не только оправдывал проводимый им курс, но и критиковал своих предшественников Г. Димитрова и В. Червенкова. Получив, по его словам, в наследство проблемы, связанные с турками, болгарам-мусульманами и цыганами, они не только не нашли решения этих проблем, но их усугубили. Они осуществляли «абсурдную политику» формирования многонациональной Болгарии, что углубляло разделение ее народа и по религиозным признакам, и по образу жизни².

Еще к большим этническим изменениям, можно сказать к полному «переформатированию» этнического пространства привело десятилетие гражданских войн на территории бывшей Югославии. Например, в ходе только боснийской войны из 4,5 млн жителей довоенной Боснии и Герцеговины более 2 млн покинули свои дома. Из восточной части Боснии было изгнано около 800 тыс. боснийских мусульман, из ее западной и центральной части – около 600 тыс. сербов и из той же центральной части – около 300 тыс. хорватов. Примерно половина беженцев покинула Боснию. Другая половина – переселилась на территории, контролировавшиеся соотечественниками³. Можно вспомнить и агрессию НАТО против Югославии, которая вызвала перемещение внутри Сербии и частично Черногории более 1 млн. человек⁴. В целом считается, что за годы югославского кризиса со своих мест было прямо или косвенно изгнано около 4 млн человек⁵.

Проигравшие «войну за югославское наследство» сербы пострадали больше всех. Сербия оказалась даже на первом месте в Европе по количеству беженцев и вынужденных переселенцев. По данным сербского Комиссариата по делам беженцев, после окончания всех войн Сербия приютила 830 тыс. людей, изгнанных из родных мест⁶.

Все югославские республики фактически стали моноэтническими. Словенцев в Словении – 83 %. В Хорватии более 90 % населения составляют хорваты, а сербов осталось только 4 %. В Боснии и Герцеговине и Республика Сербская, и обе части Федерации БиГ (боснийско-хорватской федерации) стали национально однородными. После войны в Республике Сербской представителей несербской национальности оставалось не более 10 %. Бошняки на контролируемых ими землях составляли 80–85 % населения. В хорватской части Федерации проживало около 98 % хорватов. Наконец, сербы в Сербии без Косово составляют 83 %. Иная картина наблюдается только в Македонии, где, согласно официальным цифрам, 67 % относят себя к македонцам, 29,9 % – к албанцам.

Важно подчеркнуть, что везде на постюгославском пространстве во время череды войн и их урегулирования четко прослеживалась одна тенденция – тенденция к моноэтничности, сколько бы ни говорили об обратном многочисленные западные посредники.

Похожая ситуация наблюдается и в других странах Юго-Восточной Европы. Так, в Болгарии болгары составляют сегодня 85,3 % населения, в Румынии румын – 89,5 %, в Греции греков –

¹ Подробнее об этой акции см. документы № 2–17, опубликованные в сб.: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века*. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. С. 25–70.

² Зудинов Ю. Ф. Глава 11. Некоторые проблемы межэтнических отношений в Болгарии в 1944–1947 гг. // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока*. С. 487.

³ Боич О., Сабов Д. Мир в обмен на демократию // *Итоги*. 1996. 10 сентября.

⁴ См., например: Гуськова Е. Ю. *История югославского кризиса (1990–2000)*. М., 2001. С. 679.

⁵ Напомним, что население Социалистической Федеративной Республики Югославии составляло около 22 млн. человек.

⁶ Vesti B 92 за 18.12.2008.

93 %, а в Албании албанцев – 95 %. То же самое можно сказать и про центральноевропейские страны: в Словакии – 85,7 % словаков, в Чехии – 94,4 % чехов, в Польше – 97 % поляков, в Венгрии – 98 % венгров.

Подчеркнем, еще раз, что эта тенденция, тенденция к моноэтничности доминировала на востоке Европы весь XX век. Распались многонациональные империи, затем многонациональные государства. Фактически исчезли два общих для стран этого региона национальных меньшинства – евреи и немцы.

Такая тенденция существенно отличает восточноевропейский регион от Западной Европы, в которой особенно в послевоенный период заметно увеличилась мультиэтничность. Она даже породила идеологическое обоснование этого процесса в виде концепции мультикультурализма. Мультикультурализм – принципиально иная политика в отношении различных этносов внутри того или иного государства. Это – не интеграция в социокультурную среду доминирующего этноса (крайнее проявление подобного развития – ассимиляция), а параллельное сосуществование разных, а часто и противоположных культур и культурных традиций.

«Плавильный котел» ассимиляции барахлит и чадит – и не способен «переварить» все возрастающий масштабный миграционный поток, – отмечал В. Путин. – Отражением этого в политике стал «мультикультурализм», отрицающий интеграцию через ассимиляцию. Он возводит в абсолют «право меньшинства на отличие» и при этом недостаточно уравнивает это право – гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом.

Во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, которые не только ассимилироваться, но даже и адаптироваться отказываются... Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения... Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»¹.

Характерно, что в мультикультурности стали разочаровываться и в Западной Европе. Лидеры сразу трех ведущих западноевропейских стран – канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон в 2011 г. заявили о крахе политики мультикультурализма в своих странах.

Попутно заметим, что Россия в какой-то степени вписывается в оба отмеченных нами процесса – на востоке и западе Европы. В процентном отношении русских в России больше, чем в Советском Союзе – почти 81 % вместо немногим более 50 %. И таким образом, Россия повторяет путь всей Восточной Европы. С другой стороны, приезд в бывшую метрополию выходцев из бывших национальных окраин на глазах увеличивает мультиэтничность России. И в этом плане Россия идет по стопам Великобритании, Франции, Нидерландов и других стран Западной Европы.

В. А. Авксентьев
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ²

Проблемы идентичности стали за последние четверть века одними из центральных в мировом социогуманитарном знании. Сегодня идентичность – одна из наиболее активно используемых в научной литературе категорий. Дискуссии вокруг успеха или провала мультикультурализма, диалога культур и цивилизаций, устойчивости современных обществ и глобального транзита имеют выход на проблемы идентичности. До середины 1990-х гг. понятие идентичности встречалось практически исключительно в психологии, причем это было свойственно и зарубежному обществоведению. Сегодня этот понятие вошло в арсенал всех социальных и гуманитарных наук, и это является оправданным: в постоянно меняющемся мире идентичности являются своеобразными социокультурными якорями, позволяющими человеку обрести некоторую стабильность, а, следовательно, социокультурную безопасность и комфорт, а обществам – устойчивость.

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Формирование цивилизационной идентичности как стратегия преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий в современной России», Грант РГНФ № 13-03-323а.

Состояние транзита – одна из онтологических предпосылок резкого повышения роли идентичности в жизнедеятельности обществ и, соответственно, политики идентичности как структурного элемента внутренней и внешней политики.

Проблемы, связанные с референдумами в Шотландии и Каталонии, уже в течение нескольких лет представляют собой расхожие примеры кризиса идентичности в современном мире. Оба этих случая свидетельствуют о неудачах в политике идентичности Великобритании и Испании. В период подготовки референдума руководство Великобритании сделало ставку на запугивание населения Шотландии негативными, прежде всего экономическими, последствиями независимости для региона. Вопросы идентичности, т. е. общности, тождественности, единой истории, общности судеб, единых символов ушли глубоко на задний план. Вызывала удивление позиция нейтралитета королевы как символа единства Британии по вопросу обретения Шотландией независимости. В Испании ставка была сделана на нелегитимность референдума в Каталонии, при этом, как и в Великобритании, вопросы общей идентичности, объективного намного более сложные, чем в Британии, отошли на задний план. В это же время каталонская идентичность активно и демонстративно культивировалась.

Но особенно остро провалы в политике идентичностей проявились в украинской катастрофе. Ситуацию на Украине российские эксперты чаще всего, и вполне справедливо, объясняют геополитическими реалиями, в том числе глобальными экономико-политическими коллизиями. Но это объяснение можно считать неполным и односторонним. При различных оценках природы и истоков украинского кризиса, неоспоримой роли геополитического фактора особенно значим фундаментальный в постсоветской украинской политике провал в формировании новой украинской идентичности.

В украинской политике идентичности были допущены три стратегические ошибки. Первая – эта идентичность строилась на антироссийской основе, русофобии и ксенофобии. Украинский постсоветский национализм имел отнюдь не европейский характер, а сугубо этнический и был направлен не на создание и укрепление национального единства, а на открытую враждебность одному внешнему фактору в лице России. Это породило раздвоение общественного сознания, так что, в итоге, русскоязычные граждане Украины (многие из которых являются украинцами или людьми смешанного происхождения) у себя на родине начинают ощущать себя русскими и российскими людьми. В конечном счете, как правило, в такой ситуации человек утрачивает способность к устойчивой национальной самоидентификации. В результате украинский этос (т. н. «гражданская нация»), так и не сложился на Украине. Вторая ошибка политика идентификации – в качестве «матрицы» истинного украинца был использован образ западного украинца. Идеологема «Галичина – украинский Пьемонт» сыграла пагубную роль в развитии страны в постсоветский период. Навязывание идеи, что только западный украинец – истинный украинец привела к тому, что украинский этнос, итак никогда не бывший единым, еще стал еще более расколотый. Развернувшаяся война памятников только усугубляла ситуацию. Многие украинцы, особенно на востоке, не могли согласиться с тем, что их предки, воевавшие с фашизмом, были оккупантами, они не желали отказываться от своей ментальности и культуры, которая отличалась от культуры Западной Украины. И, наконец, третья ошибка – ошибка в цивилизационном выборе Украины. Это наиболее серьезный просчет, обусловленный, в том числе, идентификационными проблемами в России. В ЕС постоянно делали упор на то, что Украине необходимо сделать не просто политический, а цивилизационный выбор между Европой и Украиной. Большую активность в формировании цивилизационного выбора Украины сыграли зарубежные украинские диаспоры, которые жили в эфемерном мире, слабо коррелирующим с реальной украинской действительностью. Между тем, украинцы прожили большую часть своей этнической истории в составе Российской империи и СССР, именно в этих условиях они оформились как самостоятельный этнос и нация, именно в СССР произошло объединение различных частей украинского этноса в одном государстве. Установка на разрыв с Россией привела к дальнейшему расколу народа, а не его консолидации. Украина оказалась раздираема между двумя цивилизационными ареалами и не справилась с этой дилеммой.

Без этих провалов в политике идентичности геополитическое соперничество вокруг Украины не имело бы таких катастрофических последствий для самой страны. Именно эти провалы привели к тому, что Украина во втором десятилетии XXI века из субъекта международной политики превратилась в объект геополитического соперничества.

Присоединение Крыма к России весной 2014 года показало, сколь остры проблемы идентичности во всем мире. Немедленно возобновились предложения о вхождении в состав России некоторых непризнанных государств (Приднестровье) и частично признанных (Южная Осетия, Абхазия). Гло-

бальный парад суверенитетов (область Венето в Италии, Техас в США) показали, при их внешней курьезности, глубинные проблемы в сфере идентичности и их мировой характер.

В то же время имеются примеры вполне удачных проектов по формированию и укреплению надэтнической и надрегиональной идентичности. От ситуации распада – реальности 1990-х годов – отступила Канада, проводившая энергичную политику идентичности и консолидации с середины 1990-х годов.

Однако категория идентичности вышла далеко за рамки анализа социокультурных процессов и внутренней политики. Идентичности являются, по сути, целью политики мягкой силы, которая обрела в последнее десятилетие большую популярность. Автор концепции мягкой силы Дж. Най-младший отмечал, что «мягкое» могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер¹.

Хотя Дж. Най-младший не использует понятие идентичность в своих теоретических построениях, речь идет именно об этом: добиться переориентации тех или иных социальных и политических субъектов на новые ориентиры, на иные цивилизационные центры. Политика мягкой силы не заменила в международных отношениях жесткой силы, однако именно успех мягкой силы дает более долговременные результаты. Изменение коллективных идентичностей приводит к распаду государств буквально без единого выстрела, в то время как устойчивые коллективные идентичности могут выступить основой для стойкого сопротивления.

Поэтому коллективные идентичности можно рассматривать как важнейший элемент национальной безопасности. Для России как полиэтнического и поликультурного общества проблема коллективных надэтнических идентичностей является одной из ключевых для национальной безопасности. Эта идея четко прослеживается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Президентом РФ 12 мая 2009 г.² Сразу после опубликования Стратегия национальной безопасности обрела немало критиков именно за большой блок социокультурных проблем, в ущерб, по мнению критики в, «силовой» составляющей. Однако внимание именно к социокультурным проблемам (термин «идентичность» в Стратегии... не используется) полностью оправдано в контексте современного представления о безопасности. В Стратегии отмечается, что «решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств – участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах»³.

Последующие стратегические документы Российской Федерации уделяют проблемам идентичности первостепенное внимание, хотя даже в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Президентом РФ 19 декабря 2012 г., термин идентичность, уже прочно вошедший к этому времени в научный и политический лексикон, употребляется всего один раз. Но идеей, которую в современном научном дискурсе принято обозначать через понятие «идентичность» пронизан весь документ. В качестве первой цели государственной национальной политики в Стратегии... определено «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»⁴.

Термин «самосознание» максимально близок по содержанию более современному и в чем-то «модному» термину «идентичность». В конечном итоге, многие десятилетия отечественные обще-

¹ Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. №10. 2004 URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/nai_msil.php. Дата обращения 10.09.2013).

² См: Президент России. Официальный сайт. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/424. Дата обращения 20.05.2009.

³ См: Президент России. Официальный сайт. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/424. Дата обращения 20.05.2009.

⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>. Дата обращения 14.01.2013.

ствоеды обходились без последнего, тем не менее, успешно выражая эти же идеи. В новейшем документе – Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», принятой в августе 2013 г. в качестве важной проблемы отмечено «слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации»¹. В этом фрагменте четко зафиксирована содержательная близость (фактически синонимичность) терминов самосознание и идентичность. Далее в документе термин идентичность употребляется многократно, что свидетельствует о том, что он обрел полноценный статус в политическом лексиконе.

В России серьезное отношение со стороны властных структур к политике идентичности стало заметным с начала 2000-х гг., старт был дан федеральной целевой программой «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)». За прошедшие годы положение дел с российской идентичностью существенно изменилось. Так, если в аналитическом докладе «Российская идентичность в социологическом измерении», подготовленном в Институте социологии РАН в 2007 году отмечалось, что «граждане современной России испытывают серьезные проблемы с коллективной идентичностью – по большому счету, их мало что объединяет: нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов»², то уже в аналитическом докладе в 2011 году этот же исследовательский коллектив приходит к выводу: «Российская идентичность стала не только самой распространённой среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее высоким»³. Объяснение столь различным выводам относительно изменений в такой инерционной сфере, как идентификационные процессы, объясняется, на наш взгляд тем, что сформировался кумулятивный эффект как результат политики идентичности российского государства, и этот кумулятивный эффект проявился к концу десятилетия.

Однако для России было бы пагубным остановиться на достигнутом результате. В настоящее время страна переживает тот исторический момент, когда становится очевидным, что стратегический курс на сближение с Западом, проводившийся с большей или меньшей степенью настойчивости все постсоветские годы, необходимо, как минимум, скорректировать. Прозападная ориентация постсоветской России была обусловлена не культурно-цивилизационным родством с западной цивилизацией, а той новой геополитической ситуацией, которая сформировалась после развала Советского Союза и окончания «холодной войны». Ни Запад в широком смысле, ни Европа не воспринимали и не воспринимают Россию в качестве органической собственной социокультурного пространства. Это выражается как в традиционном наборе стереотипов относительно России, так и широком спектре предложений, можно думать, иногда искренних, по «выправлению» ситуации в России, чтобы она стала «нормальной» страной.

Сегодня Россия стоит перед необходимостью постановки и реализации сверхзадачи – формирования современной российской цивилизационной идентичности. Цивилизационная идентичность – социокультурная идентичность высшего уровня, она имеет интегративный характер, не отменяет, но до определенной степени нивелирует «пафос» идентичностей более низкого уровня и, тем самым, устраняет основу для конфликтов идентичностей, столь типичных для поликультурных регионов России.

Т. А. Булыгина
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В контексте темы конференции интересным представляется одно из разрабатываемых направлений в рамках концепции научно-образовательного Центра «Новая локальная история». Речь пойдет об истории культурного пограничья. Однако прежде, чем обратиться к этому вопросу, обратимся к беглой характеристике Центра.

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» URL: <http://www.mdn.ru/engine/documents/document20142.pdf>. Дата обращения 12.09.2013.

² Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_8.html. Дата обращения 5.09.2014.

³ Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_reforms/Glava_12.pdf. Дата обращения 5.09.2014.

НОЦ «Новая локальная история» существует уже 12 лет. Концепция НОЦ включала в себя принципы и исследовательские поля, которые в 2002 г. были только намерением и декларацией. Сегодня можно говорить о некоторых итогах – это и интернет-конференции с последующими публикациями материалов. Сейчас в печати находится пятый сборник по материалам пяти последних конференций. Это и публикация шести документальных сборников, представляющих социокультурный аспект местных источников. Это и формирование такого направления, как проблемы исторической памяти и устная история, которой весьма успешно занимается доцент Е. Н. Стрекалова, выигравшая три гранта и создающая источниковую базу для лаборатории устной истории. Это выполнение гранта ФЦП, сотрудничество с архивистами и библиотекой, это создание и проведение на протяжении 6 лет учебного курса «Новая локальная история полиэтнического региона». Это, наконец, ряд успешно защищенных диссертаций, например, талантливая работа К. Р. Амбарцумян под руководством одного из основателей Центра, ныне московского профессора С. И. Маловичко. Достижения можно было продолжить, но остановимся на научных проблемах.

Культурное пограничье, во-первых, как исследовательское пространство наиболее плодотворно исследуется в границах новой цивилизационной парадигмы, которая взамен узкой специализации и профильности предполагает мультидисциплинарность как объединение методов и исследовательского инструментария различных научных направлений, соотнесенность теоретических моделей различных научных дисциплин. В то же время, находясь на пересечении различных наук – социологии, культурологи, семиотики, исторической географии, истории, культурное пограничье как объект анализа соответствует принципу междисциплинарности, который предполагает межнаучный диалог с сохранением дисциплинарных границ. Философ из Беларуси Н. Н. Беспаятных¹ в своих исследованиях границ и пограничья также обращает внимание на междисциплинарный характер исследований пограничья.

Во-вторых, культурное пограничье предполагает изучение сосуществования и взаимодействия локальных сообществ любого уровня. В этом аспекте изучаются именно локальные сообщества, их культурно-интеллектуальная история, социальная история, история их повседневности, источники их изучения, рождение и реализация мировых и национальных исторических тенденций. Здесь происходит пересечение интересов истории пограничья и «новой локальной истории», т. к. отношения «локальное сообщество – национальное и мировое историческое пространство» являются объектом изучения «новой локальной истории».

Наконец, именно главные метафоры нашей конференции – Балканы, Карпаты, Кавказ, представляют не только поликультурную, полиэтническую территорию, но и ярко выраженное культурное пограничье в его разных проявлениях. О внимании к проблемам пограничья свидетельствует интерес ученых и общественных деятелей Восточной Европы к этой проблематике. Например, в Польше еще в 1990 г. был создан фонд «Пограничье» для развития культурного диалога пограничных зон, а через 2 года вышел журнал с таким названием.

Северный Кавказ как часть макрорегиона «Кавказ», расположенный на северных склонах Главного Кавказского хребта и Предкавказья между Каспийским и Черным морями всегда оставались контактной зоной и одновременно барьером между цивилизациями и империями Средиземноморья, Передней Азии, Восточной Европы. Уже тот факт, что на 2 % российской территории функционируют 10 разнонациональных федеральных субъектов, из которых 7 автономий, свидетельствует об этнокультурной уникальности региона.

Очевидно, что историков Северного Кавказа интересует, прежде всего, исторический опыт встречи и коммуникации различных культур в общем географическом, региональном и геополитическом пространстве, чтобы более глубоко понять историческое прошлое локальных сообществ Кавказа. Понятна и более амбициозная цель – выработать на уникальном историческом материале Северного Кавказа исследовательскую модель межкультурной коммуникации, применимую к изучению и других поликультурных регионов.

Эти исследовательские задачи тем более интересны, что полиэтнический и поликонфессиональный характер Кавказского региона подпитывает культурное пограничье локальных сообществ, придавая ему характер несводимого многообразия. Так, на поверхности всей этой проблемы лежат этнокультурные и языковые отношения, которые на протяжении веков находятся в состоянии пограничья, с одной стороны, но непрестанно меняются внутренне в контексте геополитических, социальных, хозяйственных перемен.

Внутри этой проблемы лежат такие вопросы, как личностно-культурная и социальная адаптация сообществ пограничья, повседневность локальных сообществ Кавказа в условиях культурно-

¹ Беспаятных Н. Н. Границы и пограничья: подходы, понятия перспективы. Минск, 2012.

го пограничья, влияние географического фактора на взаимодействие между горскими, степными и городскими сообществами в разные периоды истории. При этом ни один из этих типов обществ не сводится к единому образцу. К примеру, в городской истории Северного Кавказа можно выделить разные типы трансформации городских сообществ. В частности, это русские города, выросшие из русских крепостей, часть из которых превратилась в национальные центры автономий с определенной ментальностью жителей, древние города южного Дагестана, города XX в., которые либо возникли вокруг промышленных объектов, либо формировались административным путем из сельских поселений. Культурное пограничье в этих типах городов проявлялось по-разному в языке, хозяйственных, социальных отношениях, порождая разные смыслы и возможности этнокультурного взаимодействия.

Среди вопросов культурного пограничья Кавказа научный и практический интерес представляет тема локальной, региональной и национальной идентификации членов сообществ – от семейной до государственной. Эта задача тем сложнее и интереснее, что для Северокавказского региона характерна этническая чересполосица поселений. К примеру, ногайцы расселены в четырех субъектах Северного Кавказа. Заметим, что этой чертой отличается и регион Балкан. В этих условиях процесс «духовной интеграции» в российское пространство, по утверждению Г. С. Денисовой и М. Р. Радовель, протекал у разных этносов по-разному: «Каждый из регионов самобытен и своеобразно вписывается в единое культурное и социальное пространство России. Его синтетическое описание требует подробного анализа процессов, происходящих в каждом регионе, выявления в них общероссийских универсалий и региональной специфики»¹. Во многом это зависело от выработанного механизма встроенности этнической и религиозной идентичности в национальную идентичность. Без истории локальных сообществ анализ этих механизмов невозможен.

С другой стороны, именно микросоциальный срез, возможный только на уровне локальных обществ, позволяет понять, какие скрепы сохраняют не только территориальную, но и социокультурную общность этого северокавказского «слоеного пирога». Как свидетельствуют социальные, этнографические, лингвистические исследования понимание противоречивых тенденций невозможно без тщательного сетевого анализа исторического прошлого локальных сообществ. Необходимо изучение характерных для региона возможностей региональной интеграции, размывающей социокультурные границы, и одновременно скрытых источников межэтнического противостояния, придающего социокультурной границе оттенок фронта,

На Кавказе, как ни в одном полиэтничном регионе, полиэтничность и этническое самосознание связаны с территорией проживания, что создает специфику формирования социальных лифтов членов локальных сообществ, связанных, если так можно выразиться, с «территориальными лифтами», которые «поднимают» людей сверху вниз, из гор на равнину. Примером могут служить феномены Ставрополья или Кубани в формировании общенациональных политических элит или роль Северной Осетии в обогащении культурных элит, культурные явления мирового уровня представителей северокавказских этносов – балкарца К. Кулиева, кабардинца А. Кешокова, великого аварца Р. Гамзатова и великого чеченца М. Эсамбаева.

Здесь названы лишь некоторые проблемы исследования культурного пограничья Северного Кавказа и Кавказа в целом, которые очевидно потребуют объединения усилий не только гуманитариев различных направлений, но и ученых всех кавказских регионов и стран. Надо забыть провинциальное соперничество за первенство, пора переходить к новому этапу научного сообщества Северного Кавказа. Необходима и консолидация ученых разных стран, которым не чуждо понятие «культурное пограничье» как объект научного интереса.

Б. В. Аксюмов
(Северо-Кавказский федеральный университет)

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СОЦИУМА

На протяжении всего постсоветского периода уровень напряженности в северокавказском регионе Российской Федерации остается стабильно высоким. На смену открытым вооруженным конфликтам 1990-х гг. пришли латентные конфликты и напряжения, которые время от времени актуализируются в форме террористических атак и принципиальным образом подрывают основы безопасности на

¹ Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология: учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. Ростов-на-Дону, 2000. С. 52.

Северном Кавказе. Сепаратистское движение конца прошлого столетия окончательно уступило место т. н. неоваххабитам, которые заявляют о необходимости создания исламского халифата на территории Северного Кавказа. Вследствие этого, этнополитические детерминанты конфликтов в регионе постепенно уходят на второй план, освобождая место культурно-цивилизационным детерминантам, связанным не с идеей политического суверенитета, а с утверждением автономии ценностно-идеологического развития северокавказского региона.

Подобная автономия непосредственным образом влияет не только на ментально-мировоззренческую сферу северокавказского социума, которая окончательно возвращается к религиозно детерминированному традиционализму, но и на реализацию масштабных социокультурных проектов, призванных интегрировать Северный Кавказ в общероссийское социокультурное пространство. В частности, это касается проекта модернизации, который, имея определенные успехи в советские времена, сегодня все больше заходит в тупик. Как справедливо отмечает А. Малашенко, «проблема Северного Кавказа сегодня шире, чем представляется в Москве. Это не просто нестабильность – происходит системная деградация региона, прежде всего его восточной части: Ингушетии, Дагестана, Чечни, в какой-то мере Кабардино-Балкарии. Общество там движется вспять»¹.

В условиях фактического отсутствия общенациональной идеологии, эмбрионального состояния общероссийской цивилизационной идентичности неизбежно возникают существенные проблемы с культурно-цивилизационной адаптацией и интеграцией национальных регионов. Данные регионы в подобных обстоятельствах делают ставку либо на иные цивилизационные миры либо пытаются опереться в своем развитии на аутентичные культурно-цивилизационные архетипы, нормы и стандарты. В случае с северокавказским регионом мы видим своеобразный синтез этих двух вариантов развития. С одной стороны, происходит ренессанс традиционных норм жизнедеятельности, несколько поколебленных советской модернизацией, но отнюдь не утративших своей значимости. С другой стороны, этот ренессанс окрашен в тона исламской культурной специфики, значение которой для многих республик Северного Кавказа возрастает с каждым годом. «Российский» культурно-цивилизационный фактор под натиском религиозно детерминированного традиционализма явно отступает на второй план. Кроме того, происходит «повышение этноконфликтной готовности населения на фоне радикализации традиционализма и углубляющегося кризиса общероссийской идентичности»².

Современной России, чтобы обеспечить свою территориальную целостность, чтобы снова стать интегративным цивилизационным центром, необходимо сконструировать четкие идеи и принципы своего культурно-цивилизационного бытия, такую стратегию развития, которая могла бы обеспечить общенациональное единство при сохранении культурного многообразия. Если подобной комплексной идеологии не будет выработано, тогда образовавшийся культурно-мировоззренческий вакуум быстро будет заполнен идеологией и ценностями других культурно-цивилизационных миров, что отчасти уже произошло.

Пример северокавказского региона доказывает это со всей очевидностью. В настоящее время регион в культурно-цивилизационном отношении фундируется на трех основных составляющих. Во-первых, Северный Кавказ – это часть российской цивилизации; во-вторых, регион все более отчетливо становится частью исламского культурно-цивилизационного универсума; наконец, в-третьих, важное значение имеют аутентичные традиционные архетипы самого северокавказского мира. Противоречивое взаимодействие этих трех составляющих формирует «кентаврическое» социокультурное пространство северокавказского региона, где соседствуют, казалось бы, совершенно противоположные модели социального бытия, типы мировоззрения, культурные нормы и стандарты. Как отмечает В. А. Тишков, на постсоветском Северном Кавказе «произошло превращение российской культуры в мозаичную, многосоставную, состоящую из типологически различных культурных систем: традиционной северокавказской культуры (распадающейся на многочисленные этнотрадиционные культуры) и близкой к ней по ценностной системе исламской, русской национальной (включая казачью традиционную культуру), советской и современной массовой западной культуры, находящихся в состоянии открытой и латентной конфликтности, что является культурным подтекстом межэтнической напряженности и ксенофобии»³. Именно от соотношения влияния данных культурно-цивилизационных факторов на реальную жизнь северокавказского социума зависят стратегическая траектория развития региона в текущем столетии, эффективность интеграции Северного Кавказа в общероссийское культурно-цивилизационное пространство.

¹ Малашенко А. В. Кавказские горки // <http://newtimes.ru/articles/detail/4408/>

² Авксентьев В. А., Попов М. Е. Конфликты идентичностей как вызовы безопасности: к концептуализации «парадигмального конфликта» // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. Вып. 64. Ч. 2. С. 140.

³ Тишков В. Культурная мозаика и этническая полтика в России // Россия и мусульманский мир. 2003. №7. С. 22.

Анализ показывает, что на сегодняшний день в северокавказском регионе наиболее существенно проявляет себя «исламский» культурно-цивилизационный фактор. Крах советской секулярной культурной модели и политика поощрения клерикализации общества, которая фактически до сих пор проводится российским руководством, предопределили фундаментальный сдвиг в культурно-цивилизационном развитии Северного Кавказа. Бурные процессы религиозного возрождения не только резко увеличили роль исламской традиции в жизни северокавказского социума, но и обусловили мощные интеграционные тенденции в культурно-идеологической сфере. Интеграционная сила исламской религии столь велика, что вполне уместно, на наш взгляд, использовать такое понятие, как «кавказская культура». Разумеется, этнические культуры народов Кавказа отличаются друг от друга, однако эти различия не столь велики, чтобы нельзя было представить эти культуры в качестве единого не только культурного, но и цивилизационного ареала. Кавказская культура выступает на сегодняшний день как часть общероссийской культуры, но как часть мало интегрированная, по сути своей неорганическая. Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем, именно современную) кавказскую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например, от тех, которые не фундируются на религиозной идее.

Можно согласиться с Е. М. Примаковым, что «волна исламизации – это глобальный феномен. Следует учитывать, что происходящее в течение двух столетий включение Кавказа в Российское государство осуществлялось в условиях не подъема, а спада ислама. Сейчас принципиально другая ситуация. Сейчас происходит подъем ислама, и было бы ошибкой абстрагироваться от влияния взрывного подъема мирового ислама на положение на Северном Кавказе»¹. Действительно, особая ценностно-мировоззренческая парадигма, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя и подчеркивая партикулярность данного региона, его особый статус в рамках Российской Федерации. Кроме того, идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому цивилизационному миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа.

Неинтегрированность северокавказского региона находит отражение и на идентификационном уровне. Подавлявшиеся на протяжении многих десятилетий этническая и конфессиональная идентичности «вдруг» стали ключевыми и определяющими для северокавказского социума. В результате групповые идентичности народов Кавказа оформились к настоящему времени как этноконфессиональные в первую очередь, и только во вторую – как гражданские. При этом важно отметить, что проект по формированию гражданской идентичности в северокавказском регионе можно считать вполне успешным, более 70 % молодых респондентов ряда республик Северного Кавказа выразили позицию, согласно которой быть гражданами Российской Федерации для них «важно» или «очень важно»².

Между тем, гражданская идентичность – крайне важная, но относительно несложная конструкция: в ее основании лежит формальный факт гражданства. Она формирует граждан, но еще не создает народ. Недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства проявляется в межкультурных отношениях в северокавказском регионе, когда представители различных культурных ареалов нередко ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. В общественном сознании по-прежнему доминируют, а зачастую усиливаются многочисленные стереотипные представления. Это ведет к разобщенности людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят для себя общих целей и социокультурных ориентиров.

Тем самым очевидно, что проект по формированию общероссийской гражданской идентичности не способен обеспечить национальное единство России. Культурно-цивилизационные, ценностно-мировоззренческие различия не могут компенсироваться фактом общего гражданства, нужно нечто более существенное, необходимо то, что будет способно преодолеть указанные различия и сделать разрозненных граждан единым народом. В данном случае необходимо вести речь о культурно-цивилизационном «включении» народов Северного Кавказа в общероссийский цивилизационный и социокультурный профайл. Сегодня становится очевидным, что ставка на формирование

¹ Примаков Е. М. Необходима политическая борьба против интерпретаций ислама как идеологии воинствующего экстремизма // <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-27176.html>

² См.: Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. №12. С. 18–27.

только гражданской идентичности при абсолютизации суверенитета цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает. Крах политики мультикультурализма во многих европейских странах подтолкнул ведущих российских политиков к поиску новых возможностей гармонизации межэтнических, межкультурных отношений, достижения подлинного национально-го единства России. В частности, в статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» гораздо большее значение придается формированию и укреплению не гражданской, а именно цивилизационной идентичности. По словам автора, «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»¹.

В этом смысле очевидно, что современная ситуация на Северном Кавказе подсказывает только один реальный путь выхода из кризиса – переход от толерантности и мультикультурализма к интеграции. Интеграция в данном случае предполагает формирование единого социально-политического и культурно-цивилизационного пространства России и Северного Кавказа, когда различия неизбежно должны уйти на второй план, стать периферийными. Важно подчеркнуть, что интеграционный подход вовсе не означает элиминирование различий, особенностей, специфических черт отдельных культур. Они остаются, однако, в отличие от идеологии мультикультурализма и толерантности, идеология интеграции не объявляет их высшей ценностью, не постулирует их фактический приоритет над общими консолидирующими началами российского социокультурного пространства. Если идеология и практика толерантности обусловили неконтролируемый рост значимости этноконфессиональной идентичности северокавказского социума, того рода идентичности, который подчеркивает различие Северного Кавказа от России, то интеграция должна способствовать росту значимости социокультурной (цивилизационной) идентичности, того вида идентичности, который только и способен обеспечить национальное единство Российской Федерации, сделать эффективной культурную стратегию России на Северном Кавказе.

Е. А. Кудрявцев
(Северо-Кавказский федеральный университет)

АВАРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Великое переселение народов, связанное с перемещением крупных массивов азиатских кочевников на территорию Восточной и Западной Европы, значительно изменило этно-политическую и социально-экономическую обстановку в этих регионах и вывело на историческую арену множество евразийских кочевых племён.

Ираноязычные племена киммерийцев, скифов, сарматов, алан, господствовавшие в степях Юго-Восточной Европы на протяжении многих веков, были вытеснены тюркскими и угрскими племенами, объединёнными в конце IV – первой половины V вв. в мощный, но неустойчивый конгломерат, политическое и этническое ядро которого составляли гунны, известные в китайских источниках последних веков до н. э. – первых веков н. э., как «хунну». Потерпев в середине 2 в. н. э. жестокое поражение от протомонгольских племён синьба, гунны оказались вытеснены в Южное Приуралье и Заволжье, где сумели подчинить и объединить местные племена и начали постепенное продвижение на запад.

К II–III вв. н. э. гунны, согласно данным раннесредневековых источников, появляются в Северо-Западном Прикаспии и на Северо-Восточном Кавказе, где продолжают кочевать вплоть до возникновения Хазарского каганата, в состав которого они вошли.

В «битве народов», произошедшей в 451 г. на Каталаунских равнинах в Галлии (в 150 км восточнее Парижа) римлянам и их союзникам (федератам) германцам и аланам удалось разбить гуннов и положить конец могуществу Атилы, огромная «держава» которого, объединявшая множество кочевых племён, распалась. Большая часть кочевников, входившая в гуннское объединение Атилы, откочевала на Запад и на Восток за Волгу, уступив место в Северном Причерноморье, в Предкавказье и на Северном Кавказе новым завоевателям или племенам, входившим в гуннский союз².

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос. Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина <http://premier.gov.ru/events/news/17831/>

² Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 138–140.

Одними из первых наследников гуннов на территориях Северного Кавказа и Причерноморья стали авары.

По мнению большинства исследователей, авары были многочисленным племенем известным как жуань-жуани, которые в 552–553 гг., после столкновения с Тюркским элем (каганатом), частично бежали в Корею и Северный Китай, а другие – на запад, где стали известны под именем аваров¹.

Первое упоминание об аварах связано с сообщением Приска Панийского (V в.) о нападении вандалов на Италию, в связи с чем он сообщает о савирах, разгромленных аварами. По мнению некоторых раннесредневековых авторов (Феофилат Симокатты, VII в.) авары, бежавшие в Европу после разгрома их в Центральной Азии Тюркским каганатом, не были на самом деле аварами, а присвоили себе это название от своих грозных предшественников, являясь на самом деле огорами, взявшими себе имя своих древних вождей, чтобы устроить кочевников в Предкавказье и на Северном Кавказе – савир и болгар. В свете известных исторических событий и военных успехов аваров на обширных территориях от Северного Кавказа до Дуная подобное предположение выглядит весьма сомнительным.

Покорив и включив в состав своих орд многочисленные племена Нижнего Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, входивших в конце IV – первой половины V вв. в гуннский союз, авары распространили свою власть и влияние не только на эти территории, но и на области Дуная и Прикарпатья, вплоть до границ Византийской империи. В 558–568 гг., покорив целый ряд проживавших там племён, авары стали реально угрожать Византии, вынуждая последнюю искать против них союзников среди других кочевников Нижнего Подонья и Северного Кавказа.

Однако кочевые объединения этих территорий в VI в. не могли оказать реальный отпор аварам, которые согласно сообщениям раннесредневекового автора Приска Панийского разгромили на Северном Кавказе в 60-е годы V века мощное объединение савир.

Одним из крупных этнических массивов в Приазовье и на Северном Кавказе в V–VII вв. были болгары, где главенствующее положение занимали два племени: утургуры или утигуры и кутригуры (котраги). У нас нет прямых данных о том, что авары подчинили себе болгар и полностью господствовали на этих территориях, но сообщения византийских авторов, появившихся на страницах византийских хроник², в связи с активизацией авар и болгар, упоминают об освобождении последних от власти авар, в начале – первой четверти VII в., что позволяет предполагать возможность их подчинения аварам, вероятно, ещё во второй половине VI века.

В 50–60-е годы VI в. авары подчинили своему влиянию весь Северный Кавказ и Причерноморье, включая и северо-западные области последнего, где проживали анты и дулебы. Византийский историк VI века Менандр Протектор писал в связи с активной экспансией аваров, что «правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать [их] земли и грабить [их] страну»³. Аналогично вели себя авары и на Северном Кавказе, и в Приазовье, причём отношения аваров даже с их союзниками зачастую имели совершенно недружественный и весьма пренебрежительный характер. Так, в франском источнике VII в. (хронике Фредегара) содержатся уникальные материалы о взаимоотношениях аваров с их союзниками славянами: «Славяне, называемые винидами, шли на войну вместе с аварами, именуемыми гуннами. Авары стояли в лагере, пока славяне сражались с врагом, и вступали в бой, чтобы решить исход сражения»⁴. Несмотря на союзнические отношения, авары грабили своих союзников, находились на их полном иждивении в зимние месяцы, приходя в славянские сёла на зимовку и забирая в наложницы их жён и дочерей.

Чувствуя враждебность отношений к себе местного северокавказского населения, и опасаясь давления Тюркского каганата – самого мощного на тот период объединения кочевников евразийских степей, авары попытались наладить отношения с Византией и искали возможность предложить ей свои услуги в качестве наёмников. Аварские правители сумели завязать дружбу с аланским предводителем Сарозия и через него установили контакты с командующим византийскими войсками в Юго-Западной Грузии Юстином, являвшимся племянником византийского императора Юстиниана. Византия, воевавшая с Сасанидским Ираном за обладание Кавказом, охотно пошла на союз с аварами. В Константинополь прибыло посольство аваров, которое было благосклонно принято императором, щедро одарившего аварского правителя подарками и пообещавшего аварам земли

¹ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 77.

² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 60, 162.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. С. 317.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 367–369.

в Паннонии, правда, уже подаренные Византией лангобардам. Эти земли в Паннонии были захвачены гепидами, освободить которые лангобарды решили с помощью аваров, не представляя с каким коварным союзником, они имеют дело.

В 567 году авары под руководством хана Баяна разгромили германские племена гепидов и захватили Паннонию, которую совершенно не собирались возвращать своим союзникам лангобардам. В 568 году лангобарды вынуждены были уступить Паннонию аварам, а самими им пришлось перебраться в Италию. В Паннонии авары создали свою «державу» – Аварский каганат, распространивший во второй половине VI – начале VII вв. свою власть и влияние на огромную территорию от Северного Кавказа и Приазовья до Среднего Подунавья.

Однако в первой половине VII в., после крушения Западного тюркского каганата, на территории Приазовья и Северного Кавказа возникли два новых мощных объединения – Великая Болгария и Хазарский каганат, которые положили конец господству аваров на Северном Кавказе и Нижнем Подонье.

Экспансия аваров на западе была оставлена Византией в 626 году, когда император Ираклий нанёс аварам и их союзникам славянам тяжёлое поражение под Константинополем¹. Византия, ориентировавшаяся на Тюркский каганат и заключившая с ними союз, окончательно прервала свои отношения с аварями. Реализуя свои союзнические отношения с Византией, тюркский каган лично принял участие в третьем походе императора Ираклия на Кавказ (627–628 гг.). Поход был удачным, и турки сумели захватить Чога (Дербент) и Тбилиси, где им досталась богатая добыча. Встреча императора Ираклия и Тон-ябгу-кагана под стенами Тбилиси была очень торжественна и укрепила союз Византии с Тюркским каганатом, правителю которого Ираклий даже пообещал в жёны свою дочь Евдокию.

Объединение франков и других германских племён под властью Карла Великого (768–814 гг.) и его активная завоевательная политика в Западной Европе, оказались роковым для аваров, и Аварский каганат был уничтожен новой державой франков.

А. А. Кудрявцев
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ДРЕВНИЕ БОЛГАРЫ В ИСТОРИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ V–IX ВВ.

Этноним «болгар», по мнению ряда авторитетных специалистов, «во второй части, несомненно, отражает их первоначальную связь с уграми, а в первой части, очевидно, восходит к тюркскому «булга» (смешивать)², и тогда все слово означает «смешанные угры»³. Угрскую этническую основу в происхождении болгар сегодня принимают все ведущие специалисты, считающие, что «первоначально булгары представляли собой тюркизированных (когда – неясно) угров и были одним из племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана⁴ и вовлеченных на запад в период гуннского нашествия»⁵.

Начавшееся в 70-е годы IV в. н. э. вторжение гуннов, известно как «Великое переселение народов» завершило более чем тысячелетнее господство в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе ираноязычных кочевников и открыло новый этап владычества здесь тюркоязычных этносов.

В прикавказских степях гунны разгромили алан, а в Приазовье были разбиты готы, король которых, Германарих покончил с собой. «Гунны прошли через земли алан, убили и ограбили многих, а с остальными заключили союз и при их содействии с большой уверенностью вторглись в просторные и плодородные владения Германариха»⁶.

К середине V века значительная часть разноэтнического массива, кочевавшего в степях Нижнего Подонья, Предкавказья и Северокавказского Причерноморья и в частности племенное объединение акациров попала под власть сарагуров, оногуров и урогуров.

Появление болгарских племен на исторической арене зафиксировано несколько раньше начала гуннского нашествия (371 г.) и относится к 354 году, что позволяет предполагать вероятность бег-

¹ Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 28.

² Golden P. Khazar Studies. Vol. 1. Budapest, 1980. P. 12-46.

³ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 92.

⁴ Некоторые исследования выводят булгар из Северо-Восточного Ирана, не совсем верно истолковывая топоним «Персия» в отдельных источниках VIII–X вв. (в частности, у Константина Багрянородного).

⁵ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль.... С. 92.

⁶ Иордан. О происхождении и деяниях готы. М., 1960. С. 42.

ства болгар от гуннов, вместе с разгромленными последними племенами и последующее подчинение их гуннам. Упоминание «vulgares» в латинском «Хронографе» (354 г.) в районе Кавказа является самым ранним, но локализация их довольно расплывчатая, как впрочем, и у готского историка Иордана (VI в.), но сопоставляя эти данные с сообщениями о булгарах более поздних источников «здесь вполне закономерно видеть Предкавказье и прилегающие районы»¹.

У Прокопия Кесарийского, являющегося основным источником о событиях в регионе первой половины VI века, в качестве преемников политического господства гуннов на этих территориях выступают болгарские племена утигуров и кутургуров², первые из которых («утигуры») в IV веке известно под этнонимом «оногуры».

Прокопий Кесарийский приводит легенду, согласно которой оба этих древнеболгарских племена, утигуров и кутургуров, имели общие происхождение и восходили к единому прародителю. Первые из них обитали на востоке, вторые на западе от Меотида и р. Танаис (Дон)³.

Ряд авторитетных исследователей считают, что территорией их обитания было Западное Предкавказье («между абасами и аланами»), откуда отдельные племенные группы болгар могли в IV–VI вв. уходить на запад⁴.

Согласно сообщениям известных средневековых авторов Феофана и Никифора именно обширная плодородная область между горами Северного Кавказа и Низовьем Дона называется «Великой Булгарией»⁵.

Сообщая о булгарах, готский историк Иордан помещал их вслед акацирами и писал: «По ту сторону от них (акациров – А. К.), выше Понта, располагаются поселения болгар, ставших широко известными за грехи наши»⁶.

С середины VI в. Византия, почувствовав угрозу своим интересам, в том числе в Причерноморье и Предкавказье, проводит активный курс на разжигание межплеменных противоречий между утигурами (оногурами) и кутригурами (котрагами), что приводит к постоянным военным столкновениям между этими родственными племенами.

Болгарский этнический массив являлся в этот период наиболее крупным в огромном конгломерате прошлых кочевых и местных оседло-земледельческих племен Предкавказья и Нижнего Подонья, очень рано пришедшим на эти территории, но не проявившим себя как военно-политическая и организующая сила до конца V века.

Несмотря на очень близкое сходство двух главных болгарских племен (утургуров или утигуров и кутригуров) в языке, относящемся к западнотюркской группе, в хозяйстве, в одежде, социальном устройстве и образе жизни, между ними были и определенные различия, о чем свидетельствуют археологические материалы и данные письменных источников.

К середине VI века в Восточной Европе усилилось влияние тюркских племен и огромная тюркская империя – Тюркский каганат включал в свою территорию множество этнических объединений, обитавших на бескрайних просторах евразийских степей, в том числе и болгар.

В 630 году, после длительной междоусобной борьбы двух главных тюркских родов, Нушиби и Дуло, Западнотюркский каганат распался, что создало благоприятные условия для усиления и консолидации разноэтничных племен Северного Кавказа. На территории Северо-Восточного Кавказа и Прикаспия шло формирование Хазарского каганата, а в Предкавказье и Нижнем Подонье начался процесс объединения болгарских племен. Во главе его находились два крупнейших болгарских племенных объединения – утигуры и кутригуры, сумевшие подчинить себе более мелкие племена.

К 635 г. болгарскому хану Кубрату удалось подчинить своей власти оба племенных союза (кутригуров и утигуров) и создать мощное кочевое объединение, получившее название Великой Булгарии.

Приход Кубрата к власти и возникновение Великой Булгарии знаменовал собой важный этап в политическом и социально-экономическом развитии болгарских племен Предкавказья и Подонья, но одновременно он отмечал и большие дипломатические успехи Византии, стремившейся обрести в лице болгар надежного союзника в борьбе с Сасанидским Ираном и аварами.

Болгары неоднократно поддерживали Византию в ее военных акциях, получая за свое участие часть добычи и дорогие подарки от императоров.

¹ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 73.

² Прокопий Кесарийский. VIII. IV–V.

³ Прокопий Кесарийский. VIII. V. 23.

⁴ Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 135–136.

⁵ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 60, 162.

⁶ Иордан. О происхождении и деяниях готы. С. 72.

В 619 году Византию посетило болгарское посольство, тепло встреченное императором, который одарил «гуннов» богатыми подарками и возвел их вождя в звание «патрикия».

Между ханом Кубратом и византийским императором Ираклием установились дружеские отношения и автор VII в. Иоанн Никиутский писал: «Кубрат – князь гуннов и племянник Органы – в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой с Ираклием и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и супруге Мартине»¹.

Однако Великая Булгария просуществовала недолго и после смерти хана Кубрата (условно около 642 г.), она распалась на ряд самостоятельных этно-племенных объединений, что облегчило хазарам подчинение болгар.

Феофан Исповедник писал по этому поводу: «Во время Константина Западного умер властитель упомянутой Болгарии и котрагов Кроват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всеми и не попадали в рабство к другому народу»².

В данном источнике названы имена только трех сыновей Кубрата (Батбаян – Батбай, Аспарух и Котраг), а еще два упоминаются просто как сыновья, без имен³. Исторически можно сопоставить только двух сыновей – это Батбай, оставшийся на обжитой территории Предкавказья и нижнего Подонья и ставший данником хазар⁴, а так же Аспарух – ушедший на Балканы⁵ и основавший здесь Дунайскую Болгарию, т. е. современное балканское государство – Болгарию.

Имя «Котраг» является этнонимом, обозначающим болгарское племя «котрагов», родственное оногурам.

Болгары, ушедшие за Дунай, обитали к востоку от Дона и занимали современную Ставропольскую возвышенность. В связи с этим Константин Багрянородный отмечал, что болгары Аспаруха назывались оногурами»⁶.

О. В. Хаванова
(Институт славяноведения РАН)

ШКОЛА КАК ПРОСТРАНСТВО ИНТЕГРАЦИИ ЭЛИТ: ВЫХОДЦЫ С КАРПАТ И БАЛКАН В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ XVIII В.⁷

Великие горные массивы, расположенные по периметру владений Австрийского дома, традиционно играли важную роль в судьбе подвластных Габсбургам народов. С Альпами тесно связана судьба династии. Ее австрийскую ветвь можно по праву назвать «альпийской», поскольку вектором приращения наследственных провинций на западе и юго-западе были именно Альпы. Карпаты на востоке и Балканы на юге со временем стали играть роль «естественных», т. е. созданных самой природой, границ. Лишь одни, особо привлекательные для Габсбургов горы – Пиренеи – династии сохранить не удалось.

Начало XVIII в. оказалось рубежным в истории монархии Габсбургов. Сказался двойной вызов от подписания Сатмарского (1711) и Утрехтского (1713) мирных договоров. Первый стал компромиссным соглашением с мятежной Венгрией и потребовал отказаться от насильственной интеграции королевства в наследственные провинции. Второй – после масштабной европейской Войны за испанское наследство – заставил распрощаться с мечтой о мировом господстве и сосредоточиться на консолидации территорий, расположенных в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Важная роль в создании единого имперского пространства отводилась образованию. Прежде всего, речь шла об элитах, которые контролировали властные институты в землях монархии и имели вес при венском дворе. Для них во владениях Австрийского дома во второй половине XVIII в. создавались

¹ Артамонов М. И. История Хазар. Л., 1962. С. 161.

² Сокровища хана Курбата // Болгария. 1990. №1. С. 61.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00592а «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика».

привилегированные школы, передававшие не только необходимые знания, но и приемы аристократического поведения. В статье рассматривается, какие возможности перед выходцами из отдаленных (в том числе горных) районов открывала политика просвещенного абсолютизма; как влияли на интеграцию элит языковые компетенции отдельных социальных и этно-территориальных групп, каковы оказались итоги этого эксперимента к концу XVIII в.

Рамки статьи не позволяют подробнее остановиться на реформе народного просвещения в монархии Габсбургов. Следует отметить, однако, что именно в ту эпоху власти стали проявлять интерес и заботу об образовании низших слоев населения. Не случайно, именно в последней трети столетия в монархии (в Австро-Чешских наследственных провинциях в 1773 г., в Венгрии – в 1777 г.) было введено всеобщее бесплатное начальное образование.

В первой половине XVIII в. во владениях Австрийского дома не было учебных заведений относящихся к типу «рыцарская академия». Отличительной чертой этих школ было сочетание в учебном плане дисциплин, необходимых на статской и военной службе (различные отрасли права, начала естественных наук, экономики, инженерного дела), с обязательными для социализации в придворной среде танцами, верховой ездой и фехтованием. В 1746 г. с разрешения императрицы Марии Терезии иезуиты открыли в Вене свой дворянский коллегиум, которому было дано имя государыни. Так элиты монархии получили свою школу – Терезианум, которая вскоре и надолго заслужит славу питомника государственных мужей-политиков, военачальников, дипломатов¹.

С 1746 по 1784 г. (когда по распоряжению Иосифа II Терезианум закрыли на 13 лет) в академии обучалось 1128 дворянских юношей не только из владений Австрийского дома, но из Священной Римской империи или северо-итальянских государств². Матрикулы (регистрационные книги) академии до наших дней не дошли. Из случайно сохранившихся немногочисленных буклетов с перечислением всех воспитанников за тот или иной учебный год можно узнать, кто именовал себя «мантуанцем», «тирольцем», «мораванином», «трансильванцем». Например, в 1770 г. во всех классах, на всех уровнях обучались: выходцев из Австрийских земель – 66 (46 %), из Венгрии³ – 20 (14 %), из Италии – 18 (13 %), из Чехии, Моравии и Силезии – 17 (12 %), из Трансильвании – 6 (4 %), из Священной Римской империи – 5 (3 %). К «прочим» можно отнести оставшихся 12 (8 %) воспитанников⁴.

Самой многочисленной группой воспитанников из Карпато-Балканского региона были дворяне из Трансильвании. Эта великое княжество с юридической точки зрения входило в Венгерское королевство, но после освобождения от османов в конце XVII в. управлялось напрямую из Вены. Сопоставление биографических данных позволяет предположить, что с 1746 по 1784 г. «трансильванцами» в Терезиануме были записаны от 30 до 35 молодых дворян. Это – 3 % всех выпускников. В совокупности с выходцами из Венгерского королевства (включая Хорватию-Славонию) они составили уже 15 % всех учеников.

Для подготовки командного состава императорско-королевской армии в 1753 г. в австрийском Винер-Нойштадте была создана Терезианская военная академия. Поначалу она носила статус дворянской, но очень скоро туда стали зачислять и простолюдинов. В духе филантропических императивов эпохи преимущественным правом зачисления в нее пользовались сыновья и сироты офицеров. До сих пор не было проведено анализа этно-национального состава воспитанников, хотя биографический словарь выпускников опубликован в конце XIX в. И. Свободой⁵. Даже беглое знакомство с изданием позволяет заключить, что в военную академию охотно зачисляли юношей с Карпат и Балкан – хорватов и сербов Военной Границы, Баната, Трансильвании. Доля недворян в академии была высока. Впрочем, процент аноблированных в офицерской среде тоже был не мал⁶. Примечательно, что православных не заставляли отказываться от веры, хотя и не держали в штате священника восточно-христианского обряда.

¹ Хаванова О. В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006.

² Gemmell-Flischbach M. Album der k. k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Verzeichnis sämtlicher Angehörigen der k. k. Theresianischen Akademie [...] mit kurzen biographischen Daten. Wien, 1913.

³ В Венгрии раннего Нового времени подданные короля вне зависимости от этнической принадлежности считали себя «венграми» (Hungari), при этом могли быть мадьярами, словаками, немцами, сербами, русинами, валахами и пр.

⁴ Regium Theresianum Collegium Nobilium. Wien: Trattner, 1770.

⁵ Svoboda J. Die Theresianische Militär-Akademie zu Wiener-Neustadt und ihre Zöglinge von der Gründung der Anstalt bis auf unsere Tage. Wien, 1894. 2 Bde.

⁶ Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence, 1683–1797. London, 2003.

Задаче облечения доступа к престижному образованию детей малоимущих, но заслуженных дворянских родителей служили стипендиальные фонды. В Терезиануме два из них имели отношение к юношам с Балкан и Карпат. Первый – Батасекский фонд – был назван так по населенному пункту в Южной Венгрии, где располагалось богатое аббатство св. Михаила Архангела. В 1751 г. его доходы (вместе с несколькими ниже-австрийскими церковными бенефициями) были переданы Терезиануму. Из средств фонда ежегодно выплачивались 10 ученических стипендий, из которых как минимум пять предназначались для дворян из Венгрии. На практике их за редким исключением всегда было меньше половины: искушение принять на стипендию выходца из Австрийских земель, владений Чешской короны или Северной Италии было слишком велико. Из-за отрывочности дошедших до нас данных можно лишь утверждать, что батасекскими стипендиями с 1751 по 1784 г. воспользовался 31 венгерский дворянин.

Другой фонд был призван облегчить финансовое бремя для трансильванской аристократии. К середине XVIII столетия это некогда мятежное княжество, находилось в составе монархии Габсбургов уже около полувека. У власти стояло второе или третье поколение лояльно настроенной элиты, и австрийские власти были заинтересованы в укреплении позиций Вены в княжестве. Католическая церковь не располагала там внушительной собственностью, как Венгрии. Решение нашлось в 1756 г. Тогда директору Терезианума за обучение двух трансильванских аристократов княжество стало ежегодно перечислять 1 200 флоринов из средств казны. Ограничение круга соискателей аристократами – не случайность. Лишь их родителям было под силу обеспечить мальчикам необходимую подготовку в языках и началах наук, чтобы те с пользой провели годы в столичной школе. Всего с 1756 по 1784 г. выплатили 15 таких стипендий, причем 3 – все-таки не аристократам, а мелким дворянам (в том числе сыновьям служивших в Вене чиновников).

Венский двор отдавал себе отчет, что успех экономических и социально-политических преобразований в монархии зависит от того, насколько удастся вовлечь в орбиту своего влияния отдаленные и, как следствие, отсталые провинции и области. Еще в 1751 г. Мария Терезия высказалась в таком духе: «Мое намерение в том, чтобы по большей части собрать здесь [в венском Терезиануме] субъектов, происходящих из Верхней Венгрии, дабы с ранних лет юношество, рожденное в оных краях, впитало бы более здоровые принципы и нравы»¹. Что представляла собой Верхняя Венгрия (*Hungaria Superior*)? Эта область на востоке королевства, где некогда крупнейшими землевладельцами выступали мятежные Ракоци, административно обособилась вследствие необходимости отражать османскую экспансию в XVI в. К середине XVIII в. верхне-венгерский военный округ был давно упразднен, а название закрепилось за территориями по обоим берегам р. Тисы. Дворянские юноши из этих краев, получив качественное и, что немаловажно, бесплатное образование, должны были вернуться домой грамотными и верными подданными.

Реальность оказалась далека от программных заявлений. Этнически и конфессионально пестрое население Карпатского и Балканского регионов имело меньше шансов, чтобы направить сыновей на учебу в престижные школы. Конкуренция велась, по сути, не только между более или менее подготовленными детьми, но и между их более и менее влиятельными семьями. Знатные, богатые, близкие к власти отцы выходили победителями, потому что их вклад в общее благо в заданных правилах игры был куда весомее и, следовательно, получаемое моральное и материальное, денежное или немонетарное вознаграждение – солиднее.

В 1760 г. в Вене созрел новый, весьма оригинальный план относительно венгерского дворянства – в особенности среднепоместного, которое задавало тон в комитатах и выступало глашатаем и защитником сословных свобод, так мешавших реформам просвещенного абсолютизма. В столице была основана венгерская дворянская лейб-гвардия, куда зачисляли дворянских юношей, чтобы те несли караулы в императорском дворце, охраняли особу государя, сопровождали его или ее в поездках по стране, исполняли курьерские функции. В свободное время офицеры изучали иностранные языки, слушали лекции, обучались куртуазным манерам. Через три-пять-семь лет им предстояло выбрать: продолжить карьеру военного или выйти в отставку. Казалось бы, жители из Верхней Венгрии должны были составлять значительную часть контингента, но это анализ биографических данных говорит, что не так. С 1760 по 1790 г. в Вене служило 1 313 гвардейцев, из них только 6 % из верхне-венгерских комитатов, столько же, сколько из Трансильвании, а офицеров, рекрутированных из Хорватии-Славонии – того меньше, 1 %².

¹ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Magyar Királyi Kancellária Regisztratúrája. Originareles referadae A 1. 123/1751.

² Hellebronth K. A magyar testőrségek névkönyve. 1760–1918. Budapest, 1940.

Для воспитания новых поколений грамотных и лояльных чиновников (мелких дворян или разnochинцев) с осени 1763 г. Й. Зонненфельс по поручению венского двора читал в столичном университете курс политико-камеральных наук, где доходчивым языком объяснялись принципы реформ просвещенного абсолютизма. Популярности курсу добавляло то, что власти официально заявили: успешно прослушавшие его будут иметь предпочтение при поступлении на государственную службу. В 1766 г. при Венской придворной казенной палате создали стипендиальный фонд, финансирующий обучение восьми венгров и четырех трансильванцев. Вскоре обучение мелкого и среднего чиновничьего звена в дорогой Вене показалось властям непростительной роскошью. Уже в 1768 г. из восьми стипендий для венгров в Вене оставили только две, а оставшиеся шесть поделили на девять (более скромных) для хорватов в Варажде (совр. Вараждин в Хорватии) и девять для венгров в Надьсомате (совр. Трнава в Словакии). Только трансильванцев оставили в Вене. Не в последнюю очередь потому, что пребывание в княжестве не было учебных заведений, способных послужить базой для преподавания курса, а дворянам из тех краев не мешало – в интересах все той же интеграции – провести два года в столице¹.

Пример венского Терезианума, где совместно обучались выходцы из Венгрии, Моравии, Нижней Австрии, Италии, навел венгерские власти на мысль о создании подобного «плавильного котла» в самом королевстве, где в ходе совместного обучения закладывались бы основы единой венгерской политической элиты в границах державы св. Стефана. В 1767 г. в городе Вац на основе дворянского конвикта был создан первый в Венгрии Терезианский коллегийум, где было предусмотрено 4 стипендии для выходцев из Хорватии и 6 для выходцев из Трансильвании. Спустя десять лет этот опыт был признан настолько удачным, что в 1777 г., когда при переведенном из Надьсомбата в Буду университете была создана Терезианская дворянская академия, в ней также было зарезервировано шесть стипендий для трансильванских дворян.

Результативность обучения во многом зависела от способности воспитанников понимать язык, на котором велось преподавание. От прибывавших в Вену издалека мальчиков ожидали, что те на равных с немецкоязычными сверстниками будут усваивать нормы имперского и естественного права, постигать основы политико-камеральных наук. Здесь, как правило, выяснялось, что многие не в состоянии усвоить материал. Поучителен случай с трансильванцем Иштваном Добокаи, который сначала зарекомендовал себя одним из самых неуспевающих студентов Зонненфельса, был оставлен на второй, и на третий год, но со временем уже усвоил курс лекций настолько хорошо, что пересказывал их суть своим (тоже поначалу плохо подготовленным) землякам на латыни. Возможно, при этом он пользовался переводом, сделанным Адальбертом Баричем. Одним из лучших учеников, когда он был направлен преподавать в Хорватию, то перевел учебник политико-камеральных наук на латинский язык (до наших дней не сохранился)².

Описанная выше система была отменена в 1784 г. по целому ряду причин, не имевших прямого отношения к ее эффективности. Венский двор считал, что дорогостоящие дворянские академии отягощают казну, старомодное сословное воспитание не соответствует целям и задачам подготовки современного бюрократического аппарата. Оценивая полувековой опыт амальгамации провинциальных элит, необходимо, во-первых, признать ее постепенную все более совершенную диверсификацию. К концу 1770-х годов разные страты господствующего класса, населения, региональные элиты получили свои ниши, квоты, «протоптали» свои «тропинки» в пространстве социальной мобильности. Во-вторых, будущие государственные мужи и скромные чиновники центральных или местных ведомств – каждый в предназначенных для них школах – получали возможность встречаться, знакомиться, совместно обучаться со сверстниками из других частей монархии. В-третьих, у вовлеченных в процесс образования увеличивалось число языков, на которых они говорили, читали, общались. Это было характерно как для средств официальной коммуникации – немецкого и латыни, так и для языков монархии, и языков Европейского континента (французского, итальянского, английского). Так молодые люди учились воспринимать себя как часть целого, будь то придворное общество, профессиональные корпорации, находившиеся в процессе формирования современные нации или наднациональная общность подданных австрийского императора.

¹ Хаванова О. В. Йозеф Зонненфельс и «генеалогия» его студентов: к вопросу о формировании бюрократии в монархии Габсбургов XVIII века // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005). Сборник статей / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 79–98.

² Хаванова О. В. Адальберт Барич: от студента в Вене до профессора в Загребе // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 434–446.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Изучение темы идентичности в контексте истории Северного Кавказа, традиционно отличающегося культурным многообразием, актуализируется спорами относительно влияния России на развитие народов региона. Научное решение проблемы требует сбалансированного подхода, без разного рода крайностей, что особенно значимо в условиях современной глобализации мира, перипетий международной политики, когда прошлое становится ареной столкновений при решении вопросов современности. Сложность процесса вхождения Кавказа в состав России породили эти дискуссии, в которых часто присутствуют крайности понимания роли России в жизни северокавказских народов.

Любопытный пример полярности взглядов, правда, не из современности, являет нам исследование кавказоведа И. Л. Бабич, в котором автор обращается к проблеме представителей Северного Кавказа в европейской эмиграции после 1917 года¹. Статья интересна тем, что исследовательница приводит диаметрально противоположные позиции кавказцев, живущих в эмиграции, в отношении России и собственной идентичности. Многие кавказцы, независимо от этнической принадлежности консолидировались, находясь вдали от Кавказа и всей России, полагали, что существует «северокавказская нация». Идеалом политического устройства в таком случае становился кантональный принцип устройства Швейцарии². В дебатах о «северокавказской нации» одни отмечали, что таковая если не существует, то её формирование возможно при условии проживания в составе России. Так осетин М. Н. Абациев отмечал, что солидарность народов Северного Кавказа стала возможной только с приходом русских, и что оснований для создания независимого кавказского государства не существует, возможность консолидации представлялась только в составе российской государственности. И часто такие позиции подвергались жесткой критике и объяснялись пагубным влиянием русской культуры³.

Существенным аспектом актуализации стали исследования зарубежных ученых, в которых применительно к политике России на Северном Кавказе используются такой термин как «насильственная ассимиляция»⁴. Часто сам факт использование подобной терминологии небесспорен. В этой связи продуктивно обращение непосредственно к источникам, позволяющим понять, как идентифицировали себя и определяли свое место отдельные представители народов Северного Кавказа.

Проблема идентичности как объект изучения имеет полидисциплинарную природу, что объясняется сложностью явления. В этой связи её изучение в контексте социологии, психологии, истории, культурологии и т. д. вполне логично и дает комплексное представление о различных сторонах и уровнях явления. Одним из продуктивных подходов к изучению различных аспектов идентичности и самоидентификации представляется междисциплинарный подход.

Ярчайшим примером такого междисциплинарного взаимодействия стала психоистория. Основоположником психоистории, как самостоятельной дисциплины, стал Эрик Эриксон⁵, который вплотную исследовал феномен идентичности в различных его проявлениях. Э. Эриксон, являясь представителем психоанализа, писал о том что, «люди, относящиеся к одной этнической группе, являющиеся современниками одной исторической эпохи и взаимодействующие в сфере экономики, имеют и общие представления о добре и зле. В бесконечном разнообразии этих представлений отражается трудноуловимая природа культурных различий и исторических перемен; преобразуясь

¹ Бабич И. Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы: мифы или реальность. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-85803-450-6/978-5-85803-450-6_11.pdf. Дата обращения: 13.06.2014.

² Там же. С.378.

³ Там же. С.380.

⁴ The Mid-Nineteenth Century Genocidal «Pacification» of the Circassia in the Russian Caucasus [Электронный ресурс] URL: <http://www.ncas.rutgers.edu/center-study-genocide-conflict-resolution-and-human-rights/mid-nineteenth-century-genocidal-pacifica> (Дата обращения: 14.06.2014), «зачистка» («cleansing») (Kreiten I. A colonial experiment in leaning: the Russian conquest of Western Caucasus, 1856–65 // Journal of Genocide Research [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14623520903118953>. Дата обращения: 14.06.2014.

⁵ Кирчанов М. В. Психоистория: история и основные направления исследовательской деятельности. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1523&binn_rubrik_pl_articles=112. Дата обращения: 13.06.14.

в социальные модели данной эпохи, они приобретают окончательную конкретность в борьбе каждого индивида за целостность «эго» - и в неудачах, которые терпят в этой борьбе наши пациенты»¹. В рамках изучения Другим важным свойством, которое обуславливало сложность феномена, по мнению Э. Эриксона, является способность к трансформации: «Ведь идентичность – это не то, что «создается» в результате «победы», это не доспехи, не нечто статичное и неизменное»².

Адаптация приемов психоистории и методов исследования Э. Эриксона позволяют на другом уровне и в другой проекции посмотреть на российско-кавказскую проблематику. Для анализа возьмем дневник горского гимназиста, опубликованный в 1873 году³.

Текст интересен с точки зрения столкновения не только различных социокультурных пространств, но и представителей поколений с разной самоидентификацией. Автор дневника по желанию родителей получил русское образование, сделал он это по желанию отца, но вопреки сложившимся обычаям. Происхождения он был благородного, в тексте отмечено, что дед был узденем, «который был во время покорения Дагестана старшиною и предводителем своей общины».

Возвращаясь к Э. Эриксону, следует отметить, что в данном контексте целесообразно исследовать «эго-идентичность» гимназиста, под которой известный психолог понимает следующее: «это осознание того, что синтезирование «эго» обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении»⁴. Следовательно, процесс самоидентификации протекает через соотнесение себя с окружением, поэтому и результаты будут зависеть от среды. Гимназисту, существуя в двух пространственно-временных протяженностях, приходилось соотносить себя с разным окружением, что приводило к своеобразию и «эго-идентичности».

Амиров Г.-М., автор дневника, описал детально своё перемещение из одной среды – русской гимназии, в другую – горский аул. Конфликтность сознания и взаимодействие двух уровней самоидентификации автора, безусловно, присутствуют. 11–20 лет, согласно Э. Эриксону, это стадия ключевая для приобретения чувства идентичности. Именно в этот промежуток Амиров Г.-М. оказался вовлечен в другое социокультурное пространство. Один уровень самоидентификации связан с его родной средой, он идентифицировал себя как горец. Не без гордости он описывал традиции и уклад жизни односельчан, рассказывал о благородном происхождении отца, который был «сыном очень уважаемого и известного среди горцев узденя»⁵. Отношение к русским, описываемое в дневнике, враждебное. Г.-М. Амиров неоднократно подчеркивает это в описаниях быта и нравов аульцев. У Э. Эриксона есть понятие «коллективное «эго»-пространство-время», которое включает в себя определенные географические и пространственные представления⁶. Находясь в ауле гимназист оказывался включенным в это пространство с определенным коллективным «эго»: «Впрочем – «в семье не без урода», – есть между горцами, даже между женщинами, и такие, которые отправляются в русские поселения, имеют там сделки с русскими и дружат с ними. Но подобные случаи редки». И тут спешит уточнить, что речь идет о горцах, которые живут в глубине гор, вдали от русских⁷. Еще один важный момент, который непосредственно связан с проблемой идентичности – это понятие «родина». У горцев это понятие, как следует из дневника, строго локализовано. «Всякому также известно, что горец сильно привязан к родине, подразумевая под этою родиной его родной аул, с его жителями»⁸.

Примечательна рефлексия автора, которая уже выглядит как взгляд со стороны. Это касается вопроса горского патриотизма. Амиров Г.-М. видит в отношении к родному аулу не сознательный патриотизм, а бессознательную привязанность. В этой связи окружающие были поражены его признанием об отсутствии тоски по родине во время учебы⁹.

Второй слой (уровень) самоидентификации выражен в сравнениях с европейским укладом: «Тут другого рода визиты, соответствующие европейским. В них участвуют и женщины». Употребление

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 32.

² Там же. С. 31.

³ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста)// Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис, 1873.

⁴ Эриксон Э. Указ. соч. С. 58.

⁵ Там же. С.3.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Амиров Г.-М. Указ. соч. С. 12.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же.

выражение наподобие «а la Адам и Ева», тоже выдают в гимназисте налет европейской образованности, которую он демонстрирует читателю. Явно демонстрируется причастность к русской культуре. Так, посещая односельчанина старика Алиших-Аци, он обязательно брал с собой книгу «Басен Крылова». Старик, в свою очередь, послушав басни, тоже полюбил их, но при этом они держали в секрете прочтение произведений русского автора. Вот как сам об этом пишет автор: «Он полюбил эти басни, заставлял меня переводить их, а потом в «кумае» рассказывал другим, причем выставлял их собственными произведениями. Мне строго было приказано с его стороны сохранять молчание, что я – разумеется – в точности исполнял»¹.

Неоднозначность самоидентификации в период пребывания в ауле иллюстрируется примерами реакции на его причастность к русским. «Не смотря на то, что я был одет чисто по-горски, не смотря на то, что я скрывал все привычки, который прибрел в России, и старался заводить речи чисто в горском духе, не смотря на то, что я аккуратно посещал мечеть и старался разговаривать в религиозном духе с муллою, не смотря, наконец, на то, что все мое внимание было поглощено желанием понравиться своим землякам, – однако я не мог достичь этого желания. Мужчины, хотя и приходят ко мне часто, но обращаются со мною холодно-вежливо, и в глазах их можно читать какое-то полу-презрение, полусожаление»². Очевидно, восприятие резко негативное и настороженное, но при этом интересна рефлексия самого молодого человека вступившего в затяжную полосу «кризиса идентичности», так как он сам уже плохо вписывался в коллективное «эго»-пространство-время аульцев. Сохраняя признаки старой идентичности, будучи верен им, черты пребывания среди русских он вынужден был всячески скрывать.

В основе идентичности жителей описываемого аула лежало историческое прошлое, и сопротивление настоящему, причем пассивное, было одной из жизненных целей. Самым ярким и значимым моментом в настоящем была Российская империя. И в этом контексте уместно поговорить об имагологической составляющей проблемы. Россия и русские мыслились в рамках концепта «свой-другой-чужой». Безусловно, для Амирова Г.-М. Россия была однозначно «другой», но никак не «чужой». Конструирование образа России значимо, так как относительно него выстраивалась и коллективная идентичность. Те образы России и стереотипы о ней в сознании, которые существовали, носили мифический или полумифический характер, что порождалось ограниченным представлением о России. Вот такая курьезная и довольно симптоматичная ситуация возникла в семье автора дневника: «Горцы думают до сих пор, что русские поклоняются идолам. Под этими идолами они подразумевают, образа. Поэтому, многие горцы всякую картину считают идолом русских. Рассматривая мои вещи, как я сегодня у знал, мать моя увидела фотографические карточки и сильно испугалась. Она подумала, что не поклоняюсь ли я им и не обожаю ли их»³.

Отрицание всего русского, а также вслед за ним и европейского, то есть «чужого», не было абсолютным. Осторожность присутствовала, но изолированность была бы опасна для горцев и даже невозможна. Выражением двойственности самоопределения и коллективной идентичности, которые соизмерялись относительно России, становилось или смирение с нововведениями, или отъезд в Турцию. «Ни одно чувство у горца не развито так сильно, как любовь к свободе. Как понимается эта свобода – это другой вопрос. И единственно этою любовью к свободе объясняется замечательная в горце неприязнь ко всему «русскому», т. е. европейскому»⁴.

Таким образом, обращение к отдельным источникам с использованием приемов интеллектуальной истории, психоистории, исторической имагологии позволяет избежать крайностей в оценках процессов самоидентификации народов Северного Кавказа и отдельных представителей. Кроме того, целесообразно рассматривать проблемы идентичности в контексте концепта «свой-чужой-другой», так как идентичность – это, как правило, соотнесение себя с окружающим миром. Анализ дневника гимназиста показал многослойность самоидентификации автора, основанную на существовании автора в разных хронотопах. И его качественные признаки формировали новую личность, отличную от других представителей горского социума.

¹ Амиров Г.-М. Указ. соч. С. 57.

² Там же.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО РАДИКАЛИЗМА В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ XIX ВЕКА

В XIX в. Российская империя представляла собой крупное многонациональное государство, объединявшее народы со значительными социально-экономическими, культурными и конфессиональными отличиями. Данное положение определяло дифференцированный подход российских властей к интеграции различных территорий и народов, их населяющих, в состав империи. Длительный и противоречивый процесс вхождения северокавказского региона в состав России сопровождали различные по характеру и последствиям события.

Ведущим обстоятельством русско-северокавказских заимствований первой половины XIX в. было сложение, на горской основе, материальной культуры северокавказского казачества с максимально широким усвоением всего комплекса местного вещного мира. Большее развитие этот процесс получил во второй половине XIX в., когда русские села и станицы возникли в непосредственной близости к горским аулам.

Известна знаменитая формула В. А. Потто, что казаки, не довольствуясь заимствованием одежды и других предметов быта, «постарались усвоить себе горские наречия, обычаи и многие черты характера и домашнего быта»¹. Один из современников отмечал, что «...наурцы говорят на великорусском наречии; язык этот употребляется ими и во взаимных сношениях между собой и при сношениях с другими народностями. Зная чужой язык наурец всегда видоизменит при разговоре с туземцем язык русский, и только в крайнем случае употребляет туземный»².

Если обозначить общие принципы русско-северокавказских заимствований первой половины XIX в., то можно говорить о том, что их условием было участие славянского населения в процессах эволюции местной культуры, притом, что переселенцам требовалась адаптация к новым природным условиям. Часть заимствований прошла через взаимоотношения двух национальных сфер военной элиты, горской аристократии и российского офицерства.

В области земледельческой культуры у горцев произошло усвоение ряда новых злаков и овощных культур. Усваивались косы, русские серпы и различные усовершенствованные орудия труда. Заведение в регионе как паровых мельниц, равно облегчающих труд по уборке хлебов молотилок, веялок и тому подобных земледельческих орудий, послужило величайшею пользой не только для хозяйства горца, но и для полевого хозяйства казачьих станиц. Все эти усовершенствованные орудия труда, сокращая время труда, облегчая его, улучшали обработку земли³.

Под влиянием передовых методов обработки полей, заимствованных у славянских земледельцев, происходят заметные изменения в хозяйствах горцев. Один из современников писал, что в Грозненском округе земледельческое хозяйство у чеченцев увеличивается, «...они стали много засеивать кукурузы, пользуясь сильной производительностью этого сорта хлеба». Кроме того, «...посев пшеницы у чеченцев также с каждым годом и увеличивается»⁴. «Земледелие процветает, – пишет в 1888 г. Г. Н. Казбек, – и появляются все признаки, доказывающие, что горцы способны воспринять плоды цивилизации»⁵.

Например, к концу войны славянское население начинает широко выращивать кукурузу. В этом оно могло опереться на опыт равнинных чеченцев, ингушей, осетин и кумыков, которые издавна обеспечивали кукурузой не только своих соплеменников. Большой популярностью пользовалась кукуруза у русского населения Северного Кавказа, она шла на корм скоту, птице, из нее муки пекли хлеб. Кукуруза в зернах употребляется и для корма лошадей на Северном Кавказе, часто по недостатку овса заменяя его⁶. С помощью посевов кукурузы поля очищались от сорняков, так как во время мотыжной обработки почвы уничтожались все сорняки. Принятие кукурузы привело к появлению

¹ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885. Т. 1. Вып. 1. С. 101.

² Цит. по Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX вв. Грозный, 1981. С. 120.

³ ЦГА РСО-А Ф.12. Оп.6. Д.1292. Л.15.

⁴ Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С.15.

⁵ Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области. Ч. 1. Тифлис, 1888. С. 120.

⁶ ЦГА РСО-А Ф.12. Оп.6. Д.1292. Л.16.

на усадьбе казачьего дома плетеных хранилищ на столбах, типичных для горской усадьбы. Распространение кукурузы сказалось не только на сложении типа земледелия и питания у казаков, но и повлияло на формирование планировки усадьбы.

После завершения Кавказской войны горское мужское население переживало смену жизненного уклада – переходное состояние. Бывший бесстрашный воин и лихой наездник постепенно превращался в земледельца и скотовода. Один из наблюдательных осетин на страницах «Сборника о кавказских горцах» в 1876 г. поделился своими взглядами на прошлое и настоящее горца. Его высказывания настолько интересны, что мы позволим себе остановиться на них более подробно. «Как посмотришь теперь да сравнишь характер современного горца, – писал он, – и горца недавнего прошлого времени, когда, еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодною, расчетливою, смотрящею на жизнь с более положительной точки зрения».

В своей статье он приводит слова молодого зажиточного горца: «теперь, брат, времена настали другие; прежде, бывало, нам доставалось все почти даром и мы могли, не опасаясь голода и холода, разъезжать ради душевной улады куда нам угодно... теперь подумать некогда о праздных разъездах, иначе семья помрет с голоду... позабыв дедовское презрение к черному труду, я взялся за этот труд. Построил я себе дом на русский лад, как тебе известно, и обзавоюсь самыми необходимыми вещами домашнего обихода».

В заключение молодой горец сказал: «Пора, пора оставить дурачиться и разъезжать по аулам бесцельно; пора приняться за работу... Если я еще ношу кинжал, то единственно с целью не обижать своих родственников, а не уважай я их репутацию, я не только скинул бы с себя это лишнее украшение, потерявшее свое значение, но даже снял бы с себя черкеску и надел бы русское платье, которое нахожу теперь гораздо более удобным»¹.

Высказывания осетина-автора и молодого горца показывают глубокую ломку старых порядков и становление нового, прогрессивного, под влиянием славянского населения, так как автор статьи пишет не только об осетинах, а обо всех коренных жителях Северного Кавказа.

По мере укрепления хозяйственных связей местных жителей с окрестным русским населением, «равномерно и русский язык делался необходимым»². Со второй половины XIX в. на всей территории Северном Кавказе, за исключением некоторых районов Дагестана, распространяется русский язык, вытесняя употреблявшийся до этого в качестве основного средства общения тюркский «татарский» язык. По свидетельству современников, кабардинец с чеченцем, осетин с кабардинцем объяснялись теперь обычно по-русски, причем в большей мере русским владели осетины и ингуши³.

Осетинский учитель второй половины XIX в. А. Цаллагов в 90-х гг. писал об осетинах, что «...при взаимном сношении употребляется большей частью русский язык, который значительно распространен в народе»⁴. После окончания Кавказской войны стали происходить изменения в коренном языке, который стал обогащаться русскими словами. В это время право гражданства в осетинском языке получили такие русские слова, как пец (печь), брицкае (бричка), самавар (самовар), к'ялос (галоши), спичкае (спички), ст'ол (стол), цай (чай), бедра (ведро), боцк'я (бочка), сардзин (сажень), дистин (десятина), к'ъруска (кружка) и др.⁵

Социально-экономические изменения происшедшие в жизни горцев, а также укрепление их связей с соседним славянским населением, привели к определенным изменениям в их материальной культуре. В 60-х XIX в. местная администрация провела укрупнение селений в целях облегчения надзора. Связанное с этим переселение многих горцев на новые места, а как следствие, возведение новых жилищ и других построек, придавало новые черты облику горских аулов. Обеспеченные горцы, нанимая для постройки славянских мастеров, строили дома нового типа из тесаного камня, кирпича, дерева или самана с железными или черепичными крышами. В отдельных помещениях домов делались деревянные полы, складывались каменные печи⁶.

Под влияние русского населения у горцев в домах старого типа, сделанных из плетня или из самана, стали выкладываться фундаменты из булыжника на глиняном растворе с засыпкой землей.

¹ Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Тифлис, 1876. С. 108–109.

² Ученые записки КБНИИ. Т. XIII. Нальчик, 1957. С. 414.

³ Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Советская этнография. № 1. 1967. С. 30.

⁴ Цит. по Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. С. 80.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. Нальчик, 1965. С. 471.

Традиционный навес вдоль дома, обращенный во двор, с появлением фундамента превратился в открытую галерею. В более богатых домах на галереях появлялись балюстрады, верхняя часть подпорных столбов и карнизов украшались пропиленной резьбой, иногда вход в галерею оформлялся в виде крылечка. На галерею выходили двери и окна, часто снабженные ставнями и наличниками, украшенными резьбой¹.

Появляются дома с нарушением изолированности помещений. В горской крестьянской среде заимствуется дом из трех комнат, в котором средняя комната является проходной. Для ее обозначения используется русское слово «сени». В среде элиты, а со временем и в народе большое пространство получили дома южнорусского типа планировки – «крестовики», квадратные в плане, с двухрядным расположением комнат. Изучая взаимосвязь осетинского народа с русским, Тотоев М. С. отмечал, что у осетин под влиянием русских стал меняться тип жилищ «...осетины стали строить дома со светлыми окнами, с черепичной крышей, а внутри обставлять их койками вместо нар. Внутри жилых строений стала устанавливаться печь по образцу русской, которая скоро вытеснит средний очаг и пристенный камин»².

По справедливому мнению В. А. Дмитриева «...все изменения в планировке жилища горцев следует рассматривать в контексте распада большесемейной организации, выделения малой семьи, хозяйственного и символического обособления внутрисемейных групп»³. Восточнославянское влияние сказалось на появлении новых для традиционного жилища элементов – фундамента, пола из досок, потолка, больших застекленных окон.

Безусловно, под влиянием русского и украинского населения изменилось и внутреннее убранство жилищ. В богатых горских домах появляется европейская мебель – столы, стулья, металлические кровати, шкафы, комоды, зеркала. На окнах стали вешать занавеси и портьеры из фабричных тканей, столы накрывать скатертью, пользоваться постельным бельем. Появляются у зажиточных металлическая и фарфоровая посуда, швейные машины, намного реже – граммофоны и пианино. Однако, в крестьянском быту, как отмечал один из авторов «Терского сборника», по-прежнему широкое применение имела чеченская глиняная посуда, которая предпочиталась русской, так как горцы, не стесняемые в топливе, могли хорошо обжигать ее⁴.

Один из участников Кавказской войны, знавший горцев до их присоединения к России и посетивший Чечню в 1886 г., писал: «Мне, как участнику прошлой Кавказской войны и видевшему ныне места посещенного Кавказа, приятно было видеть вместо старых плетневых чеченских хуторов благоустроенные, обширные аулы с правильными улицами, чистенькими, нередко каменными, постройками, садами и даже виноградниками и табачными плантациями»⁵.

Несмотря на все вышеизложенное нельзя преувеличивать рост уровня материальной культуры среди горцев и населения. Внешний вид станиц и аулов, находившихся вдали от городов и железных дорог, даже к концу XIX в. практически не изменился. В сакле, стоявшей рядом с русской избой, где казак жил зимой и летом вместе со своей семьей, «большинство членов ее здесь и сидят-то, по-чеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, и из мебели в ходу чаще горская треногая скамеечка, нежели стул или русская скамья»⁶.

К концу XIX в., когда прямое значение оружия по окончании Кавказской войны падает, особо проявляется его экстра-утилитарная функция – быть специфическим ценным даром. Движение дара, как и утратившее свое прежнее значение – присвоение трофея, очевидно, были для кавказского оружия основными условиями заимствования русскими на Северном Кавказе. Завершением процесса заимствования оружия было то, что с 1881 г. шашка определяется как штатное оружие русского офицера⁷.

В итоге, как мужской костюм северокавказского типа, так и набор кавказского оружия, можно признать предметами, формирующими своего рода культ мужественности. Именно в таком кон-

¹ История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. Нальчик, 1965. С. 470–471.

² Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. С. 41.

³ Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 65.

⁴ Терский сборник / Под ред. Г.А. Вертепова. Вып. 3. Кн 2. Владикавказ, 1893. С. 91.

⁵ Цит. по кн.: Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области. Ч. 2. Тифлис, 1888. С. 10.

⁶ Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1884. С. 234.

⁷ Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 63.

тексте они воспринимались после окончания Кавказской войны. Свидетельством этого могут служить подарки от народов Северного Кавказа императору Александру III и его семье в 1888 г.: все мужчины получили оружия, ножи, бурки и башлыки; башлык в подарок получила и императрица Мария Федоровна. Данный «мужской» предмет подарен ей вследствие исключительно ее высокого социального ранга¹.

Процесс интеграции восточнославянской культуры привел к изменениям традиционной горской одежды. «Последствия сближения с русскими, – писал в 1859 г. современник С. О. Иванов, – были очевидны, на мужчинах реже встречались лохмотья, у многих женщин завелись канаусовые бешметы, на детях стали появляться рубашки и чуваки вместо прежнего их природного костюма и старой папахи с отцовской головы»².

Горянки постепенно отказывались от своей традиционной одежды. В богатых семьях женщины, пишет Б. А. Калоев, «...носили башмаки и туфли городского и местного производства, а также галоши»³. Вообще в богатых семьях одежда женщины отличалась роскошью и изысканностью. Она изготовлялась из дорогостоящих тканей, обшивалась золотыми или серебряными галунами. Излюбленными украшениями были серебряные пояса, серьги, браслеты.

Наряду с русскими, у казаков и славянского населения были в ходу горские музыкальные инструменты: зурна, свирель, горская двухструнная балалайка и даже барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, на гармонике – обычно казачки, как и у чеченцев. «В 80–90-е гг. XIX в., – пишет Б. А. Калоев, – значительное распространение у плоскостных чеченцев получили русские гармоники. На гармониках, как правило, играли женщины, но есть мужчины гармонисты, а на местных же музыкальных инструментах почти исключительно играют мужчины. Танцевальная музыка исполняется обычно на гармониках, а наиболее популярный кавказский танец – парная лезгинка»⁴.

Из воспоминаний современника В. Геймана по поводу исполнения данного танца отмечалось, что «...чеченцы совершенно дружелюбно с нами разговаривали. Я заметил: как же они танцуют лезгинку без выстрела из пистолета. Тотчас появился пистолет: танцевал чеченец лет сорока и когда надо было выстрелить, то не только он отвернулся, но даже после выстрела вздрогнул, что заметно было и в большинстве окружающих. Я подумал, что это уже не те грозные ичкерийцы. Их прежде выстрел одушевлял и приемы с оружием были другие»⁵.

Мирный и дружественный характер взаимоотношений горцев и славянского населения отчасти проявлялся в системе авазгонаг – отдаче осетинскими крестьянами своих детей в русские станицы, большей частью, знакомым казакам, для того, чтобы они там научились разговорному русскому языку. Современники отмечали, что «...изучение русского языка и грамоты горцы считают делом, безусловно, необходимым, и для осуществления его они не останавливаются ни перед какими жертвами ... рассчитывая при этом на то, что дети их, живя два, три года среди русских, незаметно усвоят их речь и грамоту. Горцы, как народ сообразительный и при этом с умом практическим, видят хорошо на примере осетин, насколько важно в деле умственного развития знание языка культурного соседа»⁶.

Альпинист А.П. Пастухов, в 1889 г. совершив восхождение на гору Казбек вместе с местным осетинским проводником Т. Цараховым, на обратном пути нес с собой железный прут с куском кумача. Это был флаг, на месте которого он водрузил свой флаг, Пастухов вручил его хозяину – Тулатову, но последний отказался его взять, торжественно передал его русскому альпинисту, в знак закрепления между ними дружбы⁷.

Вторая половина XIX в. время усиленного воздействия восточнославянской крестьянской культуры на культуру населения Северного Кавказа. Предпосылками воздействия была колонизация региона во всех ее аспектах, слом традиционной системы расселения коренных этносов, изменение их социальной структуры вследствие реформ 60–70-х гг. XIX в., уход антирусски настроенных горцев за пределы Кавказа, увеличение масштабов переселенческого движения и т. д. Сопутствующим фактором были также начавшиеся с упрочнением российского господства процессы модернизации быта и ослабления установок традиционного сознания⁸.

¹ Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 63.

² Иванов С. О. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. Т. VII. СПб., 1859. С. 259–260.

³ Народы Кавказа. Т. I. М., 1960. С. 363.

⁴ Калоев Б. А. Чеченцы // Народы Кавказа. Т. I. М., 1960. С. 48.

⁵ Кавказский сборник. Т. III. Тифлис, 1879. С. 375.

⁶ Шанаев Г. Кое-что о горцах. Тифлис, 1886. С. 6.

⁷ Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. С. 41.

⁸ Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 64.

Современная политическая практика, с учетом изменившихся исторических условий, свидетельствует, что в рассматриваемом регионе приходится решать задачи, во многом схожие с теми, которые составляли предмет особых забот Российского государства в XIX столетии. Не обращать внимание на исторический опыт организации государственной власти на территории, отягощенной последствиями военного конфликта, не пытаться выяснить, каковы были механизмы объединения народов, не учитывать, какие средства приносили наибольший результат с точки зрения поддержания политической стабильности на Северном Кавказе после завершения Кавказской войны, неблагоразумно.

А. И. Кругов, М. В. Нечитайлов
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ПОЛЯКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX в.

Первую волну массовой польской миграции на Кавказ составили около 10 тыс. польско-литовских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе войны с императором Наполеоном (1812–1814 гг.). Большинство пленных затем вернулось на родину, но часть их осталась на Кавказе, приняв российское подданство¹. К середине 1820-х гг., отмечал ветеран Кавказского корпуса, «поляков тогда у нас служило мало и то офицерами»². Однако, после «усмирения польского мятежа в 1831 году остатки... польских войск были сосланы в отдельный Кавказский корпус и по его полкам распределены»³. Французский консул в Тифлисе (1840 г.) считал, что в Кавказском корпусе (160 тыс. чел.) находится 25–30 тыс. чел. поляков⁴. Впрочем, эта цифра преувеличена, а подавляющее число солдат польского происхождения угодило на Кавказ не в наказание, а просто призвано в качестве рекрутов: в 1834 г. рекрутская повинность была распространена на Царство Польское. Всего только за 1835–1846 гг. в ОКК было мобилизовано 14430 поляков⁵.

Поляки причислялись как к регулярным частям (наиболее обстоятельно изучен этот вопрос применительно к формированиям Черноморской береговой линии, благодаря краснодарским исследователям), так и к казачьим полкам. Так, в ноябре 1833 г. новочеркасский полицмейстер «нижних чинов бывшей Польской армии Шимон Цылельский, Антон Расподельский, Антон Свербило, Иаков Гваздицкий, прибывших сюда в город Новочеркасск из Киева... следующих в Кавказские линейные казачьи полки я вместе с сим отправил их посредством Внутренней стражи с кормовыми их деньгами до города Ставрополя и... прошу Ставропольское городовое управление чинов сих по принятии их в Ставрополе представить к командующему войсками на Кавказской линии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову и мне о том доложить»⁶. В большинстве случаев это были люди бедные, «без всяких посторонних средств к существованию». Однако Кавказ был регионом, где продвижение по службе происходило быстрее всего, а следовательно, и быстрее всего появлялась возможность отставки и возвращения на родину. Разумеется, «на каждом шагу» полякам приходилось рисковать жизнью (в бою или из-за климата), но подобными опасностями «бывает окружен всякий на Кавказе»⁷, от генерала до солдата.

Согласно некоторым версиям, общее количество ссыльных доходило до 10–20 тыс. чел.⁸ Эта цифра, однако, значительно завышена (участников восстания 1830–1831 гг. среди поляков было всего 1865 чел.) и некритично преувеличивает масштабы «карательной» политики российских властей.

¹ Кругов А. И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII – начало XXI в.). М., 2006. С. 77; Кругов А. И., Нечитайлов М. В. Военнопленные поляки армии Наполеона на Северном Кавказе (1812–1824 гг.) // Российско-польский альманах. Вып. 1. Ставрополь; Волгоград; Пятигорск, 2006. С. 81–96; Поляки на Кавказе в 1814–1854 годах: документы / Вступ. ст. и публ. М. В. Нечитайлова // Российско-польский исторический альманах. Вып. 2. Ставрополь; Волгоград, 2007. С. 268 сл.; Скворцов-Кавказский А. Пленные из армий Наполеона на Северном Кавказе // Ставрополье. 1991. № 4. С. 91–100; Krugov A. I., Nieczitailow M. W. Polacy na Kaukazie Polnocnym // Wiadomosci Historyczne. 2006. № 1. S. 4.

² Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 21.

³ Колесникова М. Е. Ставропольские краеведы: Биобиблиографические очерки. Ставрополь, 2004. С. 26.

⁴ Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa, 1934. S. 31–32.

⁵ Матвеев О. В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века // Славяноведение. 2009. № 6. С. 64–65.

⁶ ГАСК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3395. Л. 1.

⁷ Цит. по: Кравченко В. Н. Шипы для изгнанников. Ставрополь, 2003. С. 130.

⁸ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 75.

По мнению польских исследователей, русское правительство преследовало две цели: поляки воевали в составе русской армии, а не против нее, а во время очередного мятежа польские солдаты, находясь далеко от родины, не имели бы возможности присоединиться к повстанцам в Польше¹. Понятно, что далеко не все нижние чины российской армии польского происхождения (реже – офицеры) горели особым желанием сражаться за Империю. Невзирая на угрозу расстрела, некоторые из них, не желая погибать за чуждые им интересы, искали удобного случая для того, чтобы сбежать². Особенно ярко это проявилось в годы Восточной войны, когда в Крыму «польские дезертиры превосходили русских в соотношении более чем 2:1», и «их показания считались более надежными, чем полученные от русских»³. Однако, масштабы польского дезертирства и, тем более, перехода на сторону противника на Кавказе были не столь велики, как иногда считали современники, основываясь на неподтвержденных слухах⁴. Некоторые историки создали романтическую легенду массового дезертирства поляков на сторону горцев и их борьбы в отрядах мусульман (у Шамиля и на Черноморском побережье). Действительность оказалась несколько иной. Безусловно, часть польских военнослужащих (как, впрочем, и русских) перебежала на сторону горцев. Причиной тому были служебная халатность или иные проступки, недовольство тяжелыми условиями службы в гарнизоне. Бывали случаи, когда горцы выдавали дезертиров обратно, но чаще всего беглецы оказывались на невольничьих рынках. Там их просто продавали в рабство те самые горцы, к которым они наивно стремились⁵. «На берегу моря, как говорили мне убыхи, – отмечал Ф. Ф. Торнау (1838 г.), – проживает много беглых поляков, которых число увеличилось до того, что хозяева их, продавая, не ценят более, как в одну лошадь, а иногда за доброго коня не отказываются заплатить двумя поляками. Продают поляков и в Турцию, где султан их набирает для полевых работ»⁶. Английский эмиссар Д. Лонгуорт жаловался, что черкесы не делают различий между дезертирами поляками и русскими, продавая всех в турецкое рабство, «хотя по предложению мистера Уркхарта вожди и старейшины должны были позаботиться об улучшении условий их содержания и обращаться с ними (поляками – *Авт.*) как со своими природными рабами». «Я сомневаюсь, однако, – подчеркивал Лонгуорт, – чтобы эти различия соблюдались хоть в какой-то степени... хотя они все при сдаче в плен называют себя поляками... Это правда, что поляков продают туркам так же, как и русских, и один польский офицер, работавший в Ангоре, сказал мне, что он нашел по меньшей мере 800 своих соотечественников, пребывающих в рабстве в одном только этом пашалыке»⁷. Несколько сотен поляков-дезертиров, однако, оставались жить среди черкесов⁸, хотя и зачастую на положении домашних рабов.

«Но, – отмечает Ф. Щербина, – все вообще, как дезертиры, так тем более пленные, тяготились своим положением. Сами черкесы жили бедно и им нечем было содержать пленных. Кормили черкесы очень скудно и плохо, а работы взваливали на пленников тяжелые»⁹. Ф. Дюбуа де Монперэ приводит пример группы дезертиров (60 чел., в основном поляки), бежавших к черкесам. Шестеро из них вернулись добровольно, «считая, что их несчастья в Геленджике лучше, чем то, что они вытерпели у черкесов, которые обращались с ними, как с заключенными»¹⁰. В плену у Шамиля приходилось еще хуже¹¹. Что касается цен на польских рабов, то, если верить Т. Лапинскому, «раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей»¹².

Некоторые поляки воевали в рядах горцев. Н. Н. Раевский в апреле 1838 г. отмечал: «Уже до меня дошли следующие сведения, которые заслуживают внимания. Ныне Англичане ласково принимают наших беглых, в особенности поляков, стараясь вооружить их против нас; старание до сих пор неуспешное: беглые, большею частью, обращались в рабов, продавались в Трепизонд, где откупщики

¹ Порада А. М. Поляки на Кавказе // Российско-польский альманах. Вып. 1. Ставрополь; Волгоград; Пятигорск, 2006. С. 17.

² АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 339.

³ Harris S. M. British Military Intelligence in the Crimean War, 1854–1856. L.; Portland, 1999. P. 71–74.

⁴ Honnaire de Hell. Etudes sur la Circassie. Situation des Russes dans le Caucase // Revue de l'Orient. 1843. Т. 1. P. 272.

⁵ Такстгаузен Ф., фон. Закавказский край. Ч. I. СПб., 1857. С. 83; Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1. Нальчик, 2002. С. 26–27.

⁶ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 479.

⁷ Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 172.

⁸ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 42.

⁹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 526–527.

¹⁰ Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа... С. 96.

¹¹ Гаджиев Б. И. Поляки в Дагестане. Махачкала, 2005. С. 24–26.

¹² Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 106.

медных руд покупали их для работ; но с построением новых крепостей и с большею бдительностью крейсеров, вывоз стал затруднителен, в горах цена на рабов упадет, и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на Польском языке: «цельте в черных», подразумевая под этим наших офицеров»¹. Польский беглец из Сибири, поручик Якубович, приняв ислам (и имя Якуб-хан), «завел у черкесов лабораторию, в которой изготовлял для горцев порох и другие военные припасы», но был убит за Кубанью². Русские источники сохранили любопытный аспект польско-горского «сотрудничества» – попытки поляков модифицировать оружие горцев, планировавших атаки на русские форты Восточного побережья Черного моря, на манер боевой косы³.

По сравнению с Северо-Западным Кавказом, на Кавказе Восточном поляки и вовсе не «лидировали». Только немногие уходили из русской армии, чтобы перейти на сторону мюридов, но и они быстро отказывались от мысли о сотрудничестве с мусульманскими фанатиками⁴. В архиве Розена сохранилась копия письма поляка Станислава Брановского (он же Брановский, или Броневиц; рядовой 43-го егерского полка 22-й дивизии), бежавшего к Гамзат-беку, будущему второму имаму Дагестана. Бежал в горы из Горячеводского укрепления 10 июля 1833 г., 20 июля присоединился к имаму, на протяжении восьми месяцев сопровождал Гамзата, стал начальником его личной стражи (?), воевал на его стороне (был ранен под Гергебилем) и помогал ему строить укрепления. Брановский был отправлен от Гамзат-бека в Турцию, очевидно с каким-то поручением, но по дороге его ограбили и чуть не убили. Оказавшись у русских, он был предан суду и отправлен в Сибирь⁵.

Однако в реальности сообщения о польских инженерах, «Польской сотне» и вообще о целых польских подразделениях в армии Шамиля («около 700 поляков»!)⁶, или о польских инструкторах, помогавших горцам, принадлежат к жанру апокрифов⁷. Так, поляк Кароль Калиновский, оказавшись в плену (1846 г.), попал в состав «Шамилевской команды», набранной из дезертиров или пленных⁸. Однако, что характерно, соотечественников там он не вовсе не встретил, за двумя исключениями: солдат, выделяющий кожу, и горе-перебежчик прапорщик Русальский⁹.

Еще Л. Видершаль полагал, что случаи побегов поляков к Шамилю имели место, но трудно было сказать, насколько часто. Исследователь задавался вопросом – играли ли какую-либо вообще роль дезертиры, а особенно поляки, в войске Шамиля¹⁰? В свете этих данных, добавлял Видершаль, не выглядит неправдоподобным упоминание у Шамиля неких советников-дезертиров и потому в рассказах о правой руке Шамиля, поляке Шаньявском, может быть какая-то доля правды (но, подчеркнем, с учетом того, что больше о Шаньявском никто не сообщает). Этот Шаньявский был офицером в армии Царства Польского, участвовал в мятеже 1830–1831 гг. Вместе с «капитаном казачьей артиллерии» Никитиным (на самом деле – беглый артиллерийский унтер-офицер) он был главным советником и организатором войска у Шамиля. Гротковский (1846 г.) говорит также об отряде из 800 поляков у Шамиля. Однако и сам Видершаль признавал, что к этому отчету необходимо относиться очень осторожно, пусть даже схожий рассказ содержится в заметке Баррера (бывший французский консул в Тифлисе) за июль 1854 г.¹¹

К. Калиновский описывает прибытие к Шамилю в Ведено беглого польского офицера Русецкого или, точнее, Русальского, дезертировавшего по идейным соображениям. Шамиль встретил офицера

¹ Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910. С. 662.

² Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 372; Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 12. С. 155–157.

³ АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 252.

⁴ Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 54.

⁵ См. о нем: Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 82–83; Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 109; Маркова О. П. Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 231; Покровский Н. И. Кавказские войны... С. 26–27; Порада А. М. Поляки на Кавказе... С. 20–21.

⁶ Пашаева Ш. Ю. Кавказский мюридизм в Дагестане и Чечне: возникновение, становление, развитие (1821–1838): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. С. 149.

⁷ Матвеев О. В. Новые книги о поляках Северного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5. Краснодар, 2009. С. 282.

⁸ Гаджиев Б. И. Поляки в Дагестане... С. 28–29.

⁹ Kalinowski K. Pamiętnik Mojej żołnierz kina Kaukazi ei niewoliu Szamilia, od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. S. 227.

¹⁰ Widerszal L. Sprawy kaukaskie... S. 34, 239.

¹¹ Widerszal L. Sprawy kaukaskie... S. 35.

торжественно, даже с пушечным салютом, но велел присматривать за ним. Желая прославиться, поляк навязывал Шамилю невероятные проекты (наподобие открытия рудников), чем только вызвал подозрения к себе. В конце концов, Русальский (его прозвали у горцев Искандер-беком) сбежал обратно к русским. Там он был приговорен к смертной казни, но умер от холеры¹.

О жалком конце «карьеры» поляка рассказал в своих мемуарах прапорщик В. А. Полторацкий: «За обедом у главнокомандующего² услышал я о странном приключении с бежавшим весной из Воздвиженской в горы прапорщиком Русановым. По-видимому, его благородию не очень-то повезло у Шамиля на службе, так как на прошлой неделе казаки укрепления Ачхая, преследуя незначительную партию горцев, напавшую на их скот, захватили в плен, умышленно отставшего от чеченцев, оборванного в черкеске всадника, назвавшего себя русским офицером. То был Русанов, немедленно препровожденный за конвоем сюда на гауптвахту. Главнокомандующий полюбопытствовал его видеть. Арестованного дезертира приводили к нему, и сам князь Михаил Семенович его расспрашивал о причинах, побудивших его к такому позорному и пошлomu проступку. Свидетели говорили, что ответы Русанова были непомерно глупы и несвязны, и вообще сам прапорщик производил жалкое впечатление. Замечательно сообщенное мне известие, будто князь-наместник написал письмо государю с изложением всеподданнейшего ходатайства: «Прапорщика Русанова не в пример прочим, без предания военному суду, лишить эполет и офицерского звания, возвратив на год или два в кадетский корпус, где и наказать публично розгами, как мальчика, но заслуживающего серьезного к нему применения, как к офицеру, общих военно-законоположений». Так и осталось неизвестным, какая воспоследовала на это высочайшая резолюция, а только прапорщик Русанов в то же лето умер от холеры, посетившей его на Грозненской гауптвахте»³.

Письмо князя Воронцова князю Барятинскому (от 29 июня 1847 г.), в целом, подтверждает рассказ Полторацкого, но уточняет фамилию дезертира: «Некто Русальский, о котором вы слышали, что он бежал из Воздвиженской к Шамилю, и после дела Слепцова возвратился к нам, посвятил мне что-то в роде записок, чтобы объяснить свое поведение, что, однако ему весьма трудно сделать. В этих записках он утверждает, что побег, с его стороны, был заслугой: ибо он желал извещать нас о том, чему он мог или думал научиться в свое пребывание у неприятеля. Он говорит, между прочим, что неприятель не только продолжает покупать порох во всех укреплениях нашей линии, в особенности во Внезапной, но что там есть даже военные из Поляков, которые имеют политические сношения с Шамилем. Я вам однако объявляю, что нисколько этому не верю и во всем вижу только глупца, без всяких правил, желающего выпутаться посредством своих бессмысленных выдумок...»⁴.

Конечно, Русальский заслуживал не военного суда, а лечения в заведении для душевнобольных. Но, действительно, судьбы дезертиров складывались зачастую весьма трагично. Джордж Дитсон, американский наблюдатель Кавказской войны, передавал услышанную от русских историю офицера-поляка (очевидно, это Русальский). Он перешел к горцам и предложил Шамилю свои услуги. Но вместо возвышенных, благородных и великодушных патриотов он встретил «беспринципную орду грабителей, лишенных чести или честности воров». Офицер взялся, используя свои профессиональные знания и опыт, организовать для горцев правильную систему обороны Салты (1847 г.; это явный апокриф). Аул Шамилю удержать не удалось. Поляк бежал вместе с остатками гарнизона. Но отступавшие горцы просто зарезали его, сочтя виновником своей неудачи. Русские же, несмотря на ренегатство своего бывшего сослуживца, найдя тело, похоронили его с воинскими почестями⁵. Настоящий Русальский благополучно сбежал обратно еще до осады Салты. Но все же успел войти в историю – и как один из горстки офицеров-дезертиров на Кавказе, и как один из немногих поляков, действительно послуживших имаму Шамилю.

Позднее, пытаясь вести пропаганду в рядах противника, Шамиль использовал (безрезультатно) имевшихся в горах нескольких беглых/пленных солдат-поляков для налаживания связей с их соотечественниками, верно служившими России⁶. В ноябре того же года французский унтер-офицер, вахмистр Эжен Гийени (также – Тиллени), в Эрзеруме предложил поднять весь Кавказ при поддержке польских и венгерских офицеров, служивших в армии Шамиля⁷. А бывший французский

¹ Kalinowski K. Pamiętnik... S. 138–141, 158–160.

² Примерно 6 мая.

³ Воспоминания В. А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. № 1. С. 83–84.

⁴ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. 1815–1879. Т. 1. М., 1888. С. 72.

⁵ Ditson G.L. Circassia; or, A Tour to the Caucasus. N.Y.; L., 1850. P. 433–434.

⁶ Wl-off G. Souvenirs d'un officier du Caucase. P., 1899. P. 174–175.

⁷ Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях: 30–60-е гг. XIX века. Владикавказ, 1992. С. 93.

консул в Тифлисе в 1854 г. предлагал отправить к имаму французских офицеров «в сопровождении, по возможности, польских офицеров, исходя из того, что поляки довольно многочисленны в армии Шамиля»¹. Всё это многообразие существовало лишь в воображении Гийени и Баррера! Какие-либо иные или достоверные известия о венграх либо представителях иных, неславянских наций у Шамиля, а тем более – в офицерских чинах и в массовом количестве (оба замечания верны и для поляков, исключая Русальского), отсутствуют². В Западной Европе всего лишь изобретали истории о присутствии своих политических приспешников-эмигрантов – в том числе поляков (например, известного Илиньского – позднее офицера турецкой службы в Крымскую войну) – при Шамиле.

Польские эмигранты действительно пытались наладить с имамом контакты. Но для них эта задача оказалась непосильной³. Те несколько поляков, которым не повезло оказаться у Шамиля (Ю. Дзик, К. Калиновский, А. Русальский)⁴, являлись всего лишь бывшими солдатами (и обер-офицером) российской армии. Русофобам оставалось лишь жалеть о том, что их соотечественники дезертиры, «не зная прямой дороги к мюридам, блуждали среди подчинившихся Москве аулов и попадали в руки местной полиции»⁵. Другое дело, что среди рабов в горских аулах и вправду было какое-то количество представителей данной нации. Участник победоносной кампании 1859 г. вспоминал: «...Стали почти ежедневно являться в наш лагерь Русские выходцы из горских аулов. Они оказывались частью захваченными в плен Русскими солдатами, а частью, и даже большею, нашими перебежчиками в аулы; в этом последнем отделе – было особенно много Поляков, и на лицах их написано было, что возвращение их опять к нам не приносило им радости»⁶.

Но подавляющее большинство оказавшихся в Отдельном Кавказском корпусе поляков верно и добросовестно служили России, являлось проводниками ее политики на Кавказе⁷. Конечно, согласно Высочайшему повелению (в циркуляре управляющего МВД от 27 июля 1841 г.), к ссыльным полякам, как и к русским, применялись особые правила чиновпроизводства – поскольку получение первого же офицерского звания позволяло подать в отставку. «...О каждом из них должно испрашивать особое ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение» при представлении к первому обер-офицерскому чину»⁸. Но, с другой стороны, последующее чиновпроизводство осуществлять надлежало уже «обыкновенным порядком»⁹.

По мнению Г. И. Филипсона, «между поляками было много отличных офицеров и солдат, столько же, как и между другими национальностями; но они были заметнее других, потому что их положение придавало им особенную оригинальность»¹⁰. Вот точка зрения другого кавказского офицера: «Поляк, в свою очередь, дает превосходных офицеров и солдат, достойных сподвижников русских»¹¹. «Нижние чины из поляков отличались особенно примерным усердием», – признавалось в официальном документе¹². И не только солдаты. Любопытный документ доказывает, что по окончании военной карьеры польские военнослужащие могли продолжать службу в рядах кавказской полиции. Перечисленные в списке 13 поляков-полицейских Станислав Орловский, Антон Кшецкий и Францишек Зайковский «на службе при сем управлении более восьми лет при хорошем их поведении всегда исполняли долг службы со всею точностью и никогда в пьянстве и других дурных поступках не замечены». «За усердную их службу и хорошее поведение» они были награждены унтер-офицерскими званиями. Из остальных, В. Коза, И. Залевский, Ф. Зайковский, В. Казакевич, Я. Кошмарчук, А. Ежка, У. Адамович и К. Славянский были уволены в бессрочный отпуск. Прочие поляки были оставлены на службе до истечения 25-летнего срока¹³.

¹ Lesure M. La France et le Caucase à l'époque de Chamil, à la lumière des dépêches des consuls français // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. Vol. XIX. № 1–2. P. 28, 40.

² Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. 3. СПб., 1881. С. 327.

³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: Сб. док. Махачкала, 1959. С. 529; Дегоев В. В. Кавказский вопрос... С. 70; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 1994. P. 263; Widorszal L. Sprawy kaukaskie... S. 92–96, 108–109.

⁴ Порада А. М. Поляки на Кавказе... С. 20.

⁵ Gralewski M. Kaukaz. Wspomnienia z dwuna stoletniej niewoli. Lwów, 1877. S. 555.

⁶ Поход 1859 года. Из кавказских воспоминаний В. А. Инсарского. М., 1868. С. 98.

⁷ См.: Порада А. М. Поляки на Кавказе... С. 18–22.

⁸ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1473. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Филипсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 161.

¹¹ Бенкендорф К. К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа... С. 348.

¹² АКАК. Т. VIII. С. 549.

¹³ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 4–5 об., 9, 13–13 об., 14, 16.

Поляки проявили себя в Кавказской войне – причем с обеих сторон конфликта. Многие отличались в рядах российской армии, честно исполняя свой воинский долг и проявляя свою национальную идентичность не в оппозиции власти, а в стремлении сохранить приверженность католическому вероисповеданию. Горстка других поляков оказывала посильную помощь горцам. Однако, нет оснований всерьез утверждать, что дезертирство поляков явилось существенным вкладом в борьбу с самодержавием (т. е. против России) и его колониальной политикой (т. е. отражением набегов горцев)¹. Безусловно, некоторые поляки при первой же возможности бежали из рядов армии в горы, становясь на сторону противника Империи. Но нельзя отрицать и того, что очень многие уроженцы Княжества Варшавского, а потом и Царства Польского верно служили России, являясь проводниками ее политики на Кавказе.

А. В. Астанина
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIX–XX вв.

Восточный вопрос являлся одним из основных во внешней политике России XIX века. Балканы, омываемые несколькими морями, являлись связующим мостом между Европой, Азией и Африкой. За контроль над ними велась непрерывная борьба, из-за которой проходил постоянный передел сфер влияния в регионе. Балканский полуостров являлся своеобразной пограничной зоной между западным и восточным христианством, между христианством и исламом. Это было место, где шло взаимодействие и взаимовлияние христианской и исламской культур. Противоречие двух типов цивилизаций «суши» и цивилизации «морья», их прибрежной зоны являлось основной геополитической проблемой Балканского полуострова. Кроме того религиозный фактор, наличие наполняющих друг друга отношений между народами, напрямую влияли на выбор государствами своих союзников из числа приграничных территорий.

Вторая половина XIX века связана с дальнейшим обострением балканского кризиса и развитием национально освободительного движения балканских народов, которое вновь обострило восточный вопрос и стало одной из причин русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русское общество выражало симпатии и сочувствие балканским народам, стремилось помочь «братьям-славянам» и требовало этого же от своего правительства. Благотворительность являлась составной частью русского менталитета. Особый интерес представляет деятельность в период русско-турецкой войны православные благотворительные и общественные организации. Среди них такие общественные организации, как Российское Общество Красного Креста; Свято-Троицкая, Покровская, Крестовоздвиженская женские общины; община св. Георгия; Благовещенская Крымская община; Екатерининская Новгородская община сестер милосердия; «Утоли мои печали», действовавшие под флангом «Красного Креста». Согласно Уставу общин сестер милосердия, каждая подобная община являлась учреждением Российского общества Красного Креста². Благотворительной деятельностью занимались Православное Палестинское Общество, а также общественные союзы отдельных граждан, на территории Сербии, Македонии, Черногории.

Война на Балканах началась поздней осенью 1877 г. В суровых антисанитарных условиях приходилось выполнять свою работу сестрам милосердия. Брошенные помещения, не имевшие окон и вентиляции, служили на тот момент госпиталями. Раненым нужна была не только медицинская помощь, но и помощь психологическая, которую оказывали сестры милосердия. В самом начале войны в боях и на перевязочных пунктах работали сестры милосердия, состоящие в разных общественных организациях, занимавшихся благотворительностью и здравоохранением. Большая часть этих общественных организаций была введении общества «Красного Креста» и занимались одним общим делом – помощью раненым бойцам. В этих организациях работали преимущественно женщины православного вероисповедания.

Это время было отмечено мощным подъемом духовного движения всех социальных групп и слоев русского общества, проявлением любви к ближнему и к своему Отечеству. Одной из форм духовного выражения было служение сестер милосердия. Это движение было вызвано двумя проблемами:

¹ Бижев А. Х. Из истории формирования оппозиций политики царизма в русской армии и в среде польских ссыльных на Северном Кавказе в 30–40 гг. XIX в. // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. С. 137–138.

² Нормальный устав общины Сестер милосердия Российское общество Красного Креста. СПб., 1913. С.1.

недостатком медицинского персонала неравноправием женщин в различных сферах общественной жизни. Начало движения сестер милосердия, в России было положено первой общиной сестер милосердия, получившей название Свято-Троицкая (1844 г.), которая сыграла особую роль в спасении раненых и их реабилитации. В 1877 г. сестры Свято-Троицкой общины были отправлены в «Ясский эвакуационный барак», кроме этого часть из них была отправлена для сопровождения военно-санитарных поездов¹. На фронтах войны работали и сестры милосердия первой военной Крестовоздвиженской общины (1854 г.), которая была учреждена в самый разгар Крымской войны. Община располагалась в г. Севастополе, имела в своем составе 120 сестер, которые являлись представителями разных слоев общества. При общине была устроена больница, лечебница, школа, детский дом с яслями. В 1876 году отряд медицинских сестер находился в Черногории, а в 1877 года в количестве 32 человек во главе со старшей сестрой Щеховской был отправлен в Задунайскую действующую армию, где сестры работали на переправах войск за Дунай. Отряд часто менял свою дислокацию, как например 26 января 1878 г., когда госпиталь перенаправили в Габрово. Переходы с одного на другое место были очень тяжелыми для сестер, приходилось пешком преодолевать по 20 километров, по колено в снегу и грязи через Балканы и Шипинский перевал².

Еще одной общиной отличившейся в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была Покровская община (1858 г.), покровительницей которой являлась Великая княгиня Александра Петровна. В деятельности общины можно выделить два направления: воспитание детей, помощь сиротам и бездомным; оказание медицинской помощи больным. Война не оставила равнодушными сестер милосердия этой общины и сформированный из их числа отряд находился в главной армии Болгарии в Рущуковском отряде, где сестры милосердия трудились на благо раненных и больных, несмотря на то что почти все они переболели тифом³.

Широкий спектр деятельности имела и Георгиевская община, образованная в 1870 году при участии и покровительстве графини Елизаветы Николаевны Гейден. В общине работали самые отважные и трудолюбивые сестры милосердия. Одну из них звали Е. П. Карцева. В общине она работала старшей медсестрой, помогала раненым и больным не только медицинской помощью, но и заботилась об их быте. В 1878 году отряды сестер

милосердия этой общины работали на 10 разбросанных вдоль румынской железной дороги медицинских пунктах. С переходом русских войск за Дунай эти пункты были ликвидированы, а сестры милосердия отправлены на передовую за Дунай.

Всю картину происходящего можно представить на основе эпистолярных источников. Так, в письме сестры милосердия Георгиевской общины Е. П. Карцевой описывается военный госпиталь того времени: «Весь госпиталь раскинут на вспаханном поле и поэтому грязь непроходимая и до того клейкая, что через несколько шагов, вы таскаете за собой страшные кандалы; а при малейшем дожде до того скользко, что двигаешься с постоянным страхом. Зимой со всех сторон занесены снегом палатки госпиталя. Сестры сильно перезябли они помещаются досель в юртах, дырявые стены юрт, дают свободный ход всем четырем ветрам, дождь и снег проскальзывают постоянно неожиданными гостями. Пол промерзший; а после полудня или после топки грязь, слякоть. К утру юрты так стынут, что нужно отогреть заледеневшие сапоги, прежде чем надеть их. Если ночью была вьюга, то платье выгребают из снега и тут же надевают его. Одна из сестер слегка отморозила себе ноги. Все эти невзгоды переносятся пока бодро и весело, всякий новый сюрприз в юрте вроде ледяных сосулек, подмокшей постели, застывших сапог, отогреваемых на жаровне, возбуждает смех. Серьезно больных или опустившихся нет, но прихварывают постоянно, переносить пока войну героически». О себе сестра милосердия Е. П. Карцева пишет так: «Не тоскуйте обо мне! По милости Господа, я молодцом и кроме начавшегося к осени ревматизма других недугов не знаю». Имя сестры милосердия Елизаветы Петровны Карцевой стало своеобразной иконой для русских солдат. После падения Плевны сестры этой⁴ общины работали в Габрово, выполняя самую тяжелую и черную работу. Теснота помещений, спертость воздуха, отсутствие элементарных условий ухудшили и без того тяжелое положение сестер милосердия. Ситуация ухудшилась, когда город стали переполнять взятые в плен турки, поступавшие в лазарет с отмороженными конечностями, в довершение ко всему разразилась страшная эпидемия тифа⁵.

¹ Нормальный устав общины Сестер милосердия Российское общество Красного Креста. СПб., 1913. С.149.

² Ильинский П. А. Русская женщина в войну 1877–1878 г: очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и врачей. СПб., 1879. С. 151–152.

³ Там же. С.159.

⁴ Там же. С.157–158.

⁵ Свящ. С. К. Махаев. Подвижницы милосердия. СПб., 1914. С.35–36.

Помимо сказанных общин на Балканах действовали и представители других женских общин сестер милосердия. В них входили сестры милосердия, врачи, фельдшера, которые спасали раненных и служили своему отечеству. Их деятельность явилась своеобразным славянским движением в ходе военных действий 1877–1878 гг. на Балканах, которое дало возможность русским женщинам проявить свою любовь и милосердие к раненым, больным и «создать первый обширный гуманный опыт».

Т. Н. Плохотнюк
(Северо-Кавказский федеральный университет)

КАВКАЗ – КАРПАТЫ – БАЛКАНЫ: НЕМЕЦКИЙ ЭЛЕМЕНТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА В XIX–XX вв. КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Сходство территорий Кавказ – Карпаты – Балканы не сводится к идентичности рельефа. Каждое из этих пространств находится на пересечении великих лимитрофных зон, т. е., между западным и восточным христианством; между христианством и исламом. Они являют собой периферию, великое пограничье, для которых характерно многовековое сохранение ряда национальных и локальных культур, никогда не объединявшихся воедино. Культурно-цивилизационное пространство в этих регионах оформлялось в результате множественного диалога культур, длительного совместного исторического проживания этнических групп и взаимовлияния разных языков и диалектов, систем письменности, религиозных верований, музыкальных стилей.

Еще одним поводом для сравнения и сопоставления этих территорий является их вхождение или включение в состав империй к началу XIX века: так почти все балканские страны входили в состав Австро-Венгрии; юго-восток Балкан, Прикарпатье и Кавказ оспаривали и делили между собой Османская и Российская империи. Общим было и то, что на протяжении XIX века в имперских обществах начались процессы вызревания национальных государств, одним из которых был процесс развития национального менталитета.

В соответствии с политологической теорией нации она складывается в тесной исторической связи с процессом государственного строительства, причем государство предшествует нации. Сложившееся централизованное государство, как правило, способно закрепить устойчивые государственные границы, в которых гораздо быстрее и эффективнее протекают процессы культурной, языковой и экономической интеграции. А, кроме того, государство способствует возникновению чувства общности исторических судеб и создает общую для всей формирующейся нации идеологию, отражающую национальные проблемы – национализм.

Национализм дает массам ощущение безопасности и стабильности в тот исторический период, когда традиционная картина мира теряет целостность, а люди оторваны от своих корней. Идеология национализма воссоздает ощущения целостности и исторической непрерывности, связи со своим прошлым, преодоление отчуждения между человеком и меняющимся обществом, втянутого в процесс оформления нового общественного порядка. Национализм подталкивает к радикальности как принципу проявления своей позиции, который по-разному проявляется у каждого народа, в результате чего формируется гипертрофированное национальное самосознание.

Американский исследователь Ганс Кон (Hans Kohn) к середине XIX в. «...национализм сменил либеральный гуманизм на агрессивную исключительность, принцип достоинства личности – на принцип национальной мощи, принцип ограничения власти и недоверия к правительству – на преклонение перед ним. Столкновение «исторических» прав народов оказалось еще более опасным для дела мира, нежели конфликт их «естественных» прав. Каждый народ требовал расширения своей территории до границ в период его наибольшей экспансии, которые вовсе не соответствовали историческим и этническим переменам, прошедшим в истекшие века. (...) Пробуждение народов высвободило коллективные страсти, ставшие в столетие после 1848 г. основной причиной ненависти и подстрекательства к войнам»¹.

В последней трети XIX века, по мнению Эрика Хобсбаума, национализм становится более агрессивным и нетерпимым к чужакам, а национальные движения вступили в качественно новую фазу: изменились их социальный состав, методы борьбы, приемы политической мобилизации. В этот

¹ Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. New Jersey, 1955. P. 38–39.

период последователи национализма отбросили «принцип порога» (принцип разумной достаточности и деления народов на «исторические и неисторические» – Г. Гегель), являвшийся ключевым для национализма либеральной эпохи. С этого времени любая народность, которая считала себя нацией, могла добиваться права на самоопределение вплоть до создания собственного государства. Все более важными, решающими критериями национальной государственности становились этнос и язык. Произошел резкий политический сдвиг вправо, «к нации и флагу», для описания которого, собственно, и был придуман в последние десятилетия XIX в. термин «национализм»¹.

Именно в этот исторический период во многих европейских странах появляется «организованный национализм» (или, по терминологии Х. Арндт, «пандвижения»), представляющий собой инспирированное правыми интеллектуалами движение за великодержавное развитие национальных государств. Так, например, в Германском рейхе были созданы пангерманские объединения «покровительства немцам», официально провозгласившие своей целью поддержку немецкоязычных меньшинств в других странах (Союз в поддержку немцев за границей, Всенемецкий союз и др.). Данные организации не были массовыми, но они задавали тон в распространении националистического великодержавного мышления в массах, получая одновременно все большую поддержку со стороны господствующих слоев. В частности, в программе Всенемецкого союза было заявлено, что его цель – «национальное объединение всей совокупности немецкого народа Центральной Европы, т. е. в конечном счете – создание Великой Германии».

Внутренние политические и социально-экономические процессы в Германии во второй половине XIX века – прежде всего преодоление раздробленности и образование единого государства – изменили отношение германского правительства к выехавшим из страны. Так как массовая эмиграция давала возможность решать внутренние проблемы, то им были приняты новые эмиграционные законы, значительно расширяющие права эмигрантов. Закон 1867 года о паспортах позволял выезжать без дополнительного разрешения администрации. В соответствии с законом 1870 года о потере и приобретении гражданства вводилось двойное гражданство. На основании закона 1880 года о колонизационных кредитах стало возможным получение финансовой помощи. Все эти нормативные акты позволяли вести более гибкую, разумную политику в отношении немцев вне Германии².

Идеология пангерманизма создавалась на основе теории социал-дарвинизма, культивировавшей чувство национального превосходства, особой ценности немецкого народа, как носителя всей культуры³. Для поддержания культурных, духовно-нравственных связей со своими подданными вне Германии ширился список обществ и учреждений, в чьи программы были включены пункты о пропаганде германизма вне Германии и мирового объединения, об осуществлении и поддержании всех общенемецких интересов – Пангерманский Союз, Католический союз Св. Рафаила для защиты немецких эмигрантов, Главный евангелический союз для попечения о немецких переселенцах⁴.

В лимитрофной зоне Кавказ – Карпаты – Балканы немецкий элемент присутствовал в демографической структуре Закавказья, Северного Кавказа, Волыни, Баната, Добруджу, Буджука, начиная с XVIII века⁵. Его оформление в названных регионах было следствием имперской политики Австро-Венгрии и России, которые в процессе расширения своих территорий были заинтересованы в скорейшей колонизации вновь приобретенных областей. Заселить и быстро включить новые земли в сельскохозяйственное производство могли только колонисты-крестьяне, уже имевшие аграрный опыт.

Поэтому в Австрии после Пожаревацкого мира (1718), а в России – Кучук-Кайнарджийского мира (1774) возникли планы заселения новообразованных провинций за счет приглашения сюда иностранцев, в первую очередь немецких бауэров, испытывавших острый земельный голод в условиях раздробленной Германии. Темешварский Банат и региона Бачка между реками Дунай и Тиса, Степное Предкавказье заселялись, как благодаря частной инициативе, так и благодаря поддержке

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780. СПб., 1998. С. 9, 20–27, 32–37.

² Ганц В. Расселение немцев по земному шару// История человечества. Т.9. СПб., 1896. С. 252–254.

³ Бессонов Б. И. Фашизм: идеология, политика. М., 1985. С. 35.

⁴ Никитский И., Софонов П. Немецкий шпионаж в царской России// Сборник документов. М., 1942. С. 114–116.

⁵ Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Imkaiserlichen Statistischen Amte. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1884; Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Imkaiserlichen Statistischen Amte. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1894; Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Imkaiserlichen Statistischen Amte. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1905; Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Imkaiserlichen Statistischen Amte. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1918.

государства. Когда в 1740 году Мария Терезия короновалась как «король Венгрии», она стала поощрять интенсивную колонизацию коронных земель, особенно между Тисой и Тимишоарой. Немцам было разрешено сохранять свой язык и свою религию (обычно католичество). В 1763 году российская императрица Екатерина Вторая запустила масштабный проект по привлечению человеческого капитала из Европы, в рамках которого в 1778 году первые немецкие колонисты появились в поселениях Азово-Моздокской (или Кавказской) оборонительной линии.

Произведенный подсчет и картографическая экспликация убеждают, что немцы предпочитали окраинные территории, что было не только следствием миграционной политики принимающего государства, но и проявлением природы миграционного движения: иностранец всегда делает выбор в пользу природно-ресурсного потенциала территории, удовлетворяя таким образом свои жизненные потребности¹. С последней трети XVIII века иностранцев селили в основном на окраинных, фронтальных территориях и в этом не было конфликтов интересов государства-реципиента и мигрантов. Германские земли покидали те, кто желал заниматься земледелием, а принимающие государства, со своей стороны, предоставляли преференции. Например, переселявшимся в Россию на условиях Манифеста Екатерины Второй, Жалованной грамоты Павла Первого и Указа Александра Первого были гарантированы материальная поддержка со стороны российских властей и подтверждена готовность российских монархов «усыновить» въезжавших в Россию, т. е. даровать им подданство².

Даже после свертывания государствами «иммиграционных программ», ни одно из них не запретило миграцию, поэтому поток самостоятельно въезжавших в государства иностранцев, среди которых до последнего десятилетия XIX века по-прежнему преобладали немцы, не прекращался. Он никогда не был мощным и многочисленным, но был постоянным. Столь же постоянным был интерес переселенцев к территориям лимитрофных зон, потому что здесь было достаточно земли для занятия сельскохозяйственным трудом.

Раньше, чем в других государствах, в России проявилась ксенофобия по отношению к немцам. Интерес со стороны объединенной Германии к немецкой этнической общности в России, развитие и укрепление связей ее связей с Vaterland (отечество) пришлось на период ухудшения российско-германских внешнеполитических отношений. В силу этого связи были истолкованы однозначно: как попытка Германии использовать немецкую диаспору в своих экспансионистских целях. В русском обществе, охваченном идеей панславянства, легко распространились антинемецкие настроения. Их поддерживала пресса, выражавшая обеспокоенность общественности «мирным завоеванием России без грохота орудий и без кровопролитных схваток» путем захвата иностранными подданными лучших земель на юге России. Этому способствовала деятельность православной церкви, направленная на искоренение сектантства, развивающегося под влиянием протестантизма (шундизма, баптизма)³.

Комитет министров считал нежелательным вообще поощрять иностранную колонизацию на Юге России⁴. При этом подчеркивалась опасность расширения немецкого землевладения. Немцы противопоставлялись сербам и болгарам, которые, якобы, в силу своей принадлежности к славянам, не могли угрожать независимости России. Кроме того, за этими народами, как и за греками, активно колонизирующими земли Северного Причерноморья, не было мощных вооруженных государств⁵.

Разжигая националистические чувства, журналисты и чиновники фальсифицировали факты с целью манипулирования общественным сознанием. В публикациях, сообщающих о наплыве иностранных колонистов в южные губернии и о переходе в их руки значительного количества земли, умалчивалось о том, что закон от 14 марта 1887 года запрещал иностранным подданным приобретать права поземельной собственности⁶. Следовательно, приобрести землю могли только колонисты из числа этнических немцев.

¹ Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Im kaiserlichen Statistischen Amt. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1884; Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Im kaiserlichen Statistischen Amt. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1894; Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Im kaiserlichen Statistischen Amt. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1905; Die Deutschen im Ausland und die ausländischen Deutschen im Deutschen Reich. Bearb. Im kaiserlichen Statistischen Amt. Berlin, Puttkammer und Mühlbrecht, 1918.

² Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII. М., 1989; он же Переселение прусских меннонитов при Александре I. Ростов-на-Дону, 1917.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 573. Оп.38. Д.313. Л. 3–3об.

⁴ РГИА. Ф.573. Оп.8. Д.9717. Л.17–18.

⁵ Велицын А. А. Немцы в России: Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. С. 27–29.

⁶ См.: Русский Вестник за 1890 г.

В 1890 году в докладе императору по вопросу иностранной колонизации министр внутренних дел статский советник И. Н. Дурново отметил опасность этой категории русскоподданных. Опасность состояла в том, что этнические немцы не утратили национальных особенностей и тяготеют «к прежнему отечеству»¹. Русский национальный менталитет не мог признать аккуратного несущего повинности и принявшего присягу немца русскоподданным. Так как немец «взирает на Германию, только оттуда ожидая и культуры, и прогресса, и света духовной истины, его нельзя считать согражданином. Для этого требовалось сердечное единение с коренными началами и духовными основами России»².

Для выхода из сложившейся ситуации министр внутренних дел Дурново предложил ввести, как паллиатив, ограничения для немцев-колонистов при покупке земли и последующую разработку комплекса мер, направленных на ослабление нежелательной обособленности немцев от коренного населения. Дурново назвал в числе необходимых следующие мероприятия: ликвидация внутреннего управления колониями и налоговых привилегий, ввод в немецких школах обязательного преподавания русского языка, т. д.³

Несмотря на столь благоприятный фон, антинемецкие настроения последнего десятилетия XIX века не переросли в массовую открытую политическую кампанию. Но и накал национализма и шовинизма в русском обществе не снизился.

Ю. Д. Анчабадзе

(Институт этнологии и антропологии РАН)

УКРАИНА И КАРПАТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ КАВКАЗСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1920–1930-е ГОДЫ)

Историко-культурные взаимоотношения Кавказа и Украины имеют давние традиции. Зародившись едва ли не в первые века славянского присутствия в Восточной Европе и сохраняя историческую преемственность с эпохи Киевской Руси, эти контакты и в дальнейшем, то затухая, то интенсифицируясь, сближали историческое пространство обоих регионов, оставили глубокий след в их материальной и духовной культуре⁴. Демографические процессы XVIII–XIX вв., приведшие к укоренению украинского этнического элемента на Кавказе, еще более углубили украинско-кавказские этнокультурные связи и контакты. Их следствием была, в том числе все возрастающая взаимная заинтересованность национальных элит обоих регионов, нашедшая воплощение как в личных контактах их выдающихся представителей, так и в концептуализации ими специфических представлений об особой связи между Кавказом и Украиной, схожести их исторического пути, общих задачах и целях политического и историко-культурного развития. Одним из сегментов этих концепций были политические и историософские воззрения, связанные с украинцами и Украиной, выработанные в интеллектуальной среде кавказской эмиграции в Европе в 1920–1930-е гг.

Формирование кавказской эмиграции началось в первые же постреволюционные годы. Оказавшись за пределами родины, кавказские эмигранты расселились по многим странам, прежде всего Европы: кавказские общины появились в Чехословакии, Польше, Болгарии, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (ставшим впоследствии Югославией), в Германии, во Франции. В 1920–1930-е гг. кавказская эмиграция в целом была весьма заметным сегментом в этнокультурной мозаике Европы, что было связано с ее политической, культурной, издательской, пропагандистской деятельностью, одним из направлений которой стали историко-этнографические штудии⁵. В то же время кавказцы осели и в других центрах российской эмиграции, например в Китае (в Харбине); небольшая колония появилась в США.

Общественно-политический облик кавказской эмиграции был неоднороден. Часть кавказцев ассоциировала себя с российской эмиграцией, принимала участие в ее общинной жизни, разделяла циркулировавшие в этой среде политические, идеологические и культурные течения. Но часть со-

¹ РГИА. Ф.1291. Оп.38. Д.313. Л. 3–4.

² Велицын А. А. Указ. соч. С. 13.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп.38. Д. 313. Л. 5–8.

⁴ Лавров Л. И. До питання про українсько-кавказські культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. Київ. 1961. № 3.

⁵ Анчабадзе Ю. Д. Кавказоведение в научном наследии Русского Зарубежья // Кавказские научные записки. 2010. № 4.

организовалась в собственно кавказские землячества, основанные, прежде всего, на этнорегиональных принципах. Здесь также была достаточно сложная иерархия. Некоторые из этих организаций находились в общероссийском эмигрантском поле, другие же, в основном по политическим мотивам, решительно от него отмежевывались.

При этом данный сегмент кавказской эмиграции также не представлял из себя ни организационного, ни идеологического единства. Он рассыпался на множество групп, сообществ, направлений и т. д., разделявшихся не только этническим фактором. В гораздо большей степени кавказскую эмиграцию раскололо политико-идеологическое противостояние, связанное с различным пониманием стоящих перед ней задач, воззрений на будущее Кавказа, на его внутривнутриполитическое устройство и внешнеполитическую ориентацию; само собой, предметом жестких дискуссий и споров в среде кавказских эмигрантов были различные трактовки исторического прошлого кавказских народов, которое субъективно и произвольно проецировалось на современность, во многом формируя исторические и геополитические концепции кавказской эмигрантской элиты.

Заметное место в эмигрантском движении занимало течение, пропагандировавшее идеи кавказского конфедерализма. Характерно, что это было одно из немногих интернациональных течений, среди участников которого были представители едва ли не всех народов Кавказа, в том числе, между прочим, и разделявшие эти позиции русские, как, например, довольно известный публицист Алексей Оленин.

Основной целью своей политической деятельности это течение кавказского эмигрантского общества считало борьбу за освобождение родины как от большевистской тирании, так и от русского господства. После обретения желанной независимости свободные народы Кавказа должны были образовать свое государство – Кавказскую Конфедерацию, считавшуюся наиболее приемлемой формой политического и социо-культурного существования для полиэтнического и поликонфессионального региона. Внешнеполитические ориентиры будущей Конфедерации фокусировались на Турции, которая воспринималась как исторический союзник, под покровительством которого возможно противостоять «северной угрозе». В Европе в союзники Конфедерации зачислялись все силы, которые в историческом прошлом, либо в исторической перспективе выступали или могли бы выступить противником Москвы.

В политической стратегии, направленной на достижение обозначенных целей значительное место отводилось Украине, с образом которой связан значительный пласт в идеологических воззрениях кавказской эмиграции. Историко-культурная составляющая этих воззрений заключалась в комплиментарной идеализации Украины и украинцев, их исторического прошлого, перспектив политической и культурной эволюции.

Для кавказских конфедералистов важно было подчеркнуть древность происхождения украинцев и украинской государственности. Киевский период истории Руси для них был начальный период собственно украинской истории. С этой точки зрения Тамбий Елекхоти говорил о неправомерности переноса этнонима «Русь» на северную часть восточноевропейского славянства, ибо по историческому праву «Русью» и «русскими» должны именоваться нынешние украинцы. «Московское царство, – писал он, – это наименование перехватило от украинцев и стало себя именовать Русью, а Украину – Малой Русью»¹.

Ища подтверждения «особости» Украины, кавказские идеологи акцентировали и этнокультурные реалии, противопоставляющие украинский этнос великороссам. Пытаясь это доказать тот же Т. Елекхоти ввязался в полемику с П. Н. Милюковым, который опубликовал в «Последних известиях» цикл статей о национальном вопросе в Российской империи, где немало говорил об обрусении украинцев, об их «смешении» с русскими и т. п. Т. Елекхоти резко выступил против, приводя, прежде всего, данные о сильных позициях украинского языка, который отнюдь не исчез даже под русификаторскими мерами царского режима. Елекхоти скрупулезно инвентаризует всю номенклатуру различий между украинской и русской этнографией, связанных с избами и хатами, одеждой, фольклором и т. д. Большое значение он уделит этнопсихологии, решительно утверждая, что украинский характер коренным образом отличается от русского. Все это дает основание Елекхоти заключить, что Украина – это «совсем другая страна, с Россией так и не слившаяся. На протяжении и более двух веков совместной жизни русские и украинцы все же остались глубоко отдельными»².

Упоминание «двух веков совместной жизни» – это принципиальное утверждение для историко-софских взглядов кавказской эмиграции, ибо весь средневековый период Украина, по их воззрениям,

¹ Елекхоти Т. К украинскому вопросу // Кавказ. 1938. № 12. С. 9.

² Елекхоти Т. Польско-украинские отношения // Кавказ. 1939. № 2. С. 8.

оставалась независимым государством. Отсюда пристальный интерес к гетманскому периоду украинской истории, к контактам Украины с Крымом, Турцией, Польшей, являвшимся показателем ее независимой внешней политики. Пристальный интерес кавказские идеологи проявляли Сечи, которую рассматривали как форму военной самоорганизации украинцев. Рассматривая специфику взаимоотношений украинцев с Москвой, эмигрантские авторы всегда подчеркивали культуртрегерская роль этнических украинцев и вообще культурного влияния Украины на москвитов.

Переяславская Рада, установившая протекторат Москвы над Украиной, рассматривалась как начало конца. Однако истинным «погубителем» Украины все-таки считался Петр I. Отношение к нему у кавказских конфедералистов было двойственным: с одной стороны, они признавали его «завоевательный и реформаторский гений», варьировали тезис об «окне в Европу», роняли фразы типа «замечательный царь», но именно при нем Украина почувствовала «окончательный нажим», а после Полтавской виктории, которую кавказские конфедералисты рассматривали как знаковое событие, Петр «занялся ликвидацией украинской независимости»¹.

Полтава рассматривалась как знаковое событие и в другом аспекте. В частности, именно с этого исторического события конфедералисты вели другую линию своих историософских воззрений, постоянно обвиняя европейские державы в предательстве интересов Украины. Эту цепь предательств открыл Карл XII – разбитый наголову он бежал, бросив Украину и Мазепу на растерзание Петру. В дальнейшем эту предательскую политику продолжила остальная Европа, сначала смирившись с украинским расширением России, а впоследствии, уже в XX в., не оказав поддержки возникшему после распада империи молодому Украинскому государству. Кавказские идеологи обвиняли европейцев в том, что они не поняли сущности украинского национального движения, не разобрались в его исторической обусловленности, и не оказали действенной помощи Петлюре, поставив исключительно на Деникина.

Еще более уничтожающей критике подвергались современные правительства европейских стран, которые предали великие вильсоновские принципы самоопределения народов. Полоса дипломатических признаний Советов, установление с ними торговых отношений, лишение легитимности посольств в изгнании стран Южного Кавказа (за это особенно доставалась Франции, на территории которой они базировались) означало, что в Европе молчаливо смирилась с существующим положением вещей. «Советы не могут не драться» за Украину, – не сомневался З.Авалишвили, но, задавая вопрос: станут ли драться за неё другие?, отвечал отрицательно².

Общность исторических задач Украины и Кавказа эмигрантские идеологи видели в необходимости борьбы против большевистского угнетения. Эти задачи представлялись взаимосвязанными и взаимообусловленными. При этом Украине отводилась роль застрельщика освободительной борьбы. Во-первых, Украина располагала большими людскими, территориальными и экономическими ресурсами. Этот факт завораживал многих кавказских идеологов. Т. Еликхоти, например, верилось, что «нет в Европе сегодня державы, которой было бы по силам долго удерживать под своей властью такой многомиллионный народ как Украина. При первой же встряске, – полагал он, – можно ждать отделения Украины от России»³.

А этой встряске могла быть начало силовой борьбы против советского режима на Украине, причем в самых разных формах. И хотя формально кавказские идеологи осуждали такие методы как террористические акты, но прочувствованные некрологи, которыми они откликнулись на гибель 23 мая 1937 г. в Роттердаме такого украинского деятеля, как Василий Коновалец, проповедовавший именно такие методы борьбы и возглавлявший именно такую организацию, достаточно красноречиво.

Но главное, кавказские идеологи считали, что именно украинский вопрос, который затрагивал едва ли не все государства Центральной и Восточной Европы – Польшу, Германию, Румынию, Венгрии, СССР, станет тем политическим фактором, который перевернет систему взаимоотношений на континенте, когда единственно возможным и уравнивающим решением станет создание независимого украинского государства.

А после справедливого разрешения «украинского вопроса» смогут актуализироваться и другие этнонациональные проблемы Восточной Европы и, в частности, Кавказа, к которым обратятся интересы мирового сообщества. Поэтому Т. Еликхоти беспелляционно заявлял, что «борьба за освобождение Украины есть борьба за освобождение Кавказа, – считал один из виднейших деятелей кавказской эмиграции Т. Еликхоти, считая также, что «без независимой Украины весьма затруднятся

¹ Еликхоти Т. Единые задачи (к украинскому вопросу)// Кавказ. 1939. № 1. С. 11–12.

² Авалишвили З. Перед грозой?// Кавказ. 1938. № 12. С. 13.

³ Еликхоти Т. Исторические задачи Кавказа// Кавказ. С. 31.

и создание независимого Кавказа, Туркестана, а уж о независимости Дона и Кубани и говорить не приходится¹. Ему вторил один из лидеров конфедералистского крыла кавказской эмиграции Гейдар Баммат, писавший, что «в современных внутренних условиях советской России, при сложившейся международной обстановке борьба за освобождение Украины ведет и к борьбе за свободу Кавказа»². «Самостоятельность Украины, – говорил другой видный кавказский деятель, – ставит проблему самостоятельности Кавказа»³.

Для характеристики украинофильских воззрений кавказской эмиграции важно указать, что в будущем государственном содружестве Кавказской Конфедерации и Украины последнюю эмигрантские идеологи видели в территориальных пределах от закарпатских земель до Кавказа.

Составной частью украинских воззрений кавказской эмиграции была проблема донского и кубанского казачества, которое рассматривалось в качестве опоры в предстоящей борьбе. При этом большие надежды возлагались на якобы начавшееся возрождение украинской идентичности, в частности у коренного славянского населения Кубани и Ставрополя. «С каждой советской статистикой, – радовался Барис-бий, – увеличивается количество “украинско-осознавшего” себя населения. Кубань и Ставрополье постепенно принимают свое настоящее лицо». Когда этот процесс завершится, украинцы Северного Кавказа смогут претендовать либо на независимость, либо на какие-либо ассоциированные формы связи с «Матерью-Украиной», что в любом случае предопределил союзнические отношения между ними и горцами⁴.

Были еще две проблемы, которые составляли важный комплекс украинских воззрений кавказских конфедералистов. Так, они внимательно следили за развитием украинско-польских взаимоотношений. В историческом плане, кавказские идеологи указывали на неразрывность истории двух стран и двух народов, которых невозможно оторвать один от другого. «Нельзя изучать историю Польши, не изучая одновременно историю Украины и обратно», – восклицал Т. Еликхоти⁵.

В то же время история польско-украинских взаимоотношений не идеализировалась. Кавказские конфедералисты указывали на периоды непонимания, разъединения, более того, кровавой вражды, пролежавшей, порой, между соседями. Однако совместное прошлое в гораздо большей степени отмечено дружескими, союзническими отношениями, которые и определили фундаментальный фон польско-украинских отношений, тем более, что у обоих со временем появился общий враг. «Ни Берлин, ни Вена, а только Москва, по мнению Еликхоти, – была историческим и наследственным врагом, как польской, так и украинской независимости»⁶.

Характерно, что случаях польско-украинских противоречий, кавказские конфедералисты оставались на стороне украинцев. Так, они пеняли Польше за великодержавие по отношению к шести-миллионному украинскому меньшинству, проживавшему в то время на территории Речь Посполиты. Т. Еликхоти сравнивал положение в Львовском университете, где «при Габсбургах существовало до 15 украинских кафедр, так что этот университет иногда называли даже украинским, а теперь во Львовском университете нет ни одной украинской кафедры». Он с возмущением писал, что «украинские ученые во Львове “гуляют” без дела, не имея места для применения своих знаний». Ясно, что такое положение вещей не обещает длительного спокойствия в этой части Польши. Создается богатая почва для ориентации галичан на Москву. «По нашему крайнему разумению, – предупреждал Т. Еликхоти, – все, что может толкнуть Галицких украинцев в объятия России должно быть решительно устранено и прежде всего в интересах самой Польши»⁷.

В то же время кавказские конфедералисты беспокоились, что галичанский вопрос может стать причиной разрыва между «историческими союзниками». Это обусловило этнографический интерес кавказских деятелей к Галиции. Здесь опять-таки возникала полемика с представителями русского крыла эмиграции, которые доказывали русское происхождение русин, высказывали несогласие с появившимся в 1930-х гг. новым топонимом Прикарпатская Украина, который сменил старое наименование региона – Прикарпатская Русь. Между тем, в построениях кавказских идеологов – слово Русь здесь преемственно сохранялось от Киевской Руси, а так как истинные наследники этого имени

¹ Еликхоти Т. К украинскому вопросу. С. 23.

² Баммат Г. Да здравствует Украина!!! Кавказ. 1938. № 12. С. 1.

³ Амирэджиби Ш. Кавказская проблема// Кавказ. 1934. № 1. С. 11.

⁴ Барис-Бий. Как должен разрешиться национальный вопрос на Северном Кавказе // Горцы Кавказа. 1929. № 12. С. 13.

⁵ Еликхоти Т. Единые задачи (к украинскому вопросу). С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Еликхоти Т. Польско-украинские отношения. С. 12.

называются сейчас украинцы, то совершенно логично, считали конфедералисты, что Прикарпатская Русь последовала за своей матерью и так же переименовалась в Прикарпатскую Украину¹.

Русины, если и отличаются диалектом от украинцев, то, несомненно, и по обычаям, и по образу жизни весьма близки именно к украинцам. Более того, кавказские конфедералисты весьма внимательно следили за лингвистическими контактами между двумя разновидностями украинского языка – советско-украинским и галицийско-украинским. Во время очень недолгого процесса украинизации середины 20-х – начала 30-х гг. в республике проводились некоторые социо-лингвистические реформы, в процессе которых была предпринята попытка замены русизмов якобы исконными украинизмами, образцом которых во многом послужили галицийские говоры. Для кавказских конфедералистов это было ярким показателем принадлежности карпато-русинской зоны к украинскому культурному миру. Однако с «разоблачением» Скрыпника и последовавшем разгроме украинской интеллигенции эти игры прекратились и началась, как выразился один из кавказских авторов «деукраинизация» Украины².

В конце 1930-х гг. внимание кавказских идеологов вновь было привлечено к Галицийскому региону. Некоторое время после Мюнхенских соглашений дебатировался вопрос о создании на обломках Чехословакии автономного русинского образования. Это вызвало неподдельный энтузиазм у конфедералистов, которые даже рассматривали эту будущую государственную единицу в качестве украинского Пьемонта (З. Авалишвили), который бы взял на себя историческую миссию объединения всех украинских земель.

Однако если у Пьемонта был Кавур и Савойская династия в лице Виктора-Эммануила, то, увы, в Галиции ничего похожего не было. Кавказские конфедералисты понимали, что у галицийского населения не хватит ни исторических, ни культурных, ни активно-личностных сил, чтобы сформулировать идеи государственной независимости, а, главное, провести их в жизнь. Т. Еликхоти побывал дважды в Галиции и на основании своих наблюдений писал о бедности местного населения, о его культурной отсталости, экономической закабаленности и зависимости от венгерских и польских помещиков, но особенно от еврейского ростовщичества. «Безгранично и безнаказанно развитое ростовщичество превратило украинское население в настоящих рабов у евреев и помещиков в центре цивилизованной Европы», с возмущением писал Т. Елекхоти³, для которого, как и для некоторых других представителей кавказского конфедерализма был характерен латентный антисемитизм. Впрочем, последующие события в Европе сняли с повестки дня галицийский вопрос и похоронили те надежды, которые на него возлагали кавказские эмигранты.

Украинофильские воззрения приверженцев кавказского конфедерализма в значительной степени отразили мифологичность и романтизм, характеризовавшие эти течения эмигрантской общественной мысли. Тем не менее, они остаются интереснейшими свидетельствами эпохи, еще одной главой в духовных контактах Украины и народов Кавказа.

*С. В. Кретинин
(Воронежский государственный университет)*

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РУМЫНИИ В КОНЦЕ 1930-х – НАЧАЛЕ 1940-х гг.: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ, ОТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЯМИ, ПРОБЛЕМА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИЮ

После 1918 г. на территории «Великой Румынии» проживало около 760 тыс. немцев, распределенных по разным регионам: Банат (банатские швабы), Семиградье (трансильванские саксы), Южная и Северная Буковина, Бессарабия, Добруджа⁴. Таким образом, в составе Румынского королевства соединилось несколько немецких этнических групп: как проживавшие на территории «Старой Румынии», так и немецкое население окраинных районов бывшей Австро-Венгерской и Российской империй, в Карпатах, на Балканах. Эти группы серьезно различались как в области религии, культуры, языка, так и с мировоззренческой точки зрения. Румынские немцы были лояльными подданными Румынского королевства: они принимали участие в общественно-политической жизни страны, при-

¹ Елекхоти Т. К украинскому вопросу. С. 19.

² Гаджибейли Дж. О «ленинской национальной политике» // Кавказ. 1934. № 2. С. 13.

³ Елекхоти Т. К украинскому вопросу. С. 19.

⁴ Beer K. P. Zur Entwicklung des Parteiu- und Parlament system sin Rumänien 1928–1933. Frankfurtam Main, Bern, 1983. S.1031.

зывались в румынскую армию. С 1920 г. они входили в немецкую фракцию румынского парламента, где были представлены протестантским священником Даниэлем Хаазе.

Тем не менее, после прихода нацистов к власти в Германии наблюдается процесс быстрой интеграции и радикализации общественно-политических настроений румынских немцев. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. немцы Румынии создают ряд организаций право-националистического толка. Крупнейшей стало так называемое «движение возрождения» (*Erneuerungsbewegung*), ориентировавшееся на Германию. В Бессарабии лидером возрожденцев стал д-р Отто Бронеске.

Внутри движения существовали два конкурировавших крыла – радикальное и умеренное, которые апеллировали к национал-социалистическому режиму в Германии. В 1938 г. руководство нацистской Германии, раздраженное фракционной борьбой среди немцев в Румынии и не желавшее обострять отношения с местным режимом, фактически запретило деятельность возрожденцев. В период Второй мировой войны их лидеры находились в опале, не привлекались к активной политической деятельности. Так, Бронеске лишь в 1950-гг. вновь получил возможность реализовать себя в качестве представителя бессарабско-немецкой общины, возглавляя в 1953–1976 гг. Землячество бессарабских немцев в ФРГ¹.

Румынские немцы не могут считаться сознательными сторонниками национал-социалистической идеологии. Симпатии Германии были сильны особенно среди молодого поколения, что было связано с антидемократической политикой правящего румынского режима, где немцы притеснялись как национальное меньшинство. Это вело к идеализации прародины Германии, в которой Гитлер осуществлял грандиозный национал-социалистический эксперимент, видевшийся с Балкан и Карпат в идеалистических красках. Вскоре и сами местные немцы стали объектами этого эксперимента, подвергнувшись переселению на историческую родину.

Первые опыты по переселению фольксдойче были осуществлены в отношении немецкоязычного населения итальянского Тироля. Наиболее масштабные акции затронули фольксдойче, находившихся на территории СССР. Это было предусмотрено советско-германским пактом 1939 г. Первым актом массового переселения, который виделся нацистским руководителям «примером», стало перемещение с территории СССР немцев Волыни, Галиции и Нарева, а также из Прибалтики. Однако это мероприятие столкнулось с целым рядом трудностей (противоречия между советскими и германскими представителями, холодное время года, нехватка транспортных средств²), которые попытались преодолеть при организации переселения немцев с румынских территорий.

С лета 1939 г. имело место так называемое «предвыселение» (*Vorumsiedlung*) немцев из Добруджи, осуществляемое на средства Германии. 1600–1700 этнических немцев добровольно согласились переселиться в Германию из-за фактического обнищания. Однако этот процесс не был напрямую связан с политикой нацистского руководства, лейтмотивом которой был лозунг «*Heim ins Reich*». Фактически имела места эмиграция, которая растянулась на несколько месяцев, до начала 1940 г.

До нападения Германии на Польшу в 1939 г. вопрос о переселении фольксдойче из стран Восточной и Юго-Восточной Европы не имел практического значения. Это подтверждает, в частности, германо-румынское экономическое соглашение от 23 марта 1939 г., в котором ни слова не говорилось о немцах в Румынии и о возможности их переселения³.

Нападение Германии на Польшу изменило положение и настроения этнических немцев в Румынии. Один из лидеров бессарабских немцев Отто Бронеске вспоминал, что уже в октябре 1939 г. рассматривался вопрос о будущем фольксдойче Бессарабии и Буковины, которые опасались, что в случае расчленения Румынии, окажутся по разные стороны границ. Уже тогда, по мнению Бронеске, и было принято принципиальное решение о выселении бессарабских и буковинских немцев в случае советского вторжения⁴.

Обсуждение планов переселения немцев с румынских территорий происходит параллельно с обсуждением бессарабского, трансильванского и добруджинского вопросов. Наиболее значимым в деле массового переселения в Германию этнических немцев из Румынии стал именно бессарабский вопрос⁵.

¹ См.: *Broneske O. Deutsches Schicksal in der Fremde. Stuttgart, 1976.*

² Всего с территории Западной Украины было переселено около 135 тыс. фольксдойче. См.: *Döring S. Die Umsiedlung der Wolhynien deutschen in den Jahren 1939 bis 1940. Frankfurt am Main, 2001. S.144.*

³ АВПРФ. Ф. 06. Оп.1. П. 8. Д. 76. Л. 2–5.

⁴ *Broneske O. Deutsches Schicksal in der Fremde. Stuttgart, 1976. S. 49.* В конце 1920-х – начале 1930-х гг. немцы Румынии создают ряд организаций право-националистического толка. Крупнейшей стало так называемое «движение возрождения», ориентировавшееся на Германию. В Бессарабии лидером возрожденцев стал д-р Отто Бронеске.

⁵ Подробнее см.: *Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами, 1917–1940. М.: Вече, 2010.*

23 июня 1940 г. германский посол в СССР фон Шуленбург телеграфировал в Берлин: «Я беру на себя смелость обратить Ваше внимание на большое число проживающих в Бессарабии и на Буковине этнических немцев [«фольксдойче»], судьбу которых надо как-нибудь оговорить»¹. В июле 1940 г. в Москву прибыла германская делегация во главе с Вильгельмом Нёльдеке. Советское представительство возглавлял А. П. Васюков. Несмотря на то, что у двух стран уже был опыт подготовки и организации переселения этнических немцев с Украины, работа советско-германской комиссии по эвакуации лиц немецкой национальности с территории Бессарабии и Северной Буковины затянулась, и не раз находилась на грани срыва.

Главным вопросом, по которому стороны долгое время не могли прийти к согласию, была проблема компенсации бессарабским и буковинским немцам за недвижимое имущество, которое они оставляли на территории СССР (промышленные и сельскохозяйственные предприятия, земельные участки, дома и постройки). Советская сторона исходила из того, что юридически Советский Союз никогда не признавал аннексию Румынией Бессарабии, осуществленную в 1918 г. События 1940 г. трактовались как воссоединение Бессарабии с остальной частью СССР и, следовательно, на все население области автоматически распространяли действие советские законы, в соответствии с которыми отменялась частная собственность, осуществлялась национализация и т. д.

Принципиальная позиция советского руководства вызвала разочарование в германских правящих верхах. Так, германский посол в СССР В. фон Шуленбург докладывал 31 июля 1940 г. в Берлин: «... По вопросу об имуществе переселенцев выявились настолько значительные разногласия, что переговоры временно пришлось прервать»². Шуленбург констатировал, что советская делегация отстаивает позицию, что значительная часть имущества бессарабских и буковинских немцев не является объектом частной собственности и, поэтому, не может быть возмещена. И даже движимое имущество не в полной мере может быть вывезен. Фактически, по мнению Шуленбурга, речь шла о 100 % изъятии собственности у переселенцев.

6 августа были подготовлены новые советские предложения. По основному вопросу позиция оставалась неизменной: «Все имущество, национализируемое и муниципализируемое по советским законам, описи, оценке и оплате со стороны СССР не подлежит»³. Однако в отношении остального имущества немцев-переселенцев допускались уступки, в том числе и по сравнению с Соглашением о переселении немцев с Западной Украины и Белоруссии в 1939 г. В частности, бессарабским и буковинским немцам разрешалось «вывезти, кроме установленных норм, 250 кг. на одно хозяйство» (в том числе – не более 10 кг. табака). Советская сторона выражала согласие включить в описи оставляемых ненационализированных домов с надворными постройками: за эту собственность колонистам полагалась компенсация.

Еще большей уступкой с советской стороны было «разрешить эвакуируемым свободную продажу их имущества, включая ненационализированные дома и строения, и допустить неограниченный вывоз лей, вырученных от этого»⁴. Если продать дома и прочую недвижимость переселенцам было практически невозможно (по причине отсутствия спроса), то мебель, предметы обихода, технику, домашнюю живность советские граждане в условиях дефицита покупали охотно. Это позволило многим эвакуированным обеспечить свои семьи деньгами на период переселения и пребывания в промежуточных лагерях, в которых некоторые фольксдойче пробыли по несколько месяцев.

Таким образом, советская сторона шла на уступки в частных вопросах организации переселения, но в вопросе о компенсации за национализируемую собственность ее позиция оставалась неизменной и принципиальной. Это нашло отражение в подписанном 4 сентября 1940 г. соглашении о переселении немцев из Бессарабии и Северной Буковины.

Массовое выселение этнических немцев с румынских территорий было связано не только с решением бессарабского вопроса в пользу СССР, но также и с территориальными изменениями в пользу Венгрии, получившей по Второму Венскому арбитражу северную и северо-восточную Трансильванию⁵, и Болгарии, претендовавшей на Добруджу. В результате серьезных неудач на международной арене в самой Румынии к власти пришел генерал И. Антонеску, взявший курс на тесное сотрудничество с нацистской Германией. В частности, к лучшему изменилось положение немецкого националь-

¹ Оглашению подлежит: СССР-Германия 1939-1941 (Документы и материалы). М., 1991. С. 128.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же.

⁵ См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг.: Документы российских архивов / Под. ред. Т. М. Исламова. М., 2000.

ного меньшинства в стране. Это позволило германской стороне продолжить политику массового переселения фольксдойче. Показательно, что переселению подлежали только немцы из южной части Буковины и Добруджи. Фольксдойче из Трансильвании, Баната, а также из районов «Старой Румынии» массовому переселению не подлежали.

Причины такой противоречивой политики крылись, на наш взгляд, в следующем. Нацисты не имели своей целью полностью переселить немцев из дунайского региона, где они были разделены между Румынией и Венгрией. В условиях международной нестабильности германское руководство рассчитывало использовать фольксдойче в качестве рычага влияния на авторитарные режимы в Юго-Восточной Европе. Поэтому акцент был сделан не на тотальное выселение (как это было на советских территориях), а на избирательное перемещение отдельных, как правило, обитавших в приграничных районах немцев. Сюда относились немцы Южной Буковины и Добруджи.

Последние на протяжении всей межвоенной истории находились в крайне тяжелом материальном положении. Это было одним из определяющих факторов. Немцы Южной Буковины также должны были разделить судьбу своих собратьев из северной части региона, что, кстати, открывало для румынского руководства возможности расселения там румынских беженцев из Бессарабии. Германское руководство, которое не планировало переселения такого количества немцев в 1940 г., решило использовать благоприятную ситуацию, сложившуюся в результате заключения советско-германского соглашения об эвакуации фольксдойче Бессарабии и Северной Буковины. Германская комиссия по переселению, закончив дела на территориях, отошедших к СССР, продолжила свою работу в румынских областях.

22 октября 1940 г. было заключено германо-румынское соглашение о репатриации немцев из Южной Буковины и Северной Добруджи¹. Это соглашение было куда более выгодно германской стороне, так как предполагало полную компенсацию за оставляемую переселенцами собственности и не накладывало серьезных ограничений на деятельность германского аппарата по переселению. Показательно, что это соглашение касалось двух разных регионов: Буковины и Добруджи.

Параллельно на территорию Румынии были введены германские войска, которые разместились в Трансильвании. Местным немцам были даны четкие установки установить взаимодействие с румынским режимом генерала Антонеску. Новый фюрер румынских фольксдойче Андреас Шмидт заключил 6 октября 1940 г. с властями страны соглашение об особом статусе немецкого населения. В частности, немцам гарантировались посты вице-мэров в тех населенных пунктах, где они составляли значительную часть населения. «Сегодня мы идем плечом к плечу с легионерским движением, – заявил Шмидт, – наша связь с ним не официальная, а дружественная»².

Этнические немцы, остававшиеся в Румынии и Венгрии активно привлекались для помощи эвакуированным из Бессарабии, Буковины и Добруджи. Так, уже 1 октября 1940 г. первый транспорт с немцами из Северной Буковины прибыл в Будапешт, где он был встречен местными немецкими организациями, которые отвечали за временное размещение эвакуированных³.

П. М. Полян
(Институт географии РАН)

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ КАК АМФИТЕАТР ГЕНОЦИДА И ДЕПОРТАЦИЙ

Черное море – этот самый большой залив Средиземного – связано с ним не только гидрографически или географически, но и исторически⁴. Причерноморье – как, впрочем, и Средиземноморье – это уникальная кольцевая региональная структура, которой в разное время обладали самые разные государства. Их могло быть больше или меньше, но не было в истории момента, когда весь морской периметр находился в чьих-то одних руках.

Колыбелью человечества Причерноморье не является. Долгие даже не годы, а тысячелетия северное Причерноморье было местом вольной кочевки различных пасторальных номадов, даже самоназвания которых до нас дошли не все, – предков будущих сарматов, скифов, тавров и так далее⁵.

¹ АВПРФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 18. Д. 10. Л. 49.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 194.

⁴ В своих построениях автор опирался на материалы французского «Большого атласа всемирной истории» (La Grande Atlas de l'Histoire Mondiale. Paris, 1985).

⁵ Разница между этими – действительно обширными и широко выходящими на берега Черного моря – конгломератами кочевых племен с эмбриональной государственностью и упоминаемыми ниже империями

Южное же Причерноморье – Передняя Азия и Закавказье – испытывало влияние городских цивилизаций Месопотамии, с которыми было связано караванными путями, и, напротив, достаточно рано оказалось вовлеченным в процесс становления очагов цивилизации.

На протяжении столетий в Причерноморье шли примерно такие же историко-миграционные процессы, что и в Средиземноморье, но, как правило, с некоторым запаздыванием и, во-вторых, с несколько большим воздействием восточного и континентального факторов.

Правильнее всего было бы назвать их волнами колонизации – волнами, поднимаемыми теми или иными ветрами. Первыми на запад прошли персы (до них южное Причерноморье делили между собой цари Лидии и Мидии), вторыми – на восток – греки Александра Македонского, третьими – на восток же – римляне, четвертыми – и снова на восток – византийцы. Пятыми – на запад – прошли и, откатившись от Вены, пришли турки. И, наконец, шестыми – с севера – пришли русские.

В античное время, когда мощные восточные демографические вулканы еще только закипали и начинали клокотать, Причерноморье оказалось в зоне влияния именно эллинистического мира: колонизация шла из греческих городов Эгейского моря и была точечной, но именно тогда возникли имена греческих колоний, которые и сейчас на слуху: Ольвия, Херсонес, Феодосия, Понтикопей, Та-наис, Фанагория, Диоскурия, Фазис, Трапезунд, Синоп, Хромния, Аполлония, Одесса, Истрия...

Первым государством, прочно поставившим свою пятую на черноморских берегах, стала Персидская империя Ахеменидов. Персы взяли под свой контроль все южное Причерноморье (от Трапезунда до форпостов к северу от Босфора, но даже не взглянули в сторону северного Причерноморья). Второй стала империя Александра Македонского. Но сам он так торопился все дальше на восток, что ограничился лишь четвертью черноморского побережья: на глазок – от устья Дуная до Синопа. Распад его империи означал и начало вытеснения греческого элемента из южного Причерноморья – процесс, растянувшийся на два тысячелетия и столь brutally завершенный младотурками в 1915 г.¹

Римская империя, сумевшая, словно удав, проглотить и, ко времени Юстиниана, охватить своими кольцами Средиземноморье, с собственно Причерноморьем не слишком торопилась. Оттеснив персов в Прикаспий, она закрепила за собой на западе лишь побережье до устья Дуная (тот же рубеж, что и у Александра) и на востоке приблизительно до Трапезунда (тот же рубеж, что и у персов) плюс несколько анклавов в Колхиде и Таврии.

С переносом мировой и европейской столицы – после Афин и Рима – в Константинополь (то есть впервые чуть ли не на берег Черного моря!), можно было бы ожидать более широкого – по сравнению с Римом – охвата Причерноморья Византийской империей, но и на этот раз полного закольцевания не произошло. Небольшое расширение на север (почти до Фазиса, что в устье современной Риони) на восточном берегу не в счет, поскольку все северное Причерноморье (за исключением южного и восточного побережья Крыма) так и осталось без императорского присмотра.

Прорыв совершили турки: оттоманская Турция, включая и ее вассала, Крымское ханство, постепенно прибрала под свое крыло большую часть периметра Причерноморья, но все-таки не все: черкесы и лазы сохранили свои земли.

В XIV веке на Черном море появилась Болгария, а также вассалы Венгерского королевства – Молдавия и Валахия, а в XVI в. на него едва не опрокинулась и Речь Посполитая, интриговавшая в Валахии и даже умыкавшая из Крыма караимов. Наконец, в конце XVIII в. на Черное море – впервые с севера – накатила и закрепилась Россия. В 1783–1784 гг. она отняла у Турции практически все северное Причерноморье, от Таманского полуострова до Аккермана, а в 1804–1812 гг. зона ее присутствия расширилась и на запад (за счет Бессарабии), и на восток (за счет Абхазии и Аджарии). А к 1865 г., когда было сломлено сопротивление горцев на Западном Кавказе, российские берега Черного моря сомкнулись в непрерывную линию.

К этому времени все побережье Черного моря было поделено между двумя империями – Османской и Российской. Но в новое, XX, столетие Причерноморье вошло не с двумя, а с тремя суверенами (с 1877 г. – Румыния), а в начале XX века добавился и четвертый (с 1908 г. – Болгария). В годы же российской междоусобицы на черноморских берегах оказывались и некоторые другие государства, длительностью своего существования, однако, не отличавшиеся (например, Грузия или, выражаясь метафорически, Доброволія, Кубанская республика и др.).

настолько принципиальна, что позволяет исключить их из рассмотрения как «актеров» на этом историко-географическом «театре». Указываю на это в связи с замечанием о недоучете Скифии в контексте данного анализа, прозвучавшим во время дискуссии в Ставрополе.

¹ Словоупотребление «геноцид турецких армян» если в чем и неточно, то в том, что жертвами геноцида стали еще и другие этносы, в частности, греки и ассирийцы.

Распад СССР в 1991 году вбросил на это поле еще двух игроков – Грузию и Украину, причем последняя шагнула триумфально – с неожиданной для нее самой, но от того не менее щедрой прибавкой – Крымом! Сугубо формальный, казалось бы, и чисто символический жест Никиты Хрущева вдруг оказался материализован, сделав полуостров заложником и эпицентром геополитического раздора между Украиной, поддержанной такими напористыми глобальными игроками как США и НАТО, с одной стороны, и Россией, с другой: в настоящее время Крым снова находится под российской юрисдикцией – в силу реализации принципа права народов на самоопределение, но в нарушение принципа незыблемости границ суверенных государств.

Грузия со своим мелкодержавным империализмом не удержала другой причерноморский «подарок» советской Москвы – самопровозглашенную Абхазию. Тем самым общее число черноморских «игроков» к концу XX в. достигло шести, а в XXI в. даже семи, если, конечно, и Абхазию считать самостоятельной политической фигурой.

Переселенческие процессы шли в регионе Причерноморья всегда, среди них добровольные (как, например, переселение во времена Екатерины в Новороссию немцев-колонистов) чередовались с насильственными. На них и остановимся. Еще в самом начале XIX века, во время русско-турецких войн, в Причерноморье из Пруто-Днестровского междуречья (или Буджака) было выселено все мусульманское население (татары, турки и ногайцы). Но интересно и то, куда их переселили: в Крым!¹

Во время войны на Кавказе против Шамиля и его союзников депортации стали испытанным средством ведения и фиксации ее промежуточных и окончательных итогов. После пленения Шамиля и победного завершения Кавказской войны российское правительство намеревалось выселить всех нагорных чеченцев с Кавказа. Частично этот план был даже реализован, но лишь применительно к весьма небольшой – зато самой непримиримой – их части. После победы на Западном Кавказе и, отчасти, под влиянием турецкой пропаганды произошло массовое переселение горцев из побежденного региона, включая прибрежные районы (1863–1864). Около 420 тысяч непримиримых (мухаджиров) – адыгов, абазин и ногайцев – эмигрировали (читай: были депортированы) в Турцию². Еще около 20 тыс. горцев-мусульман, проживавших в Цебельде в Абхазии и в 1866 г. поднявших восстание и штурмовавших Сухум, были высланы в Турцию административным путем. Все это затрагивало, в основном, внутренние и, более того, горные районы Кавказа, но и узкая прибрежная полоса к северу от Сухума так же была частью этого процесса. Депортированных для простоты нередко объединяли одним, более привычным, словом – «черкесы». Русско-турецкая война 1876–1877 гг. пополнила корпус мухаджиров еще и турками с Балкан. Потомки этих эмигрантов и по сей день проживают как в современной Турции, так и в бывших османских территориях на Балканах³ и на Ближнем Востоке, а также в странах Западной Европы и США.

Совершенно новый масштаб принудительным миграциям в регионе придала Первая мировая война. Главным (хотя и далеко не единственным) инициатором и проводником «превентивных этнических репрессий» и депортаций выступила именно царская Россия, немного поупражнявшаяся в этом деле и во время русско-японской войны. Но на балканском и кавказском театрах «первенство» было за Турцией, еще и до Первой мировой неизменно оказывавшейся участницей едва ли не всех военных конфликтов в Европе и, в частности на Балканах, – этом «пороховом погребе» Европы.

Именно там, на Балканах, в ходе двух балканских войн 1912–1913 гг. между Болгарией и Турцией и в порядке своего рода прелюдии к Первой мировой войне, отмечены самые первые в XX в. беженцы и депортанты в Европе. По меньшей мере, полмиллиона человек были изгнаны с мест проживания и стали беженцами.

В 1913 г., после завершения второй балканской войны, Болгария и Турция подписали первое в мире официальное соглашение, предусматривавшее взаимное переселение национальных меньшинств (фактически тогда были «обменены» приблизительно по 50 тысяч человек). В 1914 г. аналогичное соглашение заключили Турция и Греция, а в 1919 – уже после окончания Первой мировой – Греция и Болгария. Всего этого оказалось недостаточно, и еще один колоссальный обмен гражданами произошел в 1923 г. Подписав соглашение об обмене населением от 30 января 1923 г. и Лозаннский мирный договор от 23 июля того же года, Турция и Греция договорились об обмене национальными

¹ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 25.

² Но около 90 тыс. горцев «зацепились» за Россию: их выселили на подконтрольную равнину, на левобережье Кубани.

³ Именно такое происхождение имела небольшая группа адыгов, проживавших в Косово и, после обострения ситуации вокруг этого региона в 1998 г., эмигрировавших в Россию, в Республику Адыгея (едва ли здесь был уместен практиковавшийся политиками и СМИ термин «репатриация»).

меньшинствами, или, иными словами, об обоюдной и мирной «этнической чистке» большей части своих территорий¹. Около 400 тыс. турок были переселены из Греции в Малую Азию, а оттуда в свою очередь было депортировано около 1,2 млн. греков. Так возник «многообещающий» прецедент разрешения международных споров и межэтнических конфликтов посредством «мягких», без резни, этнических чисток.

Во время Первой мировой войны сама Россия прибегала к весьма активной депортационной политике в прифронтовой полосе как на западном (против Германии), так и на юго-западном (против Австро-Венгрии и Болгарии) театрах боевых действий. Главными объектами депортации были неблагонадежные этнические контингенты – в первую очередь граждане враждебных воюющих государств.

То же самое происходило и на южном театре (Кавказ), но эти события куда менее изучены. Война здесь была объявлена 30 октября 1914 г., и уже в ноябре противники атаковали друг друга. Турки вторглись в Южной Аджарии и подошли к Батуму. На оккупированных землях они сумели мобилизовать под свои знамена несколько тысяч мусульманских добровольцев, на что последовала депортация около 10 тыс. мусульманского населения – преимущественно подданных Турции – из прифронтовой зоны².

Но точно так же, как Турция с российскими мусульманами, Россия заигрывала с турецкими армянами, подбивая их на восстания. Так что, на первый взгляд, турецкая политика против потенциальной «пятой колонны» у себя в тылу – против христианских подданных Порты (армян и греков) – вписывается в ту же логику, что и российская.

Но это только на первый взгляд!

Турецкие репрессии были не просто депортацией, а геноцидом армян, чаще всего (и справедливо!) именуемым резней. Подготовка к ней и первые ее репетиции начались задолго до воинственных младотурков – еще при свергнутом ими султানে.

Турецкая депортационная политика проявила себя в эти годы в такой чудовищной ипостаси, что принесла стране репутацию творца первого в новейшей истории геноцида, или этноцида³. Самим понятием «геноцид» человечество обязано именно этим событиям: оно принадлежит юристу Рафаэлю Лемке, разрабатывавшему правовое значение этого исторического феномена⁴.

Надо сказать, что антиарменизм и политика геноцида (арменоцида) были теми политическими векторами, которые практически не менялись ни при каких – сколь угодно резких – политических сдвигах в Турции. В их основе лежала не только национальная и экономическая проблематика (этническая ненависть и желание ограбить, устранить конкурента), но и конфессионально окрашенная идеология пантюркизма и панисламизма. Последняя подразумевала как геополитическую экспансию, распространявшуюся на обширные территории Причерноморья, Прикаспия и Средней Азии (так называемый «Великий Туран»), так и конфессионально-этническую гомогенизацию населения⁵.

Как и во время Второй мировой в случае евреев, депортации армян во время Первой мировой войны были неотрывны от геноцида и являлись его неотъемлемым звеном и, одновременно, операцией по его прикрытию. Но серьезной особенностью тут является то, что и сами депортации как таковые были не столько фазой (этапом) геноцида, но и одним из главных его инструментов. Те, кого «эвакуировали» в сирийскую пустыню Дер Зор, в Конью или еще дальше, в Северную Месопотамию

¹ Исключения были сделаны для греков, проживавших в Стамбуле, и для мусульман, проживавших в Восточной Фракии.

² Высылали их во внутренние российские губернии – Олонецкую, Воронежскую, Калужскую, Ярославскую, Рязанскую и Тамбовскую, а также – и даже в особенности – в район Баку, где для них был создан устрашающий по своим условиям лагерь на 5 тысяч человек.

³ Впрочем, первыми были все же немцы, в 1904–1907 гг. осуществившие геноцид восставших племен гереро (банту) и нама в германской Юго-Западной Африке (своей колонии). Тогда они уничтожили 75 тыс. чел.

⁴ См., например, в: Барсегов Ю. Г. Геноцид армян – преступление по международному праву. М., 2000; Taner A. A. Shameful Act. The Armenian Genocide and the Question of Turkish Responsibility. N.Y.: Metropolitan Books, 2006; Kévorkian R. The Armenian Genocide: A Complete History. London: I.B. Tauris, 2011.

⁵ В этом, заметим, и состоит принципиальное отличие турецкого геноцида армян и греков от немецкого геноцида евреев и цыган во время Второй мировой войны. Первый не только допускал, но и приветствовал переход христиан в ислам, хотя бы и принудительный, второй же – физическому истреблению расово идентифицированных евреев не видел вообще никакой альтернативы, кроме продления их жизни в гетто для трудовой эксплуатации. Гитлер не допускал для них ни христианизации, ни тем более германизации: ведь многие немецкие евреи и без того уже были массово и добровольно секуляризованы и онемечены.

Выпущенные из тюрем уголовники, подчинявшиеся министру внутренних дел Талаат-паше.

(вплоть до Мосула и Киркука), еще по пути становились жертвами «четтес» – турецких и (в Месопотамии) курдских разбойничьих банд, которым был выдан фактический карт-бланш на грабежи, насилие и убийство армян. Но и те армяне, что как-то добрались до мест назначения, вовсе не были в безопасности: в лагерях царили антисанитария, голод и эпидемии.

Другой особенностью арменогена была его беспрецедентная brutality: большинство жертв умерщвлялось холодным оружием, убийству в большинстве случаев предшествовали издевательства, изнасилования и садистские пытки. На оптимизации конвейера смерти и снижении трудозатрат при убийстве армян младотурки, в отличие от нацистов, не экономили.

Первым шагом к резне стала мобилизация в турецкую армию. Призванные армяне – около 100 тысяч человек – оказались в западне. Их разоружили и жестоко, по одному, убивали, перерезая каждому горло. Разобраться с остальными армянами – женщинами, детьми и безоружными стариками – было тем более не сложно. Депортировали не как Россия – тех и только тех, кто, вызывая подозрения в нелояльности, жил в приграничье, – депортировали всех!

Различают несколько фаз депортации-геноцида (без учета убийства армян башибузуками): 1) высылка армян из части Киликии в начале апреля 1915 г.; 2) то же – из Стамбула: этот день 24 апреля отмечается как День памяти жертв), 3) депортация армян из ареала их компактного расселения в восточной Анатолии и 4) в июне 1915 г.: депортация всех армян (за исключением тех, кто был признан полезным для государства) из всех приграничных районов и из Киликии. Опасаясь бегства армян в Россию или иных форм сотрудничества с русскими, их депортировали на юг и на запад.

Специальный закон регулировал будущее расселение армян. Их квотировали (не более 10 % от числа мусульман в регионе вселения), их расселяли (не более 50 домов на деревню), им вводили черту оседлости (запрет на смену места жительства). Но действительность была слишком далека и от этого режима спецпоселений. Армянская кровь лилась ручьями, и последнее слово в «окончательном решении армянского вопроса» оставалось не за чернильницей чиновника, а за ятаганом убийцы.

Депортация и уничтожение турецких армян в 1915 году коснулись и причерноморских провинций Османской империи. Спасти смогли только те, кто жил вблизи границ с Россией, Грецией и Болгарией; при этом беженцы стремились главным образом именно в Россию (из Эрзерума и Вана) и их было не слишком много. Всего в этот период беженцами стали около 600 тысяч армян, они расселись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся армянские общины и образовав новые. А внутри Турции после окончания Первой мировой оставались в живых лишь 70–80 тысяч армян из примерно 2,1 миллиона, проживавших в ней до войны.

По сравнению с другими провинциями, в турецком Причерноморье армяне были сравнительно малочисленны. Из христианских народов здесь доминировали понтийские греки, так же, как и армяне, ставшие жертвами этноцида. Однако, по сравнению с армянской резней, эти события изучены значительно хуже.

Начавшийся по тому же сценарию, что и армянский, то есть с призыва молодых греков в турецкую армию (их, правда, не убивали, как армян, а отправляли в трудовые лагеря), геноцид греков начался примерно на год позже. Официальным поводом послужил коллаборационизм греческого населения, приветствовавшего приход русской армии в Трапезунд, находившийся под российской оккупацией с апреля 1916 по март 1918 гг. Уже в апреле 1916 года младотурки начали жестокую расправу над «предателями» (греками-понтийцами) на всех оставшихся под их властью территориях. Мужчин предполагалось уничтожить физически, а остальных – депортировать по армянскому сценарию, то есть тоже уничтожить.

Когда же после заключения Брестского мира российские войска покинули Трапезунд, турецкая армия и бандиты-четтес хлынули в город и окрестности, повсюду устраивая кровавые бои. Многие греки, спасаясь от смерти, бежали на Кавказ, к этому времени расколовшийся на независимые страны.

Всего через год после окончания Первой мировой войны началась греко-турецкая война (1919–1922), в конечном счете проигранная греками. Начались – а точнее, продолжились – грабежи, убийства, изнасилования, массовые депортации. Около 400 тысяч понтийцев были эвакуированы в Грецию, и еще около 135 тысяч – на Кавказ. 24 июля 1923 года был заключен мирный договор, предусматривавший обмен населением, в соответствии с которым в Грецию было переправлено все еще не уничтоженное греческое население Понта.

В настоящее время понтийцы проживают компактными группами на Кавказе (Южная Россия, Грузия, Армения) и в Северной Греции (Македония и Западная Фракия). Значительная понтийская диаспора существует в Казахстане и Узбекистане, куда греков депортировала уже Советская Россия.

Кроме того, в самой Турции сегодня проживают около 300 тыс. исламизированных греков, из них примерно 75 тысяч сохраняют понтийские язык и обычаи, по сути, являясь криптохристианами. В целом же в результате геноцида были уничтожены не менее 350 тысяч греков-понтийцев. (Максимальные оценки примерно равны армянскому «минимуму» – 600 тысяч).

Склоним голову перед жертвами и еще одного этноцида – на этот раз еврейского. В одной только Одессе, насчитывавшей, по переписи 1939 года, 200 тысяч евреев, а накануне оккупации города румынами – порядка 110–120 тысяч (вместе с беженцами из Молдавии), число жертв составило, по разным оценкам, от 50 до 80 тысяч, а с учетом Одесской области и еврейских беженцев – не менее 125 тысяч. Еще 23 тысячи евреев погибли в Николаевской области, не менее 15–16 тысяч – в Мариуполе и Сталинской области, не менее 40 тысяч – в Крыму (считая и крымчаков), столько же – в Ростов-на-Дону и Ростовской области, 27 тысяч – в Краснодарском крае¹. Суммарно в причерноморских регионах СССР, оказавшихся под оккупацией, погибли, самое меньшее, 290 тысяч евреев – весомая доля общего числа жертв на всей оккупированной территории.

Если вернуться от Гитлера к Сталину и его депортациям, то и тут война принесла с собой эскалацию депортационных операций, в осуществлении которых принимали участие войсковые соединения в десятки, а иной раз и в сотни тысяч человек. Чекистов, в отличие от пограничников, война врасплох не застала, и со своими задачами они справлялись довольно успешно и почти без потерь.

Всего же за 1941–1949 годы из советского Причерноморья были депортированы около 400 тысяч человек, из них около 200 тысяч – крымские татары, около 100 тысяч – немцы и около 60 тысяч – греки².

На протяжении XX столетия по всему периметру черноморского побережья происходили радикальные – можно даже сказать, катастрофические – перемены в составе населения. Геноциду были подвергнуты три народа: армяне, понтийские греки и евреи (вместе с крымчаками), тотальным депортациям – еще три: те же греки, немцы и крымские татары (не считая турок-месхетинцев и некоторых других «наказанных народов», ареалы проживания которых удалены от черноморской акватории). Количественно их численность в этом регионе сократилась на один–два порядка, из них тягу к возвращению и регенирированию на родине проявили евреи, греки и крымские татары, в особенности последние – преодолевшие на пути домой множество советских и украинских «рогаток». Частично вернулись из ссылки и депортированные греки, но все же в меньшем числе и не повсеместно (например, закрытым для них городом долгое время была их старинная колония Балаклава). Большинство же тех евреев, что вернулись в Одессу, Таганрог и другие приморские города после войны из армии или из эвакуации, воспользовались возможностью эмиграции и уехали в Израиль, ставший для них новой метрополией, или в США и другие страны, войдя в глобальную еврейскую диаспору.

Диаспора стала судьбой и уцелевших после резни армян, эксперимент с их репатриацией в Советскую Армению в начале 1960-х не был ни особо провальным, ни особо успешным.

С. Вучков

(Юго-Западный университет «Неофит Рильский»)

КИНО НА ДОРОГЕ. РОЛЬ ПЕРЕДВИЖНЫХ КИНОУСТАНОВОК В РАСПРОСТРАНЕНИИ КИНО В МУСУЛЬМАНСКИХ ДЕРЕВНЯХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ В 50-х – 60-х гг. XX ВЕКА³

Кинофикация в мусульманских деревнях Юго-Западной Болгарии 50-х – 60-х гг. XX века представляет исследовательский интерес, прежде всего при рассмотрении кино в качестве индоктринирующей роли пропаганды, или как проводника партийной политики среди широких масс населения. Интересным являются не только конкретные результаты распространения кино в географическом плане, но также значение и место кино как части общего модернизационного курса социалистического государства в отношении мусульманского населения.

¹ Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2009. С. 474–475, 483–488, 567–568, 649, 672–679, 866–871.

² См.: Коцонис А. Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 83–88; Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Сталинские депортации. 1928–1953 / Сост. Н. Поболь и П. Полян. М., 2005. С. 273–373.

³ Настоящая статья основывается на работе «Кинофикация мусульманских деревень Юго-Западной Болгарии в 50-х и 60-х гг. XX века», которая является результатом научно-исследовательской деятельности в конкурсе молодых ученых 2009 г. при Институте исследования недавнего прошлого, г. София.

Кино является частью определенной культурной среды, охватывающей разные области жизни. Так можно отметить: количественный рост школ и библиотек в мусульманских деревнях в Благоевградском округе; повышение относительной доли грамотного населения; перемены в области социальной политики государства к мусульманскому населению и т. д. Начало было положено в 1948 году, когда было опубликовано Постановление Совета Министров № 38 об улучшении положения в Родопском, Пиринском и Странджанском крае¹. Сразу после этого открылись новые школы и библиотеки, развернулась деятельность, направленная на повышение грамотности населения в указанных регионах, причем не только через школы но и через различные курсы для взрослых.

Кинофикация второй половины XX века, частью которой является и распространение кино в мусульманских деревнях Юго-Западной Болгарии, осуществлялась в трех направлениях, посредством которых кино и достигало своих зрителей.

Первое из направлений – это создание стационарных киноустановок в отдельных деревнях; второе – превращение части этих установок в «кинотеатры маленького района», которые обслуживали не только деревни, в которых они находятся, но и все окрестные села, где киноустановок еще не было; и третье – т. н. «передвижные киноустановки», которые создавались в окрестных и околийских² отделах Государственного предприятия «Кинофикация»³, и целью которых было распространение кино в самых удаленных деревнях.

Настоящая статья посвящена исследованию роли и места «передвижных киноустановок» в процессе распространения кино в Болгарии в целом и в мусульманских деревнях в Юго-Западной Болгарии, в частности. Под «мусульманскими деревнями»⁴ в Юго-Западной Болгарии» будем понимать, прежде всего, мусульманские деревни в Западных Родопах, которые во второй половине XX века вошли в рамки бывшего Благоевградского округа.

Речь идет о деревнях в окрестностях города Гоце Делчев, или иными словами о деревнях, принадлежащих к району Чеча⁵. Сюда же добавим и три деревни в околии, находящейся в восточных хребтах Пирина – Брезница, Корница и Лъжница. В этих географических рамках в рассматриваемом периоде проживало от 30 до 35 тыс. человек, 2/3 из которых являлись мусульманами⁶.

В условиях социалистического государства кино выполняло с одной стороны пропагандистскую роль, а с другой – агитационно-воспитательную. И если целью пропаганды являлось популяризация успехов власти, то целью агитационной деятельности – коммунистическое воспитание зрителей и безусловный приоритет любви к родине и партии. На страницах докладов о распространении кино в Благоевградском округе 50–60-х гг. оно определялось как «могучее средство агитации», «новый источник знаний о действительности», «могучее средство повышения культурного уровня трудящихся», «боевой способ воспитания и перевоспитания» и т. д. В одном из докладов с середины 60-х гг. отмечалось, что «несмотря на то, кино является или нет искусством, у него неограниченные возможности для художественного воздействия на народные массы и благодаря своей легко доступности, оно превратилось уже в настоящий театр для народа»⁷. Наряду с этим, кино определялось как «воспитывающий фактор первостепенного значения», «социалистический просветитель масс» и т. д. То обстоятельство, что для партийных функционеров кино не воспринималось как искусство, а лишь как средство воздействия на людей, характеризует ту роль, которая ему отводилась в условиях социалистической Болгарии.

¹ См: Работническо дело, 24 май 1948 г. Бр. 121.

² Околия – административно-территориальная единица в Болгарии, входившая в состав округа.

³ После 9-ого сентября 1944 г., когда к власти пришли коммунисты, доминирующие в правительстве Отечественного фронта, начался процесс централизации системы Государственного предприятия «Кинофикация», в состав которого включались Центральный, Окружные и Околийские союзы (общества) с целью распространения кино и, конечно, пропаганды политики новой власти.

⁴ В рассматриваемых деревнях находились преимущественно болгарские мусульмане (болгаро-говорящее население, исповедующее ислам) за исключением деревень Дъбница, Хвостяне и Блатска, которые были населены турками (турецко-говорящие мусульмане).

⁵ «Чеч» – так называется область, в которую входят деревни Смолянского округа Болгарии, а также, не являющиеся объектом нашего исследования, территории в настоящий момент принадлежащие республике Греции. Распространение кино нам предстоит исследовать в деревнях, входящих в бывший Благоевградский округ, так как это административно-территориальное устройство, существовавшее в 50–60-х гг. прошлого века.

⁶ По данным переписи населения в Народной республики Болгарии в 1946, 1956 и 1965 гг. население региона составляло: 27 958 человек в середине 40-х гг., 30 313 в 1956 г. и 34 192 в 1965 г.

⁷ ДА-Благоевград. Ф. 676. Оп.2. А.е. 2. Л.15.

В ходе кинофикации мусульманских деревень в Юго-Западной Болгарии 50-60-х гг. было ни мало проблем. Во-первых, это недоступность и отдаленность преобладающей части из населенных пунктов, разбросанных по Западным хребтам Родопских гор.

Другим препятствием было отсутствие электричества в большей части деревень, которое можно было преодолеть только с помощью снабжения их специальными агрегатами. Наряду с этим приходилось преодолевать «религиозную консервативность» в этих деревнях, что дополнительно усложняло ситуацию.

В ежемесячных отчетах Околийского управления «Кинофикации» города Гоце Делчев особое место уделяется посещениям кино мусульманами. Это является показательным примером того значения, которое власть придавала распространению кино.

На самом деле кино оказывалось неизвестным/незнакомым для преобладающей части мусульманского населения в Юго-Западной Болгарии. В начале 1950-х гг. лишь незначительная часть из этих деревень была кинофицирована и большинство мусульман не знали что такое кино. В деревнях Брезница и Дъбница кино было, но там отмечают низкую посещаемость. Среди причин можно выделить: занятость населения в сельскохозяйственных делах, плохая материальная база – плохие или отсутствующие кинозалы/кинотеатры; плохая техника и т.д. Чтобы справиться с этими проблемами, киноработники Окружного предприятия «Кинофикации» в Благоевграде и Околийского предприятия Гоце Делчева, начали осуществлять т.н. «специальный кинопоказ» для мусульманского населения и, в частности, для женщин-мусульманок.

«Кино, которое предназначено для меньшинства в деревнях Дъбница, Брезница, Осиково, необходимо обеспечивать специальным дневным кинопоказом для женщин-мусульманок и, таким образом, улучшать кинообслуживание и выполнение плана»¹. Эта цитата показывает роль и значение специальных киносеансов для женщин-мусульманок. Несмотря на агитационную и разъяснительную деятельность в середине 50-х гг. все еще мало людей посещали кино в мусульманских деревнях, и поэтому в отчетах отмечается, что «болгаро-могамедане» не интересуются кино и фильмами».

Главной причиной не посещаемости кино можно считать страх, что женщина может быть «испорчена» в темном кинозале, а кинозал чаще всего воспринимался как «место разврата». Поэтому и усилия киноработников были направлены на то, чтобы превратить женщину-мусульманку в постоянного кинозрителя... В начале в наше кино не входили женщины, потомки исламизированных болгар. Потом начали посещать кино, но для них был доступен только балкон, где мужчины не могли бы заглянуть в них. Потом они могли и в салон попасть, но только в определенную сторону. После того мужчины сидели рядом со своими женщинами и наконец каждый садился туда куда хотел и куда указывал ему билет. С целью привлечения женщин-мусульманок в кино организовали специальные кинопоказы для женщин и обо всех них, посещавших кино, отмечалось в отчетах.

Следует отметить, что в то время не только женщины-мусульманки, но и все остальные женщины посещали кино реже, чем мужчины. И это обусловлено существовавшим половым неравенством, а также конкретными внешними объективными условиями, в которые были поставлены оба пола. «Женщины не посещали кино, да. Это воспринималось как разврат. В принципе могли идти в кино, но вместе с братом, с отцом, с матерью»² – так рассказывает один из современников описываемых событий, живущий в деревне Абланица.

В этом и состояла одна из основных проблем для руководителей кинотеатров, киномехаников, всех, кто обслуживал кино в мусульманских деревнях не только в Юго-Западной Болгарии. Труднейшей задачей киноработников являлось превращения кино из «места для разврата» в настоящее средство «воспитания трудящихся».

Наряду с организацией специального кинопоказа для выполнения плана предусматривались и коллективные посещения кино. Для этого мобилизовали большие группы для конкретных киносеансов. Наиболее часто в группах посещали кино школьники, кооператоры из Трудово-кооперативных земледельческих союзов (ТКЗС), а также члены общественных и политических организаций.

В ноябре 1956 г. из 28 деревень Гоцеделчевской околии (в которых проживало 19 460 мусульман), кино распространилось в 10 из них с 11 100 жителей, а в 18 деревнях с 8 360 жителей кино до того времени еще не было³.

¹ ДА-Благоевград. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 3. Л. 202.

² Информатор – Халил Узунов, с. Абланица. Все интервью, которые использованы в данной работе были переданы на сохранение в архив Института исследования недавнего прошлого, г. София.

³ ДА-Благоевград. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 7. Л. 44. Указанные данные не следует принимать как абсолютные, так как в них не включены деревни, в которых проживало население смешанного состава – и мусульмане, и христиане, как, например, Осиково, Сатовча и т. д.

Указанные данные свидетельствуют о том, что в первые годы после 9 сентября 1944 г. кино распространялось преимущественно в больших деревнях (которые были уже электрифицированы), в которых жила большая часть населения, а для маленьких сел этот процесс начался лишь в 60–70-х гг. С 28-го мая 1956 г. действовало распоряжение директора Государственного предприятия «Кинофикация» в соответствии с которым до 30-го июля необходимо было распространить кино по всем электрифицированным деревням¹.

Состояние распространения кино в среде мусульман можно проследить в отчетном докладе о работе Окружного предприятия «Кинофикация» в 1964 году. «В округе имеется 48 деревни с 41 337 жителями – помаки... Кинораспространение осуществляется в 37 деревнях с населением 36 296, в 11 деревнях с 5 141 жителем нет кинообслуживания»². Из этого видно, что в середине 60-х гг. для преобладающей части мусульманского населения Юго-западной Болгарии кино уже было знакомо, и только 1/8 часть этого населения находилась вне кинообслуживания. Здесь нужно уточнить, что есть разница между «кинофикацией» и «кинообслуживанием». Кинофикация включает оба понятия. «Кинофицированная деревня» – это деревня, в которой создан кинотеатр – стационарный или маленького района – и он находится именно в этой деревне. Примером являются деревни Брезница и Дъбница, которые имеют кинотеатры и, несмотря на то, что с 1954 года они обслуживают и другие деревни, сохраняют свой статус места с кинотеатром. Что касается термина «деревня с кинообслуживанием» или население, то в данном случае речь идет о населенных пунктах, в которых нет кинотеатра, а кино показывается с помощью передвижных установок или «кинотеатров маленького района». Примером является Абланица, в которой до 1960 года не было стационарного кинотеатра, и кинообслуживание проводилось с помощью передвижных установок Околийского предприятия «Кинофикация» Гоце Делчева.

Из всего вышесказанного следует, что роль передвижных киноустановок во второй половине XX века была значительной, т. к. именно они были призваны заполнить нехватку стационарных кинотеатров. Речь идет о передвижных установках для обслуживания населения регионов, в которых не было возможности построить кинотеатр. Оценивая роль передвижных киноустановок, власть Отечественного фронта в Болгарии, еще в конце 1945 г. разработала документ под названием «Плановая организация Болгарской кинематографии». В нем отмечалось, что и в будущем надо развивать передвижные киноустановки, так как они «и в настоящий момент и в дальнейшем будут единственным средством массового кинораспространения среди населения неэлектрифицированных деревень»³. Поэтому, как основная, определялась задача распространения кино в максимальном территориальном охвате, с целью довести до всех послания власти.

С этой целью еще в первые годы после 9 сентября 1944 г. был создан регламент передвижных киноустановок. 9 октября 1950 Совет Министров принял Распоряжение № 638, по которому должен был быть обеспечен транспорт, обслуживающий передвижные киноустановки⁴. Два года позже опубликовано Постановление Совета Министров № 91 (31 января 1952 г.), в котором определялись зоны и регионы действия передвижных киноустановок⁵.

Регламент передвижных киноустановок предусматривает и более конкретные условия их работы, с целью повышения качества обслуживания. 20 мая 1953 г. Государственное предприятие «Кинофикация» приняло Распоряжение № 9 о частном перевозе передвижных киноустановок. В нем определялось право частных лиц обеспечивать передвижение киноустановок и тарифы для оплаты их труда⁶. В следующем году вышла в свет Инструкция Государственного предприятия «Кинофикация», в которой регламентировалось передвижение киноустановок с помощью телеги, а также размер оплаты командировки работникам передвижных киноустановок и «кинотеатров маленького района»⁷.

На основе этой инструкции, транспортировка передвижных установок поручалась специальным транспортным структурам при Народных советах депутатов трудящихся, и только в случаях невозможности исполнения ими этой работы, предполагалось обращение к частным лицам. Таким образом, ограничивалась одна из последних возможностей частной инициативы в деле распространения кино, и практически полностью устанавливался государственный контроль.

¹ Там же. Л. 118.

² Там же. Л. 67.

³ ЦДА. Ф. 2. Оп. 1. А.е. 87. Л. 35–46.

⁴ ЦДА. Ф. 136. Оп. 6. А.е. 638. Л. 1–4.

⁵ ЦДА. Ф. 420. Оп. 1. А.е. 1. Л. 1–11.

⁶ ДА -Благоевград. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 2. Л. 47–48.

⁷ ДА-Благоевград. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 3. Л. 117.

Передвижные киноустановки являлись одним из обязательных условий кинораспространения в Болгарии в период социализма. В полной мере это относится и к распространению кино в Родопском регионе, где передвижные киноустановки применялись достаточно широко. Некоторые свидетельства содержатся в рассказе Цветко Монова: «Наиболее частое передвижное средство – мул. и зимой и летом по плохим дорогам они шли от деревни к деревне, и очень часто под открытым небом или в неподходящих помещениях показывали кино перед зрителями, ожидавшими новых фильмов с большим нетерпением»¹. Как отмечалось ранее, роль передвижных киноустановок – заполнить время от первой встречи с кино, от первого киносеанса до создания кинотеатра в данной деревне. В полной мере это относится и к «кинотеатрам маленького района».

Примерами в данном случае являются гоцеделчевские деревни Кочан и Абланица, в которых были передвижные киноустановки с начала 50-х гг. и до того времени, пока в обеих деревнях не были созданы свои кинотеатры (в 1959 и в 1960 году соответственно).

Следует отметить, что роль кинотеатров маленького региона была схожей, но в виду их ограниченного охвата действия, они не могли быть причислены к передвижным киноустановкам. На территории Благоевградского округа функционировали три передвижных киноустановки: Передвижная киноустановка № 5 – г. Благоевград; Передвижная киноустановка № 44 – г. Гоце Делчев; и Передвижная киноустановка № 31 – г. Сандански. Передвижной киноустановки не было лишь в Разложкой и Петричской околии, но там кино распространялось с помощью киноустановки Гоце Делчева и Сандански, которые обслуживали их некинофицированные деревни.

С точки зрения темы исследования наиболее значимой является передвижная киноустановка Гоце Делчева, так как в ее регионе оказывается самая многочисленная часть мусульманского населения².

Передвижная киноустановка в Неврокопе (Гоце Делчева) появилась в конце 40-х гг. и долгое время носила название «Передвижная киноустановка Околийского народного совета депутатов и трудящихся». И только в 1954 г. она была переименована в «Передвижное кино №44». Тогда она была оборудована кинопроекторным аппаратом «Украина» (для 16 мм кинофильмов); агрегатом З.Е.Л. знака № 323121, бензиновым двигателем с мощностью 3,5 лошадиных сил; автомобилем ГАС-АА-51, 45 лошадиных сил³.

В ходе функционирования передвижной киноустановки были трудности, которых не было при работе стационарного кинотеатра. Среди них первое место занимала проблема передвижения. С целью решения этой проблемы Центральным управлением ГП «Кинофикация» специально был выделен служебный автомобиль. При этом стоит отметить, что для кино маленького региона характерными транспортными средствами долгое время оставались сельскохозяйственные животные. Однако и машина создавала немало трудностей, о чем свидетельствуют отчетные доклады. Она быстро амортизировалась в условиях труднодоступных местностей и поэтому часто ломалась, срывая, тем самым, запланированные киносеансы. К тому же, некоторые деревни были недоступны для служебного автомобиля, и там чаще пользовались услугами телеги. Однако, передвижная киноустановка, несмотря на все трудности связанные с транспортными и дорожными проблемами, с труднодоступностью некоторых деревень, продолжала функционировать и даже увеличивала территорию своей деятельности.

В 1955 г. эта передвижная киноустановка обслуживала 13 деревень, в 1958 г. – 15, кроме того посещая Лесные хозяйства «Дикчан», «Беслен», Корнишское лесное хозяйство, и школьный лагерь «Папаз-чаир».

В качестве иллюстрации приведены данные Таблицы № 1 о киносеансах, проведенных с помощью Передвижной киноустановки № 44, с указанием деревень, в которых проводились киносеансы и численности населения на 1 ноября 1957 г. И получается, что в половине из них отсутствует мусульманское население. На самом деле их число 4 450 из общего количества 12 407 человек, т. е. 1/3 всех деревенских жителей местности, где проводила киносеансы данная передвижная установка. Следует отметить, что эти данные относительны, поскольку в некоторых деревнях, несмотря на то, что они указаны как мусульманские, проживали и православные, например, деревни Долен, Кремен, Обидим. Но в целом к концу 1957 г. в рассматриваемом регионе численность мусульманского населения составляла около 6–7 тыс. человек.

¹ Монов Ц. Развитие и дейност на народните читалища, кина, музеи те и другите културни институции в Родопския край (1944–1973)//Родопски сборник. 1976. Т. IV. С. 34.

² С 1957 г. в район функционирования Передвижной киноустановки № 5 входили также две мусульманские деревни – Долно Осеново и Церово.

³ ДА-Благоевград. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 9. Л. 158.

В виду специфического характера своей деятельности Передвижная киноустановка № 44 занимала первое место по частоте проводимых киносеансов в деревнях одной околии. Киносеансы проводились каждый день недели, в отличие от стационарных кинематографов и кино маленьких регионов, которые показывали фильмы только по пятницам, субботам и воскресеньям. Отличие было и в репертуаре: передвижная киноустановка показывала два фильма в неделю, а остальные только один. Эта разница объяснялась тем, что она обслуживала больше деревень с большим количеством населения. Что касается репертуарного плана, то отметим, что преимущество имели советские фильмы и фильмы из других социалистических стран. Очень редко показывались западноевропейские, индийские, латиноамериканские кинокартины и не было ни одной из Голливуда. «Народная власть, посредством своего предприятия «Болгарская кинематография» проявила большую заботу в целях обеспечения высокохудожественными и идейными фильмами (прежде всего советскими), что позволило раз и навсегда покончить с сентиментальными гангстерскими фильмами, целью которых являлось развращение зрителей, притупление чувства духовности и отстранение их от злободневных политических и экономических вопросов»¹.

Для улучшения работы и с целью популяризации кино использовались разные средства, среди которых был и проигрыватель (граммофон). Музыка проигрывателя была одним из средств для привлечения внимания населения в деревнях. «Передвижная киноустановка с частным проигрывателем до начала каждого киносеанса играла народную музыку и люди, которые возвращались после работ на поле, останавливались перед кино и слушали музыку...»². Это весьма показательный пример избирательности руководителей кино. Зачастую они применяли именно такие альтернативные методы рекламирования своей деятельности (которые были известны и их коллегам из городов).

Передвижные киноустановки являлись неотъемлемой частью распространения кино в Болгарии во второй половине прошлого века. В этом смысле их применение в мусульманских деревнях в Юго-Западной Болгарии тоже является показательным примером, являясь правилом, а не исключением. В виду отдаленности этих деревень и невозможности их кинофицирования в период 50-х – 60-х гг. Значение передвижных киноустановок возрастало еще больше. Распространение кино в мусульманских деревнях в Юго-Западной Болгарии во второй половине XX века развивалось как часть общей государственной инициативы о повсеместной кинофикации страны. Основной целью являлось применение кино в качестве пропагандистско-агитационного средства среди больших масс населения. Особое отношение, которое проявляло государство к мусульманам, обусловило специфику рассматриваемой проблемы. Эта специфика усиливается, с одной стороны, разнообразием мусульманских групп Болгарии в целом и, с другой, разнообразием мусульман в Западных Родопах. Таким образом, усиливаются индивидуальные особенности и локальная специфика данной проблемы.

Киносеансы в самых отдаленных и малочисленных деревнях являлись одной из самых главных задач пропагандой работы коммунистической власти. Ставилась цель распространить влияние системы Государственного предприятия «Кинофикация» на все население страны посредством кинофикации и кинообслуживания. Следовательно, предполагалось создать постоянный режим агитации и пропаганды при помощи киножурналов и фильмов. Значимость этого вопроса подтверждается серьезной работой в области кинофицирования мусульманских деревень в Юго-Западной Болгарии в 50-х – 60-х гг. Доказательством важности проблемы является и объем государственного финансирования.

Кино в деревнях рассматриваемого региона оказывалось тесно связано с социализмом. Кино регулировалось и контролировалось государством. Его история в Болгарии показывает его роль как инструмента пропаганды власти. Но, несмотря на это, кино стало частью жизни мусульман в Западных Родопах, и даже сформировало профессиональную группу кинорботников в среде мусульман. Кино было призвано внести разнообразие в жизнь местного населения и подготовить условия проникновения в нее телевидения. Телевидение же, в свою очередь, оказалось способно еще более упростить процесс доставки посланий власти до широких масс, и таким образом выполняя пропагандистскую роль кино обесмыслить его существование.

¹ Кьосев Б. Как вода де народна та власт в Пиринския край в област та на кинематография та // Пиринско дело. 12 февруари 1950 г. Бр. 7. С. 4.

² ДА-Благоевград. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 3. Л. 222.

Таблица 1

Деревни, обслуживаемые Передвижной киноустановкой № 44,
с указанием количества населения на 1 ноября 1957 г.¹

№	Деревня	Число жителей
1	Борово	583
2	Баничан	668
3	Господинци	457
4	Петрелик	470
5	Абланица	1 445
6	Долен	962
7	Кочан	1 679
8	Марулево	748
9	Плетена	1 240
10	Добротино	1 061
11	Делчево	581
12	Кремен	1 124
13	Обидим	1 056
14	Осеново	630
	Общее количество:	12 704

Примечание: курсивом обозначены деревни, в которых на 01.11.1957 г. мусульмане не проживали.

С. Ю. Иванова
(Северо-Кавказский федеральный университет)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Молодежь России представляет собой важнейший социальный ресурс развития общества, она является основным субъектом намеченных проектов и преобразований. Имманентное стремление молодежи к экспериментам, новому опыту и ощущениям на фоне меньшей, чем в старших возрастных группах рефлексии по поводу возможных последствий, является одним из главных источников риска. Молодежь, с одной стороны, выступает как движущая сила всех социальных преобразований, а с другой, представляет собой группу риска в контексте вовлечения в асоциальные акции и движения. Радикализм суждений молодежи, ее нетерпимость, стремление к решительным действиям, повышенная эмоциональность способствуют ее вовлечению в любое социальное движение, которое предлагает быстрые способы изменения ситуации.

В то же время поколение, родившееся и прошедшее процесс социализации в эпоху перестройки, постперестройки, политического демократического транзита существенно отличается от старших поколений и еще недостаточно изучено. Поэтому важность исследования социального самочувствия, социальных настроений и социальных ожиданий молодежи, очевидна. Актуальность подобных исследований высока на Юге России, одном из самых неравномерно развивающихся и «молодых» регионов страны.

Молодежь занимает существенное место в системе общественно-политических отношений Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Это обусловлено «молодёжным лицом» округа, в котором доля молодёжи в составе населения составляет 25–28 %. В целях оптимизации молодежной политики в субъектах РФ СКФО проведено социологическое исследование, которое явилось частью социологического опроса студенческой молодежи России «Социальное самочувствие и социальные ожидания молодежи в многонациональном обществе», проведенного в рамках деятельности Распределенного научного центра под руководством академика В. А. Тишкова в 2013 г.²

¹ Там же. А.е. 6. Л. 41.

² В четвертом квартале 2013 г. в субъектах РФ в СКФО было опрошено 1500 студентов государственных вузов гуманитарных, технических и медицинских специальностей в количестве 300 человек в каждом субъекте.

Показателем социального самочувствия являются миграционные установки молодых людей. По результатам опроса, миграционные установки выше всего у респондентов Ставропольского края, что можно рассматривать как проявление тенденции дерусификации региона, о которой в последнее время говорят многие эксперты СКФО.

Меньше всего миграционные установки распространены среди опрошенных в Чеченской Республике, Республике Северная Осетия-Алания, Республике Дагестан, что, на наш взгляд является показателем архаизации отношений в этих республиках, сложности адаптации молодых людей из этих республик в поликультурное пространство других субъектов (см. таблица 1).

Таблица 1

Установки респондентов на горизонтальную мобильность

Скажите, где территориально Вы хотели бы жить?	Всего по массиву	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Кабардино-Балкарская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Ставропольский край	Чеченская Республика	Республика Северная Осетия-Алания
Там, где живу сейчас	48,1	51,8 %	37,8 %	49,3 %	43,8 %	30,0 %	63,6 %	62,8 %
В другой стране	15,6	15,8 %	7,0 %	22,5 %	20,8 %	18,3 %	11,9 %	12,8 %
В Москве	10,4	10,1 %	26,6 %	3,6 %	7,6 %	10,0 %	4,2 %	10,6 %
В Санкт-Петербурге	9,2	12,9 %	16,8 %	6,5 %	6,3 %	11,7 %	3,5 %	6,4 %
В другом городе (населенном пункте) России	4,3	2,2 %	2,1 %	6,5 %	6,9 %	10,0 %	2,1 %	,0 %

Вообще следует отметить низкий уровень горизонтальной мобильности респондентов. В среднем каждый четвертый посещал соседние регионы и Москву. Лидером по посещаемости зарубежных стран является Турция (ее посетили 17,2 % участников опроса). Большая часть молодых людей вообще ни разу не выезжали за рамки своего региона, что не способствует формированию навыков межкультурного общения.

Именно с республикой у большинства участников опроса ассоциируется понятие «Родина» (см. таблица 2). Ассоциация Родины с Россией является приоритетной среди респондентов Ставропольского края и Республики Ингушетия.

Таблица 2

Понятие «Родина» для респондентов

С чем ассоциируется у Вас понятие «Родина»	Всего по массиву	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Кабардино-Балкарская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Ставропольский край	Чеченская Республика	Республика Северная Осетия-Алания
С моим регионом (краем, республикой)	56,7%	53,1%	29,2%	77,0%	69,4%	37,4%	67,4%	60,9%
Со страной Россией	51,6%	52,4%	32,6%	56,8%	64,6%	77,4%	24,3%	60,0%
С моим городом	31,6%	33,1%	20,8%	37,4%	36,1%	27,0%	29,2%	38,3%
С историей моего региона	17,5%	9,0%	12,5%	16,5%	18,8%	4,3%	45,8%	12,2%
С историей России	14,8%	6,9%	13,9%	12,2%	19,4%	33,0%	11,1%	9,6%
С местом на карте	3,8%	5,5%	1,4%	,7%	2,8%	5,2%	6,9%	4,3%

«Конкретное место, дом проживания или рождения» является образом Родины для каждого десятого участника опроса. Для абсолютного большинства (94,2 %) респондентов символом, образом Родины являются «государственные символы».

В контексте проблематики нашего исследования наибольший интерес представляет иерархия социокультурных идентичностей в регионе. Анализ ответов на вопросы о социокультурной самоидентификации респондентов позволяет сделать следующие выводы:

- гражданская, конфессиональная и этническая идентичность находятся на одном уровне, что содержит в себе риски конфликтной самоидентификации молодых людей СКФО, а также радикализации их социальных позиций;
- особенности социокультурной самоидентификации респондентов определяются спецификой этноконфессиональной среды республик СКФО;
- приоритет конфессиональной и этнической идентичности в Чеченской республике свидетельствует о сохранении социокультурных вызовов в этой республике.

Понимание этнической идентичности иллюстрируют ответы респондентов на вопрос о русских. Относительное большинство опрошенных (30,1 %) считают, что русским является только русский по происхождению, для 19,8 % русским можно назвать того, кто «вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры», 14,0 % респондентов согласны с тем, что русским можно назвать того, кто «русский язык является родным».

Мнение о том, что представители отдельных национальностей или этнических групп более склонны к совершению преступлений, поддерживает каждый десятый (10,8 %) опрошенный. Среди респондентов Ставропольского края согласны с данным мнением каждый третий участник опроса (35,1 %), что можно считать показателем роста ксенофобных настроений среди русского населения региона. Большинство участников опроса (55,4 %) считают, что такую точку зрения «распространяют те, кто хочет спровоцировать межнациональные конфликты в России», 14,2 % респондентов считают эту точку зрения выдумками СМИ, «которые гонятся за громкими сенсациями».

Следует обратить внимание, что каждый пятый участник опроса сталкивался в своей жизни с дискриминацией по национальному признаку. Лидером в этом отношении является Республика Ингушетия. Наиболее распространенными ситуациями, в которых респонденты сталкивались с целенаправленным ущемлением своих прав, по результатам опроса являются: получение медицинской помощи (20,5 %), устройство на работу и условия труда (19,5 %), взаимоотношения с полицией (19,0 %), в повседневном общении (16,0 %), получение образования (13,0 %). 41,1 % респондентов со случаями дискриминации не сталкивались вообще. О достаточно «взвешенном» отношении к «другим» свидетельствуют ответы респондентов на вопрос об их отношении к мигрантам. В основе суждений респондентов о трудовых мигрантах лежат: личные наблюдения и оценки (44,4 %), материалы Интернета (43,1 %) и телевидения (41,2 %).

Особый интерес представляют ответы на вопрос об «идеальном» периоде развития России:

- большинство участников опроса (43,9 %) не назвали «идеальный» период в развитии России (22 % – затруднились назвать такой период, 21,9 % – считают, что такого периода в истории России не было);
- для участников опроса более привлекательными являются периоды стабильности в истории российского общества;
- периоды кардинальных преобразований привлекательны для крайне небольшого количества респондентов, что является показателем «усталости» от постоянного реформирования российского общества в течение последних 10 лет, неудовлетворенности результатами этих реформ страхом перед дальнейшими непредсказуемыми изменениями.

Таким образом, социальное самочувствие региональной молодежи в социокультурной сфере характеризуется наличием рисков конфликтной (гражданская, этническая и конфессиональная) идентичности, потенциальным снижением сферы социальных взаимодействий за счет отсутствия условий для формирования навыков межкультурного общения.

РАЗДЕЛ II. КАВКАЗ, КАРПАТЫ И БАЛКАНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

М. Е. Колесникова
(Северо-Кавказский федеральный университет)

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Интеллектуальная история сформировалась в новое, оригинальное направление исторических исследований в последней трети XX столетия и сегодня представляет культурное явление в научном мире. Работающие в этом исследовательском поле ученые подходят к оценке исторического прошлого как к истории его постижения и понимания, отдавая предпочтение исследованию исторического нарратива (языку, структуре, содержанию текста и его форме). Предметом изучения является «историческое исследование» («исторический нарратив»). Привлекая знания и достижения современного психоанализа, семиологии, литературной критики, историки пытаются понять правила построения и прочтения исторических текстов. Внимание также уделяется изучению самого процесса интеллектуальной деятельности, в результате которой и был создан «исторический нарратив».

Формирование новой историографической культуры, признание многообразия методологических подходов и исследовательских приемов, реконструирующих прошлое, способствовало тому, что современная историография стала уделять пристальное внимание исторической памяти и историческим нарративам как профессиональных, так и непрофессиональных историописателей¹. Сегодня историки, работающие в области истории исторической мысли, обращают внимание не только на авторские концепции, но и на процесс создания «совокупности фактов», исторического нарратива.

Интеллектуальная история Северного Кавказа, как исследовательское направление, предполагает изучение результатов мыслительной деятельности представителей различных социокультурных страт региона. Широта поля интеллектуальной истории позволяет исследовать в ее рамках процесс историографического развития на Северном Кавказе и его историю. Это, в свою очередь, позволяет включать в корпус историографических источников труды не только профессиональных историков, но и широкого круга любителей и знатоков истории края. Особое внимание уделяется научному инструментарию исследователей, приемам интерпретации источников, прежде всего источников личного происхождения, своеобразию конструирования текстов, а также уровням внутридисциплинарных коммуникаций, паттернам местной (провинциальной) историографии. В поле зрения находятся также взгляды, психология, намерения авторов, влияние на них социума.

О существовании северокавказской историографической традиции как явления в исторической науке второй половины XIX в. позволяют говорить труды историописателей. Всесторонний историографический анализ их показывает, что провинциальная историография являлась неотъемлемой частью отечественной исторической науки.

Большинство сочинений провинциальных историков-любителей были выполнены в форме краеведческих описаний, представляющих собой наиболее распространенный тип научной работы во второй половине XIX в. Им был присущ комплексный подход, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений, иногда философско-лирических отступлений авторов. Работы различались по форме, тематике, содержали разнообразный материал, который позволяет не только воссоздать историю прошлого Северного Кавказа, но и увидеть сам процесс «создания» исторической науки. Проблематика исследований определялась стихийно и зависела в большей степени от научных интересов автора, особенностей и разработанности источниковой базы, ее доступности. На специфику краеведческих описаний оказывало влияние то, что объектом исследований был отдельно взятый регион – Северный Кавказ, с природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью определенного вида источников и, конечно же, со своей историей. В центр внимания провинциального исследователя попадали проблемы древней истории края, история его заселения и освоения, основания и развития городов, сел и станиц, вопросы церковного строительства, развития просвещения и культуры, археологии и этнографии, охраны памятников древности.

¹ См.: Маловичко С. И. Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А. Л. Шлецера). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001; Боярченко В. В. Историки-федералисты: Концепции местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 и др.

Внимание обращалось на развитие и взаимосвязь таких составных элементов сельской жизни, как природа, экономика, культура и быт. Необходимость научного анализа естественно-географических, исторических и экономических факторов определялась их важностью в развитии человеческого общества. Именно с изучения географических особенностей региона и начиналось краеведческое познание, описание истории отдельных сел и станиц.

Особое внимание северокавказские исследователи уделяли истории заселения региона во второй половине XVIII–XIX в., событиям Кавказской войны, основанию и развитию городов, сел, станиц, колоний менонитов. Именно этому были посвящены многочисленные работы тех, кто стоял у основ краеведения в регионе: А. П. Архипова, И. В. Бентковского, Г. А. Вертепова, В. Ф. Владимирского, Н. И. Воронова, Б. М. Городецкого, Н. Ф. Грабовского, С. К. Даля, Н. Я. Динника, А. Н. Дьячкова-Тарасова, М. И. Ермоленко, К. Т. Живило, М. Заалова, П. П. Короленко, М. В. Краснова, Н. Т. Михайлова, Д. М. Павлова, И. Д. Попко, Г. Н. Прозрителева, Л. П. Семенова, А. И. Твалчрелидзе, П. И. Хицунова, Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины и др. Их работы «невелики по объему, не блещут литературными достоинствами, но зато каждая из них содержит ценные данные, почерпнутые или из непосредственного изучения, или из архивных, мало кому доступных источников...»¹. Обширное творческое наследие провинциальных историописателей, насчитывающее сотни работ, представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей в архивах Северного Кавказа.

Результаты исторических исследований публиковались на страницах «Ставропольских губернских ведомостей», «Ставропольских епархиальных ведомостей», «Кубанских областных ведомостей», «Кубанских войсковых ведомостей», «Терских ведомостей», «Северного Кавказа», «Кубани», «Терека» и других газет. Краеведческие описания составляли основу содержания периодических изданий провинциальных научных обществ и учреждений: трудов Ставропольского губернского статистического комитета, Терского и Кубанского областных статистических комитетов, Ставропольского епархиального церковно-археологического общества, Общества любителей изучения Кубанской области, Кавказского горного общества, Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края, Ставропольской губернской ученой архивной комиссии и др.

Изучение научного наследия историков, краеведов тесно связано с исследованием их творческих биографий. Традиционное исследование персональной истории и изучение персоналий локальной истории осуществляются с помощью методов генеалогии, биографики, герменевтики. Это дает возможность изучения локальной истории через мировосприятие отдельных представителей северокавказского социокультурного пространства.

В рамках микроистории все большее внимание исследователей привлекает направление «новой биографической истории», в котором наиболее четко обозначена ключевая методологическая проблема соотношения и совместимости микро - и макроанализа. На первый план в исследованиях выходят проблемы самоидентификации личности, интересов личности, ее целеполагания, индивидуального выбора и инициативы, позволяющие проследить развитие культурных традиций, обычаев и представлений, определявших поведение людей в тех или иных исторических условиях.

Основное внимание в «новой биографической истории» уделяется анализу персональных текстов, источников личного происхождения, в которых запечатлен индивидуальный опыт и эмоциональное переживание героев исследований. В центре биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоции, искания, сомнения, отношения с родными и близкими, с окружающим миром. При этом герой биографического исследования рассматривается одновременно и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны родственников, близких людей, социальных групп, социальных институтов, формальных и неформальных сообществ. Возможности применения биографического метода в микроисторических исследованиях значительно шире.

Внимание исследователей привлекают и биографии ученых, в т.ч. историков. Одним из перспективных направлений отечественной исторической науки становится историческая антропология науки. Это направление предполагает не просто изучение менталитета, – по определению ряда ученых, оно гораздо шире и включает «в первую очередь изучение разнообразных форм быта и социальных практик». Историческая антропология науки позволяет рассматривать науку «как быт людей, имеющих себя учеными». Историк анализирует определенный уклад жизни, совокупность обычаев,

¹ Городецкий Б. М. Материалы для библиографии Северного Кавказа. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: Биобиблиографические очерки // Кубанский сборник. 1912. Т. 18. С. 333–396.

привычек, нравов и т.д. тех, кто занимается научными исследованиями. Данное направление позволяет «показать, как повседневная деятельность людей, в данном случае ученых, связана с их взглядами», а также «значение того, что они делают, в той культуре, к которой они принадлежат»¹.

Проведение подобных исследований на материалах Северного Кавказа чрезвычайно важно. Знание жизни и творчества предшественников, ученых и исследователей, краеведов приобретает первостепенное значение, помогает эффективно управлять наукой, содействовать становлению ученых и развитию научных направлений. Биографические исследования выступают в роли методологических ориентиров в поисках ответа на вопрос: почему открытие или творческое достижение было сделано тем или иным человеком в то или иное время. В целом историческая биография помогает в решении сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация. Лучшим доказательством этого служит работа известного кавказоведа В. Г. Гаджиева, посвященная мастерам отечественного кавказоведения².

В контексте современных подходов биографические исследования наполняются новым содержанием. Исследователи отмечают появление нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами – персональной истории³. Объектом ее исследований выступают персональные тексты, а предметом – история жизни отдельного человека во всей ее уникальности и полноте. Особенность этого направления состоит в том, что реконструкция личной жизни и судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех «следов» и «остатков» их деятельности рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как средство познания того исторического общества, в котором жили и творили герои биографических описаний. Исследователь сосредотачивает свое внимание на частном, индивидуальном и уникальном в конкретных человеческих судьбах.

Исследования в области исторической биографии осуществляются в Северо-Кавказском федеральном университете на базелаборатории биографических исследований, действующей в структуре научно-образовательного центра «Новая локальная история». Исследования проводятся в хронологических рамках второй половины XVIII – начала XXI вв. и посвящены личностям, чье воздействие на интеллектуальную историю города, края и региона было значительным. Концепция лаборатории позволяет использовать методы герменевтики, генеалогии, биографики, что делает возможным осуществление, как традиционных исследований персональной истории, так и изучение персоналий локальной истории. В рамках деятельности Лаборатории осуществляются следующие исследования: разработка источниковой базы биографических исследований; участие в подготовке региональных энциклопедий, энциклопедических словарей, биографических справочников и словарей; изучение трудов местных историков и исследователей через прочтение текстов (исторического нарратива), выявление методологических приемов и подходов авторов, методики их работы с источниками и их интерпретацией.

Т. А. Невская
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЕСТЬЯН СТАВРОПОЛЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Северокавказский регион представлял собой в вышеуказанный период аграрную окраину России со своеобразными социальными отношениями. Сельское население здесь не было однородно ни в правовом, ни в имущественном отношении. Основную массу населения в первой половине XIX века составляли казаки и государственные крестьяне. Однако с самого начала заселения края здесь стали поселяться крестьяне, приписанные официально к селам в центральной России, так называемые иногородние. Число иногородних на протяжении XIX – начала XX вв. постоянно росло как в абсолютном, так и в относительном выражении. В казачьих областях у жителей невойскового сословия практически не было шансов приписаться к станицам и получить земельный надел, на Ставрополье же до 70-х гг. XIX века такая возможность была. Здесь до получения «владенных записей» в 70-е годы сельские общества принимали в свою среду вновь прибывших крестьян, благо земельные просторы это позволяли.

¹ Цит. по: *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // *История через личность: историческая биография сегодня* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 41.

² *Гаджиев В. Г.* Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала, 2005.

³ *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонов М. Ю.* История исторического знания. М., 2004. С. 265.

Крестьяне-старожилы чувствовали свое превосходство по сравнению с вновь прибывшими переселенцами. Несмотря на то, что ставропольские крестьяне не сформировались в особую этническую группу и не имели этнонима, они отличали себя от жителей центральных областей страны, которых называли «российскими». Себя ставропольчане считали кавказскими жителями, это представление было основано на особенностях культуры и быта, которые сформировались под влиянием местных народов, в первую очередь, кочевых. Старожилы не упускали случая посмеяться над недавно прибывшими «из России», в частности их говором, внешним видом, подчеркивая, что на Кавказе не носят лаптей, одежды, характерной для России.

Таким образом, водораздел «свои–чужие» определялся в XIX веке во многом принадлежностью крестьян к местной общине. Поселившись на Кавказе, крестьяне старались как можно быстрее перенять принятый здесь тип костюма, построить дома по местному образцу, то есть не выделяться среди окружавших их старожилов. Через некоторое время пришельцы становились своими.

В последней четверти XIX в., когда вновь прибывших крестьян перестали причислять к общинам, и они навсегда оставались жить на положении иногородних, увеличился разрыв между ними и коренными крестьянами, как в имущественном, так и в правовом отношении. Браки заключались в своей среде; не имея земельного надела и вынужденные батрачить или арендовать землю, иногородние были значительно беднее крестьян-старожилов. К началу XX века иногородние составляли во многих селах половину населения. Именно они стали основным революционным элементом в ставропольских селах.

В начале XX века, как и раньше, в сознании крестьянина своими были те, кто принадлежал к общине. Однако ситуация теперь изменилась: появился значительный слой крестьян, которые вышли из общины добровольно, укрепив за собой надельную землю в результате столыпинской реформы. В культурно-бытовом отношении «выделенцы», как их называли, не отличались от общинников, но, тем не менее, они стали считаться чужими. Причем, исчезло добродушно-покровительственное отношение общинников к «чужакам». Между ними возникала настоящая вражда.

Ставропольские крестьяне, укрепившие землю в собственность, как правило, не имели возможности устроить на своей земле хутор из-за отсутствия воды, поэтому вынуждены были жить в одном селе с общинниками. Жители села крайне негативно относились к «выделенцам», собственнику зачастую нельзя было свободно пройти по улице, дети общинников кричали им вслед оскорбления, бросали камнями. Крестьяне разбирали у собственников каменные заборы, ломали ворота, не разрешали им брать глину и камень для построек вблизи села, не пускали скот и самим не давали воды из общественного колодца. Нередки были даже драки между общинниками и выделенцами.

Ситуацию усугубляла и политика местных властей, предоставлявших крестьянам-собственникам большие льготы. Так, на лекции агрономов в селе, где нередко бесплатно раздавали календари, сельскохозяйственную литературу и даже семена новых культур, пускали только крестьян-собственников. Общинники пытались прорваться в помещение, чувствовали себя обиженными. Строительная часть, организованная при землеустроительной комиссии, занималась возведением образцовых огнеупорных построек для хуторян, выдавала ссуды крестьянам-собственникам на возведение улучшенных построек. Землеустроительные органы снабжали единоличных хозяйства посадочным материалом для разведения садов. Все это вызывало зависть общинников.

Характерно, что такое восприятие «чужих» было связано именно с принадлежностью к общине, а не с имущественным положением. Выделялись из общины, как правило, среднего достатка крестьяне. Против разрушения общины на Ставрополье выступали как раз зажиточные хозяева, имевшие много скота, который выпасался на общественном выгоне. Это отмечали как правительственные чиновники в своих отчетах, так и сами крестьяне в анкетах ВОЭ. «Вражды были, богатые не хотели выходить из общины, а бедные настаивали. Богатые на общественной земле скот выпасали, бедный платит, а богатый пользуется»¹.

Таким образом, корни противопоставления «своих и чужих» в сознании крестьян в обозначенный период уходят, в первую очередь, в общинную психологию. Имущественное неравенство не играло в этом определяющей роли. Классовое сознание, то есть осознание общности интересов всего класса, у крестьян Северного Кавказа в этот период было практически не развито.

¹ РГИА. Ф.408. Оп.1. Д.629. Л.47 об.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАВКАЗА НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Вопросы исследования российскими учеными народов Северного Кавказа широко изучаются как общероссийскими научными кругами, так и отдельными региональными исследователями. Вместе с тем они несколько оторваны от военно-политических событий происходивших в регионе, без учета которых целеполагание и общее направление изучения региональных этносов в XVIII–XIX вв. остается достаточно туманным.

Взгляды на этносы, проживавшие на территории Кавказа формировались еще со времени первых контактов Московского государства с Кавказскими народами. Примерно с XVII в. российские военные администраторы начали вырабатывать собственные, по большей мере интуитивно создаваемые, классификации местных этнических групп. Их подход к народам региона первоначально был крайне схематичным и отражал цели всей политики Московского государства. Он не изменился и в ранний период российской империи. Вплоть до второй половины XVIII в. военных стратегов волновали не реальные этнические корни многочисленных местных сообществ, а лишь вопрос на чьей стороне выступит конкретная группа местных жителей при возможном столкновении с крымскими татарами, османами или иранцами¹.

Подходы к классификации народов целиком исходили из логики построения государством системы «вассально-союзнических» отношений. Имея лишь самые общие представления о географии расселения конкретных народов (например, изображая на картах XVII в., Кабарду в районе Таманского полуострова²), местные администраторы начали тщательно собирать сведения о кавказских владетелях и представителей местной знати, списки которых постоянно пополнялись вплоть до XVIII века. По логике военных, владетель с его подданными мог быть либо «мирным» – выступающим на стороне Московского правительства, либо «немирным» – поддерживающим его противников. Для тех местных жителей, кто под эти критерии не подходил, использовался собирательный термин «горец». Причем, по справедливой оценке американского исследователя Ч. Кинга, «за рамками этой концепции российская военная элита мало что знала»³. Следует отметить, что, несмотря на весь свой схематизм, дуалистическое деление на «своих» и «чужих» владетелей наложила большой отпечаток на классификацию кавказских этнических групп вплоть до начала XX века. Так, до 1917 г. российские власти в лице МВД продолжали составлять списки народов «более» и «менее» близких к русским⁴, что, несомненно, являлось атавизмом еще Московской политики на Кавказе.

Ситуация с подходами к изучению кавказских народов начала меняться примерно со второй половины XVIII в., когда полоса российских владений протянулась через весь Кавказский перешеек от Моздока на Тереке до Азова и вплотную подошла к Кавказским предгорьям. В состав страны вошло много подконтрольных территорий, где практика «вассально-дружественных отношений» заменялась прямым управлением из имперского центра. Составление списков влиятельных владетелей и фамилий, на которые власти могли бы опираться при проведении своей политики в регионе постепенно утрачивало свой смысл. Усложнение отношений с Кавказскими народами требовали новых сведений о них – администрации необходимо было лучше узнать жителей новоприобретенных Южных окраин. К тому же за Линией, в зоне стратегических интересов, находились владетели и общины, лишь номинально признававшие сюзеренитет Османов и Персов, что делало возможным перспективу их включения в состав российской сферы влияния.

Вместе с тем, вплоть до середины XVIII в. Россия продолжала по инерции использовать старый взгляд на Кавказскую политику. Он проявился даже во время известного Каспийского похода Петра I. Несмотря на то, что его подготовка сопровождалась определенными изысканиями и разведкой, царя интересовало больше состояние Персидской державы, чем границы этнических территорий на Кавказе⁵. Недостатки данного подхода ярко прослеживаются в тексте Петербургского мирного

¹ King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. New York, 2008. P. 101.

² См., напр.: Heffelo Gerardo. Tabla Russiae. MDCXIII.

³ King Ch. Op. cit. P. 101.

⁴ Материалы межведомственного совещания по вопросам о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения Российской империи / Министерство Народного Просвещения. СПб., 1909. С. 39.

⁵ Детально См.: Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти». Ставрополь, 2011.

договора, устанавливавшим новую, крайне условную, государственную границу в регионе. В тексте, помимо четко осознаваемых контуров этнических территорий указывались и крайне размытые географические ориентиры. «За Вашим величеством, – писал в донесении Петру I дипломат И. И. Неплюев, – подтвердили все то, что от шаха Тахмапса уступлено. А в Ширване от Баку до единения рек Аракса и Куры, а против Шемахи от моря две трети земли, а против Дербента на двадцать – тридцать часов. А Дагистаны все остались Вашему величеству и ничего о тех народах в трактате не помянуто»¹. Измерение границ «часами пути» и «третьими земли» было обусловлено крайне слабыми знаниями реального положения дел в регионе.

Задача по научному исследованию Кавказа была очевидна, однако она была явно сформулирована только при Екатерине II. Скорее всего, в изменении подходов к Кавказской политике, сыграл свою роль целый комплекс обстоятельств. Сама Екатерина II в рамках своей концепции «просвещенного абсолютизма» хорошо знала теории европейских просветителей, а в Европе в это время возникла «страсть к описательству», составлению всевозможных классификаций и систематизаций. Энциклопедисты XVIII века, по словам исследователей, охотно «описывали и неведомые колониальные территории в Африке и деревни, расположенные в получасе ходьбы от дома»². Идеи просветителей хорошо вписывались в цели общего исследования Империи, которые Екатерина II провозглашает в последней четверти XVIII в.

Кроме того, сама императрица очень широко мыслила: она признавала право на существование в своей стране иных культур и религий, приняла первый в истории России закон о веротерпимости ислама, и даже разрешила строить мечети в столице («не ради пропаганды магометанства, а чтобы ловить на удуду»³, – как она выразилась). В общей парадигме действий просвещенной императрицы, логичным выглядит организация ей и широкого изучения Кавказа.

Эта миссия была возложена на членов Российской Академии Наук, чьи так называемые, «Академические экспедиции», предпринятые на рубеже XVIII–XIX вв. впервые выявили этническое разнообразие региона. Большую часть исследований проводили академики немецкого происхождения. Некоторые из них родились в России, некоторые были в нее приглашены, однако у всех экспедиций были четкие военно-стратегические цели.

Первой серьезной научной экспедицией стало исследование И. А. Гильденштедта, академика немецкого происхождения, имевшего широкое медицинское образование⁴. Молодой исследователь в возрасте 23 лет, в 1768 г. покинул Санкт-Петербург. Зимой он по Волге прибыл в Астрахань, где шли приготовления к окончательным исследованиям Кавказа. Их общим руководством занимался П.-С. Паллас, а весь регион делился 2-е части, куда предполагалось направить самостоятельные экспедиции: И. А. Гильденштедт должен был описать центральный Кавказ и Грузию, а С. Г. Гмелин – Каспий и Дагестан.

Обе экспедиции имели старую военно-политическую составляющую. Так, в руководстве, данном И. А. Гильденштедту предписывалось, что исследователь должен был не только собрать всевозможные сведения о Кавказе, но и «наладить контакты с наиболее значимыми политическими лидерами» из числа местной знати⁵.

Экспедиция С. Г. Гмелина, которая изначально считалась менее опасной, так как шла по вобщем-то известным в России местам, закончилась провалом. Он морем был доставлен на территорию Закавказья, где описал персидские области Прикаспия и решил из них посуху вернуться в Россию – проехать через Дагестан, где попал в плен к уцмю Кайтагскому. Владелец требовал выкуп за исследователя и прятался в высокогорном ауле Кая-Кент от отряда генерала Медема, посланного с Линии на выручку исследователю. Судьба ученого сложилась трагически: пока власти отправляли солдат из Кизляра и собирали выкуп, Гмелин умер, а его литературное творчество пропало⁶.

И. А. Гильденштедту повезло больше, хотя его задача считалась сложнее. После нескольких месяцев подготовки, его экспедиция покинула Астрахань и перебралась в Кизляр, который должен был стать общей базой для исследователя.

¹ Цит по: Касумов Р. М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723–1813 гг.). Дисс. д-ра ист. наук. М., 2012. Л. 132.

² King Ch. Op. cit. P. 101.

³ Цит по: Резван Е. А. Коран и история России // Россия и Кавказ. С. 17.

⁴ Полную биографию исследователя См. И. А. Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С.13–14.

⁵ King Ch. Op. cit. P.102.

⁶ Памятник Гмелина // Потто В. А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. 1. Тифлис, 1906. С.21–25.

Из Кизлярской крепости исследователь медленно направился в сторону гор, записывая по пути все, что могло представлять хоть какую-либо ценность. В экспедиции были молодые исследователи и художник, помогавшие в сборе этнографического материала. Неизвестно, знал ли И. А. Гильденштедт в это время о судьбе С. Г. Гмелина, но он не питал иллюзий относительно местных владетелей. «Вероломство, лицемерие, хищничество, коварство, жестокость и непостоянство кавказских князей ни с чем несравнимо. Князь, который вчера торжественно признавал Россию, завтра будет строить козни и послезавтра станет открытым врагом. Если бы я не соблюдал всевозможную осторожность и осмотрительность, то я наверняка стал бы мучеником естественной истории»¹, – писал он.

Из Кабарды исследователь перебрался в Грузию, где общался с царями Имеретии и Кахетии. Последний приглашал ученого себе на службу, но Гильденштедт отказался. Весной 1775 г. экспедиция вернулась в Санкт-Петербург, где началась кропотливая исследовательская работа.

С собой Гильденштедт привез огромное количество сырого материала: письменных источников, заметок и выписок на разные темы, чертежей, рисунков, этнографических и природных экспонатов, оружия «всего, что могло пролить хоть какой-то свет на историю или культуру местных народов»². Все это теперь требовалось систематизировать, обобщить и обработать, а у исследователя не хватало сил, средств и главное – отсутствовала общая концепция (методологию ученого мы бы сейчас назвали «пост-модернизмом»). В 1781 г. Гильденштедт скоропостижно скончался от эпидемии, разразившейся в столице и его труд так и не был завершен.

Работу должен был довести до конца П.-С. Паллас – общий руководитель исследования. Как справедливо отмечают наши американские коллеги-кавказеды, ему понадобилось дополнительные три года, только чтобы разобраться в записках Гильденштедта и понять концепцию автора. «Паллас и его помощники долго корпели над архивами экспедиции в палатах академии Наук, тщетно пытаясь найти смысл в записках умершего, графиках и чертежах, перед тем, как окончательно отправить рукопись в печать»³.

В конечном итоге появился известный двухтомник: «Путешествие по России и Кавказским горам», который в 1787–1791 г. был издан в Германии на немецком языке. (Полностью и без купюр он был переведен на русский язык только в 2002 г.).

В работе Гильденштедта был заложен огромный научный потенциал, так как в России появилась первая классификация этнических групп (пусть даже условная), которая тяготела над всеми дальнейшими исследователями вплоть до конца XIX в.

Впервые в основу деления этносов легла не мысль об их разделении на «своих» и «чужих», а лингвистическая классификация. Сам исследователь старался составить списки наиболее употребляемых слов⁴. Эта деятельность стала началом составления разного рода кавказских разговорников⁵.

В целом ученым был собран богатейший этнографический материал, уникальный в своем роде и «то, что народы Кавказа знают о своей дописьменной истории и культуре – появилось только благодаря творчеству Гильденштедта»⁶.

Кроме того, на научных картах обозначились понятия этнических территорий, такие, как: Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня, Дагестан. «Конечно, не сам исследователь придумал эти термины, а они были известны задолго до него, но никто до Гильденштедта не додумался установить четкие границы этих земель и требовать использования географических ярлыков с величайшей аккуратностью»⁷.

Таким образом, в России появился некий кавказский справочник, который можно было использовать при организации управления местными народами. Однако, при всем этом, у деятельности исследователя были и существенные недостатки.

Труд Гильденштедта был, конечно, продуктом своей эпохи и содержал сильные и слабые стороны всего течения энциклопедизма: «отражая страсть Просветителей к описательству»⁸. Сам Гильденштедт рассортировал все предметы по неким выработанным им критериям, не задумываясь над объяснением самих принципов категоризации. Где-то он давал пространные описания, а в чем-то

¹ Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу. С. 39.

² King Ch. Op. cit. P.102.

³ Item. P.103.

⁴ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 311–374.

⁵ Ellis Georg. Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black Sea and the Caspian. London, 1788. Specimen of the Caucasian Languages. P. 58–80.

⁶ King Ch. Opp. cit. P.103.

⁷ Item. P.103.

⁸ Item.

ограничивался лишь несколькими чертами. И это его вполне устраивало. Он очень неаккуратен и непостоянен при использовании этнических терминов и особенно в их написании. В результате сильной стороной его работы стало деление Кавказа на географические зоны по этнолингвистическому признаку, но им больше дано описание природы и условий, чем морали и обычаев населявших их народов¹.

Кроме того, с точки зрения практической пользы для военной администрации Кавказа, с работой возникла определенная проблема – с момента начала исследования до публикации его итогов, прошло около 20 лет. За это время Россия успела построить Азово-Моздокскую Линию, ее границы продвинулись в предгорья, где начались столкновения с местными этносами. В этих условиях, сведения Гильденштедта изрядно устарели.

Ситуацию немного подправил П.-С. Паллас, который при публикации работы своего коллеги серьезно ее отредактировал, внося в ее текст некоторые поправки, основанные на собственных наблюдениях. Однако в целом, сдвиг административной границы в регионе срочно требовал корректировки для исследовательской работы.

В 1790-х гг. были совершены отдельные частные поездки исследователей на Кавказ. Они оказались фрагментарны и не принесли каких-то радикальных дополнений к общим знаниям властей о регионе. Это обстоятельство вызывало необходимость проведения повторного масштабного исследования. Оно и было поручено новой экспедиции, под руководством Генриха Юлиуса Клапрота, которая была организована в 1802 г.

Г. Ю. Клапрот родился в Берлине в 1783 г. в семье известного химика и профессора университета. За инновационные исследования в области восточных языков и этнологии он получил определенное признание в европейских научных кругах и был приглашен в Российскую академию наук. Поэтому, когда у Академии Наук возник вопрос о выборе кандидатуры приемника Гильденштедта для исследования приграничья (которое должно было быть проведено не в академической манере, а с точки зрения практических требований), личность Клапрота как руководителя экспедиции не вызывала сомнений².

Перед экспедицией была поставлена четкая задача. Как и предшественникам, Клапроту следовало описать весь регион, постаравшись не упустить ни одной детали, могущей быть полезной при освоении новых территорий. Кроме того, исследователю предписывалось дать оценку того, какие народы могут эффективно управляться Россией, а какие, «в силу грубости их культуры или иных материальных соображений лучше оставить за пределами поля зрения Санкт-Петербурга»³. По характеру вопросов, которые должен был прояснить ученый, можно судить о том, насколько скудными были знания самих российских академиков – наиболее образованной части общества – о той территории, на которую вскоре предстояло распространить имперское влияние. Так, наряду с корректировкой данных о расположении стратегически важных объектов на Кавказе (горных массивов, дорог, рек, населенных пунктов), исследователю следовало выяснить «действительно ли лезгинские женщины отличаются невероятной красотой»⁴ и «что произошло с некрасовскими казаками, после разрушения Анапы в прошлом году»⁵.

После получения задания, Клапрот осенью 1807 г. Покинул Москву. К ноябрю он достиг Предкавказских степей между Доном и Моздоком, затем проехал через Кабарду на Военно-грузинскую дорогу и побывал в Грузии. В начале 1809 г. Он вернулся в Петербург и принялся за написание нового научного труда.

Результаты деятельности Ю. Клапрота были столь же многогранны, как и творчество Гильденштедта. Исследователь не только доставил уточненные практические данные, но и свел воедино те идеи, которые в начале XIX века формировали обыденные представления о Кавказе и его жителях. По справедливой оценке Ч. Кинга, ученый покинул Петербург как этнограф, заинтересованный в исследовании неведомых народов, а вернулся в него как стратег, обдумывающий пути их покорения⁶.

Кроме того, творчество Ю. Клапрота во многом лежало в основе нового, европоцентристского представления о горце как об обладателе особых, отличительных от европейца, черт характера. Данная концепция использовалась им при описании многих горских народов, например, ингушей, которые, как пишет исследователь, «в соблюдении права гостеприимства, в вопросах владения общественной собственностью и справедливом распределении всего того, что дает им удача или случай,

¹ Item.

² Item. P.104.

³ Item.

⁴ *Klaproth J. Travels in the Caucasus and Georgia performed in the years 1807 and 1808. London, 1814. P.13.*

⁵ Item. P.11.

⁶ *King Ch. The Ghost of Freedom... P. 105.*

теряют всякое представление о дикой жизни и, кажется, руководствуются даже более гуманными чувствами, чем мы – алчные европейцы, которые представляют себя отполированными и цивилизованными... Свобода, дикость и благородство сквозят в их взгляде. Временами они склонны к насилию, но вскоре успокаиваются и их страсти выражаются без обмана или сдержанности. Они смотрят на жизнь как на концепцию судьбы и малейший признак страха почитают за величайший стыд; и по этим соображениям, скорее выберут наложить на себя руку, чем подчиниться воле другого»¹. Клише, созданное Ю. Клапротом, представляло начальную стадию формирования российского ориентализма, а образ «благородного дикаря», созданный исследователем оказался настолько притягательным, что тяготел даже над серьезными этнографами конца XIX в.

Вместе с тем, с начала XIX в. в регионе начинало разворачиваться противостояние, вылившееся в Кавказскую войну. Как человек, задумывающийся над решением практических проблем, Ю. Клапрот был одним из первых, кто пытался предложить властям общий план действий на Кавказе. Он состоял в идее строить большее количество российских укреплений, поддерживать дружеские отношения с представителями местных элит, а при необходимости, наносить военные удары по соседним с Линией обществам в наказание за их набеги на русских поселенцев. Ю. Клапрот так же одним из первых, задумался над невоенными методами покорения Кавказа, которые должны были сводиться с его точки зрения к строгому регулированию торговли солью и железом с горцами. Этой мерой должна была усилиться зависимость местных народов от России. Одновременно он предлагал установить строгий запрет на нерегулируемую торговлю между казаками и горцами, предупреждая, что это в перспективе могло привести к размытию четких границ оборонительной Линии².

В целом, академические труды рубежа XVIII–XIX вв. стали основой для дальнейших исследований, серьезно стимулировали их, выявили новые границы того, что срочно требовалось узнавать о местных народах. Однако у них был один общий недостаток – все труды писались учеными для таких же ученых, а не для широкой российской общественности³. Показательно, что работа Ю. Клапрота, изданная в Лондоне в 1814 г. была лишь в 2008 г. частично и крайне отрывочно переведена и опубликована на русском языке⁴. В контексте проводимых мероприятий требовались новые исследования, ориентированные не на узкие научные круги, а на нужды широкой общественности.

Сведения, собранные академиками нуждались в дальнейшей детализации, а карты, созданные на их основе были крайне приблизительными и неточными. При взгляде на них, видна пестрая смесь разных ярлыков: часть народов поименованы по месту их проживания, часть – по лингвистическим характеристикам, часть по смутно осознаваемому этническому принципу. Кроме того, сохранялись старые владельческие ярлыки (типа «территория Барагунского владетеля» или «земли Шамхала Тарковского»); оставалось немало и «безымянных земель»⁵.

Однако, благодаря «Академическим экспедициям» в России не только появились первоначальные знания о регионе, но и стала составляться некая «ментальная карта» проживающих в нем народов. В регионе были четко обозначены контуры проведения внутренней политики – элементы концепции Ю. Клапрота мы можем проследить в действиях российской администрации на протяжении всей Кавказской войны, а новая ментальная карта, «была той линзой, через которую строители Российской империи смотрели на регион»⁶, и формировали представления, которыми руководствовались в своих практических действиях.

¹ *Klaproth J. Travels in the Caucasus...* P. 344.

² *King Ch. The Ghost of Freedom...* P. 106.

³ *Item.* P. 107.

⁴ *Клапрот Юлиус. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах.* Нальчик, 2008.

⁵ *Ellis Georg. Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black Sea and the Caspian.* London, 1788.

⁶ *King Ch. The Ghost of Freedom...* P.143.

ОБРАЗЫ И РЕАЛИИ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX в.¹

В настоящее время, исследователи, занимающиеся проблематикой Кавказской войны, все чаще обращаются к понятию «фронтира» – как собой зоны российско-кавказского пограничья, не только и не столько отделяющего фронт от тыла, сколько места соприкосновения двух миров: российского и кавказского. Даже самые предварительные итоги его исследования показывают, что жизнь людей внутри этого пространства была необыкновенно разнолика и феноменальна. С одной стороны, бесконечные грабительские набеги горцев и ответные военные экспедиции, организуемые российским командованием. С другой – постепенные процессы взаимопроникновения, тяготения к великой державе, ее культуре. «В этом многоцветном и пульсирующем мире, – подчеркивает В. В. Дегоев, – образ врага зачастую утрачивал свои классические формы, превращаясь в объект, вызывавший смешанные чувства и провоцировавший тягу к взаимопознанию и взаимоподражанию»².

Не ставя перед собой задачу показать всю многогранность исторической действительности российско-кавказского приграничья, охарактеризуем его отдельные образы, созданные и дошедшие до нас благодаря военной публицистике первой половины XIX в.

Кавказ того времени был мало известен русскому человеку, там не бывавшему. По меткому замечанию полковника Р. А. Фадеева «...Кавказ около полувека оставался в совершенной тени, и публика судила о нем по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на Пятигорские воды»³.

Представление о новой окраине России и народах ее населяющих формировалось у читающей публики в первую очередь посредством публикаций на страницах периодических изданий. Это были отдельные описания местностей, этнографические зарисовки и эпизоды кавказского быта, авторами которых нередко являлись российские офицеры. Выполняя военные задачи на границах Кавказских гор, они не могли не начать присматриваться к региону, посвящая его изучению и описанию часы своего недолгого досуга. «Меня интересовал край, при мне родившийся, на моих глазах развивающийся» – так обоснует мотивы такой творческой деятельности впоследствии, в своих воспоминаниях один из современников⁴.

К военным авторам, принимавшим непосредственное участие в формировании представлений о российско-кавказском пограничье в русском общественном сознании первой половины XIX в., по праву следует отнести генерала Илью Тимофеевича Раджицкого (1788–1861 гг.). Его имя незаслуженно забыто современной историографией. Кадровый военный, генерал-майор артиллерии, участник Отечественной войны 1812 г. Воспоминания о тех событиях нашли отражение в его «Походных записках артиллериста», пользовавшихся большой популярностью у современников и не потерявшие своей исторической значимости в настоящее время.

В 1823 г. Раджицкий был отправлен на Кавказ в Отдельный Кавказский корпус генерала А. П. Ермолова. Путь его лежал в г. Георгиевск, где в то время находился штаб командующего войсками Кавказской линии. В это время Илья Тимофеевич активно сотрудничал с журналом «Отечественные записки», на страницах которого стали появляться его публицистические заметки по кавказской тематике.

3 мая 1823 г. в письме к издателю этого журнала историку и писателю П. П. Свиньину он писал: «Как Вы сами изъявили доброе желание получать какие-либо статьи для Вашего журнала, то я, не упуская случая, стараюсь услужить Вам, чем могу... Препровождаю «Описание дороги от Дона до Георгиевска», с картинкой, как умел, не будучи искусным живописцем»⁵. Допуская возможные редакторские правки и сокращения, Раджицкий просил в случае опубликования его материалов прислать ему «одну книжечку для памяти».

В том же году первая публикация Раджицкого появилась на страницах «Отечественных записок» и по своему содержанию представляла весьма полезный материал для отправляющихся на Кавказские минеральные воды, «искать в них спасения от усладительной отравы роскошной жизни»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв.», проект № 14-01-00251.

² Дегоев В. В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. С. 8.

³ Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войны. М., 2007. С. 145.

⁴ Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. 1883. № 6. С. 322.

⁵ Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свиньину Ильи Раджицкого // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1874. Кн. 2. С. 113.

или «исцелять раны чести за спасение и в славу Отечества понесенные»¹. «Описание пути сего, – пишет Радожицкий, – менее опасного, нежели от Моздока к Тифлису, но также в воображении многих соотечественников наших представляющегося пустынным, бесплодным и затруднительным, полагаю, будет не излишним... Многие думают, что пространство от Новочеркасска, или даже от самого Воронежа представляет более или менее пустынную, ужасную степь без пристанищ, без приюта, а потому, чтобы несколько разуверить в сем, я намерен сделать верное описание пути от Дона до Георгиевска...»².

Коснувшись вопроса о присоединении Кавказа к России и объяснив читателям каким путем лучше всего ехать к Кавказским минеральным водам, автор приводит описание быта и промыслов донских казаков, через земли которых он проезжал, упоминает о зимнем кочевье калмыков и карантине, расположенном на границе Кавказской губернии. Не остались без внимания автора крестьянские селения, раскинувшиеся на более чем двухсотверстном степном пространстве до Ставрополя. «Селения большие, состоят из переселенцев Великороссийских губерний: Орловской, Тульской, Курской. Живут они хорошо, в довольствии и может быть лучше, нежели в настоящем своем Отечестве. Мне случалось проезжать через эти селения в Вербное Воскресенье, и я не мог налюбоваться их благосостоянием...»³.

Заслуживает внимание описание Радожицким недавно возникших в Предкавказье российских городских центров, в том числе Ставрополя. «Положение города вообще красивое и выгодное, – пишет автор. – Город сей, хотя второй после Георгиевска в Кавказской губернии, однако он по положению места более перед сим имеет преимуществ: строением обширнее, многлюднее и для жительства здоровее. Воды здесь хотя неизобильно, но довольно есть чистых источников... Домики небольшие, наподобие белых малороссийских, но есть несколько купеческих больших каменных, улицы прямые». «Есть слухи, – замечает Радожицкий, – что правительство, уважая преимущества Ставрополя над Георгиевском, намерено сделать его губернским городом и украсить еще более казенными строениями»⁴.

Внимание современных историков-кавказоведов привлекут представленные современником характеристики военно-административного центра Кавказской губернии. «Георгиевск с близ лежащею при нем станицею кажется издали большим городом, – замечает Радожицкий, – но в самой сущности состоит из крепостицы, двух предместий и слободки, всего до 300 домиков, посему жителей не более полутора тысячи. Говорят, город был значителен до 1809 г., но когда пожар истребил большую его часть, с тех пор не может поправиться... Жители в Георгиевске живут довольно весело. Я удивился, когда увидел в здешнем благородном собрании до 30 дам и до 40 кавалеров из служащих военных и гражданских чиновников... Впрочем здесь нет той нарядности и блеска, коими отличаются благородные собрания больших российских городов, потому что нет здесь модных торговых и французских магазинов»⁵.

Сочинение Ильи Тимофеевича включало в себя описание Кавказских гор – источника вдохновений для живописца и поэта, а также первые впечатления от увиденных им местных жителей: «... угрюмые, загорелые лица под широкими, мохнатыми шапками; одеты в серых полукафтанах с патронами на груди, перепоясанные кривыми саблями или с кинжалами... Приезжают на тощих, поджарых лошадях; большею частью сами покрыты с плеч длинными бурками, которые во время скачки развиваются и тем увеличивают воинственный вид...»⁶.

Публикация Радожицкого вызвала живой отклик. На страницах «Сына Отечества» историк донского казачества В. Д. Сухоруков хотя и выражал искреннюю признательность автору «за сообщенные им известия о таком крае, с которым доселе еще никто хорошо соотечественников наших не познакомил», тем не менее, высказал в его отношении ряд критических замечаний. «...Быв на Дону только проездом, – писал Сухоруков, – естественно не мог он обнять представлявшихся ему предметов во всей точности, и потому в замечания его легко вкрались многие погрешности»⁷, которые заметил и исправил Сухоруков, будучи сам уроженцем Донского края.

¹ Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска на пространстве 500 верст // Отечественные записки. 1823. Ч. 15. С. 344–345.

² Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска... С. 345.

³ Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска... С. 346.

⁴ Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска... С. 358–359.

⁵ Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска... С. 365–371.

⁶ Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска... С. 368.

⁷ Сын Отечества. 1823. Ч. 88. С. 318–328.

Критические замечания подтолкнули Радожицкого написать ответы своему оппоненту и развернувшаяся на страницах «Сына Отечества» так называемая «чернильная война» по детальности и красочности описаний (в первую очередь организации казаками переправы через р. Дон) представляет в настоящее время большой интерес для исследователей быта и нравов донского казачества¹. При этом следует заметить, что критиков той части публикации Радожицкого, в которой описывалась дорога от границ земли донских казаков до Георгиевска в то время не нашлось.

Находясь в Георгиевске, Радожицкий продолжал отправлять П. П. Свиныну свои тонкие наблюдения. «Правда, что край, ныне мною обитаемый, в виду седого Кавказа, занимателен во многих отношениях, – писал он редактору «Отечественных записок», – но так мало тут людей мыслящих, что среди обиталищ, кажется, живешь в пустыне»². На просьбу Свинына подыскать в Георгиевске новых подписчиков на его журнал Радожицкий отвечал: «Из живущих здесь я не замечаю еще людей, которые захотели бы излишек своего достояния употребить для просвещения; ибо чиновники бедные приезжают более за чинами, помещиков почти нет, а о купцах и спрашивать нечего...»³.

В августе 1823 г. в одном из писем П. П. Свиныну Илья Тимофеевич писал: «Посылаю при сем к услугам Вашим часть моей «Прогулки к Кавказским Минеральным Водам», а другую пришло в скором времени. Желая, чтоб она Вам понравилась, годилась бы в Ваш журнал и доставила бы Вам как можно менее труда для перемарки и поправления»⁴. Опубликованная на страницах «Отечественных записок»⁵, эта работа Радожицкого представляла собой одно из самых ранних литературных описаний курортных поселений у серных, кислых и железистых вод. Автор характеризовал развернувшиеся на водах работы по их обустройству, мероприятия по изучению их целебных свойств, картины из курортной жизни «общества водопьющих». Все это должно было благоприятно воздействовать на жителей других регионов России, на Кавказе ранее не бывавших, но не исключающих возможности поправить свое здоровье у его целительных источников. Как настоящий патриот своего Отечества Радожицкий подобного рода литературными сочинениями стремился привлечь новых отдыхающих на Кавказские минеральные воды и тем самым способствовать их дальнейшему развитию и процветанию. Любопытно отметить, что после публикации «Прогулок по КМВ» в списке посетителей источников 1825 г. оказался и издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свинын.

За статью о Кавказских минеральных водах Радожицкий удостоился благодарности командующего Отдельным Кавказским корпусом А. П. Ермолова, многое сделавшего для благоустройства и процветания курортных поселений у минеральных источников Кавказа.

«Заботы по службе много отнимают у меня времени: я беспрестанно в разъездах и на походе» – сетовал в то время Радожицкий. Впрочем, несмотря на большую занятость, Илья Тимофеевич не изменял своему жизненному кредо – «всякий любопытный предмет не упускать без замечания». В 1826 г. у читателей «Отечественных записок» появилась возможность познакомиться с его «Письмами из Ставрополя», в которых приводились зарисовки из текущей жизни российско-кавказского пограничья. Это и благоустройство курортных поселений у Кавказских минеральных вод, и характеристика торжеств в г. Ставрополе, приуроченных к коронации нового императора Николая I в ноябре 1826 г., сведения о находке клада серебряных монет времен Петра Великого и другие разноплановые материалы, которые в дальнейшем, по словам Радожицкого, могли бы лечь в основу «любопытных известий о нашем крае».

Помимо официальных корреспонденций Радожицкого, большой интерес представляют этнографические зарисовки военного публициста. Так, например, в повести «Кыз-Брун» Радожицкий передавал горскую легенду о происхождении названия «Кыз-Брун» (Девичий мыс), данного горе в Большой Кабарде, на правом берегу Баксана. Захватывающее повествование рисует образ жителей гор и рассказывает о печальной участи красавицы Зюльмы, безвинно пострадавшей из-за своего ревнивого мужа.

Благодаря таким публикациям у читающей российской публики появлялась возможность поближе познакомиться с обычаями горцев, узнать их легенды и предания. Интересно отметить, что тенденция, направленная на изучение особенностей культуры и быта местного населения была характерна для многих офицеров Кавказского корпуса. Об этой удивительной черте российско-кавказского приграничья писал, напр., М. Ю. Лермонтов в очерке «Кавказец». Описывая превращение

¹ Сын Отечества. 1823. Ч. 89. С. 165–180.

² Письма с Кавказа... С. 116.

³ Письма с Кавказа... С. 119.

⁴ Письма с Кавказа... С. 117.

⁵ Радожицкий И. Прогулка к Кавказским минеральным водам // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. Ч. 17.

молодого романтического офицера в опытного кавказского служаку Лермонтов замечает: «Он полюбил жизнь простую и дикую... он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, заполнил родословные главных семейств...»¹.

Наконец, пожалуй, самые яркие образы жизни российско-кавказского приграничья дает нам написанная И. Т. Раджицким черкесская повесть в стихах «Али-Кара-Мирза». Впервые повесть была опубликована в Москве, в 1832 г. как отдельное издание. Свою работу автор скромно называл «безделкой» и «плодом часов отдохновения от важнейших занятий по службе», хотя, по замечанию профессиональных критиков, черкесская повесть в стихах может быть поставлена в один ряд с лучшими произведениями русской литературы первой половины XIX в., посвященных Кавказу.

Герой повести – историческое лицо, кабардинский князь Али-Кара-Мирза, бежавший за Кубань во время восстания Кабарды в 1822 г. Обосновавшись у истоков реки Лабы, почти в непреступном ущелье, он видел основной целью своей жизни борьбу с русскими и не прекращал своих разрушительных набегов на Кавказскую линию. В 1824 г. в ответной карательной экспедиции российского командования за Кубань он был убит.

В повести Раджицкий показал себя приверженцем модного в то время в русской литературе романтизма. Вслед за А. С. Пушкиным, он рисует образ гордых и свободолюбивых горцев, живущим по своим обычаям и традициям:

«Им мило жить всегда в горах,
Без принуждения, по воле,
Летать орлами в чистом поле,
Ловить добычу, промысл знать:
Губить, жечь, грабить, разорять,
Не знать суда иной расправы,
Как острый при бедре булат –
Такие у черкеса нравы...»².

Главным сюжетом в повести является описание бесконечных военных столкновений на Кавказской линии, ставших неотъемлемой составляющей повседневной жизни российско-кавказского приграничья. С одной стороны Раджицкий показывает формы набегов горцев на Кавказскую линию:

«...Иной скрылся за кустами,
Караулить у дороги,
И завидя, как с волами,
Едет сонный, свесив ноги,
Гикнет миготом из засады,
Нападает на сонливых,
И за подвиг свой в награды
В плен уводит баб трусливых...»³.

С другой стороны не менее ярко в повести представлены ответные мероприятия российского командования и воспет образ генерала Алексея Петровича Ермолова, имя которого стало на Кавказе легендой еще при его жизни:

«...Кавказа снежные вершины,
Двуглавый Казбек вековой,
И страшны Терека пучины
Смирились под его пятой.
Хребет нагорный раздвоился,
Мостами Терек укротился,
В ущельях ветер, не смеет дуть!
Где он идет – свободен путь...»⁴.

Конечно, Раджицкий был человеком своей эпохи. Как кадровый военный он не сомневался в правильности действий российского правительства на Кавказе. Тем не менее, как офицер мыслящий, он не мог не задумываться над причинами эскалации военного конфликта на Северном Кавказе.

¹ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М.Ю. Проза. М., 1985. С. 208.

² Раджицкий И. Али-Кара-Мирза. Черкесская повесть в стихах. Нальчик, 2002. С. 36.

³ Раджицкий И. Указ. соч. С. 12.

⁴ Раджицкий И. Указ. соч. С. 14.

Устами одного из героев повести – князя Джембулата, автор делает вывод, к которому пришел он сам за период многолетней службы в крае:

«Но кто виной? Не кабардинцы ль сами?
Кто раздражал урусов грабежами?
Их дружбою зачем не дорожим?
Во вред себе мы им вредить хотим,
Но силы где, и что нам для защиты?
Толпы рабов и буйные джигиты!...»¹.

Понимание Раджицким, что насилие порождает насилие и набеги на казачьи станицы влекут за собой ответные силовые действия российского командования приводят его к выводу о бесперспективности и бессмысленности горского сопротивления, который квинтэссенцией звучит в конце повести:

«Ах! Зачем бессильным драться!
Лучше власти покоряться,
Чем буйнить, резать, жечь,
И без славы в прахе лечь!»².

В целом, произведения И. Т. Раджицкого являлись лишь частью того литературного потока о Кавказе, который в первой половине XIX в. попадал на страницы российских периодических изданий. Этнографические материалы, собранные офицерами, их путевые записки, повести и поэмы, публикуемые в «Отечественных записках» и др. изданиях постепенно «открывали» Кавказ читающей публике. И хотя возглавляли этот литературный поток произведения, ставших классиками русской литературы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, работы военных публицистов сыграли в нем свою роль, создавая яркие картины из жизни новой окраины России.

Н. А. Трапиш
(Южный федеральный университет)

АБХАЗИЯ XIX СТОЛЕТИЯ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ А. Н. ДЬЯЧКОВА-ТАРАСОВА

В конце XIX – начале XX столетия предшествующие десятилетия абхазской истории, наполненные героическими и трагическими событиями, получают первую обобщающую характеристику, связанную с исследовательской деятельностью талантливых краеведов – К. Д. Мачавариани, П. П. Короленко, И. И. Пантюхова, А. М. Эмухвари. В указанном ряду особое место занимает Александр Николаевич Дьячков-Тарасов, приблизившийся в собственном творчестве к лучшим образцам профессионального историописания соответствующей эпохи. Специальные работы кубанского краеведа, посвященные интегрированной оценке абхазской истории XIX столетия, до настоящего времени представляют значительный интерес для профессиональных исследователей, что определяется двумя существенными обстоятельствами. С одной стороны, А. Н. Дьячков-Тарасов не довольствуется личными впечатлениями и устными рассказами информированных современников, а использует широкий спектр разнообразных исторических свидетельств. Источниковая база кубанского краеведа включает не только абхазские предания, но и масштабные нарративные источники личного происхождения, созданные известными представителями российской военной и административной элиты – А. П. Ермоловым, Н. Н. Раевским, Г. И. Филипсоном. С другой стороны, А. Н. Дьячков-Тарасов в отдельных случаях критически воспринимал источниковую информацию, осуществляя тщательный отбор эмпирического материала на основе рационалистической логики. Подобный подход не является типичным явлением для отечественного краеведения XIX – начала XX столетия и сближает масштабные труды кубанского исследователя с профессиональной историографической традицией, начинавшей формироваться в области кавказоведческих изысканий.

Исторические построения, посвященные избранной проблематике, объединяются общей идеей, согласно которой последовательная инкорпорация Абхазии в Российскую империю привела к системной интеграции местного общества и постепенной ликвидации феодальных пережитков. По мнению А. Н. Дьячкова-Тарасова, «сильной и централизационной власти предстояло объединение

¹ Раджицкий И. Указ. соч. С. 18.

² Раджицкий И. Указ. соч. С. 58.

Абхазии, уничтожение феодального периода, из которого Абхазия даже при сильном и умном Михаиле Шервашидзе так и не выбралась вплоть до обращения Абхазии в Сухумский отдел»¹. Авторская аргументация, основанная на значимом и разнообразном эмпирическом материале, подтверждает указанные положения, но не учитывает многочисленные факты, противоречащие исходной концепции. Безусловно, российской администрации удалось нейтрализовать внутренние конфликты между влиятельными фамилиями, искоренить вековую работорговлю, оздоровить «гиблые места» с нездоровым климатом и организовать доступное начальное образование для местных жителей. Кубанский краевед отмечал, что «власть князей Шервашидзе значительно была бы сильнее, если бы время от времени ей не наносилось сильных внешних ударов, к которым присоединялись междоусобия между отдельными членами этого рода, которые в свою очередь искали поддержки у дворянских родов, и тогда Абхазия раздиралась междоусобиями на части»². Однако указанным достижениям сопутствовали не менее весомые издержки, связанные с демографической катастрофой, предопределенной массовым махаджирством, аграрным кризисом, детерминированным полным запустением отдельных регионов, и расширенной миграцией мегрельских и грузинских крестьян, поддерживаемой царской администрацией и обернувшейся ожесточенной борьбой за физическое сохранение абхазского этноса через несколько десятилетий. А. Н. Дьячков-Тарасов, несомненно, имел реальное представление об указанных проблемах, но предпочитал интерпретировать негативные явления как неизбежные потери на тернистом пути в светлое будущее.

Отечественные кавказоведы, оценивая абхазский исторический процесс XIX столетия, часто следовали за политизированными оценками, исходившими от имперской администрации и закрепившимися в массовом сознании. Указанная тенденция проявляется и в некоторых фрагментах профильных исследований А. Н. Дьяčkова-Тарасова, связанных с начальным этапом системной инкорпорации Абхазии в Российскую империю. В частности, он полностью разделял официальную версию трагической гибели Келешбея Чачба, согласно которой организатором предательского убийства выступал старший сын абхазского владетеля Асланбей, подстрекаемый турецкими властями. А. Н. Дьячков-Тарасов отмечал, что «в 1808 году Келеш-бей, под влиянием происков Порты, недовольной им ... был убит собственным сыном Асланбеем, много бедствий принеся Родине»³. Создавая традиционный образ жестокого отцеубийцы, кубанский краевед одновременно формировал позитивные портреты пророссийских владетелей Сефербея и Михаила Чачба, наделенных государственной мудростью, внешним шармом и полным набором других добродетелей. Подобные оценки трудно признать реалистичным отражением абхазской действительности XIX столетия, но они составляют редкие исключения рассматриваемом тексте, основанном на критически рассмотренных фактах. Применительно к рассматриваемой проблеме несомненным достижением А. Н. Дьяčkова-Тарасова следует признать последовательное формирование адекватного образа мегрельских владетелей Дадиани, выступающих не только в привычной роли преданных проводников российской политики, но в новом качестве лицемерных и вероломных правителей. Кубанский краевед выражает принципиальное сомнение в том, что имперской администрации следовало использовать таких сомнительных союзников, дискредитировавших Россию в глазах местных сообществ.

А. Н. Дьячков-Тарасов предложил адекватную и четкую характеристику социальных отношений и внутренней дифференциации в абхазском обществе, которые традиционно не получали достаточного внимания в профильных исследованиях. Кубанскому краеведу удалось показать, что подавляющее большинство населения дореформенной Абхазии составляли свободные крестьяне, связанные номинальными патронажными связями с ближайшими дворянами и лишенные традиционных привилегий в ходе странной реформы 1870 года. А. Н. Дьячков-Тарасов отчетливо продемонстрировал также важнейшие причины масштабного восстания 1866 года, ставшего своеобразным ответом на жесткую ликвидацию традиционного института владетельской власти и административный произвол назначенных военных и гражданских чиновников. Масштабные проблемы, выявленные народным движением, не были своевременно разрешены имперскими властями, что привело к массовой поддержке османского десанта в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и самой мощной волне трагического махаджирства.

В целом, необходимо признать, что в оригинальных трудах А. Н. Дьяčkова-Тарасова сформировалась целостная и адекватная концепция абхазской истории, охватывающей важнейшие события XIX столетия. Целенаправленная работа с различными историческими свидетельствами и критическое

¹ Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. 1910. Т. XX. Вып. I. С. 150.

² Там же. С. 150–151.

³ Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 152.

отношение к подавляющему большинству привлекаемых фактов позволили кубанскому краеведу избежать существенных эмпирических неточностей и предложить нетрадиционные интерпретации знаковых явлений рассматриваемого периода, несмотря на осознанное следование в отдельных случаях официальной версии, объясняющей некоторые негативные события и аналогичные действия имперских властей.

Й. Кула

(Вроцлавский университет, Польша)

КАВКАЗ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОЛЬСКИХ АВТОРОВ (ОБЗОР НАРРАТИВОВ)

В настоящей статье представлены несколько нарративных источников относящихся как к истории Кавказа, так и к судьбам поляков на Кавказе. Выбор материала носит субъективный характер, а материал включает в себе не только тексты польских авторов, но и работы других иностранцев, в которых есть упоминания о присутствии поляков в регионе. На наш взгляд все эти труды содержат интересные представления о Кавказе в разные исторические периоды. Кроме объективных историко-этнографических сведений во всех нарративах, особенно ярко у мемуаристов, проявляется личное восприятие кавказского мира, и этим рассматриваемые источники еще более интересны.

Польско-кавказские отношения имеют глубокие корни. Вполне вероятно, что еще в средневековые развивались торговые связи (на Северном Кавказе обнаружены польские монеты XIV–XV веков), а польские священники участвовали в миссиях пропагандирующих христианство на Кавказе. В дополнение к контактам такого рода Кавказ издавна вызывал научный интерес польских ученых.

Матвей Меховский (поль. Maciej z Miechowa или Maciej Miechowita, настоящая фамилия Karpiga) (1457–1523), профессор и 8-кратный ректор Краковского университета (1501–1519) (в настоящее время Ягеллонский университет в Кракове), является автором труда «Трактат о двух Сарматиях». «Трактат» был написан на латыни и опубликован в 1517 г. Перевод на польский язык («Traktat o dwóch Sarmacjach, azjatyckiej i europejskiej, i o tym, co się w nich znajduje») вышел в свет в 1535 г., русский перевод появился лишь в 1932 г. Считается, что «Трактат» был написан на основе рассказов поляков и других иностранцев, побывавших на Востоке от Вислы, а также русинов, приезжавших в Польшу. В своем труде М. Меховский упоминал разные топонимы (например, Каспийское море, горы Иберии и Албании, реки: Терек, Кобан, Танаис (т. е. Дон) и этнонимы (например, названия народов: черкесы, мингрелы). Автор «Трактата» вспоминал о том, что жители Кавказа были в тот период, т. е. в начале XVI в., христианами греческого обряда¹. Знаменитый труд М. Меховского был не только первым этнографическим произведением польского автора о Кавказе, но вообще являлся первым подробным описанием Восточной Европы эпохи Возрождения. Естественно, термин «Ренессанс», касающиеся периода XIV–XVI вв. в культурном и идейном развитии европейских стран, не мог иметь своего применения при описании территории Кавказа.

В первой половине XVII в. путешествие на Кавказ совершил итальянец Джованни да Лукка, монах Доминиканского ордена. Целью его поездки был сбор информации о положении католической церкви на Кавказе. С этой целью Дж. да Лукка неоднократно выезжал в глубь татарских, ногайских и черкесских земель. Результатом его путешествий был «Отчет святой конгрегации по пропаганде веры: о татарах, черкесах, абзах, мингрелах и пр.», в котором автор вспоминал, как его сопровождал раб-поляк, по имени Якоб, захваченный когда-то в Польше. По словам монаха, Якоб знал немного черкесский язык и оказался для автора «ангелом небесным» на протяжении всего совместного путешествия².

Важные материалы о народах Кавказа собрал польский аристократ Ян Потоцкий (поль. Jan Potocki) (1761–1815). Потоцкий, происходивший из знаменитого рода, являлся яркой и интересной личностью: писатель, политический деятель, ученый и, наконец, увлеченный путешественник. В 1797–1798 гг. Потоцкий совершил путешествие на Кавказ. Результатом его экспедиции были две этнографические книги, написанные на французском языке: «Ранняя история народов России»

¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Пер. с латинского Аннинский С. А. // Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, 2010. С. 31. Весь текст доступен онлайн: <http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/M.phtml?id=2053> (доступ: 08.06.2014).

² Да Лукка Дж. Отчет святой конгрегации по пропаганде веры: о татарах, черкесах, абзах, мингрелах и пр. Пер. с французского Аталиков В. // Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, 2010. С. 40–41.

и «Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу». В 1825 г. обе книги издал Г.-Ю. Клапрот, добавляя собственные примечания и комментарии¹. Потоцкий самостоятельно проводил исторические и этногеографические исследования и всегда стремился к обобщениям. Его произведения о Кавказе имеют художественное направление, в них довольно много иронии (и самоиронии), простых анекдотов и непроверенной информации (и как результат – неверные обобщения). У Потоцкого повествование ведется с точки зрения путешественника-европейца, который, то сравнивает Кавказ и Европу, то подчеркивает различия между ними.

С точки зрения польско-кавказских отношений самым интересным является XIX в. и для этого есть несколько причин. Основная из них была связана с политической ситуацией, сложившейся после разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.). Многие поляки оказались тогда на территории Российской империи, в том числе на Кавказе. Следующие волны польских переселенцев нахлынули позже, в результате подавления польских национально-освободительных восстаний (1830–1831, 1863–1864 гг.). Об этом свидетельствуют сохранившиеся топонимы, например, хутор «Польский», основанный в 1834 г. неподалёку от Ставрополя. Некоторые поляки попадали на Кавказ по собственному желанию, другие вследствие насильственных переселений. Многие из них активно участвовали в Кавказской войне, причем воевали как в российской армии, так и на стороне горцев. Судьбы поляков, оказавшихся на Кавказе, были различными. Можно судить о них благодаря литературе, зачастую оставленной ими самими.

Другие иностранцы неоднократно упоминали польскую нацию в контексте продолжающейся Кавказской войны. Например, Дэвид Уркварт, наполовину англичанин – наполовину грек, выпускник Оксфордского университета, ярый противник российской политики на Кавказе. Это он являлся соавтором «Декларации независимости черкесских народов, адресованной дворянам Европы в 1837 г.», и это он писал в письме 1845 г. (под псевдонимом Дауд Паша) черкесским вождям:

«Польская нация, в настоящее время поработенная, но существование которой гарантировано общественными действиями в Европе, немедленно почувствует, что ее судьба безвозвратно связана с вашей».

Двадцать тысяч поляков ныне в русских войсках, брошенные против вас, узнают, что их оружие было направлено против их братьев».

Уркварт подписал это письмо псевдонимом².

Французы, писавшие о Кавказской войне, замечали, что на стороне Шамиля находились многие дезертиры, в том числе и поляки, силой набранные в армию с аннексированных Россией после раздела Польши территорий. Отмечалось, что в отрядах горцев поляки, будучи беглыми, в основном лили и обслуживали пушки, а также учили горцев пользоваться современным оружием³. Сложно судить насколько масштабным был переход поляков из царской армии на сторону горцев. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что это было массовое явление, другие утверждают, что бежали лишь единицы. Источники говорят о том, что многие поляки никак не могли смириться со своей судьбой и не воспринимали мир горцев как свой.

Француз Александр Фонвиль в интересном очерке «Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца», в котором говорится о судьбе иностранных добровольцев, доставленных на английский пароходе (вместе с пушками и другим оружием), несколько раз упоминает поляков:

«С наступлением дня все пассажиры перезнакомились между собой; нас было пять европейцев: три поляка и два француза, под начальством полковника Пржевальского, бывшего прежде адъютантом у генерала Бема.»⁴. У Фонвиля читаем также о поляке, некоем Фоме, который попросился принять его в отряд добровольцев, поддерживающих кавказских горцев, среди которых находился и сам автор очерка:

«Предложение было немедленно принято, и мы пригласили новобранца сесть около нас, возле огня – рассказывает А. Фонвиль. – Это был человек лет около сорока, он казался очень полным, здоровым, и, несмотря на его дикий, суровый вид, заметно было, что он сохранил еще привычку к военной дисциплине и помнил обычаи своей страны; он отвечал на наши вопросы без всякого замешательства, и хотя жил уже около 15 лет у черкесов, тем не менее, очень хорошо объяснялся по-польски»⁵. Рассказчик описывает историю Фомы, который 18-летним парнем был взят на службу

¹ Потоцкий Я. Путешествие по Астраханским степям и Кавказу. Пер. с французского Аталиков В. // Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, 2010. С. 284–301.

² Цит. за: История горских народов Кавказа. Нальчик, 2004. С. 38.

³ Шилов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 5. Нальчик, 2011. С. 12.

⁴ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Нальчик, 2010. С. 4.

⁵ Там же. С. 21.

и сослан на Кавказ, где во время рубки леса был захвачен в плен и со временем выбрал сторону горцев. Фонвиль замечает интересные свойства поведения поляка, которому удалось сохранить католическую веру и одновременно исполнять мусульманские обряды¹.

Из поляков, которые осознанно и активно поддерживали горцев, необходимо вспомнить Теофила Лапинского (поль. Teofil Łapiński, псевд. Теффик-бей) (1826–1886), автора книги «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев»². Книга Лапинского была издана в Гамбурге в 1863 г. на немецком языке в VI книге «Записок Кавказского отдела императорского русского географического общества» (рус. перевод в 1995) и вызвала возмущение своим откровенно антирусским характером, и идеологической позицией автора, которую он даже не пытался скрывать. Лапинский возглавлял отряд около 400 поляков-добровольцев, которые в 1857 году высадились недалеко Туапсе с целью помочь черкесам. Поляки приплыли туда на турецком судне «Аслан»³, по другим сведениям это был британский корабль «Кенгуру»; отряд Теффик-бея насчитывал всего 4 офицера и 72 рядовых⁴. Этот борец за независимость кавказских горцев участвовал и в других общественно-освободительных движениях (Польское восстание 1830–1831, Венгерское восстание 1848–1849), подтверждая мнение французских историков Лависса и Рамбо, о том, что поляки «встречались повсюду, где надо было поддерживать борьбу за свободу»⁵. Лапинский изложил свои впечатления и знания о Кавказе (порой ложные) в двух томах своего труда: первый том он посвятил истории, культуре и быту адыгов; а во втором изложил историю событий, происходивших в Черкесии в период пребывания там польского отряда (1857–1859). Лапинский был энтузиастом образа жизни черкесов, поддерживал идею полной независимости кавказских горцев во всех областях (политически от Российской империи, религиозно от мусульманской пропаганды со стороны Турции).

Очередной достойный внимания поляк, Матеуш Гралевский (поль. Mateusz Gralewski, настоящая фамилия Grala или Gralak), (1826–1891) является автором интересной книги «Кавказ. Воспоминания из двенадцатилетней неволи. Описание страны. Жители. Нравы и обычаи» («Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Opisanie kraju. Ludność. Zwyczaje i Obyczaje»), опубликованной во Львове в 1877 г. на польском языке. Гралевский, участник Польского восстания 1863 г., а позже рекрут царской армии, воевал в Кавказской войне на стороне русских. Его политическая позиция противоречила имперской позиции России и идее завоевания Кавказа («неволя» в названии книги обозначает для него службу в царской армии, а не плен, например, у горцев). Тем не менее, хотя сам Гралевский считал бегство к горцам патриотическим подвигом, но сам он не совершил такого поступка и гордился тем, что в его батальоне служило много поляков. И, несмотря на исторически-идеологические особенности этого периода, стоит подчеркнуть, что автор «Воспоминаний» собрал объективные исторические и этнографические материалы о Кавказе.

Среди нарративных источников о Кавказе стоит назвать «Дневник моей солдатской службы на Кавказе и плена у Шамиля с 1844 по 1854 год» авторства Кароля Калиновского («Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od roku 1844 do 1854. Przez Karola Kalinowskiego»), изданный в 1883 г. в Варшаве⁶. Калиновский был взят в плен Шамилем и бежал обратно к русским. Кстати, этот факт противоречит убеждению ряда исследователей, что мемуарист полностью адаптировался к жизни горцев⁷. Его рассказ имеет этнографо-бытовой характер. Автор описывает условия, в которых находились военнопленные у Шамиля, свою несчастную любовь, общественно-политический строй и т. д.

Рамки исследования не позволяют охватить всех польских авторов, оставивших заметки и воспоминания о Кавказе в XIX в., т.к. имен десятки (М. Бутовд-Анджейкович, В. Стжельницкий, Т. Лада-Заблоцкий, В. Давид, К. Лапчиньский). Труды многих мемуаристов хорошо известны польским

¹ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Нальчик, 2010. С. 23–24.

² Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Пер. с нем. Гарданова В. К. Нальчик, 1995.

³ Бижев А. Х. Присягнувшие к свободе. [в:] Т. Лапинский (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Пер. с нем. Гарданова В. К. Нальчик, 1995. С. 452.

⁴ Łotka J. S. Romantyczny kondotier. Katowice, 1988. С. 51; Боголюбов А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 109.

⁵ Цит. за: Бижев А. Х. Присягнувшие к свободе. [В:] Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Пер. с нем. Гарданова В. К. Нальчик, 1995. С. 446.

⁶ Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883.

⁷ Там же. С. 53.

ученым, которые изучают судьбы поляков в Российской империи. Основные современные работы польских историков на эту тему перечисляет и коротко рассматривает А. Боголюбов в своей монографии «Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв.»¹. Автору удалось собрать весьма интересные архивные материалы. Боголюбов пишет в своей книге не только о ссыльных поляках, но и о тех, которые находились на государственной службе, принимали активное участие в общественной и формировали культурную жизнь Кавказа.

В завершении статьи стоит заметить, что некоторые поляки внесли огромный вклад в изучение Кавказа, например, Иосиф Викентьевич Бентковский (поль. Józef Bentkowski) (1812–1890), российский ученый польской национальности. Замечательную речь об этом многолетнем секретаре Ставропольского губернского статистического комитета произнес после его смерти Г. Н. Прозрителев². Бентковский попал на Кавказ после Польского (Ноябрьского) восстания. В его автобиографическом высказывании можно прочесть: «Следовательно, по рождению я поляк. Среднее образование я получил в Влоцлавке, а потом в Плоцке, но высшего не дала мне даже начать революция 1830 года и бросила на Кавказ»³. Главные достижения его жизни связаны с Кавказом и с работой в Ставропольском статистическом комитете.

Все вышесказанное говорит о том, что поляки издавна влияли на формирование истории, научной и интеллектуальной жизни Кавказа. Политическая и литературная деятельность польских авторов имела большое значение в контексте расширения знаний о Кавказе, влияла на восприятие Кавказа иностранцами.

В. Н. Дуда

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЮГА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века в Османской империи происходили различные политические процессы, а так же начались центробежные тенденции.

Основным источником информации для населения юга Российской империи, с помощью которых можно было узнать самые последние новости, как в стране, так и мире – были периодические издания.

Для освещения общественной и культурной жизни региона ценным источником является периодическая печать. Как самостоятельный вид исторических источников она представлена «... долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществления идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, развитие кругозора»⁴.

Видами периодической печати являются: газеты, журналы, периодические издания научных обществ. Данный вид источников позволяет реконструировать историю во всем ее многообразии⁵.

Пресса Юга России в большинстве своем была сконцентрирована на информировании местных жителей, событиями внутренней жизни страны и региона. В тоже время события, происходящие далеко за пределами Российской империи были весьма интересны жителям. Колонки, в которых помещались сведения о самом важном, происходившем на разных континентах. Корреспонденты не ограничивались информированием населения только странами Европейского континента, значительное место на страницах изданиях было предоставлено и самым, пожалуй, «экзотическим» странам Азии и Африки.

¹ Боголюбов А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008.

² Прозрителев Г. Н. Очерк жизни и деятельности И. В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета // Опальные русские писатели открывают Кавказ. Т. 2. Под ред. Шаповалова В. А., Штайн К. Э. Ставрополь, 2011. С. 621–646.

³ Цит. за: Госданкер В. В. Историк-кавказовед И. В. Бентковский (1812–1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности // Опальные русские писатели открывают Кавказ. Т. 2. Под ред. Шаповалова В. А., Штайн К. Э. Ставрополь, 2011. С. 647.

⁴ Источниковедие: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Под ред. И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 451.

⁵ Василенко В. В. История ставропольских сел и городов на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» второй половины XIX века // Новая локальная история. Сб. научных статей. Вып. 4. Ставрополь-М., 2009. С. 51.

Близость южных рубежей Российской империи к турецким границам, вызывала живой интерес простых граждан и представителей государственных органов к положению дел и событиям, происходящим, как в самой Османской империи, так и ее взаимоотношениями с другими странами в Европе и Азии.

Главным «поставщиком» событий в прессу были в первую очередь страны Балканского полуострова, с их нерешенными национальными вопросами, границами между государствами, а также Османская империя с ее нестабильным внутренним положением и частыми военными конфликтами с сопредельными державами.

Местная периодика освещала в первую очередь политическую ситуацию в стране и вооруженные действия осман как внутри страны, так и за ее пределами. Все это вызывало неподдельный интерес у простых обывателей и государственных служащих, как военных, так и чиновников региона.

Еще не были забыты события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и борьба славян при поддержке России с армией осман. В связи с этим журналисты акцентировали внимание на взаимоотношениях в так называемых «славянских землях», которые еще находились под формальной властью Стамбула.

Так, по сообщению газеты «Северный Кавказ»: «в Старой Сербии (Косово, Метохия, Санджак и Вардарская Македония) самая настоящая анархия больше чем когда-либо и понемногу она начинает распространяться на македонские части вилайета. Так повсюду болгарские банды, а в свою очередь Австрия подогревает страсти на Балканах»¹. Здесь видно, что авторы рассматривали события на Балканах в контексте геополитики в регионе, отводя османам уже роль статистов в событиях на полуострове.

Так по материалам авторов газеты, российские дипломаты предпринимают слабые попытки противостоять трениям между османами и христианами, в частности «смененные по требованию русской дипломатии, чиновники наказаны лишь фиктивно, все это конечно Россию в глазах турок делала менее престижной державой, а в тоже время дела христиан были плохи. В тоже время Франция открывает здесь свое консульство, её примеру хотят последовать Германия и Италия. Все делают себе имя и стремятся вытеснить русскую силу, расточающую себя на грозные, но как показывают события безрезультатные ноты»².

По сведениям е газеты «Бессарабец»: «Турция в последнее время усилена вооружается. Многие приписывает этому совет, данный немецким императором Вильгельмом. Вооружения поступили в сухопутные и морские силы, а так же был увеличен состав кавалерийских частей. Султан, по словам газеты «Times» чрезвычайно озабочен успехами партии «Молодая Турция» и привлекает к себе новых сторонников»³.

Из материалов видно, что большое место в региональной периодике занимали события, происходящие в мире и прежде всего в Османской империи. По материалам можно судить, что журналисты старались донести читателям объективную информацию, не ссылаясь особо на пропагандистские тона. Авторы объективно показали внутренние проблемы в стране, популярность партии «младотурок» и предпосылки возможного нового военного конфликта на Балканах. Впоследствии в стране в 1908 году к власти пришли «младотурки» из партии Единения и прогресса, а в 1912 году претензии государств Балканского полуострова к Порте в итоге привели к Балканской войне.

В данной связи нельзя исключать, что весьма частые войны России и Турции и поддержка россиянами славян на Балканах, создавали определенные антиосманские настроения на страницах печати Юга России.

А. О. Пеганов
(Белорусский государственный университет)

ОБСУЖДЕНИЕ РЕВИЗИИ ЧЕХОСЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКОЙ ГРАНИЦЫ НА СТРАНИЦАХ ВЕНГЕРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

После Первой мировой войны спорный характер установленных в 1918–1921 гг. границ являлся одним из ключевых факторов в дестабилизации версальской системы в Центрально-Восточной Европе. Вопрос пересмотра границ постоянно присутствовал среди широко обсуждаемых злободневных политических тем. Данная статья рассматривает отражение темы ревизии границ Венгрии с Чехословакией в венгерской публицистике в 1918–1939 гг.

¹ Северный Кавказ. 1902. № 6. С.1.

² Там же. С.1.

³ Бессарабец. 1899. № 15. С.1.

Заклученный 4 июня 1920 г. Трианонский мир формально завершил для Будапешта Первую мировую войну и обязывал Венгерское королевство, входившее до осени 1918 г. в состав Дуалистической монархии Габсбургов, ограничить свои вооружения, выплачивать репарации и, что наиболее важно, – легализовал сецессию 70 % его довоенных территорий, которые перешли в состав Чехословацкой (ЧСР) и Австрийской республик, Югославского, Румынского и Итальянского королевств. Таким образом, площадь Венгрии была уменьшена с 325 тыс. км.² до 93 тыс. км.², а население с 20 млн чел. до 7,5 млн чел. Большинство населения на «отделенных» территориях представляли т. н. «национальные меньшинства». Вместе с тем, среди них было около 3 млн. этнических мадьяр, половина из которых проживала в приграничных с Венгрией районах, что заложило базу для развития венгерского ирредентизма.

Трианонский мир закрепил переход в состав ЧСР т.н. «Верхней Венгрии» (венг. Фельвидек, т.е. Словакия и Подкарпатская Русь (ПР)), где среди 3,5 млн жителей проживало порядка 1 млн мадьяр. При этом Прага укрепляла свой авторитет в Фельвидеке железной рукой: более 100 тыс. чел. депортировала в Венгрию, ограничивала политические свободы и лишила права получения гражданства новой республики десятки тыс. местных жителей. Этнические венгры составляли основной контингент среди жертв чехословацкого режима. Южная Словакия и Юго-Восточное Подкарпатье, где мадьяры составляли большинство, подвергались плановой колонизации чешскими и словацкими переселенцами¹. В целом, жесткие меры чехословацких властей в Фельвидеке удобряли почву для развития сепаратистских настроений.

Отношения между ЧСР и Венгрией в 1918–1939 гг. систематически оказывались на грани конфликта, упираясь в ряд противоречий связанных как с неудовлетворенностью послевоенным разграничением, так и встречными гегемонистскими региональными амбициями Праги и Будапешта. Чехословакия выступала стержнем военно-политического блока с Югославией и Румынией против Венгрии (т.н. Малая Антанта) и поддерживала политических противников режима регента Миклоша Хорти в Венгрии (1920–1944 гг.), надеясь на формирование в Будапеште покладистого «демократического» правительства. Чехословацко-венгерская граница проходила всего в 30 км. от Будапешта, что создавало угрозу венгерской столице при эвентуальном конфликте с ЧСР².

«Ревизия Трианона» заняла прочное место среди лозунгов всех венгерских политических партий. Между тем, под «Трианом» понимался не столько сам мирный договор от 4 июня 1920 г., сколько фактическое положение, созданное в результате распада «исторической Венгрии» в 1918–1921 гг. Критикуя «Трианон», венгерские публицисты иногда настаивали на реализации отдельных частей Трианонского мира: призывая к ревизии границ, они ссылались на «сопроводительное письмо» А. Мильерана от 6 мая 1920 г. и Устав Лиги Наций; требуя улучшения положения мадьяр в ближнем зарубежье, указывали на параграфы, регулирующие права национальных меньшинств; выступая за автономию для Подкарпатья, отмечали, что ЧСР было предписано пойти на этот шаг.

Вместе с тем, венгерские власти так и не выработали единой и последовательной ревизионистской программы. Касаясь изменения границ 1918–1921 гг. существовали три базовые венгерские концепции: этническая, подразумевавшая присоединение к Венгрии районов в соседних государствах-наследниках (ЧСР, Румынии и Югославии) с компактным мадьярским большинством; интегральная, настаивавшая на восстановлении довоенных границ Венгрии; федеративная, предлагавшая через объединение государств Центральной Европы упразднение их границ. Применительно к ЧСР, эти концепции предполагали: 1) возвращение Южной Словакии и Юго-Западной ПР, 2) полную реинтеграцию Фельвидека, 3) создание с Чехословакией политико-экономического союза.

Сравнение военного потенциала трианонской Венгрии с Чехословакией показывало, что Будапешт имел мало шансов на проведение успешной силовой операции с целью возвращения Фельвидека. Венгрии с ее 7,5 млн населением, согласно Трианонскому миру, разрешалось иметь армию, не превышающую 35 тыс. чел. В распоряжении Праги, управлявшей страной с 14 млн жителей, только в мирное время находилась 150 тыс. армия. В этом ключе изменение границ в пользу Венгрии представлялось наиболее вероятным как результат мирной акции, осуществленной под давлением на Прагу великих держав. В результате, основой ревизионистской стратегии Будапешта стал поиск симпатий за рубежом, пропаганда идеи ревизии, как по закрытым дипломатическим каналам, так и открыто, через пропагандистские турне знаменитостей, выпуск «научных» и публицистических изданий.

¹ Подробный перечень претензий со стороны мадьярского меньшинства Словакии и Подкарпатья к чехословацким властям см. в Aide-mémoire sur la situation de la minorité hongroise en Tchécoslovaquie. Budapest: Sárkány, 1934. 142 Р.

² См. напр. Пеганов А. О. Венгерский вопрос в межвоенной Чехословакии (1918–1939 гг.): внешнеполитический и внутривнутренний аспекты // Российские и славянские исследования. Вып. 4. Минск, 2010. С. 203–210.

Антитрианонская пропаганда проводилась централизованно через действующие под эгидой правительства общественные «лиги» и «комитеты». Главными органами подготовки возвращения занятых ЧСР территорий в 1919–1921 гг. была «Лига Фельвидека», в 1921–1924 гг. «Союз Ракоци». Много усилий Будапешт тратил на обработку общественного мнения в странах Западной Европы, выпуская множество публикаций, в том числе и периодических, на иностранных языках. Среди них следует выделить англоязычную серию информационных буклетов «East European Problems» 1920–1921 гг., печатавшийся с 1932 г. франкоязычный журнал «La Nouvelle Revue de Hongrie» и его англоязычную версию «Hungarian Quarterly» выходившую с 1934 г.¹ К 1931 г. Будапешт выделил на издание ревизионистской литературы около 25 млн пенгю, причем половина бюджета ушла на освещение ситуации в Трансильвании, только треть – Фельвидека, около 7 % – Дельвидека².

В годы Интербеллума, тема ревизии Трианона, в общем и чехословацко-венгерских границ в частности разгоралась и потухала в зависимости от состояния международной обстановки. Как только ожидалось крупные политические изменения в Центральной Европе, Будапешт укреплял свое положение или же Чехословакия сталкивалась с проблемами, венгерская печать сразу же напоминала о нестерпимости ситуации в Фельвидеке, созданной Трианонским миром. Так, в указанный период венгерские публицисты четыре раза обостряли внимание на теме пересмотра чехословацких границ: в период работы Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг., с выходом Венгрии из международной изоляции в 1927–1928 гг., в момент подготовки «пакта четырех» в 1933 г. и во время «чехословацкого кризиса» в 1938–1939 гг.

Во время Парижской мирной конференции и подготовки мирного договора Антанты с Венгрией в 1919–1920 гг. произошел первый массовый выход публикаций по теме венгеро-чехословацкого разграничения. Напр., финансируемая из Будапешта пропагандистская серия буклетов «Ист Еуропеан Проблемс» подчеркивала плюсы от сохранения Фельвидека под подчинением Будапешта и создания общей венгеро-польской границы. Напротив, Чехословакия, претендовавшая на те же территории, рисовалась недолговечным и искусственным образованием, потенциальным коридором между Германией и Советской Россией³.

Тогда же историки из Фельвидека Давид Андьял и Ласло Штейер опубликовали характерные для ревизионистов античехословацкие памфлеты. Д. Андьял указывал, что население Фельвидека не имело ничего общего с чехами и сохраняло преданность Будапешту⁴. Л. Штейер добавлял, что мадьяр и северо-карпатских славян сближали столетия совместного проживания, в то время как с чешской культурой их ничего не связывало⁵. Таким образом, в ранней ревизионистской публицистике преобладали призывы к восстановлению «исторических» рубежей Венгрии на северной направлении.

В 1920-х гг. в Венгрии, оказавшейся в «тисках» Малой Антанты и без поддержки великих держав, тема территориальной ревизии практически исчезла со страниц печати. Так, премьер-министр Венгрии Иштван Бетлен (1921–1931 гг.) обращал внимание в 1925 г. со страниц влиятельного американского журнала «Foreign Affairs», что ближайшие цели Венгрии включали экономическую реконструкцию, демократизацию и улучшение положения мадьярских меньшинств в зарубежье. Пересмотр границ Бетлен не упомянул⁶.

С другой стороны, начал популяризоваться призыв к экономической кооперации дунайских стран и постепенного упразднения их границ. Ведущий венгерский журнал по международным отношениям «Magyar külpolitika» принялся пропагандировать идею сотрудничества Венгрии с соседними государствами при условии создания благоприятного климата для мадьярских меньшинств⁷.

¹ Zeidler M. A revíziós gondolat. Pozsony: Kalligram, 2009. O. 104–111; Lukacs Zs., Tibor. The Hungarian Quarterly. 1936–1941. Hungarian propaganda for Great Britain before the Second World War. // Hungarian Studies. Vol. 13/1. 1998–1999. P. 95–118.

² Zeidler M. A revíziós gondolat. Pozsony: Kalligram, 2009. O. 111.

³ Fodor F. The geographic impossibility of the Czech state. East European Problems. № 4. Budapest-London-New York, 1920. 11 P.; The Hungarian-Polish frontier question. East European Problems. № 9. Budapest-London-NY, 1920. 15 P.; Apponyi A. Hungarian foreign policy. East European Problems. № 11. Budapest-London-NY, 1920. 10 P.

⁴ Várdy B. Trianon megnyilvánulása a két világháború közti magyartörténetírásban // Aetas 18. évf. (2003.) 3–4. sz. URL: http://www.aetas.hu/2003_3-4/2003_3-4-30.htm Дата доступа: 24.02.2014.

⁵ Steier L. There is no Czech culture in Upper Hungary. Budapes, 1920. 81 p.

⁶ Bethlen S. Hungary in the New Europe // Foreign Affairs. 3 (1924/1925). P. 445–458.

⁷ Szerep S. A kisebbségvédelmi rendszer és az utódállamok kisebbségpolitikai tevékenységének értékelése // Debreceni disputa. VIII. évf., 4. sz., 2010. apr. O. 60–64.

Адепты идеи дунайской интеграции принадлежали преимущественно к кругу противников клики М. Хорти и пытались через экономические и ревизионистские посулы вынудить регента уйти в отставку. Например, эмигрантский политик Оскар Яси указывал, что при демократизации хортистского режима чехословацкий президент Томаш Гарриг Масарик был согласен на проведение изменения границ ЧСР в пользу Венгрии¹. С другой стороны предполагалось, что создание Дунайской федерации закрепило бы лидирующую роль Чехословакии в регионе (и подчиненную позицию Венгрии)². Помимо социалистов (Михай Каройи, Мано Бухингер), идею примирения с Чехословакией в Венгрии поддерживали некоторые видные венгерские легитимисты (сторонники реставрации Габсбургов) – напр. Иштван Фридрих и Густав Грац³. В 1930-ые гг., по мере ухудшения отношений между Прагой и Будапештом и отстранения социалистов и легитимистов от основных рычагов власти, провал проекта Дунайской федерации стал очевидным. В целом, пересмотр чехословацко-венгерской границы в 1920-е гг. не фигурировал среди приоритетных тем венгерской ревизионистской литературы.

С укреплением международного и военного положения Венгрии в 1927–1928 гг. (заключение договоров о дружбе с Италией, Польшей, Болгарией и Турцией; завершение военной миссии Антанты в Венгрии и развертывание секретной программы вооружения венгерской армии) была открыта публичная кампания с требованием пересмотра границ Венгрии. В июле 1927 г. в Будапеште была создана общенациональная Венгерская ревизионистская лига (ВРЛ), которая объединила 35 организаций. Президентом лиги стал известный писатель Ференц Херцег. ВРЛ участвовала в организации, как внутренней пропаганды ревизии, так и за рубежом – создала иностранные представительства при венгерских дипломатических миссиях и массово издавала ревизионистскую литературу на английском, французском, итальянском и немецком языках. С 1929 г. Ф. Херцег и ВРЛ стали отстаивать принципы этнической ревизии границ и права на самоопределение народов Карпатской долины⁴.

Вместе с тем, первым тему ревизии Трианона широко подняли в Англии. Летом 1927 г. магнат лорд Ротермир через свою газету «Дэйли Мэйл» выступил с требованием присоединения к Венгрии соседних этнических мадьярских районов, в том числе южных районов Словакии и Подкарпатья⁵. «Акция Ротермира» быстро была поддержана со стороны ВРЛ. В 1928 г. видный британский историк Харольд Темперли также посоветовал Праге вернуть Венгрии Житный остров, а Подкарпатья передать под управление Лиги Наций⁶.

В 1927 г. под опекой премьер-министра И. Бетлена был основан журнал «Magyar Szemle», ставший ведущей печатной площадкой венгерских консерваторов. С 1928 г. журнал публиковал эссе Ласло Отлика, который развил концепцию интегрального ревизионизма. Отлик указывал, что Венгрия не могла быть нивелирована только к площади проживания мадьяр. Наоборот, он призывал к объединению всех народов Карпат, составлявших, по его мнению, единую хунгаристскую нацию. Первой жертвой публицистики Отлика стала Чехословакия, которую автор клеймил как инструмент чешской гегемонии над словаками, русинами и мадьярами. В составе «Новой Венгрии» Отлик предлагал предоставить словакам и русинам автономию⁷.

Главным специалистом «Мадьяр Сэмлэ» по чехословацкой проблематике выступал выше упомянутый Ласло Штейер, который часто обращался к наиболее неудобным для Праги вопросам: альтернативным планам разграничения ЧСР и Венгрии в 1918–1919 гг.⁸, спорной правовой базе объединения Словакии и Чехии в 1918 г.⁹, внутренним конфликтам внутри ЧСР¹⁰, а также нереализованным

¹ Jaszi O. Dismembered Hungary and Peace in Central Europe // Foreign Affairs. 2. (1923/1924). P. 270–281.

² Wilson, Samuel J. Oszkár Jászi and the Hungarian democratic emigration // Hungarian Studies. 7/1–2.1991/1992. P. 71–86.

³ Ablonczy B. Masaryk's Friends – The Czechophiles in Hungary between the Two World Wars. Режим доступа: https://www.academia.edu/2432671/MASARYKS_FRIENDS_The_Czechophiles_in_Hungary_between_the_two_world_wars. Дата доступа: 24.02.2014. См. также: Gratz, Gusztave. Les tendances nouvelles de la politique extérieure hongroise // Politique étrangère. 1/1937. 2e année. P. 11–27.

⁴ Ibid. O. 126–132; Herceg F. Au lecteur! // Nouvelles danubiennes. № 1 (1), 15 novembre 1933. Budapest. P. 1.

⁵ Rothermere V. My campaign for Hungary. London, 1939. 222 P.

⁶ Temperley H. How the Hungarian frontiers were drawn // Foreign Affairs. Vol. 6. № 3 (Apr. 1928). P. 432–447.

⁷ Caples M. Et in Hungaria ego: Trianon, revisionism and the journal Magyar Szemle (1927–1944) // Hungarian Studies. 19/1 (2005). P. 51, 74–83.

⁸ Steier L. A cseh területi igények változásai // Magyar Szemle. 1927. I köt., december. 4. sz. O. 379–388.

⁹ Steier L. A turószentmártoni deklaráció. Old. 163–169 // Magyar Szemle. 1928. II köt., febr. 2. sz. O. 163–169.

¹⁰ Steier L. A csehek és tótok kölcsönös szemrehányásai // Magyar Szemle. 1929. VII köt., 1. sz. 25. O. 72–78.

предложениям Т. Г. Масарика исправить границы между ЧСР и Венгрией¹. В целом, статьи Штейера трактовали трианонские границы Чехословакии как спорные, нелегитимные и недолговечные.

Репрезентативную коллекцию ревизионистских текстов – сборник «Справедливость для Венгрии» подготовил к изданию в 1928 г. лидер венгерских легитимистов Альберт Аппоньи. В конце книги содержался рецепт частичной ревизии Трианона из-под пера Эмила Надя (в 1923–1924 гг. министр юстиции, активист «акции Ротермира») Э. Надь соглашался, что идея довоенных границ должна быть оставлена. С другой стороны, он предлагал присоединить к Венгрии районы с мадьярским и немецким населением, ранее входившие в ее состав². Указывая на ЧСР, Надь замечал, что объединение чехов и словаков могло казаться логичным. Вместе с тем, отделение от Венгрии Житного острова и Новых Замков, а также районов к югу от Кошиц было не справедливым³. Заметим, что проект передачи мадьярско-немецких районов Фельвидека в пользу Венгрии отделял бы Подкарпатье от ЧСР спишским «коридором». В этом ключе кажется не случайным, что Надь писал, что пребывание русинов и чехов в составе одного государства не имело этнических предпосылок, и было спорным⁴. Таким образом, в 1927–1929 гг. тема ревизии чехословацко-венгерской границы масштабно вернулась на страницы венгерской и международной печати. Среди предложений ревизии особенно активно звучали призывы к отделению от ЧСР мадьярских районов Южной Словакии и Подкарпатья.

Новая волна венгерской ревизионистской публицистики нахлынула в 1933 г. в пору увеличения внимания великих держав к ситуации в Центрально-Восточной Европе и обсуждения «пакта четырех» (Италии, Франции, Германии и Англии). В рамках пакта предполагался пересмотр границ в пользу Германии и Венгрии. Ожидая приращения территорий, министр иностранных дел Венгрии Калман Каня сообщал в Риме в марте 1933 г., что Будапешт, придерживаясь принципа интегральной ревизии, был готов принять и плоды частичной ревизии. Каня доказывал, что при плебисците в Словакии Венгрия смогла бы добиться хороших результатов⁵. «Мотор пакта четырех» во французском правительстве, известный хунгарофил – Анатоль де Монзи считал, что Чехословакия должна была отказаться от Подкарпатья⁶.

Для популяризации идеи ревизии северных границ Венгрии ВРЛ опубликовала в 1934 г. «Вспомогательную записку о ситуации мадьярского меньшинства в Чехословакии» на четырех крупнейших европейских языках. Записка обращала внимание на репрессии Праги против венгерского населения Словакии и Подкарпатья и, указывая на провал совместного проживания мадьяр и чехов, имплицитно требовала изменения ситуации⁷.

Несмотря на то, что «пакт четырех» так и не был реализован, надежды на скорую ревизию взбудоражили Будапешт. Венгерские политики указывали, что содействие ревизии границ той или иной великой державой могло предопределить внешнеполитическую ориентацию Будапешта. Премьер-министр Венгрии Дьюла Гёмбёш (1932–1936 гг.) указывал, что Венгрия, добиваясь гегемонии в Карпатском бассейне, могла стать звеном в оси Рим–Берлин. Лидеры парламентской оппозиции продвигали идею сближения с Австрией под эгидой Италии (как Иштван Бетлен) или же обещали (как другой видный оппозиционер Тибор Экхардт), что после исправления «несправедливостей Трианона», Венгрия была готова пойти на создание профранцузского блока с Австрией и ЧСР⁸. В 1933–1934 гг. И. Бетлен (ставший неофициальным «апостолом ревизии»⁹) и Т. Экхардт, занимавшие параллельно руководящие посты в ВРЛ, провели серию пропагандистских турне в Германии, Италии, Великобритании и Франции. Наиболее эффектным был английский визит Бетлена в ноябре 1933 г., в котором его сопровождали Т. Экхардт и эмигрантский лидер словацких сепаратистов Франтишек Йегличка. В первую очередь Бетлен требовал передать Венгрии приграничные территории с мадьярским большинством. Словакии и ПР, по его мнению, Праге следовало предоставить полную

¹ Steier L. A csehek és a revizionizmus // Magyar Szemle. 1931. XI köt. 2. sz. 42. O. 182–193.

² Nagy E. The road towards rectification // Justice for Hungary. Review and criticism of the effect of treaty of Trianon. London, 1928. P. 372.

³ Ibid. P. 367.

⁴ Ibid. P. 364–365.

⁵ A Palazzo Chigi és Magyarország. Olasz diplomáciai dokumentumok Magyarországról (a Gömbös-kormány időszakában). 1932–1936. Szerk. Réti György. Budapest, 2003. Dok. 67. O. 69.

⁶ Sandu T. La Grande Roumanie alliée de la France. Une péripétie diplomatique des Années Folles (1919–1933). Paris, 1999. Doc. 115. P. 267–268.

⁷ Aide-mémoire sur la situation de la minorité hongroise en Tchécoslovaquie. Budapest: Sárkány, 1934. 142 P.

⁸ Le problème danubien. Résumé de la conférence faite par M. Tibor Eckhardt, député, vice-président de la Ligue pour la révision à l'Institut Carnegi, à Paris le 23 mars 1934 // Nouvelles danubiennes. № 6 (1), 15 avril 1934. Budapest. P. 1–2.

⁹ Romsics I. Bethlen István. Politikai életrajz. Budapest, 2005. O. 352 – 367.

автономию с правом отделения. В случае, если словаки вернулись бы в состав Венгрии, он обещал уважать их язык и национальные особенности¹. О предоставлении автономии Бетлен не говорил. В 1934 г. коллекция его английских лекций была издана отдельной книгой. По мнению венгерского историка И. Ромшича, британские выступления Бетлена стали первым комплексным выражением венгерской точки зрения, о ревизии Трианона начиная с 1920 г.²

В период «чехословацкого кризиса» 1938–1939 гг. вопрос ревизии северных венгерских рубежей вновь стал активно муссироваться. После аншлюса Австрии в марте 1938 г. стратегическое положение ЧСР кардинально изменилось. Партии чехословацких немцев, мадьяр, словаков и русин стали настоятельно требовать предоставления автономии. В Будапеште надеялись, что с ослаблением Праги пришел благополучный момент для возвращения Фельвидека. «Мадьяр Сэмлэ» посвятил отдельный выпуск чешско-судетскому конфликту в сентябре 1938 г. и его эху в Словакии и ПР³.

После кардинального обострения «чехословацкого кризиса» Франция, Англия, Италия и Германия признали в Мюнхене 29 сентября 1938 г., что судетонемецкий, польский и венгерский вопросы внутри ЧСР следовало незамедлительно решить. После отделения Судет в пользу Германии, Тешинской области в пользу Польши, 2 ноября 1938 г. в Вене было принято германо-итальянское арбитражное решение о передаче Венгрии чехословацких территорий с мадьярским большинством. В результате Будапешт вернул под свой контроль 12400 км.² с населением в 1 млн чел. В марте 1939 г. Венгрия, воспользовавшись отделением Словакии от Чехии и свершившимся распадом ЧСР, аннексировала Подкарпатье⁴. Вполне ожидаемо венгерские авторы приветствовали присоединение Южной Словакии и ПР. Впечатление триумфа сторонников ревизии наглядно иллюстрирует книга мадьярского журналиста из Словакии Иштвана Боршоди «Словацко-венгерский вопрос». Боршоди констатировал, что распад ЧСР весной 1939 г. подтверждал «псевдо-историчность» ее государственности и естественность объединения Карпато-Дунайской долины вокруг Венгрии⁵. Весной 1939 г. вопрос ревизии северных рубежей Венгрии был переформулирован в проблему словацко-венгерской границы, которая оставалась невралгической точкой отношений между Будапештом и Братиславой до 1945 г.⁶ Вместе с тем, после восстановления трианонских границ Венгрии в 1945–1947 гг., ревизия границ была убрана из числа политических задач Будапешта и ее обсуждение никогда не становилось столь активным, как это было в межвоенный период.

Л. П. Ермоленко

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ БУЛГАР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

На Северном Кавказе в VII–X вв. проживали различные этносы, среди которых постоянно шла борьба за политическое и культурное господство в регионе. Начиная с гуннского нашествия, постоянно прослеживается взаимосвязь двух разноязычных пришлых этносов: алан и болгар. Разработка данной проблемы имеет огромное значение для развития науки, т. к. Предкавказье являлось важнейшей частью территории расселения тюркоязычных племен в раннесредневековый период.

В дореволюционной и советской историографии до 1960-х гг. болгарская проблема на основе письменных источников была довольно основательно изучена. Однако вопросы, посвященные расселению болгар на Северном Кавказе, и сегодня остаются дискуссионными в исторической науке.

Согласно письменным источникам болгарские племена на исторической арене Кавказа появляются раньше гуннского нашествия – в 354 году. Это позволяет предполагать вероятность бегства болгар от гуннов в район Предкавказья и прилегающие территории⁷, а также последующее подчине-

¹ Les conférences du compte Etienne Bethlen et de M. Tiburce Eckhardt en Angleterre // Nouvelles danubiennes. № 2 (1), 15décembre 1933. Budapest. P. 1–2.

² Romsics I. Bethlen István. Politikai életrajz. Budapest, 2005. O. 356.

³ Magyar Szemle. 1938. XXXIV. kot. 3. Sz.

⁴ Пеганов А. О. Чехословацкий кризис: взаимосвязь неблагоприятной внешнеполитической обстановки и проблемы национальных меньшинств //Международные отношения: история и современность. Теории и исследовательские практики. Выпуск 2. Ставрополь, 2012. С. 91–109.

⁵ Borsody I. A magyar-szlovák kérdés alapvonalai. Budapest, 1939. 59 O.

⁶ См. напр. Пеганов А. О. Секретные переговоры М. Каллаи и Й. Тисо в 1943 г. в контексте словацко-венгерских отношений в годы Второй мировой войны // Сборник статей молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Минск, 2012. С. 234–243.

⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.73.

ние им. В V в. болгарский этнический массив являлся наиболее крупным в огромном конгломерате местных и пришлых племен Предкавказья и Нижнего Подонья. К середине VI в. болгарские племена попали в зависимость от Тюркского каганата. После распада Западнотюркского каганата (630 г.) в Предкавказье и Нижнем Подонье начался процесс объединения болгарских племен, а на территории Северо-Восточного Кавказа и Прикаспия шло формирование Хазарского каганата. Возникновение Великой Болгарии свидетельствует о политическом и социально-экономическом развитии болгарских племен Предкавказья и Подонья, а также о дипломатических успехах «Византии, стремившейся обрести в лице болгар надежного союзника в борьбе с Сасанидским Ираном и аварами»¹. Однако Великая Болгария просуществовала недолго и в середине VII в. распалась на ряд самостоятельных этнических объединений. Это дало возможность хазарам подчинить часть болгар и включить территорию их проживания в состав Хазарского каганата. Археологические исследования и данные письменных источников позволили ученым определить, что территория Ставропольской возвышенности (Гиппийские горы в письменных источниках) являлась прародиной болгарских племен, которые под натиском хазар мигрировали на территорию современной Болгарии, Венгрии, Италии и в первой половине VIII в. на Среднюю Волгу, где в IX–X вв. возникло государство Волжская Булгария.

Изучением расселения хазаро-болгар в западных районах Алании (верховья Кубани) и о возможном внедрении тюрко-болгарских этнических элементов в районе Кисловодска на основе археологических материалов в 1960–1970-х гг. занялся В. А. Кузнецов. По его мнению, расселение болгаро-хазар в VIII–IX вв. на территории верхнекубанской Алании «происходило мирно и в условиях добрососедства»,² а «аланы не были изгнаны... продолжали жить на занимаемой территории (район верхней Кубани – Л. Е.)»³.

Археологические исследования 1970-х гг. под руководством А. В. Гадло, развернувшиеся в степных районах Центрального Предкавказья – Ставропольского края и восточных районах Краснодарского края, выявили ряд булгарских поселений VIII–IX вв., датируемых на основе керамики салтово-маяцких форм (рифленные крымские амфоры и подвесные глиняные котлы). Ранее подобная керамика для региона была не характерна и явно являлась привнесенной. Кроме того, эти открытия дали основание полагать, что наиболее четкая миграция булгар или праболгар в междуречье Кубани и Терека начинается с VIII в., тогда же и возникает сеть поселений VIII–IX вв.⁴ Наиболее крупные из них находятся у с. Рогатая Балка, Гофицкое, Китаевка, г. Благодарного, х. Жуковского.

В этот период близ г. Новороссийска А. В. Дмитриевым был исследован могильник Дюрсо, состоящий из погребений гуннов V–VII вв. и болгар VIII–IX вв. В 1972 г. Н. В. Анфимов у аула Казазово в Адыгее исследовал грунтовый болгарский могильник VII–IX вв. Здесь же в 1985 г. открыт памятник VIII–IX вв. с трупосожжением, принадлежащий болгарской группе в составе тюркских племен и имеющий близкие аналогии по инвентарю и погребальному обряду с могильниками Дюрсо и Молдавановка⁵. Археологической экспедицией КЧНИИ, под руководством Х. Х. Биджиева в Ставропольском и Краснодарском краях проводились работы по выявлению и изучению болгарских памятников VIII–X вв. В частности были исследованы Хумаринское городище, поселения Кизиловая Балка, Черная Балка, Камнебродская, Лесные ключи и др., где были открыты жилые, хозяйственные, крепостные сооружения, собран разнообразный керамический материал, свидетельствующие о присутствии болгарского этноса⁶. Археологические открытия 1970–1980-х гг. дали

¹ Кудрявцев А. А. Великая Болгария на территории Предкавказья и Нижнего Подонья // Российско-болгарская дружба и сотрудничество: традиции, современность, перспективы: материалы международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2009. С. 30.

² Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 113.

³ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9; Он же. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (о новой концепции истории алан Северного Кавказа) // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 99.

⁴ Гадло А. В. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975. С. 75–77; Он же. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980. С. 63–64; Он же. Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966–1981 гг. // Вестник ЛГУ. Л., 1982. № 2. С. 19–20.

⁵ Дмитриев А. В. Могильники эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. №158; Пьянков А. В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII. С. 385.

⁶ Биджиев Х. Х. Изучение истории и археологии раннесредневековых тюркских народов Северного Кавказа // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. С. 40–42.

ученым возможность уверенно сказать, что после распада Великой Булгарии Кубрата болгарские группы широко расселились на Ставропольской возвышенности, в районе Кавказский Минеральных Вод, в Карачаево-Черкесии и сопредельных районах Кабардино-Балкарии, являвшимися составной частью Великой Булгарии.

В VIII–IX вв. массовое движение степного тюркского этноса через Ставропольскую возвышенность на юг в район Пятигорья (центр кубано-терского междуречья) было нацелено, по мнению В. А. Кузнецова, «на овладение прекрасными летними пастбищами Приэльбрусья и скотопрогонными путями к ним. Возможно, и желание поставить под свой контроль трассу «Великого шелкового пути», который в VII в. пролегал с верхней Кубани через перевал Кумбаши в долину Подкумка и Кисловодскую котловину»¹. На этой территории в I тыс. н. э. проживало основное ядро алан. И именно здесь ученые выявили археологические следы тюрков. Это открытые селища с характерной салтово-маяцкой керамикой, очагами-каменками из вертикально поставленных плит, крупное поселение VIII–IX вв. у Кольцо-горы, поминальный комплекс первой половины VIII в. в Мокрой Балке, следы кочевнической юрты в сопровождении салтово-маяцкой керамики, перекрывавшее разрушенное аланское поселение VI–VIII вв. на городище «Указатель», Хумара.

С увеличением археологического материала и более углубленным изучением археологических памятников в 1990-х гг. появляется несколько иная интерпретация развития хазаро-болгаро-аланских взаимоотношений в VII–X вв. Материалы Хумаринского городища, городища «Указатель» и т. д. дали возможность предположить, что в своем развитии эти отношения прошли две стадии: 1) период резких враждебных отношений, связанных с экспансией хазар, приведшей к захвату значительной территории алан и расселению болгаро-хазар в верховьях Кубани; 2) период относительно мирных отношений, глубоких, разносторонних этнокультурных связей и синтеза, приведший к образованию нового этноса – карачаевцев². Что касается первого периода, то, по мнению Х. Х. Биджиева, в конце VII в. Хазария представляла большое государство, способное соперничать с Византией, Арабским Халифатом, Ираном. К началу VIII в. она занимала часть степей и предгорья Северного Кавказа и частично степи Северного Причерноморья, часть Крыма с приморскими городами. Расселение болгаро-хазар в западных районах Алании, в частности в верховьях Кубани, представляется автору как политика направленная «на расширение территории государства» и как военная акция, закончившаяся «вытеснением алан из обжитых мест»³. Такой вывод Х. Х. Биджиев сделал на основании археологических данных: катакомбные погребения на Северном Кавказе перестают функционировать на рубеже VII–VIII вв. и вновь появляются лишь в X в. (эта мысль была высказана еще в 1969 г. В. А. Кузнецовым⁴), а идентичные им памятники появляются в это время в Подонье, – что связано с возвышением и усилением экспансии Хазарского каганата. Тем более что раскопками В. Б. Ковалевской на городище Указатель, Г. Е. Афанасьева в Кисловодской котловине и другими также установлено, что в середине или во второй половине VIII в. здесь произошла смена аланского населения болгаро-хазарами, связанная с миграцией населения. Тюркская миграция захватила всю территорию Кубано-Терского междуречья вплоть до правобережья Кубани на западе и одновременно болгарская группа на востоке достигла левого берега р. Баксан, где следы тюрков документированы поселением в с. Жанхотеко.

До 1980-х гг. исследователи объясняли переселение аланского населения тяжестью арабского нашествия и постоянными халифскими поборами, обрушившимися на народы и племена Северного Кавказа в первой половине VIII в. Однако, на основе новых данных Х. Х. Биджиев и А. В. Гадло в 80-х гг. XX в. выдвигают другую гипотезу. Объясняя переселение алан в Подонье насильственным, глубоко продуманным государственным актом со стороны Хазарского каганата, связанным со стремлением обезопасить южные границы государства в связи с усилением наступления арабов⁵. Аланы с появлением тюрков на Северном Кавказе вынуждены были им покориться, и последующая их история уже протекает в тесной связи с хазарами и болгарами. Подтверждением этому, в том числе, являются

¹ Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени Юго-Восточной Европы. (Материалы и исследования по археологии России). 1997. №1. С. 163–164.

² Биджиев Х. Х. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993. С. 99; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 113.

³ Биджиев Х. Х. Тюрки Северного Кавказа. С. 100–101.

⁴ Кузнецов В. А. Рецензия на книгу: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967 // Советская археология. 1969. №2. С. 298–299.

⁵ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983. С. 59; Гадло А. В. Северный Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории). Автореферат дисс. д. и. н. М., 1984. С. 26.

и письменные источники. Так, по сообщению Фазари, в VIII в. аланы и хазары составляли единое «царство»¹. Выводы А. В. Гадло подтверждены и дополнены археологическими исследованиями памятников Ставропольской возвышенности Н. А. Охонько и в районе горы Бештау исследованиями В. А. Фоменко².

Народы Северного Кавказа в VIII–IX вв. входили в сферу влияния Хазарского каганата. В тесные этнокультурные связи с местным населением вступали тюркские народы. Совершенно прав был Е. И. Крупнов, писавший, что «с включением Северного Кавказа в орбиту влияния Хазарии (с VII в.) создались благоприятные условия для участия в широком обмене материальными и культурными ценностями»³. Экономика региона пережила бурный расцвет. Появились городища и поселения с мощным культурным слоем, стабильными бытовыми, культовыми и хозяйственными постройками и разнообразными ремеслами. Важно и то, что, «поселения оседлого населения появляются и в степной зоне Северного Кавказа. В этот же период появляются крупные города-крепости – административные и торговые центры... Хумара, Указатель, Татарка, Римгора и др.»⁴. Территория Центрального Предкавказья в VIII–X вв. была густо заселена протоболгарскими группами – носителями салтово-маяцкой культуры и имела постоянные связи с Подоньем, Приазовьем, Крымом и Закавказьем. В целом ареал распространения тюрко-болгарского влияния был ограничен на западе верхним течением Кубани, на востоке – долиной р. Баксан. Между Кубанью и Большой Лабой тюркские памятники VIII–IX вв. пока не обнаружены. На основе этого ученые полагают, что в левобережье Кубани сохранялось старое аланское население. В этот период усиливается взаимодействие и сближение культур кавказоязычных, ираноязычных и тюркоязычных народов Северного Кавказа. Тюркская миграция VIII–X вв. положила начало маргинальному контактированию болгар с местным (в роли местного теперь уже выступает аланский субстрат) населением внутри региона. Процесс этнической миксации болгар и алан и тюркизации последних в ареале внутрирегионального контактирования легло в основу этногенеза и ранней истории народов региона, в целом, и в частности балкарцев и карачаевцев. Многочисленные аланизмы в балкарском и карачаевском языках, сармато-аланские элементы в традиционной материальной культуре этих народов и осетино-балкарские этнографические параллели, по В. А. Кузнецову, это не столько «результат заимствования, сколько результат оформления еще одного этнического новообразования – на этот раз тюркоязычного»⁵. В процессе контактирования были достигнуты большие успехи в развитии фортификации, военного дела, идеологии и торговли.

М. Ю. Дронов
(Институт славяноведения РАН)

К ВОПРОСУ ОБ УГРОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЮЖНОКАРПАТСКИХ РУСИНОВ

Общеизвестно, что вследствие исторически обусловленной неоконченности этнонациональных процессов у южнокарпатских русинов⁶ в русинской среде сосуществует и активно конкурирует сразу

¹ Охонько Н. А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15–16. Ставрополь, 1988. С. 259–291; Фоменко В. А. Поселение у Козьей горки // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989. С. 108–109.

² Гаркави А. Д. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 9.

³ Крупнов Е. И. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1947. Т. IX. С. 127.

⁴ Биджиев Х. Х. Тюрки Северного Кавказа. С. 253.

⁵ Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона. С. 168.

⁶ Этноним русин и производные от него слова используются нами исключительно как *terminustehnicus* для условного обозначения конкретного сегмента восточнославянского этноязыкового массива, вне зависимости от того, к какой конкретно национальности причисляет себя тот или иной человек. Учитывая распространённость указанного этнонима в разные периоды на весьма обширных восточнославянских территориях, в т. ч. удаленных от Карпат, мы руководствуемся теми границами ареала расселения русинов, которые приняты в современной русинистике (см. карту: Magocsi P. R. Carpatho-Rusyn settlement at the Outset of the 20th century with additional data from 1881 and 1806. Мапа розселення Карпатських Русинів на зачатку XX століття з далшыми даними з 1881-го і 1806-го року. [Orwell, Verm.], 1996; 1998). Притяжательное прилагательное южнокарпатский используется нами с целью уточнения, о каких именно русинах идет речь. Его употребление представляется гораздо более корректным, чем прилагательных подкарпатский и закарпатский. Последние чаще всего

несколько этнонациональных идентичностей, которые в значительной степени определяют культурную ориентацию и, в частности, литературный язык их носителей. В наши дни, это, в первую очередь, русинская идентичность, апеллирующая непосредственно к традициям Карпатского региона, и идентичность украинская, основанная на концепции этноязыкового вхождения русинов в более широкую украинскую общность. В историческом разрезе часто подчеркивается распространенность, как минимум в среде русинской интеллигенции, широкой русской и венгерской идентичностей. Однако, памятуя о том, что внешним проявлением этнической идентичности является эндоэтноним (этническое самоназвание)¹, кроме этого можно говорить и о многих других идентичностях, которые были когда-либо представлены у южнокарпатских русинов². Достаточно назвать такие из них как: карпаторусская, угрорусская, подкарпаторусская.

Следует оговориться, что некоторые из указанных взаимно не исключающих позиций могут быть не без основания восприняты как разные уровни этнической идентичности. Однако у людей, которые принимали сразу несколько идентичностей³, видимо, какая-то из них являлась основополагающей (при этом не исключая ситуационной актуализации в качестве главной других идентичностей, а также возможности сущностного изменения всей иерархии)⁴. Кроме этого можно вести речь и о различных «срезах» этнической идентичности (внутренняя, декларируемая, приписываемая другими, официально фиксируемая идентичности)⁵, которые взаимосвязаны и подвержены динамическому взаимовлиянию.

Отдав должное сложности механизмов формирования и бытования идентичностей, в рамках настоящей статьи мы попытаемся кратко рассмотреть одну из перечисленных выше идентичностей, а именно – идентичность угрорусскую вместе с ее близкородственными вариантами.

В первую очередь следует заметить, что составной характер этнонимов, обслуживающих угрорусскую идентичность, косвенно свидетельствует об ее определенной искусственности и вторичности. Не свойственная народной этнонимии сложность является свидетельством ее элитарного происхождения. Так, еще крупнейший политический деятель южнокарпатских русинов XIX в. Адольф Добрянский (1817–1901) отмечал, что каждый из восточных славян («русских людей») Австро-Венгрии и России «утверждает, что говорит «по-русски», нисколько даже не подозревая того – если его этому не учили в школе, – что филологи и этнографы стараются различать друг от друга велико-, мало-, бело-, червоно- и черно-руссов»⁶. «Угоруссы», как можно заметить, даже не попали в процитированный перечень этнонимов.

воспринимаются относящимися к территории нынешней Закарпатской области Украины, однако русинский этнический ареал на южных склонах Карпат также включает в себя районы Словакии, Румынии и, с некоторой натяжкой, Венгрии.

¹ Садохин А. П. Этнология: Учебный словарь. М., 2002. С. 188, 196.

² В отличие от большинства исследователей, мы говорим именно об идентичностях, а не о широких национально-языковых ориентациях (обычно в этой связи упоминают триаду русофильство-укаинофильство-русинофильство и мадьяронство). Данное замечание важно, потому что нередко одна и та же этнонациональная идентичность выдвигалась (или, по крайней мере, не исключалась) сразу несколькими подобными ориентациями. Конечно, теоретически количество вариантов идентичности вместе с их допустимыми комбинациями, на порядок превышающее формальное число ориентаций, можно довести до абсурда – приближая его чуть ли не к общему количеству местных уроженцев и внешних знатоков региона, мыслящих в современных национальных категориях. Поэтому имеет смысл выделять только основные, на наш взгляд, модели этнонациональной идентичности. В то же время следует помнить, что обращение к конкретным русинским судьбам часто убеждает исследователя в крайней схематичности любых классификаций, которых явно не хватает для передачи всех переливов и оттенков взглядов некоторых деятелей. Тем более, что сами взгляды имеют (особенно в условиях пограничья) очевидную тенденцию к изменению как во времени, так и в пространстве.

³ Думается, что применительно к южнокарпатским русинам подобное положение вещей является особенно характерным.

⁴ Таким образом, например, в случае соседства русской и карпаторусской идентичностей мы можем констатировать первостепенное акцентирование либо своей русскости (при этом карпаторусскость воспринимается в данном контексте лишь как региональное или этнографическое уточнение), или же, наоборот, карпаторусскости (а не своей одновременной принадлежности к русским /восточным славянам/, как и шире – к славянству в целом). Ценным, хотя и не универсальным подспорьем в определении базовой этнонациональной идентичности играют представления о литературном языке, т. е., обращаясь к предыдущему примеру, принципиально важно, считает ли тот или иной русин своим литературным языком русский язык или же отстаивает право на развитие самобытного карпаторусского койне.

⁵ Классификация российского этнолога А. Д. Коростелева. См.: Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 92.

⁶ Цит. по: Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. Т. I. / Второе дополненное издание. М., 1916. Репринт: Bridgeport, Connecticut, 1977. С. 181.

Очевидно, что угрорусская идентичность (как и угро-русская и т. п. идентичности) основана на манифестации своей принадлежности к Угорской Руси. Происхождение последнего топонима носит не достаточно ясный характер. Согласно Ивану Попу, этот термин использовался учеными лишь с 30-х гг. XIX в.¹ Причем некоторые исследователи приписывают его авторство конкретно россиянам². Однако, если верить тому же А. Добрянскому, словосочетание *Russia hungarica*, рассматриваемое им как синоним Угорской Руси, встречается уже в средневековых грамотах венгерских королей³. К тому же, термин *Угросіа* находился в официальном титуле мукачевских епископов в XVIII в.: епископъ мукачевскій, марамарускій, викарій въ Угросіа апостолскій. Исходя из этого факта, известный языковед Георгий Геровский (1886–1959) считал, что он был признан официально⁴.

Применительно к началу XX в. свидетельства современников о распространенности термина Угорская Русь среди населения расходятся. Например, если польский наблюдатель Леон Василевский (Плохоцкий) (1870–1936) утверждал, что данное название «книжное, совершенно неизвестное народу, который не отделяет своей родины от остальной Венгрии»⁵, то русский автор Н. Бахтин склонялся к обратному, ссылаясь на опубликованную народную песню «Угро-русе моя мила, краю мой родненькій»⁶. По нашему собственному мнению, концепция Угорской Руси, явно имела элитарное происхождение (возможно, не без помощи зарубежных славянских интеллектуалов). Однако вряд ли корректно отрицать ее хотя бы частичное распространение у масс (например, паствы некоторых национально активных священников).

Составной характер угрорусскости, особенно учитывая весьма конкретную политико-географическую реальность «угорского» (чего нельзя сказать, например, о «карпаторусскости»), способствовал тому, что в ней при желании можно было акцентировать не только второй, главный, корень рус-, но и первый угр-. В отличие от «карпаторусскости» угрорусская идентичность, как и родственные идентичности, предусматривала жесткую привязку к русинским землям, входившим в состав Венгерского королевства, но не распространялась на соседние территории с близкородственным населением (например, на галицийских лемков). Наиболее активно угрорусскость бытовала в среде интеллигенции в период венгерского владычества. К ее литературным памятникам можно отнести, например, известный историографический труд «Историческія черты Угро-Русскихъ» о. Иоанна Дулишковича (1815–1883) (Ужгород, 1874, 1877) и стихотворение о. Юлия Ставровского-Попрадова (1850–1899) «Къ угрорусскимъ» (1893)⁷.

Особенно примечательна теоретическая сочетаемость данной группы идентичностей с русской, русинской и некоторыми другими составными идентичностями, с одной стороны, и с идентичностью венгерской, с другой.

После вхождения южнокарпатских русинских земель в состав Чехословакии угрорусскость официально не приветствовалась: достоверно известно, что в условиях молодой республики даже в подобной, этнонимической, форме не поощрялись лишние положительные или нейтральные упоминания о пребывании Словакии и Подкарпатской Руси в составе Венгрии⁸. В то же время, игнорировать потенции данной группы идентичностей, которые длительное время пестовались местной греко-католической интеллигенцией, было бы неправильным – особенно, памятуя об их повторном расцвете в условиях Венгрии в 1938–1944 гг.

В заключение отметим, что угрорусская и близкородственные ей идентичности в среде южнокарпатских русинов, несомненно, нуждаются в дальнейшем изучении.

¹ См.: Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 350.

² См., например: Мазурок О. «...Історію угро-русів, якщо брати до уваги вимоги сучасної історіографії досі не написано...». До 155-річчя від дня народження Юрія Жатковича. Ужгород, 2009. С. 148.

³ См.: А. И. Д. [Добрянский А. И]. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // ЖМНП. Ч. ССVIII. СПб., 1880. С. 158.

⁴ См.: Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси / Пер. с чеш. М., 1995. С. 7.

⁵ Василевский (Плохоцкий) Л. Венгерские «руснаки» и их судьба. (Письмо из Австрии) // Русское богатство. 1914. № 3. С. 363.

⁶ См.: Бахтин Н. Угорская Русь. Пг., 1915. С. 3.

⁷ См. в кн.: Рудловчак О. Ю. Ставровський-Попрадов. Життя, творчість, твори. Пряшів, 1984. С. 100, 102.

⁸ Любопытно, что классик карпатоведения А. Л. Петров (1859–1932), размышляя в конце 1920-х гг. над актуальными терминологическими вопросами, считал, что по отношению к термину Угорская Русь «было бы преемственно правильным название “Чешскословенская Русь”» (Петров А. Карпаторусские межевые названия из пол. XIX и из нач. XX в. Praha, 1929. С. 18).

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. В БОЛГАРСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ФИЛЬМЕ «ГЕРОИ ШИПКИ»)¹

Начало кинематографу в Болгарии было положено Василием Гендовым в 1915 году. Его работа «Галантный Болгаран» считается первым болгарским фильмом. К 1944 году число художественных фильмов достигло 50-ти, а к 1948 г., когда была осуществлена национализация болгарского кинематографа после принятия закона о кинематографии, были созданы еще 8 фильмов. Из всех этих болгарских кинокартин, которые являются негосударственными и досоциалистическими, всего 4 касаются периода османского господства, но среди них нет ни одного фильма посвященного Русско-турецкой войны²:

1. «Самая верная стража», 1928 г. (историко-приключенческая драма);
2. «Бунт рабов», 1933 г. (первый звуковой фильм; исторический);
3. «Страхил Войвода», 1936–1937 историческая драма (действие происходит в конце XVIII – начале XIX века);
4. «Следы огня», 1946 г. (воссоздает события Апрельского восстания в 1876 г., которое предшествовало Русско-турецкой войны 1877–1878).

После национализации болгарского кинематографа, с 1948 г., и до конца 1989 г. было создано всего 20 исторических фильмов, из которых преобладающая часть это экранизации и историко-биографические фильмы. С точки зрения исторического периода, к которому относится сюжет фильмов, 11 из них про Средневековье и более 20 в той или иной степени касаются темы османского господства и борьбы за освобождения Болгарии в 1878 г.

Собственно о Русско-турецкой войне имеется два художественных фильма: «Герои Шипки» (1954) и «Юлия Вревская» (1977). Помимо них, третьим фильмом, представляющим хронику войны, можно назвать 5-серийный телевизионный фильм «Путь к Софии» (1979). Все эти фильмы, так или иначе, связаны с советской кинематографией. Последние два из них посвящены 90- и 100-летию Русско-турецкой войны. Но самым показательным, в плане зависимости от советской кинематографии, был первый совместный болгаро-советский фильм «Герои Шипки». Он создан Ленинградской киностудией «Ленфильм» и Студией художественных фильмов «Болгария фильм».

Идея о фильме зародилась сразу после событий 9.09.1944 г., когда к власти в Софии пришли коммунисты и болгарская кинематография сразу поставила себя в зависимость от советской кинематографии. В то же время поведение советских кинематографистов можно охарактеризовать как покровительственная политика: «Послевоенный период развития советского кино характеризуется тем, что молодые кинематографисты стран социалистического лагеря стали на путь социалистического реализма, на путь тесного сотрудничества с советскими мастерами. Если кинематографисты ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польши, а также в известной мере и Китая могли опереться на опыт существовавшей в этих странах до войны развитой национальной кинематографии, то в Албании, Болгарии, Румынии, Корее, кинематографию пришлось строить почти заново. Советские мастера оказывали своим собратьям помощь и техническую /цветная пленка, оборудование/ и, главное, творческую»³.

В болгарских архивах находятся документы, на основе которых можно проследить эту взаимную связь двух кинематографов. Так, например, можно определить, что идея и первое предложение о советской помощи были инициированы председателем Комитета по делам кинематографии в Москве И. Большаковым. Он прибыл в Болгарию 20.11.1944 г. с целью «ознакомиться с болгарским кинематографом»⁴. В ходе разговоров с директором болгарской организации образной пропаганды Фонда

¹ Исследование проводится в рамках проекта «Memory ROW» 7 рамочной программы («Мария Кюри»).

² Следует отметить, что в Болгарской национальной фильмотеке хранится документальный фильм «50 лет освобождения Плевны» (1928 г.), спродюсированный Министерством народного просвещения (2 части; 755 м.). В фильме показаны торжества 12 и 15 мая 1928 г. в г. Преславе и Софии по случаю: 1000-летия с момента правления царя Симеона Великого и «Золотого века» Болгарского государства; 50-летия Освобождения и 10-летия восшествия царя Бориса Третьего. Другие документальные фильмы не сохранились, например, «Ополченцы» (1929), инициированный Министерством народного просвещения. В нем запись живых ополченцев попроществии 50 лет после войны. ЦДА. Ф.177. Оп. 2. Ед. хр. 204. Известно также, что был снят документальный фильм «Шипкинские торжества», посвященный открытию памятника «Шипка» в 1934 году.

³ Искусство миллионов. Советское кино 1917–1957. М., 1958. С. 445.

⁴ Пискова М. Из документального наследия на Фондация «Българско дело» // Известия на държавните архиви, 2000. Кн.80. С. 136–137.

«Болгарское дело» С. Рашевым, он определил направление этой помощи: «Большие художественные фильмы должны создаваться под руководством выдающихся советских режиссеров, операторов, специалистов, техников и т. д., но актеры и сюжет – должны быть болгарскими»¹. В следующем году в Болгарию прибыли братья Васильевы, создатели фильма «Чапаев», с целью собрать материал для своей будущей работы – фильме о вечной дружбе и братстве между болгарским и русским народами»².

В начале 1946 г. разговоры о сотрудничестве продолжаются в Москве. Во время своей командировки директор кинематографии С. Рашев сделал официальные предложения о сотрудничестве по ряду пунктов: обучение и повышение квалификации кинематографических кадров в Советском Союзе; обеспечение материальных условий для создания болгарских фильмов, а также для строительства временной студии и будущего киноцентра; создание первого болгарского сценария, а также командирование советского сценариста в Болгарию с целью оказания помощи болгарским писателям. После командировки С. Рашев подготовил отчет для премьер-министра Георгий Димитрова, в котором подчеркнул: «Успел договориться с тов. Болшаковым о создании одного большого или даже о двух художественных фильмах в Болгарии: сценарий – болгарский, актеры – болгарские, но под советским художественным и техническим управлением. С этой целью в настоящем году, летом в Болгарию приедет творческий коллектив из выдающихся специалистов, во главе с перворазрядным кинорежиссером, который поставит первую большую кинопродукцию...»³.

Те же самые предложения с болгарской стороны включены двумя годами позже в договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между НРБ и СССР. Директор болгарской кинематографии С. Рашев был членом делегации во главе с премьер-министром Г. Димитровым, которая прибыла в Москву в марте 1948 г. для подписания этого договора. Среди мотивов создания совместного фильма говорится об отсутствии средних технических и творческих лиц, для которых этот фильм сыграл бы роль квалификационного курса. К этому было добавлено, что «тема об освободительной войне 1877–1878 г. является самой благодарной и самой благородной и вместе с этим интересной для обеих стран»⁴. Дальше в мотивах подчеркивалось, что целью сотрудничества является также создание болгарского национального кинематографа. После переговоров советский зам. министр кинематографии М. Калатозов постановил: «Создать болгарское национальное киноискусство под руководством одного из самых выдающихся кинорежиссеров». Через неделю стало известно и имя этого режиссера. Это был Сергей Дмитриевич Васильев⁵.

Как сын участника Русско-турецкой войны он был связан с темой лично и эмоционально, и как сам отмечал, для всей его семьи эта война являлась священной: «Мой отец Дмитрий Васильевич провел кампанию 1877–78 гг., пройдя под началом генерала М. Д. Скобелева весь путь освободительной русской армии в Болгарии. После войны он был хранителем военно-исторического архива русской армии. В доме архива мы и жили. Здесь, в садике собирались ветераны минувших боев. И я, затаив дыхание, слушал их рассказы. С раннего детства мое воображение было захвачено их воспоминаниями... О восторженной встрече русской армии-освободительницы болгар от пятивекового рабства... о «белом генерале» Скобелеве... все это много позднее я и стремился показать в своем фильме «Герои Шипки»⁶.

Автор сценария Аркадий Первенцев⁷ тоже являлся потомком участника той же самой войны, на том же самом фронте – Балканском. Его детство прошло в станице Новопокровке, в доме его дедушки Андрея Никаноровича Афанасьева, принимавшего участие в боях на Шипке⁸.

В специализированных периодических журналах, в истории кино, в энциклопедиях фильм «Герои Шипки» нашел свое место. Мнения кинокритиков также опубликованы. Неисследованным остается

¹ Пискова М. Из документального наследия на Фондация «Българско дело» // Известия на държавните архиви, 2000. Кн. 80. С. 136–137.

² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 15. Ед. хр. 123. Л. 1–4.

³ Там же.

⁴ Славов Сл. Сергей Дмитриевич Васильев в България // Кино и врем. 1974. № 8. С. 7.

⁵ Сергей Дмитриевич Васильев (4.11. 1900 – 16. 12. 1959 г.). Самую большую славу ему принес фильм «Чапаев» (1934 г.) и этот первый звуковой фильм является основанием назвать Сергея Васильева одним из отцов социалистического реализма в советском кинематографе. За фильм «Герои Шипки» он получил приз Каннского фестиваля 1955 г. как лучший режиссер.

⁶ Кладов Н., Шпиркан Д. Братья Васильевы. Жизнь и творчество. М., 1978. С. 10.

⁷ Аркадий Первенцев – писатель, журналист, драматург и публицист, депутат ВС РСФСР. Место рождения: село Нагутское, Ставропольской губернии, Российская империя, ныне Ставропольский край. Его творчество определяют как социалистический реализм, а после 60-ых гг. оценивают как «отпечаток культа личности Сталина».

⁸ <http://www.kritika24.ru/page.php?id=2211>.

лишь архивный образ фильма. И поскольку это был совместный – болгаро-советский – продукт, то полный комплекс документов об истории создания и распространения фильма представляет совокупность материалов из архивных фондов Болгарии и России.

Болгарские архивы

Центральный государственный архив

В соответствии с принципом происхождения документов, самый большой комплекс документов о фильме «Герои Шипки» сосредоточен в архивном фонде № 404 – Студия художественных фильмов – Центрального государственного архива. Эта студия была создана после национализации болгарской кинематографии в 1948 г.¹ и целью ее деятельности являлось производство художественных фильмов². Все документы в связи с этой деятельностью составляют 812 единиц хранения. Они поступили в архив с 1965 по 1996 год. Первое поступление (1965 г.) – 10 единиц хранения – содержало самые ранние документы из истории студии с 1950 по 1954 гг. Среди них к фильму «Герои Шипки» относилась только одна единица хранения. В нее вошли протокол заседания Художественного совета об обсуждении фильма, связанная с фильмом переписка, приказы об изучении советского опыта, а также монтажный лист о дублировании фильма на русском языке.

Следующие поступления – это 1970, 1979, 1981, 1984 и 1996 год соответственно. Особого внимания заслуживает поступление 1981 г., наиболее объемное, содержащее 529 единиц хранения, среди которых были досье на все болгарские художественные фильмы 50-х – 60-х гг. Среди них находилась и большая часть компактно обособленных документов о «Героях Шипки»:

- режиссерский сценарий фильма, под названием «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (на болгарском языке, перевод Атанаса Далчева – 176 л.)³;
- первое и второе досье на фильм «Герои Шипки» – 249 л.;
- связанные с фильмом «Герои Шипки» переписка и отчет, а также протоколы художественного совета и приказы об изучении советского опыта – 211 л.;

Наиболее общий обзор указанных единиц хранения показывает, что все документы о «Героях Шипки» (в объеме 636 л.) были составлены на болгарском языке и их создателями являлись преимущественно болгарские учреждения. В целом документы охватывают весь процесс создания фильма. Видовой состав документов довольно разнообразный. Это и корреспонденция, и планы, и финансовые отчеты, и приказы по личному составу, и общие приказы, и доклады, и докладные записки. Среди документов есть и черновики, и подлинники (с подписями и печатями), и копии, есть машинописные и рукописные экземпляры, таблицы, схемы. Особое внимание заслуживают специфические документы, среди которых режиссерский сценарий фильма; монтажный лист дубляжа; оперативно-производственные планы летних, осенних, зимних съемок; монтажно-технические ведомости.

Кроме этих компактно обособленных единиц хранения с документами о фильме «Герои Шипки» в других архивных фондах Центрального государственного архива также находятся документы об истории создания фильма: 1Б, оп.15 – Отдел Агитации и пропаганды ЦК БКП; ф. 2 – Министерство информации и искусства; ф.136 – Комитет науки, искусства и культуры и др.

Болгарская национальная фильмотека

В библиотеке и в архиве Болгарской национальной фильмотеки хранятся документы о фильме «Герои Шипки» в объеме 687 листов.

В первую очередь среди них следует отметить досье фильма «Герои Шипки», которое доступно в читальном зале фильмотеки. Досье составляются, как правило, на все фильмы. Досье составляют отзывы и рецензии, рекламные брошюры и другие печатные материалы, а также газетные вырезки. В них в принципе нет оригинальных документов. Но досье фильма «Герои Шипки» является исключением, оно одно из самых содержательных и объемных. Это обусловлено в большей степени активной политикой распространения фильма. Одни только газетные вырезки и рекламные плакаты составляют около 210 листов. Помимо них здесь есть и оригинальные документы, среди которых: стенограмма обсуждения фильма в московском Доме кино (26.10.1954 г.); стенограмма пресс-конференции о фильме в Доме болгарских журналистов (26.02.1955 г.); информационные материалы о фильме, в том числе на русском и турецком языках; рукописные заметки актеров о работе с режиссером С. Васильевым.

¹ Държавен вестник. Бр. 78 от 5 април 1948.

² ЦДА. Ф.404. Оп.3. А.е.1. Л. 1, 1а, 2.

³ Там же. Оп. 4. А.е. 24.

В хранилищах ведомственного архива Болгарской национальной фильмотеки находится еще одно досье фильма «Герои Шипки». Из-за оригинальности документов и значимости, оно относится к числу особо ценных и составляет часть архивного фонда.

Эти документы представлены четырьмя тематическими группами:

Первая из них – это 67 листов воспоминаний ополченцев. В ходе подготовки фильма, в период с 12 по 29 августа 1948 года, по заказу болгарской кинематографии были записаны рассказы о войне 10-ти оставшихся в живых ополченцев. Запись была сделана Захари Поповым, и в сентябре машинописные экземпляры с воспоминаниями последних оставшихся в живых болгарских ополченцев были переданы кинематографистам. Так для истории сохранились воспоминания следующих ополченцев: Атанаса Зейрийски, 106 лет, Тодора Райчева (Комитата), 98 лет, Василя Джебарски, 102 лет, Станчо Тананова, 94 г., Недю Гюдюрева, 94 г., Димо Димова, 100 лет, Петко Алтабанова, 98 лет, Кръстю Янкова, Тодора Калоянова, Петъра Петрова.

Вторую группу составляют документы, связанные с обсуждением литературного сценария фильма: протокол заседания художественного совета, на котором обсуждался сценарий Первенцева (30.09.1952 г.); заключение художественного совета Комитета кинематографии о литературном сценарии «Герои Шипки» (6.10.1952 г.); несколько экземпляров заключения на болгарском языке, черновики, редакции, а также мнение консультанта – историка, проф. А. Бурмова; литературный сценарий после сокращения; монтажные листы на русском языке, субтитры. Всего 155 листов.

Третью группу представляет «Переписка в связи с советско-болгарским фильмом «Герои Шипки» (267 л.). Большая часть затрагивают финансовые вопросы производства фильма: оригинальное дополнительное соглашение, касающееся размеров содержания (суточных), выплачиваемого болгарским киноработникам во время их работы по этому фильму в СССР (3.04.1954 г.); распоряжение Совета министров от 1.07.1954 г. о дополнительном лимите продукции, все сопровождающие доклады и другие документы; распоряжение Совета министров №1948 о командировке в Советский Союз киноработников в связи с окончанием совместного кинопроизводства (11.12.1953 г.), а также все сопровождающие доклады, предложения и секретные письма об изменении состава командированных; доклад от 5.06.1953 г. о проверке Министерством народной обороны хода съемок; распоряжение Совета Министров о предложении Румынскому правительству разрешить использование острова Камадину для съемок фильма (22.05.1953 г.); секретное постановление Совета министров П-233 от 24.04.1953 г. о создании советско-болгарского фильма «Герои Шипки», на основе которого разрешен беспощинный ввоз и вывоз (касательно территории СССР) всех киноматериалов. Интерес представляет и рукописный источник, на котором на русском языке перечислено количество танков, машин, артиллерийских средств необходимых для финальных кадров фильма.

Последнюю группу документов составляют рисунки и эскизы художников фильма. Среди них рисунки костюмов, палаток, шляп, эполетов, а также описания костюмов, имена и размеры актёров и т. д.

Таким образом, вне центрального архива находятся 687 листов ценных архивных документов о создании фильма «Герои Шипки». Среди них преобладающая часть оригиналы, с подписями и печатями, связанные с финансовыми вопросами и носящие характер секретности. В основном это всё официальные, оригинальные распоряжения Совета Министров и сопроводительные документы. Видно, что их не подвергали обработке, так как отсутствует систематизация даже по хронологии. В целом же это оригинальные и юридически действительные документы.

Российские архивы

Сведения о российских архивах представлены только на основе интернет-источников. В путеводителе Российского государственного архива литературы и искусства описан личный фонд Братьев Васильевых (№ 2733) с 1156 единицами хранения¹. Характеристика фонда помогает определить хронологические границы документов – с 1890 по 1979 гг. Документы личного фонда приняты между 1984 и 1992 годами. Сам путеводитель опубликован в 1998 г. Характеристика фонда позволяет определить, что среди документов есть как служебные, так и личные. Это материалы режиссерской деятельности С. Д. Васильева – режиссерский сценарий, записки, раскадровки фильма «Герои Шипки» (1953–1954 гг.) – 664 л.; это рукописи С. Д. Васильева – статьи, выступления, лекции, интервью с выдержками о фильме разных лет: «Фильм «Герои Шипки» снят с помощью бойцов и командиров Болгарской Народной армии», «Фильм о братской дружбе» (1952–1955 гг.), «Первый результат творческой дружбы советских и болгарских кинематографистов» (1955–1959 гг.); записные книжки

¹ <http://www.rgali.ru>.

С. Д. Васильева; письма С. Д. Васильеву: Ж. Дассена, Н. Н. Кладо, А. А. Первенцева, Е. В. Самойлова, Д. В. Шпиркан; материалы о работе С. Д. Васильева на Болгарской студии художественных фильмов (в должности советника): структурная схема, штатное расписание, правила работы съемочных групп, отчеты и др. (1952–1953 гг.); материалы о поездках С. Д. Васильева на VIII, IX и XII Международные кинофестивали в Каннах: программы, списки членов жюри и делегаций, пригласительные билеты, информационные бюллетени, отчеты, меню с автографами приглашенных и др. (1955–1959 гг.), а также фотографии бойцов и командиров, собранные С. Д. Васильевым для работы над фильмом «Герои Шипки».

В ЦГАЛИ СПб, в фонде киностудии «Ленфильм», находятся 14 единиц хранения с документами о фильме «Герои Шипки». Это договоры, режиссерский и литературный сценарий, сметы, нотные рукописи и т. д.

По всей вероятности имеется немало документов о фильме «Герои Шипки» в архивных фондах различных учреждений советской кинематографии, среди которых фонды Госкино, Совкино, Комитета кинематографии, Министерство кинематографии, Киностудии Мосфильм и др.

В итоге можно подчеркнуть, что документы, которые находятся в архивном фонде Студии художественных фильмов, а также документы о фильме «Герои Шипки» в Болгарской национальной фильмотеке отражают одну из сторон документирования процесса создания фильма «Герои Шипки». Это официальная, болгарская сторона. Поскольку фильм снят почти полностью в Болгарии, то можно сказать, что основной комплекс официальных документов находится именно в болгарских архивах. Но так как и сценарист, и режиссер, и большая часть создателей фильма были советскими специалистами, в их личных фондах сохраняются различные свидетельства создания фильма. В фондах советских кинематографических учреждений, в министерствах и т. д. тоже должны быть документы о создании фильма. Наряду с ними ценными источниками являются и личные фонды, семейные архивы участников фильма – обыкновенных людей, солдат, статистов, без которых и фильм и его история не были бы завершенными... Их воспоминания, их фотографии позволяют проникнуть в творческую лабораторию фильма и вскрыть то, что осталось невидимым для официальных учреждений и профессионалов.

А. А. Сербина

(Российский государственный гуманитарный университет)

К ВОПРОСУ О «ПЕЧАЛЬНО ИЗВЕСТНОМ» МЕМОРАНДУМЕ СЕРБСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИСКУССТВ 1986 ГОДА

24 сентября 1986 года в белградской газете «Вечерние новости» была опубликована часть (30 страниц) Меморандума Сербской академии наук и искусств. Документ попал в прессу в неоконченном виде не по воле авторов. Однако даже в таком виде вызвал скандал в самых разных кругах сербского общества, не говоря о реакции на документ представителей других республик в составе СФРЮ, поскольку был посвящен экономической и политической ситуации, как в Югославии, так и в Сербии. Документ был охарактеризован большинством представителей интеллигенции, как разжигающий национальную рознь и в прямом смысле уничтожающий федеративный дух страны.

После всеобщего осуждения, различных голосований в различных комитетах, интервью с главами республик и намеками на осуждение документа, написания ответных писем от лица других народов¹ про документ забыли.

Однако ненадолго, поскольку через несколько лет он стал прочно ассоциироваться с предвыборной программой Слободана Милошевича и активным ростом сербских националистических сил. Учитывая мнения многих экспертов по поводу данного документа можно было бы ожидать, что он станет одним из центральных аргументов в пользу развития национализма в Югославии и, в частности, в Сербии, наряду с Исламскими декларациями Изетбековича в Боснии или национально-освободительными требованиями Туджмана в Хорватии. Однако его судьба и значение имеют прямое отношение не столько к системному кризису в Югославии, сколько к исследованию системного кризиса в Югославии. Вокруг документа образовалось множество мифов и ошибок, которые не позволяют объективно оценить его значение в сербской и югославской истории.

¹ Mihailovic K., Krestic V. Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts: Answers to Criticism, 1995. GIP "Kultura". P. 25.

История создания документа крайне примечательна и симптоматична для характеристики кризисных явлений в Югославии всего десятилетия перед распадом страны. 1986 год не был переломным или особенным в югославской истории, однако некоторые события позволяют выявить черты политического, управленческого и экономического кризисов. Особенностью экономического устройства СФРЮ была ее зависимость от внешней помощи и международных кредитов, поступление которых к 1986 году резко сократилось. Инфляция в 1980-м году составила 40 % в год, в 1983 г. – 58 %, а в 1987 г. – 162 %¹. После смерти бессменного президента страны Иосипа Броз Тито страна перешла на новую систему управления, согласно которой федеральным президентом сроком на один год становится президент каждой республики СФРЮ. Это довольно негативно сказалось на значении федеральной власти, а, с другой стороны, повлияло на рост влияния республиканских президентов, что было нехарактерно для системы управления в стране. После 1981 года в Югославии началось обсуждение многих исторических проблем и событий, дебаты о которых не могли вестись при жизни Тито. 1983 год был негласно назван «годом истории» из-за небывалого интереса к прошлому региона. Вместе с тем в республиках снова становятся актуальными требования культурной, экономической и религиозной автономии (выступления в Косово в 1981 году, публикация Исламской декларации и пр.).

Создается ситуация фактического наличия единой консолидирующей идеологии (социализм) при отсутствии лидера/лидеров, которые могли бы де факто стать новыми Тито, устраивающими все властные элиты. В данных условиях республиканские лидеры начинают искать поддержку в различных общественных институтах.

Несколько раз разные представители сербской интеллигенции обращались к различным общественным структурам с просьбой взять под контроль ситуацию в СФРЮ. В частности, в 1984 году с такой просьбой к членам академии наук обращался академик, общественный деятель и писатель Добрица Чосич. В начале 1986 году уже Председатель Президиума Сербии Иван Стамболич еще раз обратился к академии с просьбой составления подобного документа. В мае 1985 года Президент САНИ Душан Каназир поручает членам академии создать документ, который бы смог охарактеризовать положение дел в Югославии.

Изначально в комиссию по подготовке Меморандума вошли 16 члена академии, потом их стало 23. Эти новые 7 человек присоединились к подготовке меморандума перед его утечкой в прессу. Некоторые из академиков потом осудили меморандум. В любом случае к моменту утечки в прессу было согласовано около 30, по другой версии – 16 страниц текста из 73. Для сравнения в 1999 году меморандум по поводу отставки Милошевича подписали 50 членов академии. В состав комиссии входили Павле Ивич, Антонийе Исакович, Душан Каназир, Михайло Маркович, Милош Мацура, Дежан Медакович, Мирослав Пантич, Никола Пантич, Любиша Ракич, Радован Самарджич, Миомир Вукобратович, Василийе Крестич, Иван Максимович, Коста Михайлович, Стоян Челич, Никола Чобелич. Каназир и Исакович возглавляли группу.

До сентября 1986 года комиссия собиралась 5 раз, последний раз 23 сентября. Как раз тогда была согласована часть документа, которая на следующий день появилась в печати. Автором предварительной к Меморандуму статьи и тем, кто выпустил его в печать, был журналист Александар Джуканович. Зять Йована Джорджевича (одного из создателей югославской конституции). Академик Джорджевич, Добрица Чосич и профессор социологии и философии Любомир Тадич были приглашены как раз на последнее заседание с тем, чтобы согласовать текст и дать свои комментарии. По словам Чосича, приглашенные к обсуждению не имели право голоса, а могли только вносить рекомендации. По итогам собрания было согласовано 16 страниц одной из версий документа². Кроме них существовали еще две – краткая и расширенная³. Над документом работали по группам, каждая из которых занималась своей областью – экономика, история, политика и пр.⁴

С одной стороны, появившийся текст стал неожиданностью для самого сербского руководства, так как, во-первых, не был должным образом согласован, а, во-вторых, выдвигал довольно резкие аргументы в пользу усиления позиции Сербии в Югославии. Основная ответственность за положение страны была возложена на Тито, а выход из ситуации представлял собой создание новой конституции, расширение полномочий сербской номенклатуры, воссоединение Сербии с автономными

¹ Динкич М. Экономика деструкции// Сербия о себе, 2005: Издательство «Европа». С.343.

² Cosic I. Publish when I Die [электронный ресурс] URL: <http://inserbia.info/today/2014/06/cosic-publish-when-i-die-sanu-memorandum/>

³ Mihailovic K., Krestic V. Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts: Answers to Criticism, 1995, GIP "Kultura". P. 15.

⁴ Там же. P. 13.

краями Косово и Воеводина. В документе довольно четко прослеживается позиция противодействия влиянию Хорватии и Словении, однако, не с точки зрения «национального реванша», а с точки зрения несправедливости распределения экономических ресурсов в стране. Сильны в документе и реваншистские настроения, которые сводятся к желанию расширить сербские позиции в югославской политике и экономике. Но документ не является ни экстремистским, ни националистическим, он скорее мог бы считаться претензией на пересмотр внутригосударственного устройства. По характеру текста и аргументов это своеобразное письменное заявление провластной элиты.

Но этот документ не соответствует тому значению, которое ему было придано позже попытками связать его со Слободаном Милошевичем¹. Академик Михайло Маркович даже давал показания в Гааге по поводу меморандума и его связи с Милошевичем на суде². Он утверждал, что Милошевич на тот момент не был яркой фигурой в политическом поле. В 1986 году Слободан Милошевич был новым человеком и только стал главой белградского партийного отделения. Кроме того, по инициативе своего покровителя Ивана Стамболича Милошевич был вынужден собрать комиссию для осуждения текста, хотя сам никаких заявлений по поводу текста не делал.

Однако более поздние попытки переосмысления документа и его связи с формированием предвыборной кампании Милошевича выглядят как подтасовками и мешают увидеть два важных обстоятельства. Во-первых, если основываться на идеях документа, то в связях с формированием предвыборной кампаний или просто с позиционированием Милошевича на политической арене можно обвинить любого автора, высказывающего идеи восстановления сербских позиций в Югославии или даже более широко – излагающего программу реформирования федерации с просербских позиций. Во-вторых, полностью игнорируются обстоятельства появления документа в печати.

Вернемся к связи между журналистом Александром Джукановичем и Йованом Джорджевичем. Именно после того, как Джорджевич был приглашен для консультации, документ непонятным образом оказался у его зятя журналиста и за ночь оказался в печати с предварительной статьей. Это означает, что после консультации 23 сентября, за один день была согласована полоса, было получено одобрение на печать незаконченного документа, сопровождаемого статьей негативного характера. Академик Йован Джорджевич был специалистом в области права и с 1945 года участвовал в создании югославских законов и конституций³. Получается, что группа подготовки меморандума на последнее заседание пригласила, в том числе человека, стоящего у истоков югославского законодательства, одного из его защитников и создателей. А сам меморандум содержит довольно жесткую критику конституций страны, начиная с 1965 года.

Кроме того 1986 год был особенным в истории Сербской Академии наук и искусств, так как в ноябре этого года должно было широко отмечаться ее 100-летие. Из-за скандала вокруг меморандума президенту академии Душану Каназиру пришлось просить разрешения у федерального правительства все же отпраздновать юбилей.

Таким образом, публикация меморандума в первую очередь ударила по статусу и значению Академии. Возможно, этого бы не произошло, если предположить, что документ мог найти отклик у аудитории. Однако даже при позитивном восприятии документа в Сербии соседние республики обязательно осудили бы данную версию меморандума. Здесь сыграл бы фактор болезненного отношения республик к своему статусу и любым попыткам его пересмотра в чью-то пользу. Академию все равно бы обвинили в подрыве федералистского духа страны. Федеральное правительство не поддержало бы документ, который мог его скомпрометировать. И в любом случае статусу САНИ был бы нанесен ущерб, а любые дискуссии о пересмотре конституции были бы отложены. Меморандум мог стать еще одним закрытым циркуляром аналитического характера, который был бы предоставлен правительству «для ознакомления». Его публикация, таким образом, скорее всего, была использована для частных целей недопущения пересмотра федерального законодательства, так как данная тема начала становиться актуальной в условиях назревающего экономического и системного кризиса. Как покажет дальнейшая история страны, новый этап дискуссии о создании новой конституции приведет к развалу СФРЮ.

¹ Sell L. Slobodan Milosevic and the destruction of Yugoslavia. Duke University Press, 2002. P. 46; Armatta J. Twilight of the Impunity: The War Crimes Trial of Slobodan Milosevic. Duke University Press, 2010. P. 345; Mertus J. Kosovo: How Myths and Truths Started a War. University of California Press, 1999. P.137 и многие другие.

² Sense Agency: Milosevic: a Victim of Demonization? [Электронный ресурс] URL: http://www.sense-agency.com/icty/milosevic-a-victim-of-demonization.29.html?cat_id=1&news_id=8845.

³ RTV: Umro Jovan Djordjevic [Электронный ресурс] URL: http://www.rtv.rs/sr_lat/drustvo/vremeplov/vremeplov-umro-jovan-djordjevic_288604.html

«КОНТАКТНАЯ ЗОНА» ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Курс истории южных и западных славян входит практически во все образовательные исторические программы классических университетов, и Северо-Кавказский федеральный университет не является исключением из этого правила. Сложившаяся традиция восходит, в свою очередь, к школе Исторического факультета Ставропольского государственного университета, когда со второй половины 90-х гг. ушедшего века усилиями профессора И. В. Крючкова, доцента А. Н. Птицына и доцента С. А. Польской зарубежное славяноведение было разработано, как учебная дисциплина¹ и преподается по настоящее время. Условно курс делится на две части – средневековую историю и новую и новейшую историю южных и западных славян, что нашло отражение и в его методическом обеспечении². Именно разработка последнего и сформировала определенный опыт преподавания.

Что касается средневекового раздела, то одним из наиболее важных его сюжетов выступила тема генезиса феодальных отношений, где принципиально новой для понимания студентов составляющей явилась теория «контактной зоны» академика В. Д. Королюка (1921–1981). Именно ему принадлежит авторство этого термина, на страницах своих работ контекстно обозначавшего стык областей Центрально-Восточной и Центрально-Южной Европы, где генезис феодализма проходил под влиянием античного (позднеримского и византийского) наследия³. Именно здесь этнические и социальные процессы воплотились в самой законченной амплитуде действий – от ассимиляции до сложных смещений, что сопровождалось особыми процессами развития общества. При этом изначальная (в данном случае – указанная античная) первооснова должна сохраняться, сопровождаясь глубинными нарушениями преемственности в результате появления все новых элементов синтеза. Концепция В. Д. Королюка была продолжена наукой⁴ и нашла своих продолжателей, которые успешно применили ее к иным территориальным рамкам⁵, что только подтверждает научный успех предложенной теории. Не ставая перед собой задачу анализа ее историографической версии, обратимся к проблемам ее изучения высшей школе.

¹ Крючков И. В., Польская С. А. История зарубежных славянских народов в СГУ // Научно-педагогическая школа по всеобщей истории Ставропольского государственного университета. Сб. ст. / Под ред. А. А. Аникеева. Ставрополь, 2006. С. 10–25.

² Крючков И. В., Птицын А. Н. История южных и западных славян в новое и новейшее время: учебно-методическое пособие для студентов ОЗО и экстерната. Ставрополь, 2008; они же. История южных и западных славян в новое и новейшее время: Практикум. Ставрополь, 2013; Польская С. А. История южных и западных славян в средние века: учебно-методическое пособие. Ставрополь, 2001; она же. История южных и западных славян в средние века: учебно-методическое пособие / История древнего мира. История средних веков. История стран Востока в средние века. История южных и западных славян в средние века. История зарубежной культуры: учебно-методическое пособие для студентов ОЗО / Под ред. И. А. Красновой. Ставрополь, 2005. С. 218–255.

³ Королюк В. Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века: Сб. ст. Кишинев, 1972. С. 31–46; он же. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологическое исследование. М., 1975. С. 158–184; он же. Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории // Советское славяноведение. 1974. № 1. С. 53–67.

⁴ Гавлик Л. Вопросы типологии генезиса феодализма в Европе и Передней Азии и славянские народы // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / Под ред. Я. Н. Щапова. М., 1978. С. 131–143; Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995 (Особенный интерес вызывает статья В. А. Арутюновой-Фиданян: Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. С. 42–61); Агаджанов С. Г. Контактные зоны Восточной Европы: узловые проблемы и задачи изучения // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 гг. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1997. С. 5–36. Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. Славяне и их соседи: Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1991 (равно как и все выпуски этой продолжающейся серии).

⁵ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Мельникова Е. А. К типологии контактных зон и зон контактов: скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1999.

Применительно к процессу преподавания средневековой истории южных и западных славян указанная проблема требует отдельной лекции «Генезис феодальных отношений у южных и западных славян», где «контактной зоне» посвящен отдельный вопрос. Он освещает следующие дидактические позиции. Данный вариант синтеза относится к промежуточному типу генезиса феодализма. «Контактной зоной» принято называть территорию, находящуюся на стыке Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. В нее входили отдельные, в основном расположенные к северу от Дуная, области Сербии, Хорватии, Словении, а также частично Албания, Карпато-Дунайские и Карпато-Днестровские земли (будущие Молдавия и Валахия). Особенностью генезиса феодализма здесь являлось, с одной стороны, наличие во всех областях довольно многочисленного восточно-романского населения – потомков иллирийцев в Албании и влахов в Нижнем Подунавье. Одновременно в соседстве с ними жили массы нероманизованного славянского населения, которые способствовали варваризации романских народов и нарушали процесс непрерывной преемственности с римской цивилизацией. В частности, среди восточно-романского населения возникли тенденции к более примитивному пастушескому хозяйству, усилившиеся после вторжения в этот район кочевых племен гуннов, аваров, протоболгар и венгров. Они нарушили нормальную хозяйственную деятельность оседлых земледельцев – восточных романцев и славян. Поэтому византийско-славянский и восточно-романский синтез имел здесь ограниченные масштабы. Процесс феодализации был очень замедленным и затянулся на западе «контактной» зоны до конца XII в., на востоке – до XIV в. включительно.

Что касается славянских регионов «контактной зоны», то особенностью развития феодальных отношений здесь послужила славянизация романского населения. В отличие от регионов синтеза эта славянизация означала преобладание этносов пришлых, стоящих на более низкой ступени развития. Иными словами, славянские племена, более многочисленные и воинственные, подчинили себе романское население. Почему это стало возможным? В период Великого переселения народов Юго-Восточная Европа пережила несколько волн вторжений, что пагубно сказалось на романском населении. Численность его значительно сократилась как в результате войн, угона в плен, так и за счет добровольного бегства части зависимого населения Византии к славянам. Затем, после славянского завоевания Балкан местное население было вытеснено из наиболее плодородных земель с устойчивыми римскими аграрными традициями. Это серьезно нарушило механизм передачи достижений античной цивилизации пришедшим сюда славянам.

Следующей особенностью генезиса феодальных отношений в «контактной зоне» стал факт активного участия в этих процессах не только земледельческих, но и скотоводческих кочевых этносов. Носителями их явились тюркоязычные протоболгары и угорязычные авары и венгры. Этнический синтез их со славянами завершился языковой ассимиляцией и исчезновением кочевников, имевших очень сильную военную организацию, но относительно малочисленных. Так, венгры, подчинив словяков, не ассимилировали их, а, напротив, осели на землю, приняли христианство и смогли сосуществовать со славянами.

До вторжения кочевников славянские племена начинали объединяться, по аналогии с западными славянами, в племенные княжества. Однако сильная военная организация кочевников легко разрушила этот процесс. Покоренные, но не растворившиеся в них, славяне вошли в состав многоэтнических держав: ханство протоболгар, аварский каганат, венгерское государство. Но если в Аварском каганате (в силу различия религий) слияния со славянами не произошло, то в Венгрии этот процесс был бесспорен. Как и в случае с болгарами, здесь в ходе взаимной частичной ассимиляции возникла венгерская народность. Но окончательного слияния так и не произошло. В итоге были созданы уникальные смешанные земледельческо-кочевые державы, где главную роль в хозяйственной жизни играло все же земледельческое, преимущественно славянское, население.

В дальнейшем синтез феодальных отношений в «контактной зоне» дополнился новым составляющим элементом. С IX по XIV вв. на территории сербов и хорватов началась экспансия западноевропейской модели феодализации в лице Франкской империи Карла Великого, «Священной Римской империи» и республики Святого Марка (Венеции).

Таким образом, особенностью данной территории являются безостановочное пополнение ее новыми этносами, культурами и общественными системами. Именно поэтому исследователи и называют ее «контактной», поскольку процессы генезиса здесь никак не могли остановиться, прийти к единому финалу. У этого явления есть свои положительные и отрицательные последствия (среди положительных: постоянное обновление, среди отрицательных: отсутствие стабильности).

Свою страноведческую конкретизацию указанная проблема реализует в лекциях, посвященных истории Первого и Второго Болгарского царств; истории Сербии до турецкого завоевания; средневековой истории Хорватии. Практическая часть курса в силу незначительного количества аудиторных часов предлагает только выборочное закрепление материала на занятиях «Сербское общество и государство по данным «Законника» Стефана Душана»; «Хорватия и Словения в составе империи Габсбургов». Поэтому основную образовательную задачу выполняет раздел самостоятельной работы. Сразу несколько тем для контрольного собеседования и коллоквиумов («Славяне в догосударственный период», «Генезис югославянских государств в VII-XII вв.», «Византийская цивилизация и южные славяне: проблемы преемственности», «Феномен адриатических городов-государств»), для написания рефератов и эссе, тестовые задания, а также предусмотренных Образовательной программой бакалаврских работ для Итоговой Государственной аттестации позволяют в достаточной мере закрепить основные положения теории «контактной зоны» в процессе преподавания курса средневековой истории южных и западных славян.

В. К. Шаповалов
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОТРЕБНОСТИ И РЕАЛИИ

Возрождение ислама в России в последние двадцать лет происходит так интенсивно, что вполне обоснованно данный процесс многие эксперты определяют как ренессанс ислама. Подтверждением этого является бурное строительство мечетей, посещение пятничных молитв большим числом молодых людей, устремленность в зарубежные исламские вузы тысяч российских этнических мусульман, желающих получить исламское религиозное образование, создание религиозно-культурных организаций, издательских и медийных центров, исламской периодики и др.

Процесс возрождения ислама сложен и противоречив, что обусловлено рядом факторов. Мы наблюдаем восстановление социального института исламской религии в постсоветском российском обществе, где по закону социально-психологической инерции работают идеологические установки коммунистической доктрины, значительно искаженной в советский период истории России. Примером тому могут служить факты, подтверждающие во второй половине XX века вполне лояльное отношение правящих режимов в бывших странах, так называемой народной демократии (ГДР и др.) к религиозным конфессиям, в то время, когда в СССР они подвергались всяческому гонениям. Действенность этих установок относительно ислама проявляется как в сознании политических лидеров, академического сообщества, в медийном пространстве, так и на уровне обыденного сознания.

По причине ограниченности объема текста не будем касаться всех факторов, детерминирующих рассматриваемый процесс, а коснемся только того, как отражается ренессанс ислама в потребностях в исламском образовании. Мы полагаем, что будущее процесса возрождения ислама в России во многом будет определяться состоянием отечественного исламского образования. Нынешние потребности в исламском образовании являются одним из показателей его состояния и результатов через четыре года, пять лет, в зависимости от типов и видов образовательных учреждений, функционирующих в конкретном регионе.

Проанализируем некоторые результаты исследования потребностей в исламском образовании, проведенном группой социологов Северо-Кавказского федерального университета в субъектах РФ, входящих в структуру Северо-Кавказского федерального округа. Генеральная совокупность исследования представлена пятью основными квотами: религиозные и светские высшие учебные заведения, умма, а также лидеры конфессии, старшеклассники – учащиеся выпускных классов и их родители, средства массовой информации, эксперты, связанные с религией и образованием. В целом генеральная совокупность исследования представляет собой весь спектр потребителей и получателей услуг, связанных с образованием в области ислама, его истории и культуры.

Основными эмпирическими методами сбора первичной социологической информации явились анкетный опрос и индивидуальное глубинное интервью.

Информантами качественного этапа исследования выступили эксперты, связанные с религиозным образованием, СМИ, конфессией и органами власти. В каждом из обследуемых регионов было взято от 5 до 10 индивидуальных глубинных интервью.

Обработка и анализ количественной информации осуществлялись с помощью аналитического пакета SPSS и программы Excel. Эмпирические данные, собранные при помощи качественных мето-

дов, подвергались полной расшифровке транскрипции и анализировались с элементами обоснованной теории.

Основным потребителем выпускников учреждений среднего и высшего религиозного профессионального образования является умма в лице духовных управлений, регулирующих обеспеченность мечетей служителями исламского культа. Духовные лидеры исламской конфессии считают, что для священнослужителя достаточно обладания средним религиозным профессиональным образованием. В ближайшие пять лет потребность в квалифицированных священнослужителях в европейской части России лидерами исламского образования оценивается в две тысячи дипломированных выпускников медресе. Наиболее остро потребность в квалифицированных священнослужителях выражена в Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах.

Духовные лидеры исламской конфессии и эксперты высшего уровня в сфере исламского образования определяют как оптимальное количественное соотношение потребностей в квалифицированных священнослужителях, имеющих среднее профессиональное религиозное образование, и специалистов по исламской теологии, истории и культуре ислама, имеющих высшее профессиональное образование, подтвержденное государственными сертификатами, как 10 : 1. Таким образом, в ближайшие 5 лет необходимо подготовить не менее 200 специалистов по исламской теологии, истории и культуре ислама. С учетом того, что намерения работать по специальности проявляют не более 50 % обучающихся по указанным образовательным программам студентов, объем подготавливаемых специалистов в ближайшие 5 лет должен увеличиться как минимум до 400 человек.

Одна из идей исследования состояла в том, что наряду с определением потребности в профессиональных служителях исламского культа, специалистах по истории и культуре ислама, исламской теологии с учетом конфессиональной направленности необходимо выявить наличие потребностей в образовательных услугах в обозначенных профессиональных сферах у получателей таких услуг – будущих студентов вузов и учащихся учреждений среднего профессионального образования, а также их родителей.

Приведем следующее интересное сравнение. Если старшеклассники – этнические мусульмане проявляют потенциальный интерес к специальностям, связанным с религией, соответственно: в Нижегородской области – каждый третий, в Республике Татарстан – каждый пятый, в Республике Башкортостан – каждый четвертый, то в Республике Дагестан и в Чеченской Республике – каждый третий, а в Республике Ингушетия – три четверти.

Заметное отличие ситуации с проявлением интереса к исламскому образованию значительной частью старшеклассников-ингушей можно объяснить тем, что в Республике Ингушетия в течение многих лет в средних и старших классах общеобразовательной школы преподаются основы исламской религии.

Учащиеся примечетских школ в значительно большей степени, нежели старшеклассники общеобразовательных школ, проявляют потенциальный интерес к специальностям, связанным с религией.

Самый высокий уровень мотивации на религиозное образование отмечен у старшеклассников в Республике Дагестан. Мотивация на получение религиозного образования у старшеклассников Поволжья ниже, чем у старшеклассников республик Северного Кавказа.

Выявлена тенденция востребованности среднего профессионального религиозного образования как самоценности, самоцели («для себя»), как путь глубокого познания ислама, повышения личностной исламской культуры. Данная тенденция совпадает с позицией духовных исламских лидеров, а также руководителей медресе, утверждающих необходимость исламского образования не только для профессиональной карьеры, но и для более глубокого познания молодежью сущности ислама.

Таким образом, в результате анализа полученных в ходе реализации проекта данных нашло подтверждение предположение о том, что в силу отсутствия единства в исламском религиозном сообществе Северного Кавказа как и во всей европейской части России, единой концепции отечественного исламского образования и просвещения, слабой представленности информации об исламе в содержании общего образования имеет место несовпадение позиций работодателей и намерений потенциальных потребителей образовательных услуг в сфере ислама.

Отсутствие возможности для имама в сельской местности обеспечить материально себя и свою семью является основным фактором неопределенности половины выпускников медресе в принятии решения в пользу карьеры священнослужителя. Как сказал в интервью один из крупных экспертов в сфере исламского образования, в современной России рейтинг религиозного образования совпа-

дает с его рейтингом в зарубежных странах, где в профессиональных выборах выпускников школ доминируют специальности в следующей последовательности: военные, технические, естественнаучные и светские гуманитарные специальности.

Один из общих выводов проведенного исследования состоит в том, что ренессанс ислама на Северном Кавказе еще не нашел адекватного отражения в потребностях этнических мусульман, оканчивающих общеобразовательную школу, в исламском образовании. Есть все основания утверждать, что в настоящее время в России не существует альтернативы исламскому образованию и просвещению, организованному и осуществляемому в контексте российских исторических и этнокультурных традиций как важнейшему фактору противодействия религиозному экстремизму и международному терроризму, эксплуатирующему идеи исламского возрождения.

РАЗДЕЛ III. КАВКАЗ, КАРПАТЫ, БАЛКАНЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Д. В. Сень
(Южный федеральный университет)

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. – НАЧАЛЕ XVIII В.: УПРАВЛЕНИЕ ПОГРАНИЧНЫМИ ПРОЦЕССАМИ И ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ¹

Заявленная тема относится к числу малоисследованных в науке, несмотря на внушительные результаты, достигнутые различными национальными историографиями при изучении Крымского ханства XV–XVIII вв. Характер взаимоотношений Османской империи и Крымского ханства не оставался неизменным на протяжении столетий, причем события второй половины XVII в. занимают здесь особое место. Содержательная сторона темы далеко выходит за рамки давней научной проблемы о степени самостоятельности Крымского ханства по отношению к Османам, не имеющей сегодня особых перспектив в русле даже сегодняшнего осмысления двух историографических мейн-стримов, составляющих ее ядро. В настоящее время перед исследователями открываются новые перспективы, связанные с изучением отношения крымско-татарского общества (и других групп населения ханства) к изменившемуся международно-правовому положению Крыма и Османской империи в конце XVII в., а также к перспективам сотрудничества с турками-османами в условиях возросшего могущества России. Эта проблема тесно связана с изучением разнообразных реакций в Крыму на международные договоры, заключенные с участием России и Османской империи, наносившие удар по вековой и сложноорганизованной набеговой системе Крымского ханства. Такие договоренности крупных игроков вовлекали Крым в создание и поддержание границ по западноевропейскому типу, по-новому регламентируя поведение крымских ханов и их подданных. Следствием такого *нового порядка* становилось активное сопротивление со стороны крымско-татарского и ногайского населения, занятого в набегах, а также элит Крымского ханства новой международно-договорной системе с ее линейными границами и механизмами контроля над их пересечением. Отсюда – непонимание и участвовавшие конфликты (в широком смысле) между Крымским ханством и Османской империей по целому ряду вопросов международной политики и межгосударственных отношений.

Бахчисараю действительно было о чем тревожиться и сожалеть: в конце XVII в. Порты все чаще смиряет татар и ногайцев в стремлении жить «по законам» традиционной набеговой системы. После Бахчисарайского договора 1681 г. Порты отказывается от традиционного посредничества Крыма в восточноевропейских делах и начинает напрямую взаимодействовать с крепнущим Российским государством, пытаясь поддерживать ослабевающий суверенитет Польши². При этом сами Гирей понимали, что помимо крымской политики султанского двора меняются отношения ханства с Россией: Москва резко усилила свои позиции в сфере дипломатического протокола, прекратила выплату Крыму «поминок», начиная с 1685 г. и т. п.³ И это притом, что согласно Бахчисарайскому договору 1681 г. Россия обязывалась выплатить ханству старый долг единовременно за 3 года, а затем ежегодно отсылать казну в Крым «по росписи» в течение 20 лет. Показательный пример – во время пребывания в Крыму миссии Н. Зотова и В. Тяпкина (в 1680–1681 гг.) российские дипломаты периодически позволяли себе в Бахчисарае жесткий тон общения и действия, теперь сносимые крымской стороной уже как должное⁴. На взаимоотношения Крыма и Османской империи оказывала влияние политика других участников международного политического процесса – в 1684 г. Речь Посполитая даже предложила Крыму отделиться от Порты⁵. Все эти события не могли не повлиять на отношения

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Проект №13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

² Геровский Ю. Отношение Польши к Турции и Крыму в период персональной унии с Саксонией // Россия, Польша и Причерноморье в XV – начале XVIII вв.: Сб. ст. М., 1979. С.344–375.

³ Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России: Сб. ст. М., 1985. С.76–77.

⁴ Список со статейнаго списка Великаго Государя Его Царскаго Величества посланников: Стольника Василия Михайлова Тяпкина, дьяка Никиты Зотова к крымскому хану Мурад-Гирею, в 1681 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т.2. Отделение II. С.634–635.

⁵ Артамонов В. А. Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII в. // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С.65.

Крымского ханства и Османской империи, за обстановкой и международным положением которой в Крыму тоже внимательно наблюдали.

Вопрос о границах признаётся учеными одним из ключевых в истории империй. По итогам вооруженных конфликтов последней четверти XVII в. Османская империя, Крымское ханство и Россия оказались не вполне готовы к созданию, демаркации и поддержанию границ нового типа. При этом «динамическая» граница России продолжала развиваться за счет построения укрепленных линий (черт) и т. п. сооружений – прежде всего в направлении Дикого поля¹. Вопрос об установлении границ между Россией и Османской империей возник впервые при заключении Бахчисарайского мирного договора (Бахчисарайского перемирия) в 1681 г. Этот договор подводил итоги последней в XVII в. русско-турецкой войны. Он был заключен в январе 1681 г. сроком на 20 лет, а в подписании его участвовали Россия, Османская империя и Крымское ханство. Участники переговорного процесса, за исключением Крыма, впервые в своей истории получили *общую* границу, а отсюда – новые межгосударственные проблемы. Значение рождающейся в регионе новой геополитической обстановки недооценивать нельзя, несмотря на то, что текст договора содержал неконкретные формулировки – «а рубежу быти... реке Днепру» (ст. 1), с добавлением «в сторону царского величества» Киева с близлежащими городами и землями. Запорожье признавалось российской территорией, но его южные границы оставались неопределенными: «...и от Киева до Запорожья и Запорогам быти в стороне Великого Государя...»². Правобережье Днепра, по сути, оставалось под властью султана Мухаммеда IV. Междуречье Днепра и Буга («которых... во владении Салтана Турского») оставалось незаселенным – стороны обязывались никаких поселений там не устраивать, «городов и городков не делать», в т. ч. не восстанавливать старые казачьи «городки и местечки»³. Согласно ст. 3, крымским, очаковским и белгородским татарам разрешалось «волью по обе стороны Днепра на степях около речек кочевать и для конских кормов и звериных промыслов ездить и стада и товары свои (худобу, скот. – прим. Д. С.)». Запорожцы получали возможность использовать промысловые угодья по обеим сторонам Днепра и по всем степным рекам, а также ездить с теми же целями вплоть до устья Черного моря⁴. В Бахчисарайском договоре было заявлено о намерении регламентировать поведение пограничного населения, в частности, «плен и войну на обе стороны оставить»⁵. Крымский хан обязался сдерживать крымских татар и ногайцев от нападений на российские владения, наказывать ослушников, защищать гонимых, послов и торговых людей, а в случае конфликтных ситуаций – возвращать пленных и добычу «назад без окупу»⁶.

Несмотря на то, что Бахчисарайский договор не был сразу ратифицирован, а задекларированный в нем принцип пограничных отношений оказался далек от системной реализации, он важен как один из первых «симптомов» установления нового порядка отношений России с Османской империей и Крымским ханством. И хотя до конца XVII в. России и турецко-крымской администрации не удалось создать механизма постоянного контроля над порубежьем, Бахчисарайский договор отличался от прежних шертных грамот крымских ханов⁷ намерением упорядочить и формализовать пограничные отношения, обозначить подданство населения порубежья, регламентировать его жизнедеятельность, определить ответственность пограничной администрации каждой из договаривающихся сторон за ситуацией на границах. Принципиальным являлось то, что Османы, впервые обретя с Россией общую границу, обязывались «с стороны Царского В-ва перебещиков не принимать»⁸. Обращает на себя внимание тот факт, что договор подписали в Бахчисарае, причем хан Мурад-Гирей выступил активным участником переговорного процесса. Такой его позиции могут быть даны разные объяснения. Как указывает Г. А. Санин, перемирие 1681 г. зафиксировало своеобразное равновесие сил между Россией и Крымским ханством – поскольку хану Мурад-Гирею не удалось отторгнуть Правобережную Украину и Запорожье⁹. После того, как российские дипломаты уступили при

¹ Санин Г. А. Граница России и Крымского ханства во второй половине XVII – 1-й половине XVIII вв. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могарычев. Симферополь, 1994.

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1). СПб., 1830. Т.2. С.307.

³ Там же; Список со статейного списка Великого Государя Его Царского Величества посланников: Стольника Василия Михайлова Тяпкина, дьяка Никиты Зотова к крымскому хану Мурад-Гирею, в 1681 году // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Одесса, 1848. Т.2. Отделение II. С.613.

⁴ Там же. С.613–614.

⁵ Там же. С.619.

⁶ Там же. С.622.

⁷ Бережков М. Н. Крымские шертные грамоты // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. К., 1894. Кн.8. Отделение II. С.44–45.

⁸ Список со статейного списка Великого Государя Его Царского Величества посланников... С.613.

⁹ Санин Г.А. Русско-польские отношения 1667–1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979. С.98.

выработке положений будущего договора, его проект отправили в Стамбул через Халил-агу, ханского гонца в Москве. 29 января 1681 г. хан уведомил российских дипломатов, что присланным указом от султана «велено ему, по нашим перемирным договорным статьям и по образцовой шертной грамоте мирное постановление за ево Салтанова В-ва и за все Крымские юрты, в совершение учинить и шертную грамоту дать»¹. Итоговый текст договора был получен в Стамбуле русским дипломатом П. Возницыным в начале 1682 г.² Османская империя торопилась закончить войну с Россией, чтобы активизировать действия на Балканах, завоевать Венгрию и пр. – Османов действительно впереди ждала война с австрийскими Габсбургами. По мнению некоторых специалистов, присутствие крымской стороны при заключении договора свидетельствует о том, что Османы снова передавали свои северные границы «в ведение крымских ханов, разочаровавшись в каких-либо выгодах для себя от этого региона»³. Новая политика Османов по отношению к России конца XVII – начала XVIII вв., требовавшая соблюдения заключенных договоров, была в значительной мере направлена, как считают другие ученые, против Крымского ханства. Недаром Правобережная Украина была передана Османами под управление не хану, как того можно было ожидать, а молдавскому господарю Г. Дуке, организовавшему там подчиненную себе администрацию⁴.

Важно отметить, что Бахчисарайский договор отказались подписывать крымские карачи-беи, выступавшие против самой идеи установления и демаркации границ в степи⁵. После заключения Константинопольского договора, оппозиция крымской знати к установлению линейных границ обострилась более четко. Конкретные меры к стабилизации границ удалось осуществить только после Белградского договора 1739 г. Представляется, что вопрос о границах теперь становится одним из главных в отношениях Москвы и Стамбула. Теперь обе стороны стремятся управлять границами без участия таких образований как Крымское ханство и Запорожье. В Бахчисарайском мире впервые, по сути, это было впервые продекларировано, в Константинопольском договоре 1700 г. – осуществлено. Что касается ратификации сторонами Бахчисарайского договора, то султан Мухаммед IV в резкой форме отказался признать власть московского царя над Запорожьем. Подтвердил Бахчисарайский договор новый хан Селим-Гирей I во время своего второго правления (июнь 1684 г. – март 1691 г.), а Стамбул и вовсе ратифицировал его только в 1685 г.⁶

Эволюцию крымско-османских отношений, таким образом, необходимо анализировать в контексте международных отношений, особенно когда после Карловацкого перемирия 1699 г. изменилась пограничная политика Османской империи. В то время «состоялся переход от прежней экспансии, освященной джихадом, к оборонительной стратегии, элементами которой стало строительство пограничных крепостей, переговорные процессы и четко установленные границы»⁷. Ученые отмечают изменившееся отношение к этой новой («слабой») стамбульской политике периферийных элит Османской империи, все чаще бросающих вызов центральным властям империи. Наступившая слабость сюзерена не ускользнула от внимания многочисленных участников и представителей Рах Ottomanica. Свое недовольство политикой Стамбула активно высказывают региональные элиты, в течение всего XVIII в. бросавшие на периферии Османской империи «вызов назначенцам из центра, правителям и их слугам»⁸. Полагаем, что в последней четверти XVII в. кризисные настроения в отношении друг друга охватили широкие слои населения Крымского ханства Османской империи. Рубеж XVII–XVIII вв. стал переломным этапом в истории Крымского ханства и временем перемен, тревоживших крымские элиты, а особенно – некоторых крымских ханов. К концу XVII в.

¹ Список со статейного списка Великого Государя Его Царского Величества посланников... С.628.

² Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т.II. С.166–167.

³ Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. №3. С.36.

⁴ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. Ч.II. С.139.

⁵ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т.II (июнь). С.227. О реакции крымско-татарских мурз на Бахчисарайский мир, об их раздражении декларацией об установлении стабильных границ на степном порубежье см.: Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т.II (июнь). С.182–236; он же. Историческая судьба крымских татар (Статья вторая) // Вестник Европы. 1867. Т.II (июнь). С.140–174.

⁶ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы... С.300.

⁷ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под. ред. А.И. Миллера. М., 2004. С.58

⁸ Там же.

России удалось продвинуть линию своих оборонительных укреплений (засечных черт) вглубь степного пространства и обеспечить контроль над междуречьем Волги и Дона. На всех стратегических пунктах, возвышенностях и переправах были построены крепости и форпосты. Это обстоятельство не только повысило безопасность российских окраин от набегов крымских татар и ногайцев. Оно создало существенные препятствия для миграций кочевников, традиционно перемещавшихся между причерноморскими и прикаспийскими степями¹. Серия побед России в последнее десятилетие XVII в. над Османской империей позволила ей продвинуться к азово-черноморскому побережью, разорвав сообщение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Транзитный коридор для передвижения кочевников с этого момента сдвигается к югу, на Кубань; а их проникновение в Крым стало возможным морским путем, через Керченский пролив. После заключения Карловацкого перемирия в 1699 г., санкционировавшего первые территориальные потери Османской империи, Крым оказался в большей зависимости от турецкой власти «в деле сохранения своей территориальной целостности, что дало Блистательной Порте большие возможности для вмешательства во внутренние дела ханства»².

В начале XVIII в. Россия и Османская империя предприняли первую попытку разграничения своих владений в северо-причерноморском и западно-кавказском регионах. В соответствии с этим необходимо было провести четкое обозначение границ, обеспечить их неприкосновенность и привести поведение пограничных обществ в соответствие с новой моделью межгосударственных отношений. Это явилось следствием изменения баланса сил в Центрально-Восточной Европе, обусловленного общим спадом военно-политической активности Османской империи, неуклонно падающим суверенитетом Речи Посполитой и усилением России. Граница между Российским государством и Османской империей, ранее представлявшая собой «многослойный» *буфер-фронт*, растянутый на сотни километров в ширину и населенный полиэтническим населением, теперь приобрела очертания линейности. Ее новыми признаками стали демаркация, юридически регламентированное поведение приграничного населения, закрепленное как во внутренних актах обеих империй, так и в принятых ими договорных обязательствах по отношению к другим государствам. Тем самым, по терминологии Д. Н. Замятина, происходило переструктурирование границ азиатского типа (понимаемого как большая барьерная территория, полоса между государствами, состоящая из сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных, структур, как огромная геополитическая чересполосица³) в границы европейского типа, регулируемые международными нормативно-правовыми актами. Константинопольский мирный договор 1700 г. обозначил становление новой модели отношений России и Османской империи. Его 5-я статья засвидетельствовала стремление обеих сторон устранить напряженность в пограничной зоне, 8-я статья предусматривала наказания за «набеги и неприятельства», самовольно осуществленные подданными обеих держав. Решение пограничных споров вменялось в обязанность «на рубежах сущим губернаторам и крымским ханам и калгам и нарядынам и иным салтанам». Отдельно оговаривалось, чтобы «татарские народы и орды... Оттоманскому государству повиновались и покорялись сим статьям мирным, с совершенным и непоручным хранением»⁴. Наряду с этим, аннулировались основания для притязаний Крымского ханства на суверенитет над русскими и украинскими землями, руководствуясь которыми Крым требовал выплаты дани и осуществлял набеги. Порта, таким образом, вывела российские и польские дела из числа прерогатив крымских ханов и установила прямые, без крымского посредничества, отношения с русским и польским правительствами⁵. Прямым следствием стабилизации границ стала фиксация подданства причерноморских и поволжских ногайцев. Кочевники были лишены возможности осуществлять самовольные миграции и спонтанно менять подданство: подданных другой стороны

¹ Перетяткович Е. И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерки из истории колонизации Низовья // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1882. Отделение III. Т.34. С.132–165.

² Сомель С. А. Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С.185.

³ Замятин Д. Н. Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М., 2002. №1. С.53.

⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т.4 (1700–1712 гг.). С.68–70.

⁵ Іналджик Г. Боротьба за Східно-Європейську імперію, 1400–1700 рр. Кримський ханат, Османи та піднесення Російської імперії // Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу): Матеріали Міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.). К., 1995. С.128–129.

Россия и Османская империя обязывались отныне к себе не принимать. На этом основании украинский гетман И. С. Мазепа отказался в 1701 г. содействовать в предоставлении русского подданства ногайцам Буджака, восставшим против Крыма. Мотивация была следующей: «У великого государя с султаном турецким и ханом крымским постановлен мир... и им (буджакским ногайцам. – прим. Д. С.) следовало предлагать о подданстве в военное время»¹. Другим важным нововведением стала демаркация границы и маркирование ее «явными знаками». В октябре 1704 г. произошло разграничение земель в Прикубанье по р. Ея и в районе Азова. Год спустя российско-турецкая комиссия проложила пограничную линию в среднем течении Южного Буга до правого берега Днепра, а также на левобережье Днепра². Совершенно «естественным» выглядит здесь сопротивление, оказываемое в ходе демаркации казаками-запорожцами и ногайцами.

Мы видим, что выгоды от заключения Константинопольского договора Крым не получил – напротив, волнения охватили разные группы местного населения, недовольство которых не могло остаться незамеченным крымскими ханами. Действия султанского Дивана по реализации Константинопольского договора 1700 г. (ограничивавшего, в числе прочих условий, татарские вторжения в Россию), вызвали серьезное недовольство в Крыму, выразившееся в мятеже хана Девлет-Гирея II³, сосланного затем на о. Родос. Сокращение набегов и возможностей для их организации неслучайно беспокоило правителей Крыма. К этому испытанному средству в очередной раз прибег крымский хан Хаджи Селим-Гирей во время своего последнего пребывания на престоле (1703–1704 гг.). Хан, популярнейший среди татар, тогда организовал набег на Царицын, Пензу, Симбирск и Саратов, причем калмыки, обязавшиеся перед русским правительством охранять степное порубежье, не оказали кубанцам существенного противодействия⁴. Несмотря на запреты и угрозы ханского двора, кубанские кочевники продолжали осуществлять набеги на российские окраины. Чередующиеся на бахчисарайском престоле один за другим крымские ханы, рискуя окончательно потерять управление отдаленными территориями, не проявляли особой настойчивости в сдерживании своих воинственных подданных. От того, насколько регулярно и результативно тому или иному хану удавалось организовывать набеги, зависели его авторитет и прочность власти над подданными – начиная от других представителей рода Гиреев, часто ожидавших благоприятного момента захватить бахчисарайский престол, и заканчивая последним кочевником, порой забывавшим во время пятничной хутбы упомянуть ханское имя. Хан был вынужден постоянно поддерживать свой высокий наследственный статус, который на поверку оказывался слабо защищенным административно-правовыми механизмами. Поэтому установление новых линейных границ, повлекшее за собой сокращение военной активности крымско-татарского и ногайского населения, должно было ударить не только по традиционному укладу кочевников, по комплексу неформальных связей и отношений, издавна существовавших на степном порубежье. А поскольку набеги с территории Крымского ханства имели не только т. н. грабительскую причинность, но и внутривнутриполитическую обусловленность, то их сокращение или даже прекращение грозило подорвать престиж ханской власти, осложнить положение крымских ханов предводителей своих неспокойных подданных. При этом еще в конце XVII в. Крым начал терять свои позиции среди ногайцев Буджака и Аккермана, стремившихся к подчинению османским властям. Те же ногайцы негативно отреагировали на условия Карловацкого перемирия, возобновив под началом мятежного Гази-Гирея грабительские набеги на жителей польских владений, «пряча добычу в укромные места» (выделено нами. – прим. Д. С.), на случай если бы от них стали требовать возврата ее»⁵. В 1701 г. хан Девлет-Гирей II подавил бунт Гази-Гирея, а вскоре и сам поплатился трон за выступление против султанской власти, мотивация которого, однако, выходит за рамки традиционной проблемы о характере вассальной зависимости Крыма от Османов. В. Е. Возгрин справедливо пишет о тревоге крымского хана Девлет-Гирея II за обороноспособность крымско-татарского государства в связи с заключением Константинопольского мирного договора между Россией и Османской импе-

¹ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. К., 1993. С.356.

² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т.4 (1700–1712 гг.). С.324–325; Тепкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С.31; Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА) / Упор. В. Мільчев. Запоріжжя, 2004. С.7–10.

³ Санин О. Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С.275–279.

⁴ Тепкеев В. Т. Указ. соч. С.28.

⁵ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. Т.1. С.474.

рией в 1700 г.¹ Его опасения усиливались также в связи с другими мероприятиями России², хотя говорить о захвате Крыма как достижимой тогда цели российской политики говорить проблематично.

Череда знаковых событий в истории Крымского ханства последней четверти XVII в. – от Бахчисарайского договора до Константинопольского договора – породила новые исторические вызовы, грозившие изменить судьбу крымско-татарского государства и его населения. Историк ханства В. Д. Смирнов недаром связал последнее правление (1703–1704 гг.) прославленного крымского хана Селим-Гирея с началом длительного упадка крымско-татарского государства³. Особое место среди вызовов рубежа XVII–XVIII вв. занимала новая конфигурация границ на пространствах Северного Приазовья и Северного Причерноморья, неизбежно влиявшая на внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства и порождавшая среди его населения новые страхи. Крымский хронист Сейид-Мухаммед-Риза тонко подметил, что с того времени (после Карловацкого перемирия и поездки Е. Украинцева в Стамбул – как излагает события В. Д. Смирнов, из труда которого почерпнута цитата. – прим. Д. С.) «обитатели Крыма стали поглядывать через двери страха и ожиданий на события времени»⁴. Например, ногайцы восприняли известие о падении османского Азова в июле 1696 г. едва ли не как катастрофу, массово откочевав в том же 1696 г. с семьями и имуществом в Крым и Черкесию. В Крымском ханстве вообще тревожно относились к самой возможности завоевания Азова русскими, полагая в таком случае угрозу не только османскому господству в регионе, но и своей собственной безопасности. Представляется, что для комплексной реализации перспективного научного проекта «Крымское ханство в последней четверти XVII в. – начале XVIII в.» предстоит решить несколько взаимоувязанных проблем. Одна из них – трансформация внутренней/внешней политики Крымского ханства и его сообществ под влиянием новых межгосударственных границ и международно-договорной системы с участием России и Османской империи. В предложенной статье были проанализированы актуальные составляющие указанной проблемы и предложены некоторые пути для их решения.

В. Мискевка

(Институт истории Академии наук Республики Молдова)

МОЛДОВА, 1812: ANNUS HORRIBILIS (БУХАРЕСТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ)

События 1812 г. продолжают неизменно оставаться в центре внимания широких общественных кругов, давно перестав быть предметом только научного интереса. Если для истории России «гроза двенадцатого года», связанная с изгнанием наполеоновской армии, является одной из самых героических страниц прошлого, то для истории Молдавии год 1812-й, также оставаясь в числе актуальных тем, воспринимается и трактуется далеко не однозначно. «Никогда не было хорошей войны или худого мира» – утверждал Бенджамин Франклин (1706–1790 гг.), но, тем не менее, есть войны справедливые и несправедливые или мирные договоры долгой или краткосрочной продолжительности. Мы были и остаемся, в течение двух столетий, под влиянием несправедливой войны (1806–1812 гг.) и ужасного мира (лат. *horribilis*) – заключенного в Бухаресте, 16 (28) мая 1812 г.: когда была начертана граница, по живому, посередине страны-реке Прут.

В многочисленных публикациях (начиная от газетных статей и кончая монографическими изданиями) этот договор – Бухарестский мир 1812 г., ставшем переломным по своим политическим последствиям в судьбе румын (молдаван), так или иначе, рассматривался, однако до сих пор он остается предметом всестороннего, специального исследования историков⁵. Обратим внимание, что,

¹ Возгрин В. Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты: Сб. ст. / Сост. Т.А. Шрадер, отв. ред. И.Б. Губанов, Т.А. Шрадер. СПб., 2010. С.98.

² Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2013. С.105.

³ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С.491, 496.

⁴ Там же. С.473.

⁵ Jarcuțchi I., Mischevca V. Pacea de la București. (Din istoria diplomatică a încheierii tratatului de pace ruso-turc de la 16 (28) mai 1812). Chișinău: Știința, 1992, 1993; 200 p.; Mischevca V. Moldova în politica marilor puteri la începutul secolului al XIX-lea. Chișinău: CIVITAS, 1999, 143 p.; Mischevca V. Anul 1812: Două secole de la anexarea Basarabiei de către Imperiul Rusiei. Chișinău, 2012. 142 p.

в Молдавии, впервые, русско-турецкий договор от 16(28) мая 1812 г. был опубликован в полном объеме, на русском языке, в научном издании МССР только в 1990 году – в первом номере нового академического издания «Исторический Журнал Молдовы»,¹ а в оригинале, то есть на французском, он был издан лишь в 2012 г.²

Анализируя значение русско-турецких войн, которые велись на протяжении XVIII в. (1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791 гг.),³ отметим их регулярность и то, что они напрямую затрагивали судьбу Румынских княжеств – Молдовы и Валахии. Год 1806-й был ознаменован максимальным обострением русско-турецких отношений, которое при активном воздействии Франции (ее происках в делах Порты) привело осенью к очередной войне между Россией и Турцией.

Следует сказать, что русско-турецкая война 1806–1812 гг. не была развязана Османской империей, так как низложение Портой «сторонников России» господарей Валахии (Мунтении или Цэрий Ромынешть) Константина Ипсиланти и Молдовы Александра Морузи в августе 1806 г., при поддержке Франции и без согласия царского правительства, явилось лишь поводом для военного вторжения. Тем более, что 3(15) октября 1806 г., Порта, под нажимом Петербурга, восстановила отстраненных фанариотских правителей на тронах. Таким образом, развязывание русско-турецких боевых действий осенью 1806 г. было определено не столько непреодолимыми противоречиями между двумя империями, сколько неблагоприятным в тот момент для России развитием противостояния с наполеоновской Францией на юго-востоке Европы, – которое, в свою очередь, было обусловлено изменением баланса сил великих держав на всём европейском континенте.

Чтобы «исправить» подобное положение и «убедить» Османскую империю возвратиться к «сотрудничеству» с Россией, царское правительство прибегло к военной оккупации в ноябре-декабре 1806 г. Молдовы и Валахии и объявлении их (как о том говорится в официальном заявлении Порты от 24 декабря 1806 г. /5 января 1807 г. по новому стилю) «территориями, захваченными силою оружия».

Судьба обоих румынских княжеств в период войны 1806–1812 гг. постоянно являлась одним из важных факторов международных отношений и влияла на политические и военные союзы России, Австрии, Франции и других стран. Боевые действия, развернувшиеся осенью 1806 г. и столь разрушительные для Княжеств, могут быть разделены на 4 этапа:

I период – правление Константина Ипсиланти во время господства российской администрации: от перехода Днестра, 10–11 (22–23) ноября 1806 г., российской армией под командованием И. И. Михельсона и до заключения перемирия в Слободзее (12 августа 1807 г.). Русская армия численностью 33 тыс. чел. заняла без боя крепости Хотин, Бендер, Аккерман, то есть – всю территорию между Днестром и Дунаем, за исключением нескольких сильных дунайских цитаделей (Измаил, Брэила и др.). Господарь Молдовы Александру Морузи остался верен Порте и бежал за Дунай, в то время как Константин Ипсиланти вошёл 15 (27) декабря 1806 г. в Бухарест вместе с царскими воинскими частями в качестве «Единого господаря обоих Княжеств Молдовы и Валахии». Но, как оказалось позже, этот господарь-фанариот не пользовался поддержкой местного боярства и кроме прочего вошёл в конфликт с российским генералом М. А. Милорадовичем⁴.

II период – Слободзейское перемирие (август 1807 г. – весна 1809 г.). Основываясь на положениях договора России с Францией в Тильзите (1807 г.), при посредничестве французской дипломатии, 12 (24) августа 1807 г. было подписано перемирие в Слободзее (Slobozia), согласно которому армии воюющих сторон должны были быть отведены из Румынских княжеств. Однако, Александр I, твердо намеренный установить границу своей империи по Дунаю, не вывел российские войска, а 17 февраля 1808 г. окончательно сместил К. Ипсиланти с престола.

III период – время решающих сражений: от возобновления военных действий (включая и на Кавказе) весной 1809 г. и до тех пор пока М. И. Кутузову удалось одержать победу под Рущуком (22.06/4.07.1811 г.) силами, которые были значительно меньше турецких. В последствие, после того как османская армия под Слободзеей, на левом берегу Дуная, была окружена (23 ноября 1811 г.), оставшиеся в живых 12 тыс. турок были вынуждены капитулировать.

¹ Мискевка В. И., Ткач В. И. Русско-турецкий мирный договор 1812 г. // Revista de Istorie a Moldovei. 1990. №1. P. 36–44.

² Mischevca V. Anul 1812: Două secole de la anexarea Basarabiei de către Imperiul Rusiei. Chişinău, 2012. С. 94–100.

³ Mischevca V. Impactul geopolitic al războaielor ruso-turce asupra Principatelor Române // Studii şi materiale de istorie modernă. Vol. XIII. Bucureşti, 1999. P. 165–187.

⁴ Мискевка В. Князь Константин Ипсиланти // Подвижники меценати. Історико-біографічні нариси // Διαφωτιστής και ευεργέτης. Ιστορικο-βιογραφικά δοκίμια. Київ, 2001. С. 265–289.

IV период – этап второго перемирия и дипломатических соглашений: от начала мирных переговоров в Джурджу (19(31) октября – 21 ноября (3 декабря) 1811 г.) и до подписания 16(28) мая 1812 г. мира в Бухаресте.

Отдельный эпизод войны составляет **финальный этап**: после 16(28) мая 1812 г. – до окончательного вывода российских войск из Княжеств в начале октября 1812 г., когда во главе Дунайской армии находился адмирал П. В. Чичагов¹.

Рубежи русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и на этот раз пролегли через территории Дунайских княжеств, будучи вовлеченным и Кавказ. Непосильное бремя военного времени оставило свой отпечаток. Затраты на ремонт дорог, зданий и т.п. ставился на плечи княжеств. В дополнение к поддержанию больниц, военными были введены и другие обременительные платежи. В 1807, например, доход казначейства Молдовы составил 1 981 072 леев, из которых русская армия потратила 1 399 758 леев или 70,7 % от общей суммы. С 1805 по 1811 г. размер налогов увеличился в два-три раза, а в некоторых случаях даже в четыре раза. Попытка обобщения расходов ресурсов Румынских княжеств на нужды военной оккупации в годы 1806–1812 может быть оценена примерно в 220 114 490 леев «без всякого преувеличения»².

Драгоман Кантемир шпиона из Ясс, докладывал канцлеру Меттерниху (10.10.1810) о том, что ему удалось разузнать о финансовых расходах Молдовы на поддержку российских войск: 1) для военных госпиталей из казны ежегодно тратилось 852 000 пиастров; 2) на транспортные расходы – 354 000 пиастров ежегодно; 3) на содержание канцелярии сенаторов – 36 000 пиастров ежегодно; 4) на содержании российской (военной) полиции – 24 000 пиастров ежегодно; всего – 1 266 300 пиастров; К этой сумме следовало добавить и расходы на дрова – 600 000 пиастров; фрукты – 774 000 пиастров; сено – 3 250 000 пиастров; Итого – 5 890 300 пиастров³.

За долгие шесть лет войны (в течение которых, как указано, было выше, велись неоднократные переговоры о мире и заключались временные перемирия), в царской «Дунайской (Молдавской) армии» сменилось семь главнокомандующих, из которых двое были «временно исполняющими обязанностей». Восьмой командующий – П. В. Чичагов – принял командование у М. И. Кутузова уже после подписания окончательного мирного договора.

Лишь искушенному в дипломатии и тактике М. И. Голенищеву-Кутузову удалось нанести решительное поражение главным турецким силам. Победа под Рушуком (2 октября 1811 г.) и окружение большей части турок у Слободзеи позволили начать результативные переговоры о мире. Следует отметить, что и раньше во время Слободзейского перемирия (1807–1809 гг.) велись мирные переговоры в Яссах (февраль – весна 1809 г.), но они оказались безрезультатными, так как османские уполномоченные не соглашались на уступку Дунайских княжеств и провозглашение независимости Сербии.

Территориальные притязания России наталкивались на дипломатическое сопротивление турок. Великий везирь категорически заявлял М. И. Кутузову: «Я даю вам Прут, но не более того; Прут - или война!»⁴. Кутузов сумел все же, в 1811 г., изменить соотношение сил в свою пользу, одержав численно меньшим, чем у неприятеля, войском победу в Рушукско-Слободзейской операции (22 июня – 23 ноября 1811 г.) против турецкой армии под командованием визиря Ахмет-паши, взяв в кольцо турецкий военный лагерь в Слободзее⁵ на левом берегу Дуная и принудив его к капитуляции.

Начавшиеся заново, по просьбе визиря, в октябре 1811 г. мирные переговоры проходили первоначально в Джурджу, а затем в Бухаресте. Со стороны Порты была назначена для ведения переговоров делегация в составе шести человек⁶: главным полномочным представителем фактически был Галиб-эфенди Мехмед Саид, занимавший в 1811–1812 гг. должность кехья-бея (заместителя великого визиря).

Со стороны Российской империи главнокомандующим Дунайской армией М. И. Голенищевым-Кутузовым были уполномочены для ведения переговоров: А. Я. Италинский (первый уполномоченный России на русско-турецких переговорах); И. В. Сабанеев (дежурный генерал Дунайской

¹ Mischevca V. Anul 1812: Două secole de la anexarea Basarabiei... P. 34–36.

² Agachi A. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806-1812). / Ediția a 2-a revăzută și completată. Chișinău: Pontos, 2008. P. 356, passim.

³ Hurmuzaki. Documente privitoare la istoria românilor. Vol. XIX, Partea 2. Corespondența diplomatică și rapoarte consulare austriace (1798-1812). Cernăuți, 1938. P. 678.

⁴ Documente turcești privind istoria României. Vol. III, 1791-1812. Întocmit de M.A. Mehmet. București, 1986. P. XVII.

⁵ Слобозия (Slobozia), населённый пункт в Румынии на левом берегу Дуная (в 2,5 км сев.-зап. болгарского г. Русе, бывш. Рушук).

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая. М., 1961. (в дальнейшем – ВПР) Т. VI. С. 715–716 (Примечание № 235).

армии, второй уполномоченный России во время переговоров); И. П. Фонтон (член дипломатической канцелярии Дунайской армии, третий уполномоченный России во время переговоров).

На протяжении 19-ти заседаний главным предметом обсуждения оставался вопрос о границах, претерпевших существенную эволюцию. Если до начала переговоров султан Махмуд II заявлял, что «помириться не иначе, как сохраняя целостность своей империи и оставляя Днестр границей между Россией и Портой»¹, то уже на первой встрече переговоров 19 октября 1811 г. турецкая делегация высказалась за установление границы по р. Сирет, но впоследствии отошла от этого и до самого конца османские уполномоченные соглашались, лишь, в крайнем случае, с границей по другому естественному рубежу – по р. Прут.

Русская же дипломатия, настаивая первоначально на границе по р. Дунай и уступку всей Молдавии, в дальнейшем ограничила свои требования и, упорно отстаивая рубеж по р. Сирет, все же в итоге согласилась с границей по р. Прут до впадения его в Дунай и дальше по Килийскому гирлу Дуная до Черного моря.

В это время Франция, Англия, Австрия и другие державы, действуя в соответствии с собственными расчетами, постоянно подталкивали Порту ко все большей неуступчивости.

Эволюция отношений между Российской и Османской империями, появление на сцене европейской истории Наполеона Бонапарта наряду с другими международными обстоятельствами привели к тому, что Молдавия и Валахия оказались в очередной раз втянутыми в орбиту интересов великих европейских держав. В этих условиях Дунайским княжествам отводилась немаловажная роль в дипломатических отношениях наполеоновской Франции и царской России вплоть до вторжения Наполеона в июне 1812 г. Красноречивым примером тому являются Тильзитский мир (25.06.1807 г.) и Эрфуртская союзная конвенция (30.07.1808 г.), при заключении которых, Александр I и Наполеон обменивались территориями и народами.

Политическая суверенность (независимость) Молдовы и Валахии в составе Оттоманской империи, и прежде всего в сфере внешнеполитической деятельности, настолько сильно была урезана, что в данной критической ситуации Княжества даже не являлись субъектами, а лишь безмолвными объектами европейской политики. Будучи вассалами Порты, не имея хотя бы своего представителя (от имени господаря фанариота или от Дивана страны), находясь под властью военной оккупации, оба государства оказались на этом решающем этапе исключены из процесса урегулирования российско-турецких противоречий, а тем паче вопросов, связанных с международными отношениями в Европе.

Накануне подписания мира в Бухаресте (București) султанское правительство находилось под многосторонним давлением: как своего военного противника, так и своих «союзников» – Франции и Великобритании. И даже нейтральные страны, к которым, например, традиционно причисляла себя Швеция, оказывали давление на Стамбул, в то время как великие державы Европы старались перетянуть Оттоманскую империю на свою сторону в преддверии русско-французской войны, – столкновения, которому суждено было определить дальнейшую судьбу всего континента.

16(28) мая 1812 г. в покоях дома Манук-бей² (постоялом дворе «Ханул луй Манук») в Бухаресте состоялась официальная процедура подписания российско-оттоманского договора о мире полномочными представителями обеих империй. Трактат заключал 16 основных статей, из которых статьи 4 и 5 напрямую затрагивали судьбу Молдавского княжества. Оригиналы трактата и его отдельные секретные статьи были составлены и подписаны русскими уполномоченными на французском языке, османскими – на турецком. Подписав документы, делегации обменялись их текстами. Документы были ратифицированы Александром I в г. Вильно 11 (23) июня 1812 г., за день до перехода *Великой Армии* Наполеона через Неман³. Турецкое правительство отказалось ратифицировать секретную часть договора, вследствие чего эти статьи не обрели юридической силы⁴. Обмен ратифицированными актами договора состоялся в Бухаресте 2 (14) июля 1812 г.

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 года. Т. 1–2. СПб., 1843. С. 142.

² Мирзоян Манук-бей (1769–1817) – армянин, драгоман Порты. Во время русско-турецких мирных переговоров был посредником между обеими делегациями. Онёмсм.: Arapu V. „Alexandropol” – proiectul lui Manuc Bei de edificare a unui oraş armenesc în sudul Basarabiei // Basarabia după 200 de ani. Conferință internațională: Iași, 12 mai 2012 / coord.: Mihai Baci, Silvia Bocancea. Iași: Institutul European, 2012. P. 155–185.

³ См. аналогию происшедших событий 1812 с 2013 гг.: Mischevca V. De la Wilno la Vilnius. Paralele istorice basarabene: 1812–2013 // Limba Română. Revistă de știință și cultură. №. 4 (226), anul XXIV. 2014. P. 185–191. <http://limbaromana.md/index.php?go=articole&n=2473>.

⁴ Приложенные две секретные статьи предусматривали разрушение Россией крепостей Измаил и Килия, которые отходили к ней (ст. I) и уточняли новую границу на Кавказе (ст. 2). Их тексты см.: ВПР. Т. VI. С. 416–417.

Царское правительство, находясь под давлением непосредственной угрозы военного конфликта с Францией, сопротивления со стороны западных держав и турецкой дипломатии, в значительной мере сократило свои требования: вместо обоих княжеств оно сначала согласилось аннексировать только Молдову, затем – восточную часть Молдовы до реки Сирет, наконец – только часть княжества, находящуюся в междуречье Прута и Днестра. Российская империя, проводившая активную военно-дипломатическую политику на юго-востоке Европы, осуществила в 1812 г. лишь часть своих планов, но тем не менее достигла к этому времени Килийского «гирла» (рукава) устья Дуная и расчленила исконные земли Молдовы. Историческая молдавская территория между реками Прут и Днестр была названа новой администрацией «Бессарабия» распространив, таким образом, произвольно, на север, старинное наименование южной части Днестровско-Дунайского междуречья.

Подписав мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне 1806–1812 гг. – за 28 дней до нашествия Наполеона, России так и не удалось реализовать своих первоначальных притязаний (особенно в вопросах о границах и союзном военном договоре с Турцией). Однако инкорпорирование Днестровско-Прутского междуречья означало не только территориальное приращение (площадью более 45,6 тыс. км²), но и возможность в дальнейшем использовать Дунайскую, наиболее боеспособную армию, насчитывавшую более 50 тыс. чел., в назревавшей войне с Францией.

Для румынского населения Бессарабии Бухарестский мир имел целый ряд последствий экономического, политического, социального, демографического, культурного и др. характера. Они проявились как непосредственно, сразу же после подписания договора, так и в долговременной исторической перспективе.

Немедленными последствиями аннексии Бессарабии в 1812 г. были следующие:

- Сокращение территории Цэрий Молдовой наполовину, поскольку захваченные земли (48 %) были на 7 400 кв. км. большими, чем те, которые остались под владением господаря Молдовы (41 %). Буковина, аннексированная Габсбургами в 1775 г., составляла остальные 11 % площади княжества. Что касается численности населения Пруто-Днестровского междуречья на момент аннексии, этот вопрос считается спорным, хотя российские статистические источники называют цифру в 300–340 тысяч человек.

- Румынские княжества вышли из русско-турецкой войны 1806–1812 гг. экономически разорёнными, с населением, достигшим полного обнищания. Поборы и злоупотребления не прекращались до окончательного ухода царских войск. Как вынуждены, были признать сами российские власти в 1813 г., «эта страна, разграбленная и опустошённая военными действиями, представляет собою обширную и безлюдную пустыню». Вот почему освобождение местного населения от налогов на срок до трёх лет было предоставлено не только в силу соблюдения буквы мирного договора, но и «в целях принести жителям Бессарабии облегчение, настолько необходимое в связи с окончанием шестилетней войны, в ходе которой они вынесли многие тяготы без ропота и со старанием, на пользу России».

- Молдаванам предстояло пережить драму разделённых семей и утраты имущества в связи с установлением границы по реке Прут. «И когда пришёл роковой день, – по свидетельству очевидца Манолаке Дрэгича, – истечения срока конвенции, в силу которой было необходимо, разумеется, чтобы всякий поселился там, где он навеки останется, то часы эти стали временем слёз, которых забыть невозможно; ибо тогда народ толпами, как стадо овец, заполнял весь берег Прута, от одного конца до другого, бродя между сёлами и по закрытым на целые недели базарам, чтобы провести добрый день у родителей, с которыми вместе люди росли и жили когда-то, до нынешнего времени, когда расстаются друг с другом навсегда»¹.

- Прямой ответ на акт 1812 г. был исход (миграция) румынского населения из Бессарабии за Прут. Таким образом, из Бессарабии только за 1815 г. эмигрировало более 5 тысяч семей местных жителей, и это явилось естественной и самой простой формой протеста против политики России.

Подытоживая сказанное, мы приходим к выводу, что судьба Румынских княжеств в этот переломный момент была полностью отдана во власть великих держав. Пытаясь разрешить сложный «Восточный вопрос», они породили в 1812 г. новую международную проблему – «Бессарабский вопрос».

¹ Drăghici M. Istoria Moldovei pe timp de 500 de ani până în zilele noastre. Vol. 2 (Iași, 1857). / Ed. C. Mihăescu-Gruu. București, 1999. P. 245.

**ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ И КАВКАЗ: ПРОБЛЕМЫ ВЫСТРАИВАНИЯ КОНТАКТОВ
В УСЛОВИЯХ XIX – НАЧАЛА XX вв.**

В первой половине XIX в. европейские государства начинают проявлять значительный интерес к Кавказу, особенно активно в этом плане действовала Великобритания. Правда, европейцы понимали, что низкий уровень жизни горцев существенным образом тормозил развитие экономических связей с ними. Поэтому их торговля на Кавказе в основном ограничивалась поставками соли, свинца, железа, серы, пороха и оружия¹. Необходимо подчеркнуть, что в контрабандной торговле с Кавказом, кроме англичан принимали участие французские, австрийские, турецкие и греческие суда.

Европа любыми способами стремилась остановить продвижение России на Кавказе, понимая, что захватив Кавказ, она получит выход к Персии и Малой Азии. Вена также была весьма обеспокоена политическими успехами России на Кавказе. В октябре 1857 г. Австрия попыталась организовать дипломатический скандал, заявив России при поддержке Великобритании, Франции, Пруссии и Османской империи решительный дипломатический протест по поводу наступательных действий России в регионе, несмотря на поражение в Крымской войне. Однако, Вена не получила необходимой поддержки. Активность Австрийской империи осенью 1857 г. объясняется не желанием закрепить собственные позиции на Кавказе, а осознанием того, что любое усиление России на Кавказе приведет рано или поздно к активизации ее политики на Балканском полуострове и Ближнем Востоке. Поражение в войне с Францией и Сардинией и набирающая силу борьба Австрии и Пруссии за доминирование в Германском союзе, также не позволяли Австрии проводить самостоятельную политику на Кавказе². В 60-е гг. в случае новой войны с Францией, Сардинией или Пруссией Вена нуждалась в нейтралитете России.

Поданные империи Габсбургов приняли участие в одной из кавказских авантюр Лондона. В 1857 г. при поддержке англичан отряда польских и венгерских волонтеров высадился в устье р. Туапсе³. Добровольцами командовали бывший полковник венгерской армии Я. Бандел и польский полковник Т. Лапинский. Общая численность отряда составляла около 200 чел. Однако его действия нельзя назвать успешными, к 1860 г. он прекратил существование, а европейские волонтеры покинули Кавказ⁴.

Империя Габсбургов всегда проявляла значительный интерес к развитию торговли с Кавказом. Отсюда она могла получить столь необходимое для нее сырье, в том числе нефть, марганцевые руды, продукцию сельского хозяйства и в свою очередь реализовать собственные товары, в том числе сельскохозяйственные машины, инвентарь, продукцию химической промышленности и другие товары.

Через Кавказ долгое время империя Габсбургов производила транзитную торговлю с восточными регионами Османской империи, Персией и Средней Азией. Этому обстоятельству способствовал статус Батуми как порта-франко. В 1888 г. Россия объявила об изменении статуса порта Батуми и его полном включении в таможенное пространство России, что вызвало возмущение в ведущих странах Европы, в том числе Австро-Венгрии. Однако серьезных санкций за этим не последовало⁵.

Первый статистический отчет о внешней торговле Кавказа, имеющийся в нашем распоряжении относится к 1886 г. Австро-Венгрия не входила в число основных внешнеэкономических партнеров Кавказа. В 1886 г. из региона больше всего товаров вывозилось во Францию (5,725 млн руб.), в Османскую империю (5,235 млн руб.), в Персию (4,623 млн руб.), в Великобританию (4 млн руб.), в Италию (2,128 млн руб.), и только на 6-м находилась Австро-Венгрия с 1,411 млн руб.⁶ Одновременно Кавказ импортировал товары из Персии на 7 млн руб., Великобритании на 2 млн руб., Османской империи на 793 тыс. руб., Франции на 725 тыс. руб. и Австро-Венгрии на 402 тыс. руб. С территории Кавказа в Австро-Венгрию экспортировался узкий круг товаров, в том числе шелковые коконы (185

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С.129.

² Шимов Я. Австро-Венгерская империи. М., 2003. С. 20.

³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999. С.66.

⁴ Федосеева Л. Д. Иностранное вмешательство в кавказскую войну//Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. Вып.4. Серия. Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурологи. С.16.

⁵ Эсадзе С. Исторический опыт распространения русского влияния на Кавказе// Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С.60.

⁶ Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С.27.

пудов), пшеницу (55 тыс. пудов), нефть (70 тыс. пудов), керосин (1,269 тыс. пудов), смазочные масла (28 тыс. пудов), другие нефтепродукты (998 тыс. пудов)¹.

Из Австро-Венгрии на Кавказ экспортировался более широкий круг товаров, но объемы их ввоза были незначительны. В частности Дунайская империя поставляла в регион изделия из железа и, прежде всего сельскохозяйственный инвентарь и машины (1207 пуд.), химические и фармацевтические товары (362 пуд.), инструменты для ремесленных и художественных мастерских (803 пуд.), сбруи и кожаные изделия (61 пуд.). В поставке этих товаров Австро-Венгрия значительно уступала Великобритании, Германии, Франции, Бельгии и другим государствам. В то же время Австро-Венгрия доминировала или являлась монополистом в поставке галантереи (101 пуд.), принадлежностей для письма и рисования (82 пуд.), музыкальных изделий (163 пуд.), математических и оптических приборов (59 пуд.), спичек (5905 пуд.)².

В 70–90-е гг. XIX в. Австро-Венгрия являлась одной из основных потребителей российской нефти. Через порт Батуми в середине 90-х гг. XIX в. около 16 % нефти экспортировалось в Австро-Венгрию, 15,4 % в Османскую империю и 14,8 % в Великобританию³. Однако с 1900 г. Австро-Венгрия повышает таможенные тарифы на импорт сырой нефти из России. Цель данной меры заключалась в стимулировании нефтедобычи в Галиции⁴. Это обстоятельство приводит к прекращению экспорта кавказской нефти в Австро-Венгрию.

Кавказ выступал главным поставщиком марганцевых руд в империю Габсбургов. Пик поставок марганцевой руды с Кавказа в Австро-Венгрию приходится на 1912 г., когда он составил 4 млн 639 тыс. пуд., для сравнения в 1910 г. данный показатель составлял 2 млн пуд., а в 1913 г. 1 млн 171 тыс. пуд.⁵ Кроме марганцевых руд с территории Кавказа в Австро-Венгрию в начале XX в. поставлялись зерно, лошади и другая сельскохозяйственная продукция. Австро-Венгрия поставляла на Кавказ канцелярские принадлежности, галантерею, сельскохозяйственную технику и инвентарь, мебель, лекарства, медицинский инвентарь и более того в это время в регион попадают первые автомобили и велосипеды, произведенные в империи Габсбургов.

В условиях активного проникновения иностранного капитала в российскую экономику, инвестиции из Австро-Венгрии в данный процесс занимали скромное положение, хотя применительно к Кавказу встречались примеры значительных вложений австро-венгерского капитала. Инвесторы из империи Габсбургов вкладывали деньги в развитие бакинских нефтяных промыслов. Крупнейший частный банк Цислайтании «Кредитанштальт», создав «Венгеро-Американский банк», через эту структуру выделил заем в 80 млн крон Владикавказской железной дороге⁶.

В 1910 г. британский финансист Д. Джеймс и австрийские предприниматели из Вены, шотландского происхождения Ф. Джеймс и В. Мак-Гарвей создали Акционерное общество «Русско-Кубанская промышленная и нефтяная компания» (Кубанойл). В августе 1914 г. в г. Екатеринодаре общество при финансовой поддержке британских банков, «Русского банка для внешней торговли» и венского банка «Унион-кредит» построило один из крупнейших заводов в России по производству оборудования для нефтедобывающей промышленности. Продукция завода была востребована в нефтяной промышленности Кавказа и за пределами России, в том числе в Австрии. Первоначально основу высококвалифицированных рабочих на предприятии составляли чехи и австро-немцы.

Подданные Австрии внесли значительный вклад в развитие пивоваренной и колбасной промышленности Северного Кавказа, в том числе Ставропольской губернии. Чешские подданные Габсбургов заложили основы пивоварения на Ставрополье, Кубани, Тереке и в Закавказье. Чешские и австрийские технологии и оборудование позволили наладить на Кавказе производство довольно качественного пива, которое пользовалось большим спросом и за пределами губернии.

Показателем роста экономических связей Австро-Венгрии с Кавказом становится установление «Австрийским Ллойдом» регулярного сообщения Триеста с Батуми, куда совершался один рейс в неделю. В Тифлисе и Батуми открываются представительства «Австрийского Ллойда»⁷.

¹ Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С.12–20.

² Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С.23–26.

³ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. №16. С.103.

⁴ Шлейфер Н. Нефтяная промышленность в Галиции/ Сборник консульских донесения за 1903 г. Вып.V. СПб., 1904. С.403.

⁵ Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. Статистический отдел. С.352.

⁶ Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны 1906–1914, М., 1972. С. 63.

⁷ Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис, 1911. С.866.

Большую роль в развитии двухсторонних экономических связей играли дипломатические миссии Австро-Венгрии в регионе. На Кавказе действовали консульства Австро-Венгрии в Тифлисе и в Ростове на Дону, вице-консульства в Баку и Батуми.

Дипломатические миссии собирали всестороннюю информацию об экономическом развитии страны пребывания. В июне 1913 г. после согласований в МВД и МИД ставропольские губернские власти удовлетворили запрос консульства Австро-Венгрии в Ростове на Дону об его информировании, о специфике развития потребительской кооперации в Ставропольской губернии¹.

Представители бизнеса и сами проявляли инициативу в данном направлении. Так, внушительная делегация из Дунайской империи осенью 1900 г. посетила международный конгресс и выставку коневодства в Ростове на Дону². Следует подчеркнуть, что австро-венгерские коммивояжеры, постоянно посещали черноморское побережье Кавказа с целью изучения запросов российских потребителей.

В конце XIX – начале XX вв. начинается активное развитие курортного дела на Кавказе. Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Сочи, Гагра становились центрами курортной жизни в России наряду с традиционными курортами, находившимися в Крыму. На развитие курортного дела на Кавказе огромное влияние оказывал европейский, в том числе австро-венгерский опыт.

У истоков развития курортного дела на Кавказе стоял генерал Г. А. Эммануэль. Он родился в 1775 г. в г. Вершец в Трансильвании, в семье венгерских дворян, хотя по национальной принадлежности его семья принадлежала к сербской элите Венгрии. В 1788 г. Г. А. Эммануэль принимает участие в войне с турками, с 1791 г. становится офицером австрийской армии. В 1794 г. он попадает в венгерскую гвардию телохранителей императора. Однако с 1798 г. Г. А. Эммануэль переходит на русскую службу, где он совершил блистательную карьеру, приняв участие в наполеоновских войнах, а с июня 1825 г. возглавив войска Кавказской линии. В этой должности генерал находился вплоть до своей гибели в августе 1831 г.³

Г. А. Эммануэль очень любил Горячеводск, проводя в нем каждое лето с семьей. По инициативе генерала поселок Горячеводский в мае 1830 г. был преобразован в уездный город Пятигорск⁴. Собственно с этого времени начинается становление главного города КМВ – Пятигорска. До начала XX в. город в той или иной мере развивался по планам, утвержденным Г. А. Эммануэлем.

Генерал начинает уделять много внимания благоустройству Пятигорска, строится водопровод, появляются первые мощеные улицы⁵. При нем строятся «Николаевское купальное здание», Офицерские и Орловские дома, деревянная церковь Скорбящей Божьей матери, разбиваются парки, бульвары, создается «Цветник», прокладывается дорога на Машук. За пять лет правления Г. А. Эммануэля Пятигорск (Горячеводск) изменяется до неузнаваемости.

Россияне первый опыт от общения с курортами получало в Европе, поэтому и на Кавказе они ожидали встретить нечто подобное. Культурный ландшафт, организация лечебных процедур во многом повторяли лучшие европейские образцы, особенно это проявлялось на Кавказских Минеральных Водах, которые очень сильно походили на курорты Богемии и австро-немецких земель империи Габсбургов. В качестве примера можно привести знаменитые «Лермонтовскую галерею» в Пятигорске и «Пушкинскую галерею» в Железноводске. Прогулочные галереи, сделанные из стекла и металла входят в обиход таких курортов Австро-Венгрии, как Карлсбад и Мариенбад во второй половине XIX в. Поэтому с учетом опыта австрийских курортов строятся подобные галереи в Пятигорске и Железноводске.

Неслучайно, что одним из известных архитекторов Кавказских Минеральных Вод являлся Е. Шреттер, родившийся в Кременчуге в 1876 г. в семье австрийского подданного. Е. Шреттер тщательно изучал курортную архитектуру Австро-Венгрии, что ему затем пригодилось во время его деятельности на КМВ. Он стал создателем знаменитой грязелечебницы в Ессентуках, частных особняков и дач, в том числе виллы Э. Э. Карстен в Пятигорске. В начале XX в. в России предпринимается амбициозный план создания «Русского Монте-Карло» в п. Гагра. Настоящим украшением нового курорта стал ресторан «Гагрипш», созданный по заказу русской стороны венскими мастерами и в разобранном виде доставленный в Россию в 1903 г.⁶

¹ Государственный архив Ставропольского края. Ф.101. Канцелярия губернатора. Оп.5. Д.559. Л.186.

² АВПРИ Ф. 151. Политархив. Оп.482. Ед. хр. 576. Л.218.

³ Пятигорский край и Кавказские минеральные воды/ Сост. Ф. Баталии. Ч.1. СПб., 1891. С.28.

⁴ Пятигорские и с ними смежные минеральные воды/ Сост. В. С. Богуславский. М., 1886. С. 18.

⁵ Пятигорский край и Кавказские минеральные воды/ Сост. Ф. Баталии. Ч.1. СПб., 1891. С.28.

⁶ Пицунда-Гагра. Путеводитель. Сухум, 2003. С.8.

В России рассматривали курорты в Австро-Венгрии как своеобразный эталон, на который должны были равняться российские курорты. В качестве примера в российской прессе приводился опыт Закопане в Галиции, который довольно быстро из небольшого поселения превратился в респектабельный курорт. Этот успех связывался с активной деятельностью общественности города и региона, которым не мешала бюрократия. На КМВ развитие курортного дела тормозилось некомпетентной бюрократией и безынициативностью общественности. В результате качество обслуживания курортников, цены на жилье в Кисловодске и Пятигорске на порядок проигрывали Закопане¹. Поэтому неслучайно, что в 1913 г. самый посещаемый курорт КМВ, г. Ессентуки, посетило 15 тыс. отдыхающих, а Карлсбад в 1911 г. – около 20 тыс. россиян².

Австро-венгерское влияние проявлялось в том, что минеральные воды Кавказа при их классификации зачастую сравнивали с хорошо известными минеральными источниками Австро-Венгрии, а знаменитый Баталинский источник, располагавшийся в окрестностях Пятигорска, получил название «Мария-Терезия», так как он по своим характеристикам напоминал минеральные источники богемских курортах³. Популярными минеральными водами Железноводска сравнивались по своим бальнеологическим свойствам с минеральными источниками Карлсбада⁴.

В аптеках России и Кавказа продавались минеральные воды из Австро-Венгрии, в частности, в Ставрополе «горькая вода Франца-Иосифа»⁵. Долгое время один из источников целебной грязи в Пятигорске назывался «хорватским».

Важным проводником экономического влияния Австро-Венгрии на Кавказе стали колонисты, подданные империи Габсбургов, поселившиеся в регионе вскоре после окончания Кавказской войны и начала мирного освоения Кавказа в 70-е гг. XIX в.⁶ Самыми многочисленными по численности колонистами из Австро-Венгрии являлись чехи. В 1909 г. больше всего их проживало в Черноморской губернии, в количестве 1290 чел., затем по данному показателю шли Кубанская область 1213 чел., Тифлисская губерния 245 чел., Кутаисская губерния 168 чел., Бакинская губерния 149 чел., Терская область 130 чел., в остальных административных единицах Кавказа численность чехов не превышала 40 чел. Всего на Кавказе без Ставропольской губернии в 1909 г. проживало 3285 чешских колонистов⁷. Среди других подданных Австро-Венгрии необходимо выделить русинов (украинцев), сербов, поляков, хорватов, словаков, австро-немцев, венгров, но их численность была незначительна. В частности венгров на Кавказе в 1909 г. насчитывалось всего 80 чел. и основная их масса проживала в Кубанской области (63 чел.).

Чешские колонисты, как правило, создавали собственные колонии, проживая автономно от местного населения. В Черноморской губернии крупными чешскими селами стали Мефодиевка, Кирилловка, Владимировка, расположенные рядом с Новороссийском⁸. Чешские колонисты имели высокий уровень агрокультуры, в сравнении с русскими и украинцами, не говоря уже о горцах⁹. Чешские колонисты на Западной Кавказе стали пионерами селекционной работы, разводя скот «швицкой породы». Многие сельскохозяйственные машины и орудия труда так же были привнесены чешскими колонистами на Кавказ. Неслучайно, что чех Ф. Гейдук стал первым агрономом Черноморского округа. Он внес огромный вклад в исследование возможностей развития аграрного сектора Северного Кавказа. Ф. Гейдук в своей деятельности постоянно использовал австро-венгерский опыт¹⁰.

Подданные империи Габсбургов сыграли большую роль в развитии альпинизма и горного туризма на Кавказе. В июле 1829 г. по инициативе генерала Г. А. Эммануэля было организовано успешное восхождение экспедиции на вершину Эльбруса и 22 мая 1829 г. в честь данного события водружается

¹ Шепелевич Л. Из Галиции (Закопане)// Образование. 1905. №9. С.99–100.

² Целебная сила России. 1915. №6. С.118.

³ Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С.115.

⁴ Хачиков В. Железноводск. Минеральные Воды, 2008. С.15.

⁵ Северокавказская газета. 1910. №154. С.1.

⁶ Птицын А. Н. Миграция Австро-Венгерских подданных в Россию и на Северный Кавказ (вторая половина XIX – начало XX вв.)// Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета. Вып. II. Ставрополь, 2009. С.26.

⁷ Кавказский календарь на 1910 г. Ч.1. Тифлис, 1909. С.115.

⁸ Пукиш В. С. Черноморское побережье Кавказа и его чешские поселенцы// Мир славян на Северном Кавказе. Вып.4. Краснодар, 2008. С.21.

⁹ Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. С.116.

¹⁰ Гейдук Ф. О значении для России развития сельско-хозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря// Русский вестник. 1871. Март. С.5–41 и продолжение: Русский вестник. 1871. Апрель. С. 381–404.

памятный шест на вершине Мингетау-Ошхамахо-Эльбрус¹. Это было первое успешное восхождение европейцев на самую высокую гору Европы и Кавказа. В состав экспедиции 1829 г. попал представитель Венгрии, ученый Янош Бессе. Поэтому неслучайно, что один из двух камней принесенных экспедицией с Эльбруса, Г. А. Эммануэль подарил своему бывшему соотечественнику, после чего он оказался в музее Будапешта². Я. Бессе приехал на Кавказе в поисках исторических корней предков венгров. В Ставрополе он узнает об организации экспедиции на Эльбрус и спешит присоединиться к ней. Находясь на Кавказе, Я. Бессе пытается найти доказательства родства некоторых народов Северного Кавказа и мадьяр. В местной топонимике и этнографии Я. Бессе находит «подтверждения» пребывания мадьяр на Кавказе (Бизинги, Хулам, Балкар, Дугур). Он полагал, что жители некоторых удаленных селений Карачая имеют прямое родство с мадьярами. В своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.» Я. Бессе отмечал, что черкесы и дугуры очень напоминают мадьяр.

Важное место в изучении Кавказа сыграл еще один венгерский исследователь М. Деши. В 1884 г. он покоряет Эльбрус, затем Мамисон-Хох и становится первым исследователем Цейского ледника в Осетии. М. Деши был состоятельным человеком, разбогатевшим на строительстве железных дорог, но всю свою жизнь он посвятил альпинизму.

В 1895–1896 гг. венгерский археолог Енэ Зичи и его спутник Бела Пошто организовали очередную экспедицию на Кавказ в поисках следов древних венгров. Данные усилия не были случайными. В конце XIX – начала XX вв. кавказоведение Австро-Венгрии достигает впечатляющих результатов в своем развитии. Многие австрийские и венгерские ученые разрабатывали теорию, согласно которой Кавказ являлся зоной расселения арийских племен, затем перекочевавших в Европу. В этой связи можно привести работы известного этнолога Мункача. Ученый прямо проводил родство между финно-угорскими народами и древними арийцами, проживавшими на Кавказе. Эту теорию поддерживал известный австрийский кавказовед, профессор Грацкого университета Шухардт³. Такого рода теории только стимулировали интерес общественности Австро-Венгрии, Германии и других стран к истории и культуре народов Кавказа. Во время посещения Кавказа Енэ Зичи приобрел уникальную коллекцию этнографических и исторических артефактов Измаила Урусбиева, считавшуюся одной из лучших частных коллекций Кавказа. В нее входили редчайшие находки эпохи бронзового и железного веков и предметы старины из Передней Азии. Впоследствии эти артефакты оказались в «Музее этнографии» в Будапеште, а затем в «Музее изящных искусств».

Не стоит забывать и о культурных контактах Австро-Венгрии и Кавказа. Регион постоянно посещали артисты из Австро-Венгрии. В гимназиях Кавказа преподавали учителя, уроженцы империи Габсбургов. Известный венгерский художник Михай (Михаил) Зичи посещал Кавказ, где он черпал вдохновение для создания новых своих произведений, в частности в Тифлисе у него возникла идея создать иллюстрации к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигриной шкуре»⁴.

Таким образом, после провала попыток противодействия продвижения России на Кавказ, в 1878 г. Вена окончательно признала гегемонию России в регионе, что позволило в последней трети XIX – начале XX вв. активно развивать социально-экономические и культурные связи империи Габсбургов с российским Кавказом.

В. А. Колесников

(Институт Дружбы народов Кавказа, г. Ставрополь)

ЛИНЕЙНЫЕ КАЗАКИ КУБАНИ В ПОДАВЛЕНИИ ВЕНГЕРСКОГО ВОССТАНИЯ 1849 г.

Основной круг исполняемых обязанностей линейных казачьих полков Кубани (Хоперского, Кубанского, Кавказского, Ставропольского и Лабинского) с конца XVIII в. и по 1860 г. был, прежде всего, связан с содержанием протяженного Кавказского кордона, организацией экспедиций против непокорных горцев и заселением новых станиц на устраиваемых линиях Закубанья и Чечни⁵.

¹ Возиянов И. С. О зарождении альпинизма в Северной Осетии // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/3. С.39.

² Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 1979. С.257.

³ Дирр А. М. Две статьи о современном положении кавказоведения // Список материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис, 1907. С.7.

⁴ Будаи Р. К. «Художник его императорского величества». Михай (Михаил Александрович) Зичи (1827–1906 гг.). Судьба венгерского художника в России // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. I. Ставрополь-Капешвар-Москва, 2014. С.91.

⁵ Полное собрание законов Российской империи / Под ред. Г. Г. Савича: В 55-ти т.: 2-е собр. СПб., 1845. Т. XX. №18739.

Несмотря на, казалось бы, однотипный характер службы, некоторым из числа линейцев довелось поучаствовать в достаточно значимых для Российской империи военно-политических событиях, имевших место за пределами ее южной окраины.

Одним из таких эпизодов стал Венгерский поход 1849 г. Как известно, в апреле указанного года юный австрийский император Франц Иосиф, будучи не в силах дать отпор мятежным венграм, обратился за помощью к российскому монарху Николаю I. Уже в мае царские войска, руководимые князем, генерал-фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем-Эриванским, вступили на территорию Венгрии и вместе с австрийцами открыли военные действия против венгерских ополченцев (гонведов)¹.

Собственно линейные казаки в описываемых событиях с 27 мая до сентября 1849 г. находились в составе Кавказского линейного казачьего дивизиона сводно-иррегулярного полка, переброшенного сюда из Царства Польского. Данное подразделение было образовано в 1831 г. после подавления Польского восстания, оно размещалось в Варшаве, куда командировались офицеры и казаки, в равном количестве назначавшиеся от всех полков Кавказского линейного казачьего войска. Срок обязательной службы в дивизионе определялся в три года, а сам он считался почти гвардейской частью, т. к. казаки охраняли представителей имперской власти в Польше, членов императорской фамилии и прибывавших на берега Вислы иностранных гостей².

После того, как армия П. Ф. Паскевича-Эриванского преодолела Карпаты, оказавшиеся на Венгерской равнине, линейные казаки участвовали в занятии нескольких городов, постоянно присутствуя при рекогносцировках местности и перестрелках с неприятельскими дозорами. За время трехмесячной венгерской кампании имели место лишь два наиболее значимых сражения: 3 июля под г. Вайценом³ (на левом берегу Дуная) и 21 июля у г. Дебрецина⁴, в которых, тем не менее, сумели отличиться линейцы⁵.

Штатный состав дивизиона в описываемое время был представлен 2-м штаб-, 20-ю обер-офицерами и 497-ю нижними чинами⁶, и от линейных полков Кубани там, таким образом, числился не один десяток казаков. По свидетельству известного регионального историка В. Г. Толстова, только от Хоперской бригады в дивизион направили 2-х офицеров и 60 казаков⁷, т. е. по несколько человек от каждой станицы. Известно, например, что от ст. Круглолесской 1-го Хоперского полка с повстанцами сражались урядники Василий Щетинин и Анастасий Токарев, казаки Мартын Тенищев и Василий Языков, – все удостоенные памятной серебряной медали «За усмирение Венгрии и Трансильвании»⁸. Уроженец ст. Григориполисской урядник Иван Иванович Скворцов заслужил более значимую награду – знак отличия военного ордена Св. Георгия старого статута за № 85873; аналогичным же образом георгиевским кавалером стал и урядник Петр Трофимович Шершнева из ст. Калиновской 1-го Хоперского полка (крест за № 84977)⁹. Имело место и повышение в чинах, когда урядникам дивизиона Дмитрию Федоровичу Расторгуеву (ст. Сергиевская 1-го Хоперского полка), Андриану Никифоровичу Копаневу (ст. Дмитриевская 2-го Кубанского полка) и Ивану Петровичу Абухову (ст. Темнолесская 2-го Ставропольского полка) вручили погоны хорунжих¹⁰, а обер-офицеру Тарасу Алексеевичу Попову (также уроженцу ст. Дмитриевской) было пожаловано очередное звание сотника и австрийский императорский орден Железной короны 3-ей степени¹¹.

Померяться силами с венгерскими повстанцами довелось не только офицерам и казакам «Сводно-иррегулярного дивизиона», но и линейцам Собственного Его Императорского Величества конвоя, оказавшимся в команде, охранявшей Великого князя Константина Николаевича¹². Удалось,

¹ Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамышы: вопросы военной истории казачества Кубани конца XVIII – начала XX столетия. Краснодар, 2012. С. 223–224.

² Телепень С. В. Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши конца XVIII–XX вв. Диссертация ... канд. ист. наук. Армавир, 1998. С. 103–105.

³ Современный г. Вац (Венгрия). – Прим. авт.

⁴ Современный г. Дебрецен (Венгрия). – Прим. авт.

⁵ Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 225–226.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 1058. Опись 2. Дело 177. Л. 44.

⁷ Рыбальченко А. Г. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. С. 47.

⁸ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.3. Оп.1. Д.316. Л.20–24.

⁹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.396. Оп.1. Д.1025. Л.92. ГАКК. Ф.355. Оп.2. Д.4. Л.213.

¹⁰ ГАСК Ф.1300. Оп.1. Д.435. Л.4.

¹¹ РГВИА. Ф. 330. Оп.55. Д.301. Л.115 об. –116.

¹² Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества Конвой / Изд. подг. П. Н. Стрелянов (Калабухов). М., 2004. С. 46–47.

в частности, установить, что в делах под Вайценом и Дебречином принимал участие штаб-ротмистр Собственного Его Императорского Величества конвоя (в последующем генерал-майор Кубанского войска) Иван Фомич Чуйков, происходивший из ст. Ладожской 2-го Кавказского полка и также представленный к австрийскому ордену Железной короны 3-ей степени¹. Урядник-конвоец Никифор Иванович Воробьев из ст. Бешпагирской 1-го Ставропольского полка за храбрость, проявленную в столкновениях с инсургентами, был произведен в хорунжие и, помимо памятной серебряной медали, удостоился еще и золотых часов из рук самого Великого князя Константина Николаевича².

Примечательно, что, несмотря на кратковременность пребывания линейцев в Венгрии, император Николай I счел необходимым увековечить заслуги казаков и пожаловал «Кавказскому сводно-иррегулярному полку» простое знамя с надписью «За отличную храбрость, оказанную в делах с мятежными венграми и за сражение под городом Дебречином 21 июля 1849 года»³, хотя, как подчеркивает современный исследователь С. В. Телепень, реальные успехи казаков заметно уступали общественно-политическому резонансу, создаваемому ими на западных границах империи⁴.

С. И. Муртузалиев
(Институт всеобщей истории РАН)

БАЛКАНЫ ПЕРИОДА БОРЬБЫ РОССИИ ЗА ОТМЕНУ ПАРИЖСКОГО ДОГОВОРА И «СОСРЕДОТОЧЕНИЯ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

На протяжении столетий Балканы были сферой пересечения интересов ведущих европейских держав, которые в XIX в. все активнее начинают вмешиваться в проблемы Румелии. Политика, проводимая Россией, отличалась противоречивостью, временами непоследовательностью, в значительной мере проистекавшую из нежелания держав содействовать благоприятному для России решению Черноморского вопроса. Правительства Европы, преследуя на Балканах собственные цели, поддерживали Турцию в ее стремлении подавить национально-революционные движения.

«Крымская система» стала давать трещины сразу после подписания Парижского договора 1856 г. Это признается и современной турецкой историографией, отмечающей что договор «преследовал цель перекрыть России пути продвижения на земли Османской империи. Предоставление гражданских прав немусульманскому населению положило конец эксплуатации этой темы Россией, сделав невозможным ее нападение»⁵. Дальнейшее развитие событий турецкие историки описывают следующим образом: «Гарантии, данные в отношении Дунайских княжеств, обеспечили “отход” России от этих земель, которые были для нее “протоптанной дорогой” во всех войнах с Османской империей. И как ...результат всего этого, должна была быть гарантирована территориальная целостность империи; ... а при условии, что она будет придерживаться европейских юридических норм, Порте было обещано принятие в европейское сообщество». Но эти гарантии остались на бумаге. Договор «сохранял свою силу до тех пор, пока не нарушилось равновесие в Европе и главный его гарант – Франция не потерпела ...поражение от прусской армии (1870–1871)». Это «коренным образом изменило соотношение сил в Европе», чем воспользовалась Россия, объявившая «об отмене действия соглашения о нейтральном статусе Черного моря. Новое положение было принято заинтересованными сторонами... в Лондоне... Россия получила возможность снова вооружаться в Причерноморье и готовиться к реваншу за поражение в Крымской войне»⁶.

Внешнюю политику России в значительной мере определял министр иностранных дел А. М. Горчаков, который в мае 1857 г. писал послу России во Франции П. Д. Киселеву: «С того момента, когда император доверил мне портфель министра..., я сказал себе, что постоянная цель моих усилий будет состоять в том, чтобы устранить ... двойной дефект Парижского трактата. Восстановить на Востоке позиции, которых требуют наши интересы, и быть в уверенности в решающий момент в получении причитающейся нам доли – таков принцип нашей национальной политики. В свете этого мы можем рассматривать все остальное как второстепенное»⁷.

¹ Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 227.

² ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.220. Л.209–210.

³ Короленко П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринодар, 1896. С. 90.

⁴ Телепень С. В. Указ. соч. С. 100.

⁵ История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / Под ред. Э. Исханоглу; пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. М., 2006. Т. 1. С. 75.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Цит. по: Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871. К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 18.

Горчаков взял курс на проведение осторожной внешней политики, выдвинув принцип «европейского равновесия», который распространял и на Балканы. Российские дипломаты пытались добиться от Турции проведения серьезных реформ, хотя Горчаков признавал, что победа не только не приведет к упрочению позиций России на Балканах, а увенчается их ослаблением. Еще в 1866 г. он прозорливо писал: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены, христиане последуют дорогой своих материальных интересов». В. Н. Виноградов справедливо заметил: «Существовало нечто, о чем ... Горчаков умалчивал в своих официальных бумагах, но что как дипломат-практик ощущал: приходившие к власти в нарождающихся государствах социальные силы в поклонниках самодержавия не состояли; напротив, они с антипатией относились к продолжавшему оставаться, несмотря, на реформы, консервативному и лишенному всякого намека на парламентаризм и демократию режиму в России. Образец для подражания они искали на западе Европы, а не на востоке»¹.

Посол Н. П. Игнатьев сообщал о волнениях в Сербии, Черногории (1866–1867 гг.) и предлагал развернутый план действий России на Балканах, предполагая, что победа славян позволит аннулировать Парижский трактат. От российских «консулов из Болгарии поступали донесения о формировании в Сербии и Румынии болгарских партизанских отрядов, собиравшихся перейти Дунай и начать весной 1867 г. военные действия в Болгарии. В Петербурге были обеспокоены ситуацией на Балканах. Отношение к событиям было двойственным. С одной стороны, настроениям балканских народов сочувствовали, с другой – опасались, что в случае их победы и распада Османской империи все выгоды для себя извлекут европейские державы»², а Россия будет втянута в европейскую войну.

Русского вице-канцлера беспокоило сближение Франции с Австро-Венгрией. 6 (18) апреля 1867 г. Горчаков обратился к европейским державам с мемуаром, содержавшим проект реформ в христианских провинциях Турции на базе национальных автономий. Мемуар являлся своего рода программой решения Восточного вопроса, основанной на проведении реформ, направленных на расширение территориальной и общинной автономии в тех провинциях империи, где христиане составляли большинство населения. Историческая фраза Горчакова: «Россия не сердится, она сосредоточивается...» – выражала основные принципы внешней и внутренней политики России того периода. Реализация проекта Горчакова означала бы шаг к освобождению балканских народов и распаду Турции, что не отвечало планам европейских держав. Француз Л. Мустье (сторонник «османизации» Турции) прямо заявил Игнатьеву, что «принцип национальности» должен применяться избирательно т.к. далеко не все народы имеют право на независимость. У турецких христиан такие факторы (роль в истории, однородность, сила, единство) отсутствуют»³.

Отто Бисмарк в 1868 г. дал понять Петербургу, что Пруссия не будет возражать против пересмотра Парижского мира, в результате чего Россия стала поддерживать Пруссию в стремлении объединить германские земли и во франко-прусской войне 1870–1871 гг. заняла позицию нейтралитета. В октябре 1870 г. Горчаков уведомил великие державы и Турцию, что Россия не считает себя связанной условиями Парижского договора. Лондонская конференция (январь–март 1871 г.) отменила положения 1856 г. относительно прав России на Черном море. Программа Горчакова была выполнена – это явилось крупной дипломатической победой.

Российские дипломаты пытались совместно с западноевропейской дипломатией урегулировать боснийско-герцеговинский конфликт мирным путем, но натолкнулись на противодействие Австро-Венгрии, Германии и Англии, желавших обострения русско-турецких отношений. Петербург, заинтересованный в единстве действий европейских держав по умиротворению наступившего кризиса, обратился к Союзу трех императоров. В июле 1875 г. по предложению Горчакова в Вене собрались представители русского, австро-венгерского и германского дворов, которые, исходя из статьи 8 Парижского мирного договора создали консульскую комиссию для встречи и переговоров с руководителями восставших провинций. Это был незначительный успех русской дипломатии, но фактически комиссия ничего существенного в преодоление кризиса не внесла. Кроме того, зафиксированные в соглашении совместно принятые обязательства о сохранении статус-кво и невмешательстве в балканские дела связывали русское правительство, считавшее, что нужно действовать совместно с Австро-Венгрией.

¹ Виноградов В. Н. Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности ... М., 2005. С. 145.

² Хевролина В. М. Н. П. Игнатьев и А. М. Горчаков: два взгляда на решение балканской проблемы (вторая половина 60-х гг. XIX в.) // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. Сб. статей. М., 2006. С. 20.

³ Хевролина В. М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009. С. 222.

Формальной попыткой в деле восстановления «порядка на Балканах» явилась программа реформ канцлера Австро-Венгрии Дьюла Андраши, которую он 30 декабря 1875 г. от имени трех союзных держав направил австрийскому послу в Великобритании графу Бейсту. Султану предлагалось: 1) ввести полную свободу вероисповедания для христиан; 2) ликвидировать откупную систему взимания податей; 3) улучшить аграрное положение сельского населения; 4) расходовать взимаемые с населения Боснии и Герцеговины прямые налоги только на нужды этих областей; 5) создать специальную комиссию, состоявшую равно из мусульман и христиан, для наблюдения за ходом реформ¹. «Нота Андраши» 31 января 1876 г. была передана султану и турецкому министерству иностранных дел, которое отказалось принять ее в полном объеме, а словесно приняло только четыре пункта предложений². Однако балканские народы не поверили обещаниям султана. Программа Андраши была отвергнута и повстанцами, так как не предусматривала автономии провинций. Из Скутари Игнатьеву сообщили: «Узнав, что нота Андраши не заключает в себе всех гарантий и отдает их снова турецкому бесконтрольному управлению, они сочли надежды свои обманутыми и решили ...продолжать восстание»³. Национально-освободительное движение ширилось, несмотря на карательные меры Высокой Порты и вопреки усилиям европейских правительств заставить повстанцев прекратить военные действия. Оно перекинулось в Болгарию, Сербию, Черногорию.

Однако Александр II 25 марта (6 апреля) 1876 г. заявил военному министру Д. А. Милютину, что война в близком будущем невозможна и он «совершенно уверен, что мы избегнем ее»⁴. Германский посол в Петербурге фон Швейниц докладывал в марте, что «не обнаружил не только партии войны, но и ни одного государственного деятеля и генерала, который хотел бы войны»⁵. Считаем, что суждение германского посла не совсем верно, т.к. в это же самое время генерал-лейтенантом Генерального штаба Н. Н. Обручевым была составлена записка о необходимости разработки плана мобилизации, увязанного с конкретными целями возможной войны. Но император отказался рассматривать ее⁶.

Отношение правительственных кругов Великобритании к жестокому подавлению Апрельского восстания выразил посол Англии в Стамбуле сэр Эллиот. Министру иностранных дел лорду Э. Дерби он писал: «По моему мнению, так же и по мнению многих английских политических деятелей, жертвы болгар – 10 или 20 тыс. человек – обычное явление в этой полудивилизованной азиатской стране...Эти жертвы не должны быть достаточной причиной для того, чтобы мы изменили единственно правильную политику, которая одна может сохранить наши интересы»⁷. В отличие от Эллиота английский либерал Гладстон в памфлете «Болгарские ужасы» потребовал: «Пусть турки унесут с собой свои злоупотребления единственно возможным способом, а именно, добровольно уйдя... из провинции, которую они опустошили и осквернили». Кинросс отмечает, что англичане резко изменили дружественное отношение к туркам. Это навело Дерби на мысль, что теперь «даже если бы Россия собралась объявить Порте войну, правительство ее величества сочтет практически невозможным вмешаться»⁸.

Действительно, вслед за опубликованием памфлета Александр II был информирован Игнатьевым: «Массовые убийства в Болгарии принесли России то, чего она никогда не имела раньше – поддержку британского общественного мнения». Россия не должна упускать создавшуюся политическую обстановку, необходимо «употребить физическую силу для перемены порядка дел в Турции»⁹. Турецкие же историки объясняют размах национально-освободительного движения на Балканах не общим кризисом султанского режима, а недовольством со стороны христианского населения отдельными представителями турецкой администрации.

В период Апрельского восстания Александр II вместе с Горчаковым находился в Берлине, надеясь усилиями Союза трех держав найти выход из Восточного кризиса. Бисмарк, ссылаясь на свою незаинтересованность в делах Востока, играл роль посредника между Россией и Австро-Венгрией. «Однако, – писал Горчаков, – было легко увидеть, что он заранее согласовал свои действия с Андраши, чтобы устранить крайние предложения, которые они оба ждали от нас»¹⁰. Горчаков настаивал

¹ Татищев С. Император Александр II. Т. II. СПб., 1903. С. 299.

² Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 200.

³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. М., 1954. С. 184.

⁴ Милютин Д. А. Дневник 1876–1877 годов. Т. 2. М., 1949. С. 34.

⁵ Цит. по: Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 307.

⁶ Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 68–70.

⁷ Цит. по: Улунян А. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и российская общественность // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. М., 2006. С. 52.

⁸ Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи / Пер. англ. М., 1999. С. 553.

⁹ Цит. по: Улунян А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 99–101.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876 Л. 9 об. – 10.

на принятии решительных мер против Турции. «Мы думаем, что наступило время побудить Порту принять меры, нами предложенные, заставить ее понять, что христианская Европа не смотрит безразлично на печальное положение христиан»¹. «Встреча в Берлине, – писал Горчаков, – показала различия в политике России и Австро-Венгрии (при внешнем согласии держав)»². Хотя Австро-Венгрия и Германия не поддерживали требования России, российское правительство, учитывая сложность обстановки, пошло на подписание Берлинского меморандума 1 (13) мая 1876 г. Согласно этому документу державы соглашались оказать давление на правительство султана, чтобы побудить его реально приступить к выполнению принятых на себя по отношению к Европе обязательств³.

В меморандуме частично повторялись аморфные предложения, содержащиеся в декабрьской ноте 1875 г. Андраши. Вместе с тем документ имел и существенные отличия. Если в австрийской ноте реформы только декларировались, но не содержались их гарантии, то в Берлинском меморандуме эти гарантии уже существовали. В документе указывалось: «...если бы срок перемирия истек прежде, чем усилия держав достигли намеченной цели, три императорских двора сочли бы необходимым подкрепить их дипломатическое выступление санкцией соглашения о принятии действительных мер, которые в таком случае требовало бы положение вещей в интересах всеобщего мира и ради предотвращения дальнейшего развития зла»⁴.

Берлинский меморандум был поддержан правительствами Франции и Италии, но Великобритания⁵ отказалась присоединиться к демаршу держав под предлогом, что меморандум затрагивает авторитет и достоинство Порты. Премьер-министр Дизраэли увидел в меморандуме и предложении провести реформы «как бы просьбу к нам санкционировать их, приставив нож к горлу Турции»⁶. Этот шаг Англии был продиктован стремлением Дизраэли столкнуть Россию с Турцией, для того чтобы воспользоваться плодами этого столкновения позже, что и случилось впоследствии.

В период подготовки передачи Порте Берлинского меморандума, назначенной на 18 (30) мая 1876 г. сторонниками Мидхат-паши с благословения шейх-уль-ислама в ночь с 17 (29) на 18 (30) мая в Турции не без помощи Англии был совершен государственный переворот. В истории Турции 1876 г. известен как «год трех султанов», который завершился провозглашением конституции. Вручение меморандума было отсрочено, а вскоре он потерял всякий смысл. Игнатьев и очевидец событий русский ученый В. Теплов справедливо оценили переворот как победу Англии⁷. Переворот значительно ослабил мирное решение вопроса о балканских славянских народах.

Положение на Балканах становилось все более напряженным. Сербия и Черногория, зная, что Россия против «всякого рискованного поступка» и продолжает верить в возможность мирного разрешения балканского конфликта, тайно готовились к войне против Порты. Заметим, что в донесениях Игнатьева императору отмечалось, что не следует препятствовать «оборонительному союзу Сербии и Черногории, который может пригодиться в решающий момент»⁸.

Начиная с лета 1876 г. действия российской дипломатии становятся все более определенными. В это время петербургский кабинет фактически отступает от своей прежней системы «безусловного нейтралитета». Александр II заявил, что Россия не остановится перед объявлением войны Турции, если не сможет дипломатическими методами обеспечить защиту южных славян.

*Н. Д. Судацов
(Северо-Кавказский федеральный университет)*

КАВКАЗ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Война 1877–1878 гг. между Россией и Османской империей была обусловлена со стороны России в первую очередь стремлением добиться предоставления балканским народам независимости для Сербии, Черногории, Румынии, создания Болгарского государства, чему противилось руководство Османской империи, поддерживаемое западными державами.

¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1876. Д. 4363/2. Л. 59 об.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1879–1904. Л. 188 об.

³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. С. 204.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Кинросс Л. Указ. соч. С. 560.

⁷ Теплов В. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе: (Записки очевидца). СПб., 1897. С. 2.

⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 29. Л. 222–224.

Как известно военные действия велись на двух театрах военных действий: Балканском и Кавказском. Основное внимание руководством России уделялось Балканскому театру военных действий, который находился в Европе. Поэтому там находились император Александр II, военный министр Д. Милютин.

Но, как показал ход военных действий, очень важную роль имели военные действия на Кавказе. Турецкое командование решило нанести здесь силами Анатолийской армии поражение русским, захватить всё Закавказье. После этого часть высвободившихся сил перебросить на Балканы. Турки исходили из того, что после окончания Кавказской войны вооружённые силы России на Кавказе были значительно уменьшены, а их боеспособность снижена. Но одно дело планировать, и совсем другое иметь результаты.

Турецкое командование не учло того, что наместник на Кавказе, командующий Кавказским военным округом великий князь Михаил Николаевич с началом восстаний в 1875 году в Боснии и Герцеговине, а затем в Болгарии стал добиваться усиления округа войсками. Он исходил из того, что в случае войны с Турцией, военные действия не ограничатся только Балканами, а начнутся и на Кавказе.

Несмотря на сопротивление военного министерства, Михаил Николаевич, пользуясь близостью к брату императору Александру II, добился усиления округа войсковыми соединениями. Помимо этого ему удалось пополнить военный арсенал новыми видами оружия, прежде всего нарезного, что усиливало огневую мощь войск. Были сформированы иррегулярные воинские части из числа местного населения. Отмобилизованная Кавказская армия к началу войны выросла до 160 тысяч человек, более 600 орудий.

Военные действия на Кавказе, по плану генерала Обручева, предпринимались «для ограждения нашей собственной безопасности и отвлечения сил противника». Военный министр Д. Милютин писал главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу о том, что Главные военные операции предполагаются в Европейской Турции; а в Азиатской Турции действия наши должны прикрыть своим наступлением безопасность собственных пределов. Для чего необходимо овладеть Батумом и Карсом (или Эрзерумом) и, таким образом отвлечь турецкие силы от европейского театра военных действий. Непосредственно к активным действиям против Турции в главном Действующем корпусе и четырёх отрядах находилось около 70 тысяч штыков и сабель при 232 орудиях.

Особенностью войны на Кавказском театре военных действий было широкое использование обеими сторонами иррегулярных войск, набранных из местных жителей. В подавляющем большинстве это были конные отряды, в которые люди шли, чтобы отомстить русским или туркам за старые обиды, а также пограбить. Они смело действовали в рассыпном конном бою, но пасовали перед регулярной пехотой, а попав под огонь артиллерии, обращались в бегство. Турки набирали иррегулярные войска из абхазов, аджарцев, курдов, представителей различных горных племен, русские – из курдов, армян, черкесов и т. д.

Действующий корпус под командой генерала М. Т. Лорис-Меликов действовал в гористой труднопроходимой местности на фронте протяженностью в 350 верст. Для лучшего управления ним его разделили на три отряда, фактически упразднив дивизии и большинство бригад.

После объявления манифестом императора Александра II войны Турции 12 апреля 1877 года, командующий Кавказской армией, наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич оперативно 13 апреля издал приказ по армии: «Державная воля Государя императора призывает вас ныне к защите оружием чести и достоинства нашего Отечества. За вами славное прошлое Кавказских войск, перед вами – поля и твердыни, обгагрённые кровью ваших отцов и братьев! Вперёд! С Богом за Родину и Великого Государя. Михаил».

Получив приказ, войска не мешкая начали переход русско-турецкой границы, продвигаясь вперёд быстро, но осмотрительно, чтобы не дать туркам подготовиться к военным действиям. Такое быстрое появление русских войск было для них неожиданностью. Турецкое командование недооценило русские силы, считая их недостаточными для наступательной кампании, проявило беспечность и оказались застигнутым врасплох. И они смогли противопоставить только гарнизоны крепостей. Вскоре Россию облетела первая радостная весть о взятии 4 мая 1877 года войсками под командованием генерала Лорис-Меликова первоклассной турецкой крепости Ардаган. Русским достались богатые трофеи: укрепленный лагерь, 92 орудия, множество различных припасов¹. Первые успехи на Кавказе оказали большое мобилизующее значение для российской армии и в определённой мере деморализующе подействовали на турок. В это время русская армия только начала движение на Балканы, где начала военные действия только в начале августа.

¹Итенберг В. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С.34.

Турецкое командование в ходе войны рассчитывало активно использовать народы, которые по завершении Кавказской войны эмигрировали с Западного Кавказа в Турцию. Поскольку восточное побережье Чёрного моря вошло в район военных действий, то турки здесь благодаря господству их флота на море стали высаживать десанты из горцев. Для противодействия десантам и поддержания спокойствия в регионе, здесь находились лишь незначительные отряды в Потии, Сухуме, Туапсе и на посту св. Николая. Высадившиеся у сел. Гудауты Абхазии 1000 горцев возбудили волнения среди местного населения, которому турецкие агенты передавали оружие. Временное занятие Черноморского побережья неприятелем отразилось и на Чечне и Дагестане, где тоже вспыхнули восстания. Конечной целью боевых действий русской армии на Кавказе было взятие мощных крепостей Карса и Эрзерума и противодействие турецкой армии проникнуть на Кавказ для поддержки антирусских выступлений горских племен. Для их подавления были задействованы внутри Кавказа 2 пехотных дивизии.

В историю войны вошли подвиги русских солдат при осаде Баязета, сражение на Аладжинских высотах, взятие Карса и в целом разгром Анатолийской армии. Успешные боевые действия российской армии на Кавказе не позволили турецкому командованию перебросить войска Анатолийской армии на Балканы, что способствовало успешным действиям русских войск.

В начале 1878 года русские войска, действовавшие на Балканах, подошли к Константинополю. Но взять его им, было не суждено, так как вмешались западные державы, угрожая войной, которых не устраивал разгром Османской империи и усиление России. Поэтому российское правительство вынуждено было воздержаться от занятия.

19 февраля (3 марта) 1878 года между Россией и Турцией был подписан в Сан-Стефано выгодный для России и балканских государств прелиминарный мирный договор, согласно которому Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, автономию получили. Босния и Герцеговина и создаваемое Болгарское государство, Россия получала большую контрибуцию. Но так как она её выплатить не могла, то уступала России значительную территорию в Азии, занятую в ходе войны Кавказской армией¹.

Однако против условий Сан-Стефанского договора выступили западноевропейские державы и в первую очередь Англия и Австро-Венгрия, потребовав от России отказаться от многих его условий, и демонстративно начали подготовку к войне против России, которая к ней была не готова. Поэтому она вынуждена была пойти на уступки и согласиться на пересмотр условий мира.

В Берлине был созван конгресс для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора при посредничестве императора Германии Вильгельма. На нём Россия оказалась в одиночестве и ей по существу в ультимативной форме диктовались условия заключения договора.

Условия мира были существенно изменены: урезаны приобретения Сербии, Черногории и особенно Болгарии, от которой была отделена Восточная Румелия, остававшаяся турецкой провинцией с христианским генерал-губернатором. Были значительно урезаны территориальные приобретения России. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину. А Великобритания получила остров Кипр. Россия вернула южную часть Бессарабии, потерянную после Крымской войны и присоединила Карсскую область, населенную армянами и грузинами².

Таким образом, условия мира были изменены не в пользу России, что вызвало негодование в российском обществе. Что выразилось в острой критике в адрес правительства за его излишнюю уступчивость западным державам.

Надо сказать, что негодовали тогда не только радикально и революционно настроенные слои, но даже самые лояльные круги общества со славянофилами во главе. Когда известия об уступках, сделанных на Берлинском конгрессе, достигли Москвы, то славянофил И. Аксаков, выступая на публичном заседании «Славянского общества» с громовой речью, говорил: «Ужели хоть долю правды должны мы признать во всех этих корреспонденциях и телеграммах, которые ежедневно, ежечасно, на всех языках, во все концы света разносят теперь из Берлина позорные вести о наших уступках и, передаваясь в ведение всего народа, ни разу не опровергнутые русскою властью, то жгут его стыдом и жалят совесть, то давят недоумением...».

Закончил он свою речь словами: «Волнуется, ропщет, негодует народ, смущаемый ежедневными сообщениями о Берлинском конгрессе, и ждет, как благой вести, решения свыше. Ждет и надеется. Не солжет его надежда, потому что не преломится Царское слово: «Святое дело будет доведено до

¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С.211.

² История внешней политики России. ... 1997. С. 212.

конца». Долг верноподданных велит всем нам надеяться и верить, – долг же верноподданных велит нам и не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающих средостение между царем и землею, между царскою мыслью и народною думой, Ужели и в самом деле может раздаться нам сверлу в ответ внушительное слово: *«Молчите, честные уста! Гласите лишь вы, лесть да кривда»*. Когда император Александр II узнал об этом выступлении, то приказал выслать И. Аксакова в административном порядке из Москвы в имение¹.

После конгресса министр иностранных дел канцлер Горчаков в записке на имя императора Александра II написал «Это был самый чёрный день в моей жизни». Император рядом сделал приписку «И для меня тоже».

Но, несмотря на эти потери, война имела большое значение для народов Балкан, послужила делу их освобождения от турецкого ига и завоевания ими независимости. Но уже тогда закладывалась бомба будущей мировой войны.

*А. Колонтари (Капошварский университет),
Д. Бебеши (Печский университет)*

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРИАНОНСКИХ ГРАНИЦ ВЕНГРИИ

Уже до Первой мировой войны в разных планах, проектах о территориальном переустройстве на пространстве Центрально-Восточной Европы недостатка не было. Процесс усиливался после начала войны. Все великие державы, маленькие государства и представители национальностей без государства обнародовали свои цели, требования, планы в расчете на то, что они выйдут из войны победителем. Если сравнить эти стремления, то сразу становится очевидным, что речь идет о сильном столкновении интересов.

Среди разнообразных проектов необходимо отметить проект Николая Данилевского. В своей книге «Россия и Европа», он первым из российских мыслителей дает детальный план перекройки границ и создания нового порядка в ЦВЕ на славянских началах². Накануне войны чешский политический деятель Карел Крамарж обнародовал свою концепцию «Славянской империи» из 6-и славянских государств под эгидой российского императора как «Императора славян»³.

В Германии в связи с экспансией на Восток появилось множество проектов под названием «Миттелевропа» (Срединная-Европа). Одним из наиболее известных его вариантов является план Фридриха Наумана, выдвинутый в 1915 г. Он предполагал создание единого экономического пространства, а в более радикальных его вариантах общую внешнюю и военную политику, что обеспечивала бы господство Берлина в этом пространстве⁴. В Австро-Венгерской монархии к началу войны выкристаллизовались максимальный и минимальный варианты. Максимальный вариант предусматривал значительное территориальное расширение Монархии за счет раздела Русской Польши с Германией, за счет аннексии Черногории, части Сербии и создание протектората в Албании. Минимальный вариант сводился к сохранению территориальной целостности Австро-Венгрии: достаточно умеренная позиция объясняется опасением, что территориальное расширение Монархии приведет к росту численности славянского элемента, следовательно, к снижению удельного веса венгерства в империи Габсбургов и будет представлять угрозу венгерскому главенству в странах венгерской короны⁵.

Среди великих держав-победительниц (будущие миротворцы) не было единого мнения относительно послевоенной судьбы ЦВЕ. Во-первых, согласно многовековой традиции в Лондоне и в Париже смотрели на империю Габсбургов, как на необходимый фактор Европейского равновесия. С другой стороны, маленькие союзники Антанты, Сербия, чешская эмиграция, вовлеченные в войну Италия и Румыния свои амбиции хотели осуществить за счет территории Австро-Венгрии и с этим в Париже и в Лондоне должны были считаться. До 1918 родились разные планы о территориальном переустройстве Австро-Венгерской монархии. Явление порой приобретало эпидемический характер, все рисовали карты, начиная от публицистов, до т. н. «экспертов» министерств иностранных дел. Однако до лета-весны 1918 г. союзники не решились выбрать единый проект из разнообразных

¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 363, 364.

² Géza G. Bizáncról Bizáncig. Az orosz birodalmi gondolat. Budapest, 2007. С. 106–109.

³ László G. – István T. Karel Kramář Közép-Európa terve (1914)// Regio. 2004. № 4. С. 99–111.

⁴ István N. Európa-tervek 1300–1945. Visszapillantás a jövőbe. Budapest 2001. С. 154–170, 179–181.

⁵ Ignác R. Nemzet, nemzetiség, és állam Kelet-Közép- és Délkelet-Európában a 19–20. században. Budapest, 1998. С. 156–158.

вариантов. 10-й из известных 14-и пунктов президента В. Вильсона о принципах устройства послевоенного мира гласил: «Народам Австро-Венгерской Монархии, место которой мы желаем видеть обеспеченным и защищенным среди наций мира, надо обеспечить возможность самого свободного развития»¹. Вильсон долгое время был сторонником федерализации Монархии, и подобные проекты разрабатывались в недрах Госдепартамента в Вашингтоне и в Форен Офисе в Лондоне.

Ситуация коренным образом изменилась к лету 1918 г. Причин этому было несколько. С одной стороны, после неудачной попытки молодого императора-короля Карла, ведения переговоров о заключении сепаратного мира, Австро-Венгерская монархия была вынуждена подписать договор в Спа о тесном экономическом, военном и политическом сотрудничестве с Германией. В столицах антантовских держав это было расценено, как потеря государственной независимости империи Габсбургов и ее неспособность в дальнейшем играть роль барьера против германской экспансии на юго-востоке Европы.

Но еще более важным обстоятельством явилось то, что с заключением Брестского мира, восточный фронт рухнул, Россия, как главная союзница Лондона и Парижа, была выбыла из строя. В этой ситуации возросла ценность маленьких союзников, сербов, чехов и румын. Побудить их к дальнейшим усилиям, к новым жертвам на стороне Антанты можно было только полным или почти полным удовлетворением их территориальных требований. Примерно к маю-июню 1918 г. державы Антанты однозначно стали на позицию расчленения Австро-Венгерской монархии².

Парижская мирная конференция во многом отличалась от прежних конференций, которые раньше, как правило, после длительных войн определили послевоенный порядок Европы. На Вестфальском и Венском конгрессах, после Тридцатилетней войны и наполеоновских войн, среди участников мы находим и побежденные государства, их интересы в определенном смысле тоже были учтены. Сейчас победители уже в ходе войны разработали теорию об ответственности побежденных государств за разжигание войны. Из этой концепции следовало, что побежденных надо наказывать.

Когда в январе 1919 г. конференция открылась в Версальском дворце, еще сами участники не знали, является ли она только предварительным форумом, где победители могут согласовать свои позиции, или уже самой конференцией. Мероприятие из первого постепенно превратилось во второе³.

Высшим органом конференции был Совет Десяти или Верховный Совет (из глав государств и министров иностранных дел США, Великобритании, Франции, Италии, Японии). В европейских делах принято говорить о 4-х «великанах» (Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо), в марте 1919 г. они создали Совет Четырех, в стратегических вопросах окончательное решение было за ими. В ЦВЕ главным образом доминировали французские интересы. Французы в большей степени были готовы удовлетворить требования своих маленьких союзников в этом регионе, чем остальные державы победительницы. Практическая работа, как правило, руководилась министрами иностранных дел великих держав. Для помощи в работе высших органов было создано 58 комиссий с множеством подкомиссий и разных временных комитетов. Одной из наиболее важных была т. н. «Территориальная Комиссия» под руководством Андре Тардьё. Венгерскими границами занимались две подкомиссии: чехословацкая и румыно-югославская.

Некоторые «эксперты» не скрывали, что относятся к венграм с определенной предвзятостью. Гарольд Николсон (сын бывшего британского консула в Будапеште) заявил: *«Признаюсь, я всегда с большим отвращением относился и отношусь сегодня к этой туранской расе... Они, подобно своим братьям, туркам ничего не создавали, только разрушали. В течение веков угнетали национальности страны. Настал час освобождения и наказания»*⁴.

Кроме экспертов, чехи, румыны и сербы в своих стремлениях могли полагаться на множество журналистов, публицистов, общественных деятелей (например Роберт Ситон-Ватсон, Генри Викхем-Стеед), которые собрались в это время в Париже, и которые на заднем плане представляли огромное лобби в защиту их интересов.

Делами Венгрии начали заниматься уже с января 1919 г. с заслушиванием чешских, румынских и сербских требований. Требования, которые были представлены на мирной конференции, не отличались своей умеренностью. Если взять, к примеру, меморандум о границах Румынии, то он декларировал, что естественные границы Румынии (Тиса, Дунай и Днестр) являются минимальными

¹ 1920 Sub clausula 1947. Dokumentumok két békeszerződés – Trianon, Párizs – történetéből. (Gecsényi Lajos et al. szerk.) Budapest, 2008. 362. old.

² Ignác R. A trianoni békeszerződés. Budapest, 2001. C. 65–66.

³ László G. Az első világháború és Trianon következményei a magyar gazdaságra. In: Széchenyitől a Széchenyi-tervig. A modern magyar gazdaság története. (Gulyás László, szerk.) Szeged, 2009. C. 103.

⁴ Romsics, 2001. C. 127.

требованиями. «Если строго исходить из языкового и этнического принципа, то Румыния могла бы совершенно неоспоримо требовать присоединение к стране сотни и сотни тысяч румын, проживающих компактно на левом берегу Днестра, за Бугом до Днепра. Подобным образом могла бы просить о присоединении к родной стране тех многих тысяч румын, которые живут на другом берегу Дуная в Сербии, в долинах Тимока и Моравы, и которые также сохранили свой язык, свои традиции и румынскую идентичность.... Кроме этих существенных групп, которые живут плотно вдоль новых границ Румынии, можно было и перечислить отдельные, разброшенные румынские деревни за Тиссой на венгерской низменности и в бывшей империи царей вплоть до дальней Сибири»¹. Но в качестве доказательства доброй воли, отмечали румынские дипломаты, и желания обеспечения прочного и всеобщего мира, Румыния жертвует совершенно законными и справедливыми интересами и не требует присоединения к себе этих территорий и призывает к такой же сдержанности, умеренности и соседние государства, с которыми она хочет иметь дружеские отношения.

На карте №1 мы видим территориальные требования соседей Венгрии. Соседние государства правильно оценивали ситуацию, когда исходили из того, что сначала надо оккупировать как можно больше территорий Венгрии, потом на мирной конференции будет легче их отстоять и обеспечить себе. Поэтому они, если считали нужным, игнорировали подписанные ими же соглашения о перемирии, их войска перешли установленные демаркационные линии, и, вопреки запретам, на оккупированных территориях сразу же ликвидировали венгерскую администрацию. Они хорошо знали, что в руках великих держав-победительниц нет средства для предотвращения этого процесса, да и у них не было особого желания выступать в защиту Венгрии.

Если посмотреть аргументы, на основе чего требовали соседние государства ту или иную территорию, то получается весьма пестрая картина. Изначально миротворцы действительно исходили из этнических принципов и из теории права национальностей на самоопределение с той оговоркой, что этнические споры между союзными и враждебными государствами всегда должны были быть решены в пользу союзников. Однако скоро на передний план вышли географические, экономические, стратегические, военные и прочие аргументы, которые начали преобладать над этническим принципом.

Чехословацкая делегация на мирной конференции возглавлялась талантливым и циничным политиком Э.Бенешем, настоящим маккиавеллистом XX века. В историографии уже давно указывали на двойственный характер его аргументации. Относительно границ Чехии он настаивал на историческом принципе, получив, таким образом, 3–3,5 миллионное немецкое национальное меньшинство и один из главных очагов будущей войны в Европе. Что касается словацких территорий, то тут исторические аргументы были ни при чем, пришлось прибегать к этническому принципу, с прибавлением теории родства чехов и словаков. Бенеш на конференции оперировал цифрами, которые были очень далеки от истины (даже если учесть тот неспорный факт, что этнические соотношения с абсолютной точностью установить не представляется возможным). Цифры он брал прямо из воздуха, причем эти цифры в отдельных случаях были совершенно разнообразными. К примеру, на заседании Совета Десяти 5 февраля 1919 г. он заявил, что в Чехословакии в ее новых границах будут жить 650 тысяч венгров, а в Венгрии 450 тысяч словаков². Через месяц на заседании чехословацкой комиссии 4 марта 1919 г. он уже говорил о том, что в Чехословакию попадут 860 тысяч венгров, но это не страшно, так, как в трианонской Венгрии останутся 630 тысяч словаков³. На самом деле в Чехословакию попали больше одного миллиона венгров (с Прикарпатской областью), а в Венгрии остались 140–150 тысяч, большая часть из них в южно-восточном комитате Бекеш, куда их предки были переселены в XVIII веке.

Чаллокэз (на словацком языке – Житкие острова) между двумя ветвями Дуная является симптоматическим показателем характера работы «миротворцев». По данным всеобщей переписи населения 1910 г. на этой территории проживали 121 500 венгров, 3000 немцев и 500 словаков. До течения Дуная Бенеш требовал территории (пренебрегая этническим принципом), чтобы иметь т. н. географическую границу и важный путь водного транспорта, и это было на конференции учтено. Но по этой же логике граница должна была быть установлена вдоль северной ветви Дуная (т. н. Малый Дунай). Но это не удовлетворило Бенеша, и он требовал Чаллокэз с его почти чисто венгерским населением, заявив, что ему нужна аграрная территория, иначе Чехословакия «помрет от голоду».

¹ Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről 1918–1919. (Ádám Magda, Ormos Mária, szerk.) Budapest, 1999. C. 98.

² Trianon. Nemzet és emlékezet. Zeidler Miklós (szerk.) Budapest, 2003. 51. old.

³ Francia diplomáciai iratok, 1999. C. 172.

В вопросе о принадлежности Чаллокэза шли острые споры, против его передачи были настроены даже такие эксперты, как Г. Николсон, Сэр Айр Кроу, которые к венграм относились с явной антипатией. Однако, в конце концов, французам удалось провести передачу этого острова Чехословакии¹.

Что касается румынских требований, то румыны смотрели на реку Тиса, как на «естественную западную границу» Великой Румынии. Как минимум, румыны хотели получить те территории из Венгрии, которые были им обещаны в секретном Бухарестском договоре 1916 г. (линия указана на карте № 1). Румынский делегат Братиану на конференции ничем не уступал Бенешу в жонглировании цифрами. Он утверждал, что на подлежащих передаче Румынии территориях живут 687 тысяч венгров (он утверждал, что секлеры представляют отдельную этническую группу). Насколько это не соответствовало действительности, можем судить на основе самих румынских статистических данных 1920 г. Согласно им, на упомянутых территориях проживал 1,3 миллионов венгров, если к этому прибавить около 200 000 беженцев, то почти получается та цифра, которая фигурирует в переписи населения 1910 г. (1,6 миллионов)². Конференция, как видно на карте, не выполнила все территориальные требования Румынии, французы могли сослаться на то, что она нарушила пункт Бухарестского договора, когда в декабре 1916 г. Румыния заключила сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией.

Сербские требования исходили из единства сербов, хорватов и словенцев. Отделение Хорватии от Венгерского государства венгерская политическая элита приняла к сведению без особых возражений. В представленном на мирной конференции меморандуме сербские требования далеко зашли на север за течение реки Дравы³. В отличие от северной границы, где можно было бы относительно четко проводить этнические границы, сербы требовали себе такие территории, где смешанно жили рядом друг с другом представители 4-х национальностей: сербы, немцы, румыны и венгры: ни одна из них не представляла абсолютное большинство, удельный вес каждой был от 20 до 30 %. По переписи 1910 г. венгры – 32 %, сербы – 28 % (южнославянское население вместе 38 %), немцы – 24 %, по югославской переписи 1921 г. южнославянское население вместе взятое составляло 42 %⁴.

В аргументации сербской делегации появились и гидрографические аргументы: они хотели владеть всеми стратегическими разветвлениями рек и каналов в этом пространстве, чтобы, как они говорили, венгры не могли закрыть снабжение водой Бачки и Баната⁵.

На Банат претендовали и сербы и румыны (первые выдвинули стратегические аргументы, вторые ссылались на Бухарестский договор). Румыния требовала для себя весь Банат. Румыны ссылались на территориальную целостность и экономическое единство территории. Сербы выдвинули аргументы в пользу двойственного географического и этнического характера Баната (горные, промышленные районы на востоке, низменность, аграрные территории на западе), требовали его восточную часть по соображениям обеспечения безопасности Белграда, и ссылались на то, что на восточной территории Баната больше сербов, чем румын, что, по большому счету, соответствовало действительности (с мнением немецкого и венгерского населения никто не считался). Сербскую и румынскую армии отмежевали друг от друга французские войска. Территориальная комиссия долго ломала голову, как решить проблему между двумя союзниками. В итоге спор был окончен разделом территории, но два момента действительно заслуживают внимания:

1) Если маленькие империалистические требования это делали нужным, то государства охотно пренебрегали этническим принципом: например, относительно Баната в румынском меморандуме пишется: *«Расширение границ Сербии на другой берег Дуная – в интересах установления якобы этнической границы, и в расчете на то, что таким образом можно обеспечить прочный мир между народами, привело бы только к разорению экономики, ... (к развития целого региона)... и к возникновению новым конфликтам в будущем... Не может быть никакого сомнения, что те конфликты, возникновение которых Румыния предотвратила на правом берегу Дуная, ... на левом берегу по всей вероятности вспыхнут»*⁶.

¹ Géza J. A Csallóköz elvesztése. Esettanulmány Trianon történetéhez//Rubicon, 2010. № 1.С. 6–7. Francia diplomáciai iratok, 1999. С. 109.

² Romsics, 2001. С. 110.

³ Francia diplomáciai iratok, 1999. С. 109.

⁴ Romsics, 2001. С. 84.

⁵ Árpád H. Bácska határainak változása 1919–1920// „...ahol a határ elválaszt”. Trianon és következményei a Kárpát-medencében. Balassagyarmat, 2002. С. 534.

⁶ Francia diplomáciai iratok, 1999. С. 103–104.

2) Дебаты о границе между Сербией и Румынией свидетельствуют о применении такого принципа, который ни один раз не применялся в отношении Венгрии и венгерского населения: с установлением новой границы примерно столько же сербов осталось в Румынии, сколько румын в Сербии – за этим фактом, территориальная комиссия видела некий фактор этнической справедливости¹.

При определении трианонских границ Венгрии на длинном их участке, над всеми соображениями (этническими, географическими) доминировали железнодорожные (в аргументации за ними, как правило, стояли военные, стратегические и экономические аргументы). Юго-восточные, восточные и северо-восточные границы Венгрии были установлены таким образом, чтобы бывшая кольцевая железная дорога довоенной Венгрии (Зомбор–Сабадка–Темешвар–Арад–Надьварад–Надькарой–Сатмарнемети–Чап–Кашша) попала к ее соседям, обеспечив, таким образом, непосредственное сообщение между ними, и тем самым усилив изоляцию Венгрии² (см. карту № 3). Речь шла о таких территориях, где население было чисто или в подавляющем его большинстве этнически венгерское. Симптоматическим примером является Шаторальяуйхей, где основная часть города осталась на венгерской стороне, а железная дорога попала в Чехословакию (государственная граница, таким образом, разделила город на две части!).

Примечателен вопрос о западно-венгерском коридора: уже во время войны родились разные планы создания коридора, чтобы отделить Венгрию от Австрии, связать Королевства СХС и Чехословакию, обеспечив, таким образом, выход к морю ЧСР. На схеме № 2 видны сербский и чешский варианты, представленные на мирной конференции. Бенеш на заседании Совета Десяти 5 февраля 1919 г. устно уже в более умеренной форме упомянул о необходимости для Чехословакии иметь непосредственную железную дорогу с небольшой территориальной полосой в качестве выхода на Адриатику, и призвал «миротворцев» назначить такой коридор между немцами и венграми. Однако великие державы отклонили эти предложения, в ходе конференции, серьезно этот вопрос больше не поднимался³.

Венгерские приготовления к мирным переговорам начались с осени 1918 г. Они в значительной степени были затруднены хаотическими политическими условиями: оккупацией большей части страны, революционными потрясениями, частыми сменами правительств и режимов. Но, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, был собран огромный статистический материал о Венгрии, составлены ноты, сводки и т. д. Они, как правило, привели аргументы в пользу экономической, географической, гидрографической целостности Карпатского бассейна (водосборный бассейн Дуная). Были приведены и исторические аргументы (тысячелетнее венгерское государство на этой территории). Но поскольку раздробление Венгрии было уже решено, они ни в какой степени не влияли на исход событий.

Среди множества документов наибольший интерес представляет так называемая Красная карта. Она была составлена известным ученым-географом, политическим деятелем, графом П. Телеки и его сотрудниками во время подготовки к мирной конференции (над ней работали около 500 людей, ученые Жигмонд Батки, Карой Когутович, Аурел Литтке, студенты, которые нанесли на карту статистические данные)⁴. Она представляет собой этническую карту исторической Венгрии. За основу брали данные всеобщей переписи населения 1910 г. С точки зрения методологии она, безусловно, заслуживает внимания. Телеки придумал способ, с помощью которого на карте можно было одновременно изображать плотность, этнический состав, и расположение населения в географическом пространстве. На оригинале каждый квадратный миллиметр того или иного цвета означает сто жителей той или иной национальности. Венгры на карте обозначены красным цветом, который ярче всего бросается в глаза, отсюда и название карты⁵. Белым цветом указаны незаселенные территории (горы и леса). На карте четко вырисовываются красные острова, что свидетельствует о том, что

¹ Francia diplomáciai iratok, 1999. С. 123.

² Подобные соображения уже обсуждались на заседании территориальной комиссии от 17 февраля 1919 г. Francia diplomáciai iratok, 1999. С. 127–135.

³ Trianon. Nemzet és emlékezet, 2003. С. 51–52. и Romsics, 2001. С. 125.

⁴ János K. A Vörös térkép// Rubicon, 2010. № 4–5. С. 35–38.

⁵ Здесь, по техническим причинам нет возможности представлять читателям вышеупомянутую карту. Желющие могут ее найти в интернете при наборе в поисковой системе выражений «Vörös térkép» или «Carte Rouge». Можно ее найти, например, в достаточно большом размере и на сайте http://hu.wikipedia.org/wiki/Teleki_P%C3%A1ll#mediaviewer/File:Ethnographic_map_of_hungary_1910_by_teleki_carte_rouge.jpg. На многих экземплярах в интернете видны трианонские границы Венгрии, нанесенные на карту лично Палом Телеки после того, как венгерской делегации в Париже были переданы условия мира. На них четко видно, что новые границы на большом участке глубоко врезались в этнически венгерскую территорию.

большая часть городского населения на т. н. этнических территориях была венгерской. «На картах румынского издания венгерские города в Трансильвании с сотнями тысяч жителей были обозначены одной точкой, как например в случае Коложвара, а в Альпах Фогараи или в Ретезате, [практически незаселенные горные территории – А. К.–Д. Б.] где жили десятки румынских пастухов, много тысяч квадратных километров были указаны как этнически румынские территории»¹. Метод Телеки в дальнейшем широко применялся при составлении подобных карт в разных частях мира, в том числе на Ближнем Востоке, в Израиле и т. д. (там, где города окружаются пустыней или редко заселенными территориями).

Вопрос венгерских границ уже давно был решен, когда делегацию Венгрии пригласили в Париж, чтобы поставить страну перед свершившимся фактом, чтобы в ультимативной форме передать ей условия мира. Венгерские делегаты жили в полной изоляции от внешнего мира в Париже, им не разрешалось покидать район, где находилась их гостиница, принимать журналистов, давать интервью и т. д. Условия мира были переданы 15 января 1920 года, председатель венгерской делегации получил возможность делать замечания к этим условиям на следующий день (!!!)².

16 января граф Альберт Аппоньи ответил на условия мира. Несмотря на унижительный прием, на явно враждебное окружение, Аппоньи сумел достаточно успешно обратить внимание присутствующих на серьезность проблемы. Говорил он по-французски, после отдельных логических частей суммировал содержание по-английски, а в конце несколько предложений по-итальянски. Условия мира он назвал неприемлемыми, как он выразился, вопрос стоит таким образом «Совершит ли Венгрия самоубийство, чтобы избежать верной смерти». Хотя в своей речи он коротко привел вышеупомянутые аргументы в пользу территориальной целостности Венгрии, но заявил, что Венгрия просит референдум на подлежащих отторжению от нее территориях и заранее признает его результат. Ссылаясь на «принципы Вильсона» и выразил убеждение, что «ни одна группа населения не может быть передана, как стада скотов, другому государству, вопреки ее воли и без того, чтобы люди были об этом опрошены»³.

После слов Аппоньи, британский премьер Ллойд Джордж поинтересовался у него, сколько венгров попадет, таким образом, в соседние государства и где они точно расположены. В ответ на это Аппоньи показал красную карту, на которой точно было видно, что значительная часть венгерского населения живет плотно и компактно вдоль новых границ. Под влиянием слов Аппоньи, главным образом британский премьер-министр и итальянская делегация, подняли вопрос о пересмотре границ Венгрии, что само по себе можно считать серьезным результатом, если учесть, что до этого великие державы считали вопрос о границах Венгрии окончательно решенным. В венгерской мартирологии часто цитируют слова из работы Франческо Нитти, министра иностранных дел Италии (L'Euro senza pace – Нет мира в Европе): «Я не могу скрывать ту глубокую растроганность, которую чувствовал 16-го января 1920-го года, когда граф Аппоньи старался доказать правоту Венгрии перед Парижским верховным советом... Цифры, которые были приведены Венгрией не оставляли никакого сомнения, что тут речь идет о раздроблении Венгрии, и о принесении в жертву его 3,5 миллионного венгерского и немецкого населения ради интересов менее грамотных и менее развитых народов»⁴.

В марте на заседании Совета Глав Правительств Ллойд Джордж заявил: «Не будет мира в Центральной-Европе, если выяснится, что требования Венгрии справедливы, и целые венгерские группы были переданы Чехословакии и Трансильвании, только потому, что мирная конференция отказалась от обсуждения венгерского вопроса»⁵. Однако французы и особенно их маленькие союзники настаивали на том, что границы уже установлены, об их пересмотре не может быть речи⁶. Их поддержал и министр иностранных дел Великобритании Лорд Керзон, вопреки мнения своего премьера. Наконец англичане, после того, как получили серьезные концессии в делении нефтяных ресурсов Ирака с французами, уступали в вопросе венгерских границ⁷.

¹ Kubassek, 2010. С. 35.

² Konrád S. Nemzeti önpusztítás 1918-1920. Budapest, 2001. С. 212–213.

³ Речь Альберта Аппоньи см. Trianon. Nemzet és emlékezet. 2003. С. 121–136.

⁴ Romsics, 2001. С. 177.

⁵ Salamon, 2001. С. 228.

⁶ Госсекретарь министерства иностранных дел Франции, Филип Бертелло в своей аргументации дошел даже до такого остроумия, что отрицал существование венгерской нации и венгерского народа (там же).

⁷ Для того, чтобы Венгрия легче пошла на подписание договора, его текст был сопровожден с так называемым «письмом Мильерана». В нем подчеркивалось, что условия мира являются окончательными, но при установлении конкретной линии границ после подписания договора, есть возможность поправить «возможные несправедливости». (Trianon. Nemzet és emlékezet. 2003. С. 148–151.) Более поздние документы свидетельствуют о том,

После подписания Трианонского договора произошло еще два существенных территориальных изменения на западе и на юге Венгрии. Летом 1919 г. мирная конференция решила передать еще один кусок из территории Венгрии, на этот раз ее западному соседу, Австрии. «Миротворцы» руководствовались соображениями компенсировать и усилить Австрию за свои потери на юге и юго-востоке (в пользу Италии и Югославии), тем самым ослабить стремление австрийцев к Аншлюсу. Этнически на этих территориях, действительно, преобладал немецкий элемент, эти территории веками играли важную роль в снабжении продовольствием Вены. И не следует забывать о том, что решение о передаче было принято во время Венгерской советской республики, и в глазах миротворцев это было ослабление красной, большевистской Венгрии¹.

В Венгрии это вызвало серьезное возмущение и недоумение. В отличие от других территорий, здесь было оказано сопротивление, которое продолжалось и после подписания Трианонского договора. В западной Венгрии появились иррегулярные вооруженные части, офицерские отряды. Их члены предварительно были уволены из венгерской армии. Они там инсценировали народное ополчение, препятствовали передаче этих территорий австрийским властям. В начале октября 1921 г. было провозглашено независимое государство «Лайтабаншаг», правителем которого стал подполковник Пал Пронаи, один из лидеров офицерских отрядов². Венгерское правительство могло разводить руками и указывать на то, что оно свои обязательства выполнило, вывело войска и администрацию, пусть австрийцы примут эти территории.

Подобная тактика увенчалась частичным успехом. После длительных переговоров при посредничестве итальянской дипломатии в Венеции был достигнут компромисс между венгерской и австрийской сторонами: Венгрия гарантировала вывод офицерских отрядов и передачу западных территорий Австрии в обмен на проведение референдума о территориальной принадлежности в городе Шопрон и в окружающих его 7-и деревнях (это так называемая зона «Б» была определена таким образом, что можно было заранее предсказать, что Венгрия после референдума наверняка сохранит ее за собой)³.

Единственный при расчленении исторической Венгрии референдум состоялся 14 декабря под строгим контролем представителей Антанты, и сопровождался острой кампанией с обеих сторон. В нем приняли участие 90 % имевших право на голосование, 65 % голосовали за сохранение города Шопрона и его окрестностей в рамках венгерского государства⁴. Окончательная линия границы была установлена на месте, с участием представителей Антанты и заинтересованных государств в течении 1922–1923 гг.

Местное население могло высказывать свое мнение, но оно вовсе не было обязательно для комиссии по установлению границы. Подобная процедура в некоторых местах привела к небольшому изменению линии границы. Таким образом, на западе Венгрии удалось еще сохранить несколько деревень, за что Австрия получила компенсацию на других участках границы (См. схему № 4)⁵.

Что касается южных границ Венгрии, то сербские требования не были полностью удовлетворены на мирной конференции. Не был создан славянский коридор в западной части Венгрии, города Сегед, Бая, Печ с угольными шахтами гор Мечек мирная конференция оставила в рамках Венгрии. В октябре 1919 г. сербы возобновили свои требования на эти территории, переданный югославской делегацией меморандум ссылался на стратегические и экономические соображения. Сербь не теряли надежды, что каким-то образом они могут сохранить за собой эти территории и не особенно торопились с выводом своих войск оттуда. В Белграде долгие месяцы игнорировали указания из Парижа об очищении и передаче оккупированных территорий Венгрии.

Им было на руку и то обстоятельство, что в этой части Венгрии собирались те политические деятели (главным образом левые, социал-демократы и коммунисты), которые опасались того, что

что великие державы, главным образом Франция, вовсе не были склонены ни к малейшей модификации венгерских границ. Упомянутое письмо они рассматривали только как средство воздействия на венгров. (Balázs A. Trianon-legendák// Rubicon. 2001. 10. С. 25.)

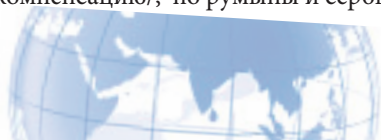
¹ Mária O. Civitas fidelissima. Szekszárd, 1999. С. 11–15, 19–21.

² Одно из самых подробных описаний событий см.: József B. Nyugat-Magyarország sorsa 1918–1921. Vasszilvagy, Magyar Nyugat Könyvkiadó, 2012. С. 159–284.

³ Ormos, 1999. С. 102–109.

⁴ Ormos, 1999. С. 130.

⁵ По такому же методу шло установление окончательной линии границы с Чехословакией, с Румынией и с Югославией. На чехословацком участке Венгрии удалось сохранить еще две деревни /тоже за территориальную компенсацию/, но румыны и сербы настаивали на установленной в Трианоне линии, без малейшей уступки.

в белой Венгрии их могут привлечь к ответственности за участие в революции осенних роз и в Венгерской советской республике. Эти элементы с поддержкой сербских оккупационных властей 14 августа 1921 г. в Пече провозгласили т. н. «Сербско-Венгерскую республику Бая и Барани» и попросили ее присоединения к южнославянскому государству¹.

Но очень быстро выяснилось, что эта попытка не встретит одобрения со стороны великих держав, поэтому сербы 18 августа начали вывод своих войск с этой территории. За время трехлетней оккупации сербам удалось добиться двух существенных изменений. Они получили междуречье рек Мура и Драва со своим словенским населением и междуречье Дравы и Дуная, где население было смешанное, и сербы там не составляли большинства. Полученный на левом берегу Дравы плацдарм имел главным образом стратегическое значение².

В итоге Венгрия потеряла 2/3 своей бывшей, довоенной территории, 62 % национального имущества, больше 2/3 населения. Практически каждый третий венгр (больше 3-х миллионов) попал в государства-суксессары³.

В совокупности территориальная перекройка создала на пространстве от Финляндии до Греции полосу маленьких государств. Они сами по себе не были ни жизнеспособны, ни конкурентоспособны на международной арене и на мировом рынке.

Этот т. н. «санитарный кордон» был ориентирован (по замыслам миротворцев) против германского «Дранг нах Остен», против экспорта большевизма, и против ревизионизма побежденных государств. Таким образом, закрепилась за этой частью Европы роль буферной зоны между западом и востоком. Миротворцы со своей непродуманностью сами заложили мины под установленный ими же послевоенный порядок. Система не оправдала надежды, маленькие государства явно не справились с задачей. Через 10 с лишним лет державы-победительницы уже не были в состоянии гарантировать и сохранить установленный ими послевоенный порядок, регион оказался на много лет под властью гитлеровской Германии, потом его страны на долгие десятилетия стали членами Советского блока.

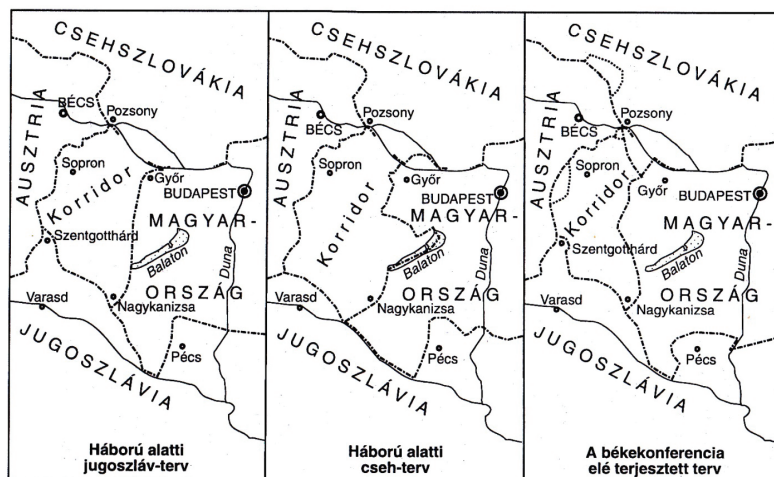

1. Территориальные требования соседей к Венгрии. Спорная территория Баната между Сербией и Румынией заштрихована и вертикально и горизонтально.

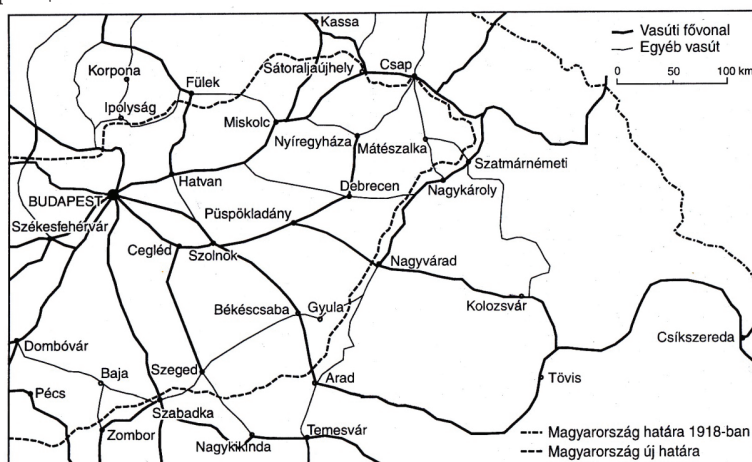
¹ Árpád H. Találkozások és ütközések. Fejezetek a 20. századi magyar-szerb kapcsolatok történetéből. Pécs, 2010. C. 12–16.

² Árpád H. Magyar-jugoszláv diplomáciai kapcsolatok. Budapest, Forum, 2004. C. 54–63.

³ О статистике последствий смотри напр: Kaposi Zoltán: Magyarország gazdaságtörténete 1700–2000. Budapest–Pécs, 2002. C. 171–178.

2. Планы создания коридора в западной части Венгрии: сербский и чешский варианты и представленный на Парижской конференции план.

3. Железные дороги и границы Венгрии. Пунктиром обозначены исторические и трианонские границы Венгрии, железные дороги указаны непрерывной линией.

4. Западная граница Венгрии. Линия с двумя точками – историческая граница Венгрии, без точек – определенная в Трианонском договоре граница, с одной точкой – окончательная линия границы после референдума в Шопроне и после работы комиссии по установлению границ на месте.

КАВКАЗ В ПОЛИТИКЕ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ 1942–1943 гг.

В 1942 и в начале 1943 года большая часть Северного Кавказа была оккупирована нацистской Германией, которая стала осуществлять свои преобразования на этой земле. По этим местам когда-то проходил знаменитый Шёлковый путь, снабжающий Европу богатствами Востока, они являлись лакомым куском для многих завоевателей, от половцев до готов, от монголов до Тамерлана, от персов до турков. Кавказ являлся больной мозолью для многих мировых держав, прежде всего Великобритании, Турции и Германии. Великая британская империя, как известно, была главной вдохновительницей, покровительницей первой Кавказской войны, снабжая мюридов Шамиля оружием и медикаментами, обучая методами ведения войны «моджахедов» того времени и засылая их в русский тыл. Турция тоже немало преуспела в этом. После военного поражения от русских войск и став основой движения махаджиров, после первой и особенно второй русско-турецкой войны (1787–1792 гг.), дав приют исходу многих горских племён особенно из Западного Кавказа, земель Ногайской Орды и Кубани, отошедших России, Османская империя сделала всё, чтобы дать ушедшим кавказцам не только возможность вернуться, но и устроить порядки, которые им диктовали турецкие наставники.

Германская империя, как известно, образовалась позже всех крупнейших мировых держав, по второй половине XIX века, она по выражению В. И. Ленина, опоздала к мировому пирогу в виде колоний и концессий, которые почти все успели расхватать все основные геополитические субъекты того времени. Свободных земель почти не оставалось. Юго-Западная Африка, часть Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка, да концессия в Шанхае, с последующей его арендой у ослабленной опиумными войнами Китаем. Кавказ же всегда считался одним из наиболее лакомых кусков в мировом колониальном пироге. Поэтому конкурентов у России здесь более чем хватало. При этом Германия обладала аппетитом наиболее изголодавшегося хищника, в отличие от уже довольно пресытившейся бесчисленными колониями Англией и обременённой сословными и феодальными пережитками Турции, которая тоже едва удерживала свои владения, особенно в Египте и на Ближнем Востоке. Так что Германии нужен был Кавказ, как источник нефти, полезных ископаемых и плодородных земель. Достаточно было сокрушить Россию, а уж остальным империям она бы показала, как надо владеть этими землями.

Германская империя была наименее имущей в колониальном смысле, она обладала расчётливой политикой в области экономики и собиралась экономически эффективно использовать чужие территории. Короткий срок, в течение первой мировой войны, немцы были-таки на Кавказе, они высаживались в Грузии в 1918 году, но они не успели проявить там себя, как грянула развязка в Европе и война окончилась военным разгромом. Зато всем этим планам история всё-таки дала возможность отчасти реализоваться во время второй мировой войны, когда германцам удалось более полугода пребывать на землях большей части Северного Кавказа и успеть показать остальным империалистическим державам образец своего неокOLONиализма.

Оккупационные преобразования немцев на Северном Кавказе во многом удобно рассматривать именно в таком геополитическом ключе, потому что он даёт довольно интересный сквозной переклик и со многими реалиями сегодняшнего времени, когда вновь неспокойно на Кавказе, когда вновь практически всё те же мировые игроки пытаются отнять у России её земли. Причём пытаются теперь уже с учётом именно того, недооценённого германского опыта 1942–1943 годов. С учётом и реального исхода всех тех, затеянных тогда гитлеровцами реформ и новаций. Особенное, пожалуй, наиболее важное место в системе германского неокOLONиализма на Кавказе в 1942–1943 годов занимает аграрная реформа.

Материал основан на анализе ряда источников из архивов Германии, Краснодарского, Ставропольского и Таганрогского архивов.

6 декабря 1942 года в г. Ставрополе проходил съезд земледельцев, где был провозглашён новый земельный закон, автором которого являлся глава восточного министерства третьего рейха, рейхс-лейтер Востока, генерал СС Альфред Розенберг.

Земельную реформу немцы намеревались вводить поэтапно. Первый этап упразднял колхозный строй, аннулировал все законы и постановления советского правительства, касающиеся колхозов, объявлял недействительным устав сельскохозяйственной артели. Предполагалось создание немецких сельскохозяйственных опорных пунктов.

Частичный переход к индивидуальному использованию земли не препятствует немецким планам ведения хозяйства или колонизации. В том случае, если отдельные области будут заселены немецкими крестьянами, то местные крестьяне будут выселены¹.

Второй этап предусматривал незамедлительное образование общинных хозяйств из преобразованных колхозов. Общинному хозяйству отводилась роль переходной формы от коллективного землепользования к единоличному. Общинное хозяйство должно было подчиниться сельскохозяйственным отделам германского управления. Землю в общинном хозяйстве должны были обрабатывать все трудоспособные члены семей. По реформе каждый член общинного хозяйства мог иметь неограниченное число животных, приусадебные участки объявлялись частной собственностью и освобождались от налогов. Старожилам, показавшим себя хорошими работниками, приусадебные участки предполагалось увеличить. К старожилам приравнивались и притесняемые советской властью крестьяне.

Все общинные хозяйства облагались обязательными поставками для германской армии. Совхозы по реформе должны были называться государственными или земскими хозяйствами и подчиняться германскому управлению². Им отводилась роль сельскохозяйственных опорных пунктов. С помощью совхозов германцы хотели организовать центры по проведению селекционных работ, разведению племенного скота, обмену сортовым зерном между общинами, предполагалось сделать совхозы показательными по немецкому образцу и немецким понятиям³.

Конечная цель немецкой аграрной политики на Кавказе – переход к единоличному землепользованию в двух формах: чересполосное деление (земледельческие товарищества) и отруба (хутора). Причём, основной формой единоличного хозяйства считались земледельческие товарищества, а хутора – исключением, они давались только способным и трудолюбивым крестьянам, доказавшим своё умение хозяйствовать.

Все блага для крестьян оговаривались такими условиями: «земледельцы, не выполняющие натуральных поставок, теряют свой земельный участок в пользу других».

На практике немцы предполагали свой «Новый Земельный Закон» осуществлять дифференцированно, учитывая разнообразие традиций и хозяйственные отношения народов Северного Кавказа⁴. «Нельзя давать землю каждому, кто захочет. Право на получение приусадебной земли теряют те, кто в результате своей политической деятельности (кто не поддерживал их политики) поставил себя вне крестьянской общины, а также лентяи и пьяницы и антисоциальные элементы. С другой стороны, высланные, военнопленные, а также лица, по другим причинам находящиеся в настоящее время в отсутствии, не должны быть лишены права на получение земли»⁵.

Право на получение усадебного надела земли имели также сельские ремесленники, сельскохозяйственные специалисты, служители церкви и учителя школ⁶. Германское командование обещало учитывать особенности каждой местности Северного Кавказа. Так, например, «для карачаевцев создано особое положение, которое в несколько изменённой форме будет введено в действие и для других горских народов. По другому делу обстоит у казаков, для которых будет выработано несколько иное положение»⁷. Всё находилось в состоянии обещаний и планов.

При разделе земли считали необходимым принимать во внимание качество земли и её удалённость от крестьянского двора, учитывать не едоков, а только количество трудоспособных лиц. Пастбища и леса должны были оставаться в общинном пользовании. Рабочий и молочный скот предполагали раздать по единоличным усадьбам⁸. «Хозяйство, получившее землю, в дальнейшем во избежание дробления, разделу не подлежит и передаётся по взаимному согласию или решению главы семьи, одному члену семьи. Остальные сыновья, при выходе из семьи, получают за всю причитающуюся им в хозяйстве долю денежное вознаграждение от оставшегося в хозяйстве члена семьи»⁹.

Перевод на единоличное хозяйствование был рассчитан на один год, так как единоличные хозяйства необходимо было обеспечить инвентарём и рабочим скотом, а для того, чтобы создать всё это – требовалось время.

¹ Militararchiv ДДР – 7/76 Bhfb0 280 Blaff 798-800.

² Приложение к газете «Утро Кавказа» №5 (59).

³ Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупированной политики 1941–1944 гг. М. 1976. С.117.

⁴ Ставропольское слово. 1942. 10 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Утро Кавказа. 1942. 4 декабря.

⁷ Ставропольское слово. 1942. 10 ноября.

⁸ Утро Кавказа. 1942. 4 декабря.

⁹ Пятигорское эхо. 1942. 23 августа.

Некоторые казаки, приветствовавшие земельную реформу, развернули на страницах газет дискуссию о том, как лучше и быстрее разделить землю¹.

Новую аграрную политику немцев на захваченном ими Северном Кавказе в 1942–1943 гг. приветствовали дружественные Германии страны, такие как Турция, Швеция, которые рассматривали её как великую европейскую нацию. Во всём германском блоке (а это почти вся континентальная Европа) рассматривали аграрную политику германцев на Кавказе не как колониальную, а как великую европейскую цивилизаторскую акцию и называли её символом ликвидации коммунизма и восставлением священного частного крестьянского владения². Враждебно настроенная к Германии Англия говорила о том, что новые аграрные мероприятия немцев на Кавказе, как впрочем, и все иные их преобразования там, преследуют единственную цель - немцев сделать господствующей нацией на Востоке, а русских превратить в рабов.

Т. Н. Кожемяко

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА КАВКАЗЕ В 1920 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУРЕЦКОГО ЭМИССАРА)

На протяжении всей своей истории Кавказ был объектом пристального внимания и сферой геополитических интересов разных держав. Первая мировая война и революционные события 1917 года в России вновь втянули регион в «поле жесточайшей геополитической конкуренции» великих держав и прежде всего Турции.

Турция пыталась максимально выгодно использовать сложившуюся в регионе ситуацию и вынашивала идею создания де-юре независимого конфедеративного государства в пределах «Большого Кавказа» под своим протекторатом, возглавить которое должен был один из турецких принцев. Важную роль в реализации этих идей играли представители кавказской диаспоры в Турции, выступавшие в качестве посредников между турецким руководством и той частью горской интеллигенции, которая выступала за независимость горцев Кавказа и провозглашение Северо-Кавказской Республики (Республики Союза горцев Кавказа).

Для получения достоверной информации об обстановке и общественных настроениях в кавказском регионе турецкие власти нередко привлекали ресурсы представителей кавказской диаспоры, активно следивших за политическими процессами на исторической родине и пытавшихся оказывать на них влияние.

Преследуя эту цель, в феврале 1920 года из Турции на Кавказ была отправлена военно-политическая миссия. Организована она была по просьбе базировавшегося в Тифлисе «горского правительства в изгнании», однако с санкции и при организационной поддержке ряда руководителей анатолийского движения, включая, и самого Мустафу Кемаль-пашу. В состав миссии вошли лица, активно выступавшие за достижение кавказской независимости: штабной подполковник исмаил Хаккы-бей (в 1918 г. начальник штаба османского экспедиционного корпуса в Дагестане), ученый-аграрник, публицист и общественный деятель Азиз-бей (неизменный участник кавказских делегаций в Европу в период войны) и преподаватель элитного галатасарайского лицея Мустафа Ша-хин-бей (из рода Бутбай), а также несколько военных инструкторов³.

Во время пребывания на Кавказе один из членов миссии – Мустафа Бутбай вел тайные дневники, которые сегодня позволяют получить подробную информацию не только об общественно-политической ситуации на Кавказе в период гражданской войны, но и о жизни горцев, их обычаях и традициях. Впервые обнаружены и изданы эти дневниковые записи были только в 1990 году в Анкаре Ахмедом Джебдетом Джанбулатом. Они являются уникальным документом, проливающим свет на многие неизвестные страницы истории Кавказа, в особенности Чечни и Дагестана в этот период истории.

В своих дневниках Мустафа Бутбай подробно рассказывает об экспедиции. Длилась она чуть более трех месяцев. За это время члены группы посетили неподконтрольные советской власти высокогорные районы Дагестана, Чечни и Ингушетии. Как писал Бутбай, «обошли все села и аулы с

¹ Пятигорское эхо. 1942. 10 сентября.

² Militararhiv ДДР – 7/76 Bhfb0 283 Blaff 53–55.

³ Чочиев Г. В. Северокавказская диаспора и кавказская политика кемалистской Турции в 1919–1922 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагутова. Общественные науки. 2011. №2. С.75–79.

целью сбора информации о политической обстановке и разъяснения горцам существующего положения вещей». Представители миссии встречались с видными лидерами горцев, как например: шейхом Али-Хаджи Акушинским, эмиром Узуном-Хаджи, полковником Алихановым, социалистом Дж. Коркмасовым и другими, чтобы консолидировать разнородные силы, выступавшие за реанимацию независимой Северо-Кавказской Республики.

Однако, как отмечает Бутбай, сведения, получаемые ими от прибывавших в Стамбул кавказских делегаций, совершенно отличались от реалий, которые они обнаруживали на месте. «Когда мы выезжали из Стамбула, то надеялись на наличие проектов и предписаний со стороны какого-то Кавказского правительства, в распоряжение которого мы ехали. Во всяком случае, мы получили заверение в этом от делегата, который сопровождал нас. Но когда мы прибыли в Тифлис, и особенно в Баку, действительность показала себя в полной наготе. В Баку и Тифлисе было только по одному представителю, которые жили на материальную помощь, оказываемую правительствами Азербайджана и Грузии. Что касается кавказских интеллигентов, то они, живя в городах, старались думать только о своих делах и спокойствии. Люди же, будь то меньшевики или большевики, не ведали, что им делать и куда податься»¹.

Как следует из текстов Мустафы Бутбая, он был разочарован положением дел на Кавказе. Героические горцы, которые около ста лет вели борьбу за независимость с царизмом, по его мнению, не понимают значения этих самых слов «свобода» и «независимость» и поэтому не могут воспользоваться представившейся возможностью защитить и отстоять свою землю. «Интеллигентные дети гор, – пишет Бутбай, – никак не могут оторваться от жизни далеких аулов. Народные массы остаются без предводителей, лидеров и под убаюкивающие проповеди шейхов превращаются в стадо, не понимающее значения равенства и независимости»².

Вместе с тем автор дневника констатирует чрезвычайно неспокойную обстановку в регионе, говорит о присутствии здесь разных международных сил. Батум, как следует из его записей, был оккупирован англичанами. «Если бы нас задержал английский патруль, – пишет Бутбай, мы были бы тут же расстреляны»³. А дорогу в Маджалис (Дагестан) преграждали турецкие ашеры⁴. Причем горцы, весьма враждебно и с недоверием относились и той и к другой международной политической силе, неслучайно в документах представителей миссии указывалось, что они являются подданными Азербайджана.

Автор дневника неоднократно говорит о том, что путешествие по Кавказу было мучительным и опасным. Во время миссии турецкие эмиссары сталкивались с разными политическими силами и настроениями в регионе. В одних районах Кавказа, по его словам, было много сторонников большевиков, в других, наоборот, горцы испытывали глубокую ненависть к большевикам и то обстоятельство, что они пользуются лояльностью этой политической силы, значительно осложняло их миссию. Причем, как сообщает Бутбай полковник Алиханов, в регионе даже «муллы, забросив свои религиозные дела, становятся инструментом политических течений. Кто-то из них большевик, кто-то – меньшевик»⁵.

Бутбай говорит, о недоверии горцев к представителям военно-политической миссии. Даже те из них, кто верил в их подрывную деятельность, все время держали их под наблюдением и с упреком заявляли, что когда те в Стамбуле чай пили, они (горцы) проливали кровь за революцию»⁶.

Кроме того многие из горцев (особенно противники большевиков) считали, что три-четыре человека своей пропагандистской работой не смогут справиться с таким большим делом и уедут, бросив их в «пожирющий огонь» большевиков.

Отсутствие политического и идейного единства среди горского населения, по мнению Бутбая, было главной проблемой на пути обретения независимости Северного Кавказа. Анализируя причины сложившейся ситуации, автор приходит к выводу, что основная вина лежит на горской интеллигенции. Велика вина интеллигентов Кавказа, – пишет Бутбай. – Не воспользовавшись большими возможностями, представленными им событиями, они снова надели на свои шеи ярмо и история им этого не простит никогда... Они закрыли глаза перед самоотверженностью и самопожертвованием народов и их небрежность еще более велика. С горечью констатирует турецкий эмиссар, что

¹ Воспоминания о Кавказе. Перевод с турецкого академика З. М. Буниятова. Махачкала, 1993. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Воспоминания о Кавказе. Перевод с турецкого академика З. М. Буниятова. Махачкала, 1993. С. 25.

⁶ Там же. С. 42.

«представители Северного Кавказа в парижских ресторанах и бульварах, конечно же, занимаются политикой и с удовольствием тратят взятые в долг 40 миллионов рублей, но жизнь и нужды простых горцев им чужды»¹.

Практическим результатом миссии стал созыв 6 мая 1920 г. близ селения Ведено «Национального меджлиса Северного Кавказа» с участием преимущественно представителей Чечни, который принял декларацию о решимости горцев всеми мерами отстаивать свою самостоятельность от посягательств большевиков. «Этот день стал для нас великим праздником. Народ дал клятву во имя независимости... Клятва, исторгнутая из груди сотен людей, разнеслась по горам и эхом возвращалась обратно»².

Однако успех был обманчив. После собрания меджлиса большевики усилили военное присутствие на Северном Кавказе для борьбы с противниками нового государства.

В условиях нарастания военного противостояния и, не будучи в состоянии привлечь военную и политическую помощь из Турции, представители миссии вынуждены были перебраться в Грузию. Там они продолжали свою деятельность, но так и не смогли добиться признания «Национального меджлиса» официальными представителями Антанты и оказания ему финансовой и военной помощи.

10 июня Мустафа Бутбай написал в своем дневнике: «на месте Бакинского правительства дуют ветры и власть полностью перешла в руки большевиков. Национальные турецкие войска являются союзниками большевиков! Оказалось, что они одного поля ягоды! То, что Азербайджан ждет такая участь – будет известно. Положение таково, что и Грузию ожидает тоже самое.

Оба правительства не смогли оценить и тысячной доли тех политических возможностей, которые преподнесла им судьба. Они не ценили величие представленного им случая. Азербайджан, Грузия и Северный Кавказ сочли, что Россия будет занята своими делами и вместо того, чтобы объединиться против нее, каждая республика размечталась о приобретении земель – Азербайджан пожелал захватить Дагестан, Грузия – Абхазию, в то время как на них обрушился Российский колосс и они сами были сметены и раздавлены потоком русской оккупации»³.

Таким образом, освещая динамику развития геополитической ситуации на Северном Кавказе в первой половине 1920 года, дневники турецкого эмиссара свидетельствуют о том, что военно-политическая миссия, несмотря на достигнутый ею относительный успех по созданию Национального меджлиса, не дала возможности Турции переломить политическую ситуацию в регионе в свою пользу и изменить геополитическую карту Северного Кавказа.

*А. Животић
(Белградский университет, Сербия)*

КОСОВСКИ ПРОБЛЕМ У ОДНОСИМА ИЗМЕЂУ ЈУГОСЛАВИЈЕ И АЛБАНИЈЕ (1945–1961)

У току самог Другог светског рата југословенски комунисти су пресудно утицали на формирање Комунистичке партије Албаније и герилског антифашистичког покрета под њеним вођством. Крај главних војних операција на простору Албаније није означио само крај рата на територији малене балканске земље већ је истовремено на симболичан начин заокружио дуг процес идеолошког зближавања и сврставања на исту страну са југословенским комунистима. Утицај југословенских комуниста у Албанији који је започео скромним организовањем албанских комуниста на основу мандата Коминтерне у освит Другог светског рата, кроз тешке године рата и револуције валоризовао се као пресудан југословенски политички, војни и идеолошки утицај у Албанији који је својом снагом и ширином политичког замаха наговештавао будући снажан југословенски патронат над Албанијом.

Током првог послератног периода Југославија и Албанија су упркос низу тешкоћа, неразумевања, међусобних сукоба, успеле да на солидној основи поставе основе будуће политичке, економске и војне сарадње. Процес међусобне унификације два система је текао споро уз низ проблема. Југославија је снагом искуства и политичке јачине успевала да Албанији наметне свој политички и економски образац. Постигнути споразуми су представљали важну тачку у процесу међусобног приближавања као важне степеннице на путу стварања заједничке федерације. Постојеће тешкоће везане за нерешена територијална и етничка питања нису се помињала. Једноставно, остављана су по страни претећи да сваког момента ескалирају и обесмисле резултате постигнуте на другим странама заједничке сарадње.

¹ Воспоминания о Кавказе. Перевод с турецкого академика З. М. Буниятова. Махачкала, 1993. С.63.

² Воспоминания о Кавказе. Перевод с турецкого академика З. М. Буниятова. Махачкала, 1993. С.42.

³ Воспоминания о Кавказе. Перевод с турецкого академика З. М. Буниятова. Махачкала, 1993. С.61.

Непосредно по завршетку Другог светског рата, у моментима интензивног савезништва са Албанијом Југославија је тој савезничкој земљи упутила значајну помоћ. Албанска држава која је током рата претрпела осетне материјалне и демографске губитке, традиционално заостала и сиромашна, без значајнијих природних ресурса са слабом инфраструктурном основом тежила је убрзаном развоју за шта јој је био потребан ослонац. Југославија која је током рата претрпела неупоредиво веће губитке и материјална разарања од Албаније настојала је да својој савезници упути значајну помоћ. Југословенска помоћ је била разноврсна и слободно се може рећи, крајње несебична. Југославија је у Албанију упутила цивилне и војне стручњаке различитих профила, одрекла се у корист Албаније дела сопствених ратних репарација, настојала да за Албанију издвоји значајније количине хране у којој је и сама након рата у великој мери оскудевала. Албанији је пружена и изузетно снажна подршка у процесу изградње државних и партијских институција, спровођења револуционарних промена и реформи, изградње партијских кадрова, школовања и усавршавања стручњака различитих профила. У Југославији се таква помоћ сматрала видом помоћи савезничкој земљи, начином остварења утицаја у Албанији, али и важном станицом на путу остварења заједничке федерације. Управо у моментима када је међудржавна и међупартијска сарадња била на свом врхунцу, у почетку дискретно, а потом све јасније и отвореније су почели да се појављују и први симптоми неслагања, неразумевања и сукоба. У процесу југословенског пружања помоћи Албанији свесно су заобилажени и занемаривани ранији проблеми, остављани по страни ранији сукоби и минимализоване оштре концепцијске, материјалне, па и менталитетске разлике у име изградње заједничке будућности. Међусобна политичка, економска и војна сарадња су улазиле, помало стихијски и механички, у фазу када су се оштре разлике и супротстављености спремале да избију на површину и угрозе дотадашње тешком муком постигнуте резултате.

Совјетски Савез је непосредно по завршетку Другог светског рата будно мотрио на југословенско присуство у Албанији. Југославија је током рата свесрдно помагала Албанију. Помоћ се наставила и након рата. Совјетски Савез у почетку није осетније био присутан у тој земљи. Совјетски утицај се сводио на симболично војно и дипломатско присуство. Међутим, постепено је совјетско присуство у Албанији постајало уочљивије и јасније. Совјетско присуство је сузбијало југословенски утицај, није ограничавало ниво југословенско-албанских односа, али је строго одређивало домет међусобне сарадње. Совјети су југословенској страни препуштали организационе послове у албанској партији, економији, култури. Стиче се утисак да је југословенско присуство у Албанији представљало умањену копију совјетског утицаја у Југославији. Сем тога, Југославија је била снажан посредник између Албаније и Совјетског Савеза, земља којој је совјетски државни врх поверио својеврсно старатељство над том земљом видећи је као гаранта албанске независности и спољне безбедности.

Почетак хладноратовских трвња на простору Европе представљао је изузетан спољнополитички изазов за Југославију и Албанију. Тамни облаци Хладног рата који су се надвијали над Европом ставили су две балканске земље које су из вихора претходног рата и револуционарних смутњи изашле са тешким траумама и високим људским и материјалним губицима у центар хладноратовских супротстављености између блокова који су тек настајали на простору Европе. Југославија је због тршћанског питања и извесне умешаности у помагање грчког герилског покрета све више улазила у сукоб са западним силама. Њена много мања и вишеструко слабија савезница Албанија се нашла у тешким неприликама на спољнополитичком плану. Суочавала се са тешким претњама и изазовима. Западне силе су условљавале њено међународно признање и оспоравале право чланства у међународним организацијама, Италија је настојала да поново успостави свој утицај на њеној територији, а Грчка отворено показивала територијалне претензије према њеном јужном делу. И сама политика албанске владе је утицала на такав положај земље одбијањем повиновања међународним обавезама, гушењем политичких и људских слобода, провоцирањем реакција великих сила. Свакако, албанска влада је деловала у сагласности са југословенском дипломатијом, а посредно и неретко директно и са совјетском која је од јесени 1946 показивала све веће интересовање за Албанију, дешавања у њој и њену спољну политику. Иако је и сама била у дубокм конфликту са западним светом, Југославија је уз подршку Совјетског Савеза, али и ауторитетом земље победнице из Другог светског рата покушала да побољша међународни положај Албаније омогућивши јој, пре свега, бољи третман на Париској мировној конференцији и бољу презентацију њених интереса како код западних земаља, тако и код њених источноевропских суседа. На другој страни, дубок конфликт са Грчком због југословенске и албанске умешаности у грађански рат и подршку грчком комунистичком покрету налазио се крајем 1946 у ишчекивању резултата рада Анкетне комисије Савета безбедности претећи да се разбукта и рашири на читав Балкан. У таквим спољнополитичким околностима, Југославија и Албанија су

уживале подршку Совјетског Савеза чије се присуство на Балкану, а посебно у Албанији налазило у процесу сталног јачања.

Иако су новопотписани међудржавни уговори политичког, војног и економског карактера наговештавали развој будуће сарадње, већ почетком 1947 су се појавили први знаци озбиљније кризе у југословенско-албанским односима. Криза је имала већи број узрока, а претила је и да прерасте у озбиљан сукоб који би оставио трајне последице на опште односе између две земље. Пре свега, албанска страна није могла или није желела да схвати да је југословенска помоћ упркос југословенској доброј вољи лимитирана скромним материјалним могућностима које је скоро изашло из рата. Албанско ослањање на југословенску помоћ је било много веће од сопственог улагања труда на плану изградње материјалне основе друштва и државних институција. И унутар саме албанске партијске номенклатуре долазило је до честих сукоба и неслагања не само у погледу спољнополитичке оријентације земље, већ и у погледу даљих праваца развоја друштва, државних установа, војске и привреде. Југословенски представници у Албанији су натојали да превазиђу постојећу кризу, често не схватајући њен обим, као и потенцијалне опасности које је са собом носило продубљивање кризе у међусобним односима. Исто тако, обе стране су се трудиле да се постојећа криза споља не примећује и да се очува нетакнута спољна форма присних и савезничких односа. У периоду који је уследио, криза је постепено почела да излази из релативно контролисаних оквира и полако почињала да клизи ка озбиљном и дубоком сукобу чији су се обриси јасно назирали крајем 1947.

У моментима када се чинило да су односи између Југославије и Албаније на свом врхунцу дошло је до тешке кризе која је коинцидирала са јачањем совјетског утицаја у тој земљи. У почетку су Совјети настојали да ојачају сопствени утицај у Албанији не реметећи поредак који је установила Југославија, већ су се трудили да буду присутни само у оним сферама живота у којима Југославија није била у стању да обезбеди потпуну помоћ Албанији. Долазак албанске државно-партијске делегације у Москву у јулу 1947 радикално је изменио совјетску политику према Албанији и југословенском присуству у њој. О тог момента су се постепено кварили и југословенско-албански и југословенско-совјетски односи. Совјетско присуство у Албанији је јачало, а југословенско слабило. Узроци таквог стања су били широки и дубоки. Пре свега, југословенска пенетрација у Албанији је била до те мере јака и обимна да је претила да потпуно истисне совјетски утицај у тој земљи и омогући уједињење Албаније и Југославије. То није било ни у интересу Совјетског Савеза нити Албаније која се у таквом државном организму, привредно и културно неразвијена и заостала могла наћи у потпуно инфериорном положају. Додатни проблем је представљао и страх албанског руководства да би у том случају било сведено на ниво обичног југословенског републичког партијског комитета. Таквом албанском и совјетском ставу на руку је ишло и често несналажење југословенских представника у Албанији, њихово често охоло и неспретно понашање. Опште узевши, дубина кризе је наговештавала оштар сукоб између Београда на једној и Тиране и Москве на другој страни. Долазак југословенске војне мисије на челу са генералом Купрешанином у Албанију, одлазак југословенске делегације предвођене Милованом Ђиласом у Москву и најзад почетак преписке између југословенског и совјетског партијског руководства и Јосипа Броза Тита и Енвера Хоџе почетком 1948 представљали су почетак оштрог и дуготрајног сукоба између најближих и најоданијих савезника.

Албанска влада је искористила сукоб између Југославије и земаља Информбироа да под плаштом борбе против «ревизионистичке и троцкистичке» политике југословенског партијског и државног руководства поново покрене питање статуса Албанаца у Југославији и присаједињења Албанији територија које су већински биле настањене албанским живљем. Претпостављало се да у случају озбиљнијег сукоба Југославије и Совјетског Савеза или евентуалног унутрашњег збацивања Брозовог режима Албанци као награду за своје деловање против југословенског партијског вођства добију територијална проширења на рачун југословенских државних територија. За реализацију такве идеје албанска влада је тражила подршку Совјетског Савеза. Ипак, совјетска страна је јасно процењивала праве албанске намере, па је настојала да албанско инсистирање на хитном решавању албанског питања у Југославији каналише ка питању борбе против југословенског ревизионизма. На једној страни, Совјети су вербално подржавали албанске захтеве, док су на другој страни настојали да низом мера ограниче албанске захтеве за решавањем албанског питања у Југославији на пуку политичку реторику и пропагандне фразе. Совјетима је била важна Албанија као значајан фактор у борби против Брозовог режима, али нису желели да јачом подршком албанским захтевима ризикује прекомпоновање граница на Балкану и тиме изазове трајнију дестабилизацију политичких прилика у читавом региону. Албанска влада је настојала да широком лепезом различитих мера покрене албанско питање у Југославији. Пре свега, радило се о оркестрираној кампањи албанске штампе у којој су видно место

заузимапи написи настали из пера најзначајнијих албанских партијских руководилица и њиховим јавним иступањима на различитим партијским форумима. Сем тога, низом дипломатских нота албанска влада је настојала да испровоцира југословенске реакције. На самом терену, убацивањем диверзантских група и својих шпијуна, растурањем пропагандног материјала и стварањем обавештајне мреже на Косову и Метохији и у Македонији настојало се да се подстакне незадовољство албанског становништва и организује масовна оружана побуна против југословенских власти. Упркос уложеном великом труду и средствима, албанска влада није успела да оствари своје циљеве како због стране и свеобухватне југословенске реакције, тако и због изостајања конкретне совјетске подршке.

Албанско партијско руководство је настојало да под плаштом марксистичке идеологије оствари стари албански национални програм уједињења свих Албанаца. За остварење такве идеје је покушало да искористи новонасталу ситуацију у којој је југословенски партијски врх након година нормализације односа са Совјетским Савезом и његовим савезницима ушла након кризе у Мађарској у оштар сукоб са њима, а на другој страни после дугогодишње присне сарадње са западним светом захладила односе са њим. Очигледно рачунајући на ослабљену југословенску спољнополитичку позицију, као и лошу процену њеног спољнополитичког капацитета као блоковски неутралне земље, албанско вођство је настојало да оствари идеју о територијалној и етничкој Албанији. Пут албанске владе ка том циљу је требало да буде трасиран сарадњом са Совјетским Савезом и крунисан стварањем «Велике Албаније». Попут ранијих настојања албанских лидера и Енвер Хоџа је настојао да нађе кредитора за остварење такве идеје. У идеолошки и блоковски издељеном хладноратовском пејзажу Европи учинило се да би то могао да буде Совјетски Савез као водећа земља социјалистичког лагера и економски, политички, војни и идеолошки патрон Албаније. Хоџа је рачунао са совјетском помоћи на том плану у условима идеолошког окршаја између Југославије и СССР-а. Ипак, совјетска спољна политика, као ни скоро деценију пре тога није била склона таквим решењима која би за циљ имала промену граница. Пре свега, Совјетски Савез је зазирао од могућих реакција западних сила, дестабилизације ровитих политичких прилика на Балкану, домино ефекта на остале националне мањине у Европи, али и реакција саме Југославије чије је могуће савезништво у хладноратовским обрачунима могло бити значајно, а евентуална неутралност чак можда и јача од савезништва. У таквим околностима, Албанија није могла да рачуна на совјетску помоћ при евентуалном покушају решавања албанског питања у Југославији што је низом својих одлука и корака показао совјетски лидер Никита Хрушчов. Зато је Хрушчовљев долазак у Албанију привремено ослабио албанску пропаганду и утишао је, а сукоб са Совјетским Савезом је ојачао и додатно радикализовао.

Албанско питање у Југославији је постављано са највиших позиција власти у Албанији. Хоџа и Шеху су се практично утркивали ко ће више и јаче да нападне Југославију тражећи еманципацију Албанаца у њој. У широко заснованој кампањи су често помињани различити историјски разлози, повлачене историјске паралеле, а неретко и позивано на исправљање историјских неправди, па макар и снагом оружја. Као посебан повод кампање и један од кључних аргумената је понављано наводно југословенско подстицање исељавања Албанаца у Турску. За такво тврђење нема никаквих изворних утемељења. Напротив, темељна истраживања тог проблема говоре управо супротно. Суочене са екстремно високим бројем албанских молби за исељење у Турску југословенске власти су низом административних мера настојале да ограниче исељавање Албанаца и читав процес сведу на пресељење турске мањине у матичну земљу. Југословенски Албанци су очигледно настојали да се у већем броју иселе у Турску. Који су били њихови стварни разлози за такво опредељење, на основу познатих извора није могуће утврдити. Једно је јасно, нису желели да се исељавају у Албанију како због лошег животног стандарда у тој земљи, тако и због изразито репресивног режима који је оличавао Енвер Хоџа. Албанске власти су низом мера настојале да да подстакну југословенске Албанце на отпор и побуну. Најчешћи покушаји су се сводили на убацивање обавештајних и диверзантских група, као и на ширење националне пропаганде на различите начине. На другој страни, југословенске власти су се супротстављале таквим покушајима низом различитих мера, од полицијске репресије, преко контрапропаганде до улагања у развој привреде и инфраструктуре и јачање културно-просветних прилика у областима које су већински биле насељене албанским живљем што је на изврстан начин и давало делимичне резултате. Албанско везивање за Кину, југословенско одбијање за успостављањем нормалних односа са Албанијом и улазак те земље у међународну изолацију су утицали да албанска влада привремено одустане од покретања албанског питања у Југославији и остави га за каснији период у коме су очекиване много повољније политичке и међународне прилике за тако нешто.

Односи између Југославије и Албаније између 1945 и 1961 су били скоковити. Кретали су се од интензивне сарадње, преко кризе, сукоба и покушаја нормализације до новог сукоба. Удео и улога великих сила у њиховом међусобном разрачунавању је био велики. Низ нерешених проблема, међусобне суревњивости и неразумевања су учинили да тај сукоб буде дуг и трајан.

**ПОЛИТИКА СССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЕДИНСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ
В КОНЦЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)**

В первые годы после смерти Сталина балканское направление советской внешней политики было связано с нормализацией отношений с Турцией, отказом от претензий к ней и решением на новом этапе проблемы Черноморских проливов¹, но в еще большей мере с урегулированием советско-югославского конфликта 1948 г. и выполнением задачи по возвращению титовской Югославии в сферу советского влияния². Конечно, при осуществлении советской политики в отношении ФНРЮ не упускалось из виду ее региональное, балканское измерение (ведь союз с Югославией в силу географического положения этой достаточно крупной по региональным меркам страны, обладавшей обширным выходом к Адриатике, обеспечивал укрепление геостратегических позиций СССР, причем не только на Балканах, но и в Средиземноморье). Вместе с тем проблема отношений с Югославией значительно перерастала узорегиональные рамки. Это была приоритетнейшая для Москвы проблема восстановления единства мирового коммунистического движения, преодоления схизмы в его рядах. Решение этой задачи представлялось особенно важным и актуальным в силу того, что коммунистический режим Тито своим смелым противостоянием сталинскому диктату и независимой внешней политикой завоевал немалый международный авторитет (не в последнюю очередь, в странах пробуждающегося «третьего мира»); югославская модель так называемого самоуправления (как правило, идеализировавшаяся ее апологетами) зачастую воспринималась в мире как единственная реально воплощенная на практике альтернатива советской модели социализма, и в этом своем качестве вызывала беспокойство в Москве, заставляя задумываться о способах нейтрализации югославского влияния в мировом коммунистическом движении, недопущения превращения Белграда в альтернативный идеологический центр.

Процесс советско-югославского сближения, начавшийся после смерти Сталина, достиг своей кульминации в июне 1956 г., когда делегация Федеративной народной республики Югославии (ФНРЮ) и Союза коммунистов Югославии (СКЮ) во главе с И. Брозом Тито совершила более чем 20-дневную поездку по СССР. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня 1956 г. призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. Важнейшим итогом этого визита стало подписание межпартийной Декларации³. Однако при всей серьезности приготовлений⁴ и громкости пропагандистских фанфар сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны, ведь подписанная Декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю⁵. Осознавая выгоду более тесного экономического сотруд-

¹ См. коллективный труд ИРИ РАН: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

² Подробнее см.: Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

³ Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС была подписана 20 июня. См. ее текст: Правда. 1956. 21 июня.

⁴ Роспуск в апреле 1956 г. Коминформа, выступавшего в качестве главного инструмента в ходе сталинской антиюгославской кампании, актуализация в материалах XX съезда КПСС тезиса о многообразии форм перехода к социализму и даже отставка В. М. Молотова с поста министра иностранных дел СССР в самый канун приезда Тито – все это может быть в полной мере понято лишь в контексте советско-югославских отношений и стремления Хрущева добиться решающего прорыва на югославском направлении. См. подробнее: Стыкалин А. С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение. 2014. № 1. С. 12–29.

⁵ Не подписать ее для КПСС было, однако, тем более невозможно, это было бы воспринято в мире как полная неудача советской политики на югославском направлении. Между тем протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС за те недели отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. Так, уже при утверждении проекта Декларации на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены [предложенным ими – А. С.] текстом декларации, но спорить не будем». См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2. Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, который 5 июня, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!», 29 июня был подвергнут за это критике на заседании Президиума

ничества с СССР, Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ.

Таким образом, Хрущеву в полной мере удалось выполнить лишь программу-минимум – восстановить с Югославией нормальные межгосударственные отношения, но не решить задачу – максимум – вернуть ФНРЮ в советский блок. Режим Тито продолжал проводить независимую внешнюю политику, балансируя на противоречиях между СССР и западными державами, а в ходе контактов с деятелями стран «третьего мира» неизменно выступая с критикой противостоящих друг другу военных блоков¹.

В результате венгерских событий осени 1956 г. советско-югославские отношения заметно ухудшились. Все началось с того, что на рассвете 4 ноября, с началом решающей советской военной акции по «наведению порядка» в Венгрии, действующий премьер-министр Имре Надь, осудив перед всем миром эту акцию в своем выступлении по радио, укрылся затем именно в югославском посольстве². В Москве это восприняли как явное нарушение достигнутой буквально накануне брионской договоренности. Ведь на о. Бриони на Адриатике, где Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков со 2 на 3 ноября всю ночь напролет обсуждали с И. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем пути решения венгерского вопроса, югославы, пусть с оговорками, но всё же поддержали планируемое советское военное вмешательство в Венгрии и даже выразили готовность посодействовать Москве в деле нейтрализации неугодного руководству СССР правительства, неспособного совладать с ситуацией, чреватой утратой коммунистами власти в Венгрии³. Лидеры Югославии, имевшие влияние на венгерских коммунистов-реформаторов из команды И. Надя, фактически, по согласованию с Москвой, взялись за то, чтобы уговорить их добровольно самоустраниться, уступив место у руля другому правительству, способному железной рукой пресечь анархию и навести порядок. Об укрытии же в югославском посольстве политиков, перед этим выступивших с антисоветскими заявлениями, стороны, конечно, не договаривались и, таким образом, дело пошло совсем иначе, нежели первоначально предполагалось в соответствии с разработанным сценарием.

Проходит неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в хорватском городе Пуле решил сыграть на опережение, информировав публику о секретной брионской встрече, не дожидаясь, когда весь мир узнает о советско-югославской договоренности по свержению венгерского правительства из уст лидеров КПСС (это нанесло бы слишком сильный удар по репутации Югославии как нейтрально-го, внеблокового государства). Между тем, несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение устоявшейся в мировом коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито, к острому раздражению Москвы, назвал венгерский кризис в определенной мере следствием советской политики (неравноправные отношения в социалистическом лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления выступлений, начавшихся 23 октября, он счел грубой ошибкой. Хотя Тито вместе с тем и осудил И. Надя за уступки реакции, а также выразил готовность поддержать новое правительство Я. Кадара, сформированное в СССР (ведь надо было не только дистанцироваться от СССР в целях сохранения своего лица в глазах международного общественного мнения, но и каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией), его речь уже не могла остаться без отклика официальной Москвы. «Правда» 23 ноября обвиняла официальный

ЦК КПСС: «Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен – сказать об этом надо» (Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Том 1. М., 2003. С. 145). Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты В.М. Молотова, который, к раздражению Хрущева, рассчитывавшего, что возвращение Югославии в советский блок станет его большой личной внешнеполитической удачей, с самого начала не питал иллюзий относительно реализуемости таких планов, предлагал ограничиться нормализацией отношений с ней как с «буржуазным государством», не претендуя на большее. Подробнее об обсуждении проблем советско-югославских отношений на заседаниях руководства КПСС см.: Стыкалин А.С. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС 1950-х – первой половины 1960-х годов как источник по изучению советско-югославских отношений // Россия и Сербия глазами историков двух стран. Отв. редактор К.В. Никифоров. СПб., 2010. С. 244–271.

¹ См.: Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

² Подробнее см.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М., 2003.

³ См.: Едемский А. Б. По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010 / Отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2011. С. 462–488.

Белград в нарушении договоренностей, в умышленном создании затруднений правительству Кадыра, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример и опыт в интересах борьбы против социализма.

Между КПСС и СКЮ разворачивается острая полемика в закрытой переписке. Вместе с тем в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимости возвращения к ситуации 1948–1949 гг., когда динамика советско-югославского конфликта набрала такие обороты, что Тито и окружение, обвинявшиеся поначалу в ревизионизме и национализме, после процесса по делу Ласло Райка (Венгрия, сентябрь 1949 г.) были публично объявлены шпионами и убийцами, и в соответствии с этой установкой работал вплоть до самой смерти Сталина весь пропагандистский механизм стран советского лагеря. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом в Белграде Н. П. Фирюбиным¹ югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества с СССР и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен, – с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, но только не за счет «принципиальных идеологических уступок»².

Хрущев действительно не терял надежд на реализацию своего заветного плана по вовлечению ФНРЮ в советский блок – он придавал ему слишком большое значение. И вообще, зная о немалом международном авторитете маршала Тито (в том числе в формирующемся движении неприсоединения) и о популярности югославской модели социализма среди коммунистов-реформаторов всего мира, отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения в Москве сочли нецелесообразным, ибо югославская схизма угрожала более широким расколом в лагере борцов за коммунизм. В начале августа 1957 г. Хрущев и Тито впервые после ноябрьских брioniских переговоров встретились (на нейтральной территории, в Румынии), обменявшись мнениями по широкому кругу проблем. Советская сторона дала понять, что не намерена использовать дело И. Надя (готовившийся судебный процесс) против югославского руководства, но попросила Тито принять участие в запланированном на ноябрь большом совещании компартий, первом после XX съезда КПСС, призванном продемонстрировать всему миру единство коммунистического движения, сохранявшееся несмотря на громкие разоблачения сталинских преступлений. Приехав в Москву для участия в торжествах по случаю 70-летия октябрьской революции в России и во встречах с лидерами других партий, югославская делегация во главе с Э. Карделем вопреки сильному давлению Хрущева, однако, так и не подписала довольно жесткой по своим формулировкам, принятой под давлением китайской компартии итоговой Декларации совещания компартий социалистических стран³. Очевидным было желание лидеров СКЮ сохранить дистанцию от КПСС и вновь отмежеваться от любых попыток заставить Белград играть по правилам блоковой политики, продиктованным из Кремля.

Потерпев новую неудачу на югославском направлении своей политики, руководство КПСС и на этот раз воздержалось от того, чтобы встать на путь конфронтации с СКЮ⁴. В условиях подспудно назревавших советско-китайских разногласий особенно важно было блюсти хотя бы видимость единства коммунистического движения. Публичная критика идейных установок СКЮ развернулась лишь через несколько месяцев после московских ноябрьских совещаний, вслед за принятием весной 1958 г. новой Программы этой партии, признанной в Москве как ревизионистская. Хотя под давлением Кремля к критике югославских коммунистов присоединились тогда и другие компартии, продолжала сохраняться установка «и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней». Критика, отмечалось в том же установочном документе, «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.»⁵.

¹ См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1945–1965 гг. М., 2014.

² Предоставление выгодных для Югославии обещанных кредитов было заморожено советской стороной.

³ Она ограничилась подписанием другого программного документа мирового коммунистического движения – Манифеста Мира, опубликованного от имени представителей всех 68 приехавших в Москву на юбилейные празднества и широкое совещание компартий. См.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий). М., 2013.

⁴ Представители Албанской партии труда, выходившие в своей критике Белграда за пределы установок Москвы, то и дело одергивались из Кремля.

⁵ Закрытое письмо ЦК КПСС партийным организациям о советско-югославских отношениях (май 1958 г.). См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Д. 207. Л. 75.

При том, что в 1959–1960 гг. критика Москвой югославского «ревизионизма» пошла на спад, в ноябре 1960 г. КПСС согласилась на включение довольно резкого выпада в адрес СКЮ в итоговый документ следующего большого совещания компартий¹. Такую цену решено было заплатить ради сохранения хоть на короткое время дававшего трещину союзу КПСС с китайской компартией. Однако принесение югославов в жертву единству с КПК оказалось совсем не эффективным, достигнутая на совещании 1960 г. компромиссная платформа между двумя великими коммунистическими державами смогла лишь на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт между КПСС и КПК. С другой стороны, публично заявленная Тито в мае 1962 г. готовность (при всех сохранявшихся разногласиях с КПСС) однозначно поддержать ее в идеологических спорах с китайской компартией дала довольно мощный толчок новому подъему в советско-югославских отношениях².

Китайский вызов был для гегемонии КПСС в мировом коммунистическом движении куда опаснее югославского, и тот факт, что «ревизионистский» СКЮ твердо встал на сторону КПСС в советско-китайском споре, заставил несколько скорректировать политику Москвы в отношении Белграда, затормозить бесплодные попытки вовлечь ФНРЮ в советский блок, позволил смириться с ее особым статусом среди социалистических стран. К концу «хрущевской эпохи» в руководстве КПСС были близки к тому, чтобы признать за Югославией право на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий.

Между тем новое сближение Белграда с Москвой было крайне нервно воспринято в Тиране, где руководство Албанской партии труда, страшно опасавшееся притязаний режима Тито на региональный гегемонизм и любых попыток руководства ФНРЮ в той или иной форме «подмять» под себя Албанию, пришло к мнению о том, что СССР, потакая внешнеполитическим амбициям югославов, сближается с ними за счет албанских интересов. По мере улучшения советско-югославских отношений ухудшались советско-албанские. Острейшие разногласия между двумя партиями проявились сначала на совещании компартий в Бухаресте в июне 1960 г., а затем в ноябре того же года на большом московском совещании компартий. Становится очевидным и прокитайский тренд АПТ; не рассчитывая больше на защиту со стороны Москвы на случай усиления югославской внешнеполитической экспансии, албанские коммунисты делали ставку на Пекин. В то же время советские лидеры, долгое время (фактически до 1963 г.) старавшиеся по возможности избежать перенесения разногласий между КПСС и КПК в плоскость открытой полемики, публично критиковали АПТ куда острее, чем КПК, хотя всем было очевидно, что за критикой албанцев стояло выражение несогласия по самым принципиальным вопросам (предотвращения войны и мирного сосуществования, отношений с Западом и т. д.) с позицией КПК³.

Албанские инакомыслие и фронда перед лицом Москвы, по сути, так и не преодоленные вплоть до конца 1980-х годов, даже при поддержке Пекина (позже ослабевшей) не представляли собой серьезной угрозы советским позициям, как в мировом коммунистическом движении, так и в региональном контексте. Куда серьезнее была воспринята особая позиция Румынии по вопросам экономической интеграции стран социализма, а также по вопросу о приобщении союзников к принятию ключевых решений в рамках ОВД⁴. Весной 1964 г. она нашла концептуальное выражение в про-

¹ Правда. 1960. 6 декабря.

² Этому способствовала и весьма антизападная позиция Югославии на Белградской конференции в сентябре 1961 г., ставшей вехой в развитии движения неприсоединения. Из новейшей литературы на русском языке см. работу одного из крупнейших сербских историков: Димич Л. Югославско-советские отношения в начале 60-х гг. XX в. // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812 – 1912 – 2012 / Отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2014.

³ Это проявилось в докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г., а затем и в его докладе «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза», зачитанном 12 декабря 1962 г. на сессии Верховного Совета СССР (Правда. 1962. 13 декабря) в присутствии Тито, посетившего в это время Москву с неофициальным визитом.

⁴ Заметное осложнение отношений КПСС и Румынской рабочей партии произошло к 1963 г., когда румынская сторона решительно отвергла советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ как мало учитывающие национально-государственные интересы Румынии, ее сложившуюся хозяйственную структуру. Советский Союз обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка к более развитым странам. Принципиальные разногласия между СССР и Румынией в вопросе о перспективах экономической кооперации особенно остро проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве 10–13 мая 1963 г. Из литературы см.: Anton M. Îșirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej. București, 2007. О ситуации в советско-румынских отношениях в 1964 г. см.: Стыкалин А. С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. Отв. Редактор Н.М. Куренная. М., 2011. С. 367–398.

граммном документе – апрельской Декларации по вопросам внешней политики и мирового коммунистического движения (в нем был сделан акцент на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов). И дело заключалось не только в том, что гораздо более крупная Румыния была более серьезным игроком на международной арене, нежели совсем маленькая Албания. Руководство РРП не только активизирует связи с Китаем, пытаясь занять позицию равноудаленности от каждой из двух больших коммунистических держав (СССР и КНР). В 1964 г. в ходе его контактов с представителями КПК неожиданно поднимается навсегда, казалось бы, закрытый, весьма болезненный для Румынии бессарабский вопрос (т. е. по сути ставится под сомнение справедливость присоединения Бессарабии к СССР в 1940 г.), что создавало почву для выдвижения в перспективе территориальных претензий к СССР, для посягательства на целостность его границ¹. Это было тем более сильным раздражителем для официальной Москвы, поскольку с китайской стороны все более открыто формулировались территориальные претензии к СССР на Дальнем Востоке и, кроме того, заявлялось о том, что и в европейской части СССР имеются территории, на которые западные соседи имеют больше исторических прав, нежели СССР (в этом контексте называлась и Бессарабия²).

В условиях ухудшения советско-румынских отношений, в июне 1964 г. на своей последней встрече с Тито (состоявшейся в Ленинграде в ходе кратковременного неофициального визита президента Югославии в СССР) Н.С. Хрущев обратился к югославскому лидеру с просьбой «повлиять» на румын и предостеречь их от проявлений антисоветизма в своей политике и прежде всего от слишком резкого дрейфа от СССР и советского блока в китайском направлении, что повлекло бы за собой дальнейший разброд в мировом коммунистическом движении³. Он знал не только о довольно неплохих личных отношениях И. Броза Тито и Г. Георгиу-Дежа, но и о том, что для румынской коммунистической элиты, искавшей пути расширения своего поля маневров на международной арене, Югославия выступала в качестве позитивного примера социалистической страны, в полной мере учитывающей собственные интересы при выработке внешнеполитического курса. Тем более знал он о непримиримых к этому времени югославо-китайских отношениях: Москве, взявшей в начале 1960-х годов курс на сближение с титовской Югославией, приходилось проводить его вопреки жесткой критике руководства КПК, продолжавшего гневно осуждать белградский «ревизионизм».

Тито не только решительно отметал любые возможные упреки в поддержке Югославией особого курса РРП, но указывал в беседе с Хрущевым на нежелательность такого курса, особенно там, где дело касалось сближения с руководством Китая, угрожающим делу мира и международной безопасности. Он обещал повлиять на румын, руководствуясь при этом соображениями о сохранении стабильности в советско-румынских отношениях в условиях сильного китайского вызова, угрожавшего позициям Югославии, как в мировом коммунистическом движении, так и в движении неприсоединения. Проанализировав ситуацию, госсекретарь по иностранным делам Югославии Коча Попович пришел к следующему выводу: испытав своего рода головокружение от новоявленной свободы в отношениях со старшим партнером – Москвой, румыны несколько перебарщивают в своей фронде, делая это в ущерб долгосрочным интересам как собственным, так и своих соседей, включая Югославию (имелась в виду не в последнюю очередь постановка застарелых территориальных проблем, а конкретно – бессарабского вопроса)⁴.

Если советское руководство было заинтересовано в сохранении единства ведомого СССР лагеря перед лицом китайского вызова, то и румынская сторона не хотела излишней напряженности в отношениях с могучим восточным соседом. Обнаружившиеся серьезные разногласия между партиями обе стороны старались не афишировать и, более того, предпринимали определенные меры в целях улучшения отношений. Вместе с тем румынская элита продолжала решительно и последовательно выступать против далеко идущей экономической интеграции стран социалистического содружества, видя в этом дискриминационный для своей страны характер. Она настаивала также на корректировке отношений внутри ОВД на основе большего равноправия. Ее формировавшаяся внешнеполитическая доктрина предполагала расширение разносторонних связей с Западом, проведение

¹ См.: Cătănuș D. Tot mai departe de la Moscova...: politica externă a României în contextul conflictului soviet-chinez: 1956–1965. București, 2011.

² Подобным образом ставился вопрос, в частности, в известной беседе Мао Цзэдуна с делегацией японских социалистов летом 1964 г.

³ Запись беседы опубликована: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1945–1965 гг. М., 2014.

⁴ Его записка руководству страны по итогам советско-югославской встречи на высшем уровне в июне 1964 г. опубликована там же в приложении.

более активной политики в «третьем мире» и, наконец, балансирование в своих интересах между двумя центрами коммунистического движения – Москвой и Пекином.

После отстранения Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. и смерти Г. Георгиу-Дежа в марте 1965 г. с советской стороны была предпринята попытка начать политику «с чистого листа», т.е. осуществить прорыв на румынском направлении в целях преодоления наслоений и возвращения двусторонних отношений к прежнему, доконфликтному состоянию¹. В июле 1965 г., в дни проведения очередного съезда румынской компартии (с этого времени не РРП, РКП), состоялась встреча новых лидеров двух партий – Л. И. Брежнева и Н. Чаушеску, который в сентябре того же года посетил с визитом Москву. Однако преодолеть имевшиеся существенные разногласия по целому ряду принципиальных проблем мирового коммунистического движения и экономической кооперации стран социализма не удалось, что особенно отчетливо показали итоги сентябрьских переговоров. Глубина объективных противоречий между СССР и формирующейся румынской национальной моделью социализма оказалась, таким образом, недооцененной советскими лидерами, тщетно пытавшимися списать всё на волюнтаризм и грубость Хрущева. Настойчивые попытки теснее пристегнуть Румынию к общей линии советского блока на международной арене оказались безуспешными. Не учитывалось естественное стремление не только коммунистической элиты, но всего румынского общества к расширению суверенитета. Но нельзя сбрасывать также со счетов амбиции нового лидера Румынии Н. Чаушеску, его упорное стремление к укреплению режима личной власти внутри страны и повышению веса ее руководства во внешней политике. Пик обострения советско-румынских отношений в догорбачевский период пришелся на август 1968 г., когда Румыния, как известно, оказалась в состоянии острой конфронтации с советским руководством, решительно выступив против вмешательства СССР и ряда его союзников по ОВД в Чехословакии. Правда, уже через считанные недели с румынской стороны предпринимаются усилия в целях смягчения конфликта, стабилизации двусторонних отношений (при сохранении особой позиции Румынии в советском блоке). Что же касается советско-югославских отношений, то их довольно стабильное состояние в целом удовлетворяло Москву несмотря на сохранение дистанции СФРЮ от социалистического лагеря. Кризис в двусторонних отношениях, также связанный с различием позиций в условиях чехословацких событий 1968 г., был довольно быстро преодолен общими усилиями.

И. А. Коробкина
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2008–2013 гг.)

Южный Кавказ как географическое и геополитическое понятие включает в себя следующие государства: Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Южная Осетия и Нагорно-Карабахская Республика. Все эти страны расположены в зоне постсоветского пространства (постсоветского региона). Традиционно постсоветское пространство подразделяют на пять групп. Основанием для такой градации являются географические и культурные факторы, а также история взаимоотношений с Россией. Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Южная Осетия и Нагорно-Карабахская Республика в контексте постсоветского пространства объединены в группу Закавказье.

Южный Кавказ в силу культурно-исторических предпосылок, специфики взаимоотношений с Россией, плотности контактов с другими постсоветскими странами имеет серьёзный центростремительный потенциал по отношению к постсоветскому региону в целом. Отличительной особенностью этой подсистемы является наличие в ней трёх частично признанных/непризнанных образований – Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха². В настоящее время Азербайджан и Армения являются членами СНГ. Грузия в 2009 г. из состава СНГ вышла.

В Концепциях Внешней политики Российской Федерации 2008 г. и 2013 гг. приоритетным направлением внешней политики России определяется развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ.

¹ На албанском направлении после отставки Хрущева подобные шаги не были предприняты, ибо Ходжа продолжал восприниматься, как фигура совершенно неприемлемая для Москвы. Делегация АПТ даже не была приглашена (в отличие от делегаций других компартий, включая КПК) в ноябре 1964 г. в Москву на торжества по случаю очередной годовщины октябрьской революции.

² Современные международные отношения /Под ред. А. В. Торкунова, А.В. Малыгина. М., 2012. С. 117.

В Концепции Внешней политики Российской Федерации 2008 г. акцент был сделан на приоритет развития отношений стратегического партнерства и союзничества с государствами СНГ¹. Основными направлениями сотрудничества определялись торгово-экономические связи, взаимодействие в гуманитарной сфере, сотрудничество в сфере обеспечения взаимной безопасности: нейтрализация террористической угрозы и наркоугрозы, недопущение дестабилизации обстановки в Закавказье. В связи с этим, одним из приоритетных направлений внешней политики России, и на Южном Кавказе в том числе, являлось активное содействие мирному разрешению конфликтов на основе международного права, уважения достигнутых ранее договоренностей и поиска согласия между вовлеченными в них сторонами, ответственно реализуя свою посредническую миссию в переговорном процессе и миротворчестве².

В Концепции Внешней политики Российской Федерации 2013 г. акцент сделан на дальнейшее укрепление СНГ. Приоритетной задачей определено формирование Евразийского экономического союза, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств³. В числе российских внешнеполитических приоритетов - активная роль в политико-дипломатическом урегулировании конфликтов на пространстве СНГ, содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению⁴. Россия также заинтересована в нормализации отношений с Грузией в тех сферах, в которых к этому готова грузинская сторона, при учете политических реалий, сложившихся в Закавказье⁵.

Российско-армянские партнерские союзнические взаимоотношения в 2008–2013 гг. сохраняли высокую положительную динамику развития, которую задавал регулярный, насыщенный политический диалог на высшем уровне. Ведущим фактором углубления всего комплекса российско-армянских отношений являются экономические связи. Россия закрепила на позициях главного внешнеэкономического партнера Армении. Совершенствовались военные, гуманитарные и межрегиональные контакты, в 2008 г. в Армении состоялся Сезон российской культуры. Успешно реализуются совместные газотранспортные проекты, взаимодействие в атомной энергетике. Были согласованы условия поставки Россией в республику природного газа на среднесрочную перспективу, продлено доверительное управление ОАО «Интер РАО ЕЭС» Армянской АЭС. В концессионное управление дочерней компании ОАО «РЖД» перешла армянская железная дорога. Продолжалась регулярная работа железнодорожной паромной переправы между портами Кавказ и Потти⁶.

Россия и Армения плодотворно сотрудничают по вопросам реформирования и повышения эффективности функционирования СНГ, усиления координации действий в рамках ОДКБ.

2012 г. прошел под знаком 20-летия установления дипломатических отношений между Россией и Арменией и 15-й годовщины заключения основополагающего межгосударственного Договора от 19 августа 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи⁷. Подписана Программа долгосрочного экономического сотрудничества России и Армении до 2020 г.

Практическое воплощение получил взятый в Ереване курс на более плотное подключение к интеграционным процессам в рамках Таможенного союза. На заседании Высшего Евразийского экономического совета принято решение «О присоединении Республики Армения к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым 15июля 2008 г. [Электронный ресурс]: URL://<http://kremlin.ru/acts/785>. Дата обращения 21.09.14.

² Там же.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации Утверждена Президентом Российской Федерации В. В.Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]: URL://<http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!> Дата обращения 21.09.14.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 г. Обзор МИД России. М., 2009. С. 56. [Электронный ресурс]:URL://http://www.mid.ru/bdcomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65! Дата обращения 21.09.14.

⁷ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2012 году. Обзор МИД России. М., 2013. С. 45. [Электронный ресурс]:URL:// http://www.mid.ru/bdcomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a5d82e99be657e33442579d50026094c!Дата обращения 21.09.14.

Федерации», а также совместное заявление президентов стран-членов ТС и Армении об участии Республики Армения в евразийском интеграционном процессе. В целях реализации достигнутых договоренностей подписан Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Республикой Армения¹.

В 2008–2013 гг. продолжалось стабильное развитие отношений с Азербайджаном. Россия придерживается линии на укрепление конструктивных прагматичных начал в отношениях с Баку при сохранении накопленного позитивного потенциала двустороннего взаимодействия. Такая политика оправдала себя в условиях осуществления Азербайджаном многовекторного внешнеполитического курса². Важным компонентом двусторонних отношений является гуманитарное сотрудничество. В 2011 г. был успешно запущен новый перспективный формат взаимодействия – Бакинский международный гуманитарный форум под патронатом президентов России и Азербайджана. Значительно активизировались связи регионов Северо-Кавказского федерального округа с Азербайджаном с акцентом на такие перспективные направления сотрудничества, как инвестиционное и туристическое³.

В совместном заявлении министров иностранных дел по случаю 20-летия установления дипломатических отношений между Россией и Азербайджаном отмечен высокий уровень двустороннего сотрудничества, подтверждено намерение сторон способствовать его дальнейшему углублению, наполнению качественным содержанием.

Заметный импульс развитию многопланового российско-азербайджанского взаимодействия придал рабочий визит в Баку Президента Российской Федерации в 2013 г., в ходе которого подписаны важные межправительственные соглашения в транспортной, нефтегазовой и культурно-гуманитарной сферах. Под патронатом президентов двух стран прошел III Бакинский международный гуманитарный форум, состоялся IV российско-азербайджанский региональный форум. Началась реализация Программы сотрудничества в гуманитарной сфере до 2015 г. Приступила к работе совместная демаркационная комиссия⁴. Несмотря на приверженность Азербайджана политике многовекторности, Баку остается одним из российских ближайших партнеров.

Взаимоотношения Российской Федерации с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия носят характер союзнических, партнёрских. 26 августа 2008 г. Президентом России Д. А. Медведевым подписаны указы о признании независимого и суверенного статуса Республики Абхазия и Республики Южная Осетия. 9 сентября путём обмена нотами установлены дипломатические отношения России с Абхазией и Южной Осетией⁵. 17 сентября 2008 г. с Сухумом и Цхинвалом подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, положившие начало формированию соответствующей нормативно-правовой базы российско-абхазских и российско-югоосетинских отношений, а также обеспечившие дополнительными элементами коллективную безопасность закавказских государств. Россия намерена развивать с Абхазией и Южной Осетией всестороннее и взаимовыгодное сотрудничество, а также содействовать им в стремлении добиться полноправного членства в кавказском и международном сообществе⁶.

В 2008–2013 гг. сформировалась межгосударственная договорно-правовая база отношений, опирающаяся на договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Важным их дополнением стали соглашения о сотрудничестве в охране государственной границы и в военной области, призванные укрепить безопасность не только республик, но и Южно-кавказского региона. Приоритетной задачей являлась реализация положений соглашений об оказании помощи в социально-экономиче-

¹ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2013 г. Обзор МИД России. М., 2014. С. 51. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a00d1cfa2351f2b144257caf004719a6! Дата обращения 21.09.14.

² Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 г. Обзор МИД России. М., 2009. С. 53. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65! Дата обращения 21.09.14.

³ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2011 г. Обзор МИД России. М., 2012. С. 55. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/5837bbe2727d8c3dc32576e9003ad888! Дата обращения 21.09.14.

⁴ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2013 г. Обзор МИД России. М., 2014. С. 50. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a00d1cfa2351f2b144257caf004719a6! Дата обращения 21.09.14.

⁵ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 г. Обзор МИД России. М., 2009. С. 53. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65! Дата обращения 21.09.14.

⁶ Там же.

ском развитии и комплексных планов восстановления объектов социального назначения, жилищно-коммунального хозяйства, энергоснабжения, связи, массовых коммуникаций, образования и здравоохранения, сельского хозяйства и транспорта¹.

В 2012 г. была создана Межведомственная комиссия по вопросам развития сотрудничества с Абхазией и Южной Осетией, взявшая на себя координирующую роль в деле оказания содействия процессу их социально-экономического восстановления, становления в качестве современных демократических государств². Дальнейшее развитие получила договорно-правовая база двусторонних межгосударственных отношений: с Абхазией подписано 121, с Южной Осетией – 106 соглашений различного уровня.

Развитию союзнических отношений с Абхазией и Южной Осетией способствуют регулярные контакты на высшем и высоком уровне. При координирующей роли Межведомственной комиссии по вопросам развития сотрудничества с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия, российская дипломатия оказывает активное содействие укреплению их международных позиций, становлению в качестве демократических государств, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению республик³. Россия продолжает обеспечивать надежную безопасность молодых республик, а также вкладывает значительные средства в их социально-экономическое восстановление.

В 2008 г. на российско-грузинских отношениях продолжала сказываться последовательная анти-российская политика режима М. Н. Саакашвили, его курс на силовое решение грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов⁴. В этих условиях Россия предпринимала усилия по сохранению и реализации потенциала сотрудничества, демонстрировала принципиальную открытость к предметному и конструктивному разговору с Тбилиси по всему спектру двусторонней проблематики, в том числе и на высшем уровне. Тем не менее, Грузия продолжала конфронтационный курс, кульминацией которого стало вооружённое нападение на Южную Осетию 8 августа 2008 г., повлекшее многочисленные жертвы среди мирного населения (в большинстве своем – российских граждан) и российских миротворцев⁵. В сентябре 2008 г. Тбилиси в одностороннем порядке разорвал дипломатические отношения с Россией. Несмотря на беспрецедентный кризис российско-грузинских отношений, Россия остаётся твердо приверженной принципам добрососедства с Грузией. На протяжении 2009–2013 гг. отношения между Россией и Грузией оставались прерванными и фактически замороженными.

В рамках процесса нагорно-карабахского урегулирования Россия тесно взаимодействует с другими государствами-сопредседателями Минской группы ОБСЕ (МГ). Российская дипломатия придерживается позиции отсутствия альтернативы поиску политико-дипломатической договоренности по «Основным принципам урегулирования» и соблюдения сторонами конфликта обязательства не применять силу и воздерживаться от действий способствующих росту напряженности в регионе⁶. Результатом этих целенаправленных усилий стала проведенная при посредничестве встреча президентов двух стран, которая способствовала поддержанию должной динамики переговорного процесса.

¹ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2009 г. Обзор МИД России. М., 2010. С. 64. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/ba837a62ade20651c325785a0041fd92! Дата обращения 21.09.14.

² Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2012 году. Обзор МИД России. М., 2013. С. 38. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a5d82e99be657e33442579d50026094c! Дата обращения 21.09.14.

³ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2013 г. Обзор МИД России. М., 2014. С. 51. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a00d1cfa2351f2b144257caf004719a6! Дата обращения 21.09.14.

⁴ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 г. Обзор МИД России. М., 2009. С. 52. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65! Дата обращения 21.09.14.

⁵ Там же.

⁶ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2013 г. Обзор МИД России. М., 2014. С. 40. [Электронный ресурс]: URL://http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a00d1cfa2351f2b144257caf004719a6! Дата обращения 21.09.14.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ЕС В РАМКАХ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» В РЕГИОНЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Суть геополитической стратегии Европейского Союза на современном этапе заключается в создании единого европейского цивилизационного пространства, которое Европа стремится построить путём формирования региональных ассоциаций, призванных обеспечить экономическую, социальную и политическую стабильность у своих границ. В этой связи регион Южного Кавказа представляет особый интерес, поскольку после распада Советского Союза бывшие Закавказские республики были включены в орбиту интересов сразу нескольких ведущих игроков мировой политики: США, Турции, России и Европейского Союза.

Продвижение Евросоюза к границам России началось в 1999 г., когда Грузия была принята в Совет Европы, что считалось с её стороны признанием «европейского» вектора как основополагающего в вопросах внешней политики. В 2001 г. Армения и Азербайджан стали членами этой организации, а спустя два года был введен пост Специального представителя ЕС на Южном Кавказе, что являлось свидетельством повышенного интереса к этому региону. Ещё одним подтверждением этому служит принятие в 2004 г. трёх государств Южного Кавказа в Европейскую политику соседства (ENP), в рамках которой осуществлялось содействие экономическому, политическому и общественному развитию стран и предусматривалась реализация принципов «четырёх свобод» (движения людей, товаров, капиталов и услуг).

Включение Южного Кавказа в программу Европейской политики соседства означало, что у ЕС появилось больше инструментов, в том числе и определенные финансовые ресурсы для решения целого ряда актуальных для Евросоюза задач. Среди них, прежде всего, – задача обеспечения Европы необходимыми энергетическими ресурсами за счет ресурсов Каспия и Средней Азии, а также формирование современной транспортной системы связывающей Европу с этими регионами. Однако основной целью программы Европейской политики соседства стало создание зоны «безопасной границы» на восточных рубежах Европы.

С принятием Лиссабонского договора 13 декабря 2007 года трансформировались цели Европейского союза, в том числе и в отношении южнокавказских государств. Принципы, рассматривавшиеся ранее как декларативные: защита граждан ЕС по всему миру, экономическое, социальное и территориальное единство, культурное многообразие и др., – наряду с социальными целями, становятся основополагающими задачами политики ЕС, особенно в сфере реализации программы Европейской политики соседства. В этой связи заметно расширяются полномочия Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности.

Однако роль ЕС в регионе Южного Кавказа до 2008 г. находилась в контексте общей политики Европы и США по вытеснению из региона Российской Федерации за счет поддержки стран ГУАМ, в частности Грузии и Азербайджана, а также глобального энергетического проекта Набукко, планирующегося в качестве альтернативы трубопроводам, идущим через Россию и Украину. Грузино-осетинский конфликт 2008 г. изменил взаимоотношение сил в регионе Южного Кавказа и заставил Европейский союз активизировать свою внешнюю политику в отношении Грузии, Азербайджана и Армении.

7 мая 2009 года на саммите Европейского союза в Праге была запущена программа «Восточное партнерство», которая была направлена на открытое сотрудничество Европейского союза с 6 странами: Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Она предусматривает развитие демократии, реформы управления, обеспечение энергетической безопасности, отраслевые реформы и защиту окружающей среды, содействие установлению контактов между людьми¹. В декабре 2009 г. Европейский совет в Брюсселе выдвинул инициативу о начале переговоров с государствами Южного Кавказа об ассоциации, а уже 10 мая 2010 г. было принято решение о начале переговоров об ассоциации с государствами Южного Кавказа. Такая активность свидетельствовала о повышении значимости Южнокавказского региона во внешней политике Евросоюза.

Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон 5 мая 2011 г. в совместном сообщении Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Региональному комитету, которое носило название «Новый ответ на перемены в соседних странах», определила внешнеполитическую стратегию ЕС в отношении

¹ Восточное партнёрство – путь к стабилизации и процветанию // [Электронный ресурс]. URL: http://www.enpi-info.eu/files/interview/eastern%20partnership_RU.pdf.

государств-соседей, в том числе Армении, Грузии и Азербайджана. Она отметила: «Чтобы строить и укреплять стабильные демократии, добиться устойчивого экономического роста и управлять приграничными связями, необходим новый подход к укреплению партнерства между ЕС и странами и обществами, находящимися по соседству. Новый подход подразумевает более высокую степень дифференциации, которая позволит каждой стране-партнеру развивать связи с ЕС по мере своих желаний, нужд и возможностей. Для тех южных и восточных соседних стран, которые могут и желают принимать участие, эта перспектива включает более тесную экономическую интеграцию и усиленное политическое сотрудничество в сфере реформ управления, безопасности, разрешения конфликтов, в том числе совместные инициативы в международных форумах по вопросам, являющимся предметом совместной заинтересованности»¹.

В этой связи государства Южного Кавказа перестали восприниматься ЕС как единое целое и стали рассматриваться как отдельные партнёры, к которым следует подходить дифференцированно. В сообщении были определены основные векторы взаимодействия ЕС и государствами – партнёрами, вовлечёнными в Европейскую политику соседства: содействие продвижению к углубленной демократии, партнерство с обществами, усиление сотрудничества в сфере политики и безопасности, содействие устойчивому социально-экономическому развитию, создание региональных партнерств в рамках Европейской политики соседства, упрощенная и согласованная основа действий и программ. Кэтрин Эштон отметила, что за последнее десятилетие регион Южного Кавказа, в целом, сделал определенные шаги в сторону демократии, в том числе благодаря смене режимов. «Регион продолжает бороться с большими экономическими трудностями – этот регион беден, его страны существенно отличаются друг от друга, к тому же он остро реагирует на внешние факторы и воздействия»². Тем не менее, несмотря на усилившееся к вниманию Южному Кавказу, тогда он остался в тени Средиземноморского региона.

С 2011 г. ЕС стал проявлять повышенный интерес к южнокавказским государствам в связи с активизацией внешнеполитического курса России в этой части Кавказа, а также на Украине. На саммите Восточного партнерства в Вильнюсе 28–29 ноября 2013г. были приняты ряд важных соглашений, продвинувших вперед проекты программы. Среди них «Соглашение об упрощении процедуры выдачи виз с Азербайджаном», «Рамочное соглашение с Грузией об участии в операциях ЕС по урегулированию кризисов», парафировано «Соглашение об ассоциации», в том числе о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли с Грузией. 27 июня было подписано соглашение об ассоциации между Евросоюзом и Грузией. 18 июля 2014 г. парламент Грузии должен его ратифицировать, что станет продолжением действий программы развития сотрудничества с целью мирного решения конфликтов, поддержки усилий страны по наращиванию экономического потенциала, постепенной экономической интеграции Грузии во внутренний рынок ЕС³.

Тем не менее, несмотря на успехи ЕС в отношениях с Грузией, в мартовском аналитическом отчете внешнеполитического ведомства ЕС отмечалось, что усилия Европейского союза по вовлечению стран Южного Кавказа в зону европейского влияния оказались затруднены, в силу как внутренних процессов, происходящих в Армении и Азербайджане, так и под усилившимся влиянием в этом регионе России⁴.

Активная внешняя политика Российской Федерации, по мнению европейских аналитиков, является главным препятствием на пути продвижения политики ЕС в регионе Южного Кавказа. Это заметно по давлению на Армению, президент которой, Серж Саргсян, заявил о желании подписать соглашения о вхождении в Таможенный союз. В этом случае Россия использовала зависимость Армении от российских энергоносителей и российских инвестиций; в одностороннем порядке усилила визовый режим; продолжает позиционировать себя как гарант безопасности Армении, о чём свидетельствует продление сроков нахождения российских войск на военной базе в Гюмри до 2044 г. Кроме того, самостоятельные заявления Сержа Саргсяна, не обсуждающиеся в парламенте, свидетельствуют о слабости политической системы Армении и неразвитости гражданского общества⁵.

¹ Совместное сообщение Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Региональному комитету: Новый ответ на перемены в соседних странах (5/05/2011) // [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/page_content/20111010_ru.pdf.

² Там же.

³ EU-Georgia Association Agreement // [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/georgia/assoagreement/assoagreement-2013_en.htm

⁴ The ices of March in the Eastern neighbourhood: An overview // [Электронный ресурс]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/briefing_note/join/2014/522333/EXPOAFET_SP\(2014\)522333_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/briefing_note/join/2014/522333/EXPOAFET_SP(2014)522333_EN.pdf).

⁵ Ibid

В отличие от Армении, Азербайджан менее подвержен влиянию со стороны России. Однако в ЕС озабочены отсутствием широких демократических свобод в этом государстве, показателем чего стало давление со стороны государственной власти на оппозицию и прессу во время выборов президента.

Особую озабоченность в ЕС вызывает нерешённость грузино-осетинского, грузино-абхазского и Нагорно-Карабахского конфликтов, которые остаются открытыми и препятствуют нормальному взаимодействию, прежде всего между, самими южнокавказскими государствами¹. Это мешает достижению основной цели и реализации ключевой многосторонней инициативы в рамках Восточного партнёрства – программы «Комплексное управление границами».

Южнокавказские государства ждут от ЕС скорейшей либерализации визового режима, содействия в модернизации экономики, помощи в спонсировании дорогостоящих инфраструктурных проектов, роста инвестиций. Перспектива членства в ЕС могла бы стать для некоторых стран-партнёров сильным побудительным мотивом для принятия и осуществления реформ, отвечающих требованиям *acquis communautaire* ЕС.

Но среди стран-членов ЕС нет единства в вопросе расширения границ Союза. Это объясняется «усталостью от расширения» (*enlargement fatigue*) государств-основателей ЕС, правительства которых больше заинтересованы в укреплении Евросоюза, чем в продвижении границ. По этой причине их дипломаты внимательно следят за тем, чтобы в документах ЕС, касающихся стран «Восточного партнёрства», упоминание о «европейской перспективе» не имела прямых указаний к действию. Главным аргументом в противодействии расширению ЕС служит ст. 49 Договора о европейском союзе от 7 февраля 1992 г., в которой прописано, что членство в ЕС могут получить только европейские государства. Однако 29–30 сентября 2011 г. на саммите программы ЕС «Восточного партнёрства» в Варшаве Армения, Азербайджан, Грузия, Беларусь, Молдова и Украина были названы «странами Восточной Европы»². Это косвенно даёт основание полагать, что в перспективе они могут рассчитывать на вхождение в ЕС в качестве полноправных партнёров и вновь ставит на повестку дня вопрос о целесообразности расширения границ Евросоюза.

Одной из важных проблем во взаимоотношениях ЕС и государств Южного Кавказа остаётся отсутствие четких целей, не разработанность системы санкций, отсутствие определения конкретных критериев прогресса.

Нельзя не учитывать и того факта, что в рамках программ «Восточного партнёрства» не обсуждается возможное включение России в этот проект. Российская Федерация рассматривается лишь как экономический и политический конкурент, что заставляет её искать собственный путь в реализации своих внешнеполитических задач. И как подтверждение этого – создание в 2012 году Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – проекта политической и экономической интеграции с целью предложить странам постсоветского пространства альтернативу ЕС. ЕАЭС оказался привлекательным для Армении, которая высказала намерение подписать договор о вхождении в Союз в 2014 г.³

На прошедшем 24–25 апреля 2014 г. пятом Пражском юбилейном саммите «Восточного партнёрства» ключевым вопросом обсуждения была проблема урегулирования ситуации на Украине. Однако президент Армении и президент Азербайджана вновь подняли вопросы «турецкого геноцида против армян» и проблему территориальных претензий друг к другу. Ильхам Алиев заявил, что Армения оккупировала 7 территорий Азербайджана, расположенных за пределами административных границ Нагорного Карабаха, что составляет 20 процентов признанной на международном уровне территории Азербайджана и отметил, что государство, нарушающее принципы Хельсинкского Заключительного акта, не реагирующее на 4 резолюции Совета Безопасности ООН, не может иметь право голоса в Совете Европы. «Самозванные представители незаконного, криминального нагорно-карабахского режима получают визы в европейские столицы. Это невыносимо и этому должен быть положен конец». Более того, к Армении должны быть применены санкции, принуждающие соблюдать нормы международного права⁴. Подобные заявления вновь обостряют проблему безопас-

¹ Ibid.

² Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2566557/#ixzz3CdmmwsUu> <http://base.garant.ru/2566557>.

³ Распоряжение Президента Российской Федерации от 01.09.2014 № 276-рп «О подписании Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.» // [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201409010021>.

⁴ Официальный сайт президента Азербайджана Ильхама Алиева. Выступление в Праге на саммите, посвященном пятилетию программы Европейского Союза «Восточное партнерство» // <http://ru.president.az/articles/11533>.

ности в регионе и ставят под сомнение трансграничное сотрудничество, мобильность, эффективные региональные отношения и совместное представление интересов всех трёх стран региона.

Таким образом, эффективность проекта «Восточного партнёрства» в регионе Южного Кавказа должно пойти по пути дальнейшей спецификации, развития конкретных программ, рассчитанных на отдельные заинтересованные государства. Следует обратить особое внимание на урегулирование национальных и территориальных конфликтов, поскольку без этого невозможна консолидация региона и достижение безопасности, которая в свою очередь выступает гарантом дальнейшего продвижения экономических и политических преобразований, а также развития гражданского общества.

Поскольку игнорирование интересов России ведёт к глобальному переустройству геополитической системы координат, особенно в регионе Южного Кавказа, то продвижение программы «Восточное партнёрство» невозможно без её привлечения к этому проекту. На постсоветском пространстве Российская Федерация является ключевым политическим и экономическим участником, и дальнейшее её привлечение к конкретным проектам, и переход программы на формат «ЕС – Восточный партнер – Россия», будет способствовать адекватному восприятию усилий ЕС по «европеизации» этого региона и первым шагом в переходе от противостояния к сотрудничеству различных частей «Большой Европы».

С. М. Минасян
(Институт Кавказа, Армения)

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Россия занимает особое место в армянской внешней и безопасностной политике, также как и Армения играет уникальную роль в региональной стратегии Москвы на Кавказе. Данная статья исследует современное состояние российско-армянских внешнеполитических отношений, уделяя особое внимание влияющему на них региональному контексту. Она рассматривает российско-армянские отношения в сфере внешней политики и безопасности, а также имеющиеся в обеих странах (и извне) относительно нее стереотипы с точки зрения динамики сложных многоуровневых политических взаимоотношений между Ереваном и Москвой.

Контекст двусторонних отношений

В течение всего постсоветского периода российско-армянские отношения были достаточно стабильными. Безопасность и экономика являются основными сферами сотрудничества, однако культурные и гуманитарные вопросы также отчасти влияют на взаимоотношения. Обе стороны уделяют важность вовлечению России в процесс переговоров по мирному разрешению нагорно-карабахского конфликта в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ, которая занимается урегулированием конфликта с марта 1992 г.

Армения рассматривает военно-политическое сотрудничество с Россией в качестве ключевого элемента своей политики обороны и безопасности. Россия имеет военную базу в Армении, и российские пограничники помогают Армении в защите ее границ с Турцией и Ираном. Армения – активный член Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), военно-политического блока под эгидой России, и является единственным членом ОДКБ на Южном Кавказе. Армения – единственное государство ОДКБ, сталкивающееся с реальной угрозой прямого вовлечения в межгосударственный военный конфликт, и фактически единственный член этой организации, приоритеты которого в сфере национальной безопасности укладываются в рамки «классических» задач традиционного военно-политического союза. Ереван рассматривает эту структуру как военно-политический ресурс в контексте главной политической проблемы постсоветского развития страны – Карабахского конфликта. Именно в контексте функционирования ОДКБ можно отметить один из наиболее эффективных примеров реализации «расширенного сдерживания» в Карабахском конфликте, когда в мае 1992 г. удалось предотвратить активное вовлечение в него Турции¹. Карабахский конфликт служит главным стимулом, обуславливающим членство Армении в ОДКБ и усиливающим вполне обоснованный интерес официального Еревана превращению организации в действенный и эффективный военно-политический союз.

¹ См. подробнее: С. Минасян Формирование системы коллективной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 1.

Россия также является основным инвестором в Армению. Общий объем российских инвестиций к настоящему времени превысил 3 млрд долларов, в основном в энергетику и транспортную сферу. Армения закупает природный газ у России по льготным ценам – в постсоветской Евразии только Беларусь получает его по более выгодной цене. Культурные и чисто человеческие взаимоотношения также выступают в качестве важных факторов, влияющих на двусторонние отношения. Большинство населения Армении хорошо владеет русским языком, в России существует обширная и влиятельная армянская диаспора. Легко может сложиться впечатление того, что Армения и Россия тесно связаны друг с другом отношениями взаимной «любви».

Двойственное влияние региональной политики

Россия вооружает, инвестирует и политически поддерживает Армению. Взамен, Армения предоставляет территорию для дислокации российской военной базы, способствуя сохранению присутствия России на Южном Кавказе.

Многие армяне рассматривают отношения своей страны с Россией как результат неизбежной исторической зависимости, особенно в контексте Геноцида армян 1915 г. и навешанных этим событием фундаментальных угроз. Они рассматривают Россию как единственного гаранта безопасности Армении. В свою очередь, многие в российской элите склонны к патерналистскому восприятию Армении как составной части постсоветской сферы влияния России, или, в самой крайней форме, рассматривая Армению как геополитический «форпост» России на Южном Кавказе.

Однако при внимательном анализе данное клише не подтверждается. Во-первых, существует множество темных страниц в армяно-российских отношениях. В период Первой мировой войны Россия не смогла предотвратить осуществляемый Османской империей геноцид армян; сам факт наличия этнических армян на высших командных постах российской армии на Кавказе рассматривался турками как удобная причина для уничтожения армянского населения Западной Армении. После этого договор 1921 г. между большевистской Россией и кемалистским правительством Турции расчленил первую Республику Армению, основанную в 1918 г. после распада Российской империи. Позднее большевики решили передать спорные регионы Нагорного Карабаха и Нахичевана Советскому Азербайджану. Позиция руководства Советского Союза в карабахском конфликте в конце 1980-х гг. также была преимущественно антиармянской. Москва рассматривала карабахское движение как антигосударственное и спонсируемое Западом, и поддерживало власти Советского Азербайджана, противостоявшие антикоммунистическому правительству бывших диссидентов, пришедшему к власти в Армении. Хотя в первой половине 1990-х гг. первое постсоветское армянское правительство имело хорошие отношения с администрацией Бориса Ельцина, тем не менее, в начальный период карабахской войны Россия передала значительно больше вооружений и военной техники азербайджанцам, чем армянам.

Даже в последние годы не все так гладко в двусторонних отношениях. В 2011–2013 гг. возобновились значительные поставки российских вооружений Азербайджану. Эти поставки включают системы ПВО С-300 ПМУ-2 «Фаворит», реактивные системы залпового огня «Смерч», основные боевые танки Т-90 С, самоходные артиллерийские системы 2 С19 «Мста-С», ударные вертолеты Ми-35 М, а также другие типы вооружения, военной техники и снаряжения. Данное вооружение не только технически превосходит поставляемое Россией своему союзнику по ОДКБ – Армении, но даже современнее того, что состоит на вооружении самих российских войск на Северном и Южном Кавказе. Хотя Москва старается сбалансировать свои многомиллионные оружейные поставки Азербайджану бесплатными (или почти бесплатными) трансфертами вооружений Армении, армянская сторона с подозрением относится к каждому российско-азербайджанскому оружейному контракту. В соответствии со своеобразным стилем отношений со своими партнерами в постсоветской Евразии, Москва не испытывает особых угрызений совести, что «предает» своего союзника и рассматривает свои льготные поставки вооружений Армении как полную компенсацию своей коммерческой свободы одновременными продажами современных вооружений Азербайджану.

Со своей стороны, Армения осуществляет внешнюю политику «комплементаризма», несмотря на сотрудничество в сфере безопасности и экономическую зависимость от России. Это попытка использовать и сохранять баланс на Южном Кавказе между интересами всех вовлеченных международных и региональных держав. При этом попытки Армении путем диверсификации минимизировать риски для своей внешней политики, постепенно активизируя свои отношения с Западом, вызывают настороженность у официального Кремля, даже если они не очень видимы. Москва предпочитает приватно доводить свое недовольство до армянского руководства.

В то же самое время постепенно меняется общественное восприятие, особенно со сменой поколений. Советская ностальгия играет все меньшую роль в армяно-российских отношениях. К примеру, президенты Владимир Путин и Серж Саргсян, видимо, станут последними лидерами России и Армении, которые имели что-то общее в своей карьере, политических взглядах и мировоззрении.

Особенности прагматизма или ограничения «финляндизации»?

С большей объективностью можно характеризовать отношения между Арменией и Россией в категориях жесткого прагматизма, усиленного фактором географии¹. Учитывая имеющуюся асимметрию взаимоотношений Армении с Россией, отсутствие общей границы создает благоприятные условия для прагматического сотрудничества между Ереваном и Москвой. В этом смысле Армения в лучшем положении, чем Грузия или Азербайджан.

Можно даже утверждать об определенной «финляндизации» Армении в военно-политической и экономической сферах. Армянская внешняя политика «комплементаризма», базирующаяся на необходимости баланса интересов Запада и Востока, а также остальных акторов, в определенной степени напоминает внешнюю политику Финляндии периода Холодной войны. Как и Финляндия, вынужденная учитывать геополитические интересы Советского Союза и коммунистического блока с одной стороны, и возглавляемого США западного альянса – с другой стороны, Армения также пытается по возможности совместить зачастую противоречащих друг другу региональные интересы России, Соединенных Штатов, Европейского Союза и Ирана². К примеру, в качестве одного из результатов такого внешнеполитического поведения Армения, не имеющая прямой географической или коммуникационной связи с Россией, тем не менее, является бенефициарием крупных российских инвестиций, в основном в сфере транспорта и инфраструктур. Таким способом Москва компенсирует Еревану стратегическое сотрудничество с ним в военно-стратегической и геополитической сферах.

В то же самое время, «финляндизация» Армении, ассоциируемая с зависимостью от российского «зонтика безопасности» и экономической помощи, также имеет свои ограничения. В частности, она практически незаметна во внутривнутриполитической картине Армении, где присутствует почти полный политический консенсус относительно основных рамок внешней политики страны³.

Москва также вынуждена учитывать мнение Еревана в своей региональной политике, касается ли это ее отношений с Турцией и Азербайджаном или усилий по недопущению возобновления боевых действий в карабахском конфликте. На фоне негативной динамики в отношениях с Азербайджаном и Грузией, Москва понимает, что если Россия также «потеряет» Армению, то это будет означать конец военного и политического присутствия России на Южном Кавказе. Именно поэтому Кремль даже не пытался скрывать ту настороженность, с которой он наблюдал за попытками Армении углублять свои отношения с ЕС и парафировать Договор об Ассоциации и Соглашение о глубокой и всеобъемлющей торговле в ходе саммита «Восточного партнерства» в ноябре 2013 г. в Вильнюсе, и который, в конце концов, привел к известному заявлению президента Армении Сержа Саргсяна в Москве 3 сентября 2013 г., после встречи со своим российским коллегой Владимиром Путиным о готовности вступить в Таможенный Союз, а в дальнейшем – и в формирующий Евразийский Союз.

Пределы влияния региональной политики на армяно-российские отношения стали очевидны, например, на фоне развития армяно-грузинских отношений после российско-грузинской войны 2008 г. Война явилась тестом для Армении, который позволил в очередной раз продемонстрировать эффективность «комплементаризма», как концептуальной основы армянской внешней политики. Действительно, в ходе войны между Россией (своим военно-политическим союзником) и Грузией (исторически ближайшим соседом Армении и ее основным транспортным коридором), Армения смогла сохранить активный нейтралитет, несмотря на давление Москвы с целью признания независимости Абхазии и Южной Осетии.

Как представляется, украинский кризис и ухудшение отношений России со странами Запада также скажутся на армяно-российских отношениях, как составляющей общей системы региональной

¹ См. подробнее: *Sergey Markedonov* Russia and Armenia in the South Caucasus Security Context: Basic trends and Hidden Contradictions// Armenia's Foreign and Domestic Politics: Development Trends, Yerevan: Caucasus Institute, 2013.

² См. подробнее: Сергей Минасян «Финляндизация» постсоветского пространства: станет ли Армения примером для других? // Россия в глобальной политике. Т.12. № 2. Март-апрель. 2014.

³ *Iskandaryan A.* Armenia-Russia Relations: Geography Matters// Spotlight on Armenia, ed. Adam Hug (Foreign Policy Centre: London). February. 2011. P.55.

безопасности Южного Кавказа. В частности, Армении надо будет уже более сбалансировано и осторожно сохранять свое взаимодействие со своими партнерами и в западных странах, и в стратегическом сотрудничестве с Россией, чтобы не создать проблем, которые могли бы сказаться в формате ее внешнеполитического позиционирования.

Заключение

Несмотря на общий противоречивый внешний контекст и региональные проблемы, представляется, что армяно-российские отношения преодолеют имеющиеся тактические разногласия, с выходом на более широкое и долговременное стратегическое взаимодействие. Исходя из географического, политического, военно-стратегического, экономического, и регионального контекста, иная форма сотрудничества между Москвой и Ереваном была бы в настоящее время просто невозможна.

Тем более что общие параметры региональной безопасности на Южном Кавказе создают для Москвы и Ереван почти безальтернативные рамки. Нынешний формат военно-политического сотрудничества Армении и России будет сохраняться до тех пор, пока Ереван заинтересован в оружии, безопасностных гарантиях и инвестициях, а Москва – будет нуждаться в надежном стратегическом партнере, который может гарантировать ее военно-политическое присутствие на всем Кавказе.

В. Н. Садченко

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ПОЗИЦИЯ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА В ОТНОШЕНИИ ПРИЗНАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ХОРВАТИИ И СЛОВЕНИИ (1991–1992 гг.)

В качестве субъектов международного права на мировой арене выступает Ватикан («Святой Престол») как официальный центр Римско-Католической церкви (далее везде – РКЦ). Св. Престол обладает специфической международной правосубъектностью, поскольку его власть имеет не политическое, а религиозное происхождение, т. е. суверенитет Св. Престола не зависит от наличия суверенной территории, чем коренным образом отличаются от национальных государств.

Именно со Св. Престолом международное право и международное сообщество имеют дело с эпохи средневековья и вплоть до нынешнего времени. Св. Престол как центральная административная организация РКЦ, её бюрократический аппарат осуществляет непосредственную международную деятельность, как то подписание от имени Св. Престола международных договоров Государственным секретарём Св. Престола, руководящим работой Римской курии.

На международной арене Св. Престол реализует свою политику посредством деятельности Папы Римского: его учительство, проповедничество, апостольские поездки и т. д. Во-вторых, через апостольскую деятельность Государственного Секретариата, отвечающего за дипломатические отношения Св. Престола с различными государствами. Третьим каналом выступает Папское Представительство за рубежом, использующее дипломатический инструментарий для обеспечения ежедневного присутствия Верховного Первосвященника при отдельных Церквях и правительствах различных государств.

Во второй половине XX в. Св. Престол принимал более активное участие в общественно-политической жизни католических стран и всего мира. Основным направлением политики Иоанна Павла II, избранного в 1978 г., стало расширение дипломатических и политических связей Св. Престола как с католическими, так и протестантскими странами Северной Европы, США и представителями других вероисповеданий, в том числе с Израилем и исламским миром. В результате предпринятых усилий в конце века он превратился в один из признанных центров мировой политики.

С первых дней начала кризиса в Югославии Св. Престол принял активное участие и его действия в событиях на Балканах начала 90-х гг. имели противоречивый характер. С одной стороны, Св. Престол, пытаясь примирить стороны, стремился предотвратить начавшийся распад государства, следуя принципам миротворчества. С другой стороны, понтифик и его службы были заинтересованы в расширении своего влияния на страны с традиционно католическим населением (Хорватия, Словения). В этой связи Св. Престол играл на угрозе и негативных последствиях господства атеизма и коммунизма в странах Восточной и Центральной Европы, что нашло своё отражение в энциклике «Centesimus Annus» («Сотый Год») от 1 мая 1991 г.¹

¹ Centesimus annus. Энциклика в сотую годовщину обновления энциклики Rerum novarum 1991.05.01 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/124-centesimus-annus> Дата обращения: 14.06.2014.

В начале 1990-х гг. радио Ватикана транслировало послания хорватских епископов о «преследованиях и угнетенном положении церкви в Хорватии» со стороны коммунистических властей. Загребский архиепископ Фрэнко Кухарич совершил ряд визитов в страны Европы и Америки и через американскую ветвь католической организации «Опус Деи» установил связь с влиятельными политическими структурами США.

В конце января 1991 г. на совещании СБСЕ в Вене по поводу событий в Хорватии представитель Св. Престола заявил, что «безопасность и сотрудничество в Европе не основываются только на принципе нерушимости границ», но прежде всего они базируются на «признании прав человека и прав народов»,¹ как вспоминает советник С. Милошевича юрист-международник Смила Аврамова. В 1998 г. она выпустила монографию «Трехсторонняя комиссия», где приоткрывает завесу переговоров.

Вслед за католическими священнослужителями президент Хорватии Фрэнко Туджман и словенский президент Милан Кучан установили тесные контакты со Св. Престолом. В феврале 1991 г. хорватские епископы во главе с Ф. Кухаричем (Загребский архиепископ), А. Юричем (Сплитский архиепископ) и В. Пуличем (Сараевский архиепископ), поддержанные другими югославскими католическими иерархами и Св. Престолом, обратились к мировой общественности с посланием, в котором изложили своё видение причин межнационального конфликта и определили виновную сторону.

С 20 по 22 апреля 1991 г. в ходе работы Трехсторонней комиссии, Иоанн Павел II отметил, что политические изменения в Югославии необходимы, подчеркивая тезис о культурном, историческом, религиозном и лингвистическом различии ее народов. В докладе отмечалось, что разрез проходит между византийской и католической Европой², т. е. акцент понтификом был сделан на конфессиях. В августе 1991 г. «министр иностранных дел» Ватикана архиепископ Жан Луи Торэн со специальной миссией побывал в Югославии и по возвращении он сообщил, что когда он был в Загребе (столица Хорватии), то чувствовал, будто находится в Вене, а когда был в Белграде, то чувствовал, будто в Стамбуле, тем самым вновь подчеркивая культурные и конфессиональные различия народов Югославии³.

26 июня 1991 г. Словения и Хорватия заявили о выходе из состава СРФЮ, чего не признали федеральные власти в Белграде. Конфликт федеральной и республиканских властей вылился в гражданскую войну.

Война мало затронула Словению в силу ее моноэтничности (более 80 % населения составляют словенцы) и федеральные войска были выведены из Словении спустя две недели после их ввода. Достаточно бескровно отделилась и Македония, которая провозгласила себя независимой 18 сентября 1991 г. В ноябре 1991 г. свою независимость от единой Югославии провозгласила республика Босния и Герцеговина. Но вот внутри Хорватии война протекала в крайне жестких формах, на первых порах она сопровождалась победами сербской стороны, которая при поддержке регулярной югославской армии овладела третью территории Хорватии. Прямое включение Римской курии в конфликт на территории Югославии вызвало обострение ситуации.

17 августа 1991 г. в ходе своего визита в Венгрию Папа поддержал национальные цели Хорватии. На внеочередной сессии СБСЕ в Праге делегат Св. Престола выразил позицию Римской курии относительно возможных геополитических изменений в Европе, заключающуюся в «создании новой Европы как естественного следствия хельсинкского процесса». Согласно проекту Ватикана, внутренние границы между югославскими республиками «не являются исключительно административными», они «в равной степени исторические, международно-признанные и гарантированы действующей Конституцией»⁴.

Изначально Св. Престол вполне устраивало «федеральное» решение будущей Югославии, но в более свободной федерации, чем при Тито. Торэн, выразивший мнение Ватикана, считал, что «статус

¹ Цит. по: Филимонова А. Роль Ватикана в общественно-политических процессах на постюгославском пространстве 1991-2000 гг. [Электронный ресурс] // Православие. 2006. 6 ноября. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/5638.htm> Дата обращения: 24.06.2014.

² Димитријевић В. Злонамерно нам се потура чињеница да је папа Јован Павле Други за народе Југославије, поготово Србе, био миротворац [Электронный ресурс] URL: <http://www.dverisrpske.com/sr/za-dveri-pisu/saradnici/114-vladimir-dimitrijevic/4146-papa-jovan-pavle-drugi-i-raspad-jugoslavije.html> Дата обращения: 19.06.2014).

³ Вейгел Дж. Свидетель надежды Иоанн Павел II. Книга 2. М., 2001. С. 380.

⁴ Цит. по: Филимонова А. Роль Ватикана в общественно-политических процессах на постюгославском пространстве 1991-2000 гг. [Электронный ресурс] // Православие. 2006. 6 ноября. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/5638.htm> Дата обращения: 24.06.2014.

нации» не всегда должен обретать государственный статус. Чтобы увязать все этнические и национальные проблемы, предпочтительнее избрать социально-этнический принцип составных частей федерации, которым предоставлено как можно больше возможностей для принятия решений на локальном уровне. Но когда армия Югославской федерации, состоящая главным образом из сербов, атаковала хорватских националистов в Вуковаре (город на хорватско-сербской границе) в сентябре 1991 г., Ватикан изменил свое отношение к проблеме и обвинил федеральную армию в агрессии против одной из частей югославского населения.

Из-за того, что Европейское Сообщество (ЕС) не «назвало агрессора», Св. Престол решил содействовать обретению независимости Словении и Хорватии как единственного верного способа прекращения войны. Провозглашение независимости Словении и Хорватии приветствовала высшая римско-католическая иерархия Югославии. 28 июня 1991 г. понтифик направил приветственные послания С. Месичу, Ф. Туджману и М. Кучану, а в начавшихся преследованиях сербского населения на территории Хорватии папа обвинил самих сербов, поскольку они, по его мнению, являются проводниками «микронационализма».

После провозглашения независимости Словении и Хорватии Св. Престол развернул дипломатическую активность с целью получения международного признания республик. 26 ноября 1991 г. кардинал Содано пригласил послов США, Франции, Великобритании, Бельгии, Италии, Германии и Австрии, аккредитованных при Св. Престоле, и ознакомил их с позицией Ватикана, настаивая, чтобы их страны признали независимость Хорватии и Словении в этом же месяце. Описывая эту встречу, посол США Мелади выразил уверенность, что между Ватиканом, Германией, Австрией и Италией уже существовала договоренность о немедленном признании Хорватии и Словении, потому что их послы восторженно приняли предложение Ватикана.

28 ноября 1991 г. по инициативе папы в Ватикане началась епископская конференция, на которую были приглашены высшие церковные иерархи не только из европейских, но и восточных стран. Понтифик предложил план создания единого «блока христианских Церквей» с целью укрепления христианского сознания в мире. Одновременно структура Римско-Католической церкви на территории Югославии была изменена: границы диоцезов были приведены в соответствие с границами отделившихся республик.

Итогом этих усилий стало признание в декабре 1991 г. Исландией и Германией независимости отделившихся республик¹. В период разрастания конфликта и его перерастания в широкомасштабную гражданскую войну Ватикан 13 января 1992 г. послал уведомление правительствам Хорватии и Словении с признанием их независимости, которую они провозгласили 25 июня 1991 г., а затем приостановили до тех пор, пока ЕС вело переговоры. Попытавшись найти мирное решение, они вновь объявили о своей независимости 23 декабря, перед тем как обратиться за разрешением на допуск в ЕС в качестве независимых государств. В уведомлениях Святого Престола указывалось, что на основе предварительных дипломатических контактов такое признание возможно в связи с уверениями Хорватии и Словении, что новые правительства будут демократическими и станут уважать права национальных меньшинств.

А 15 января независимость Хорватии и Словении признали остальные 12 стран Европейского сообщества (тогда еще ЕЭС). Процесс международного признания новых государств проходил форсировано и, по мнению Борислава Милошевича и сторонников сохранения федерального государства Югославия, с нарушением норм международного права, а главную роль в распаде Югославии сыграли Германия и Ватикан. Эти страны ускорили признание Хорватии и Словении без предварительного решения вопроса о границах и национальных меньшинствах, проводя деструктивную политику, без решения вопроса сербского народа, проживающего на территории Хорватии, как конституционного, государствообразующего народа². В этой ситуации Германия и Ватикан сыграли в западных политических кругах роль «локомотива» на первом этапе дезинтеграции Югославии.

В отношении действий Св. Престола взгляды политиков и публицистов разошлись. Сторонники сохранения единства Югославии, сербские политики считали, что политика Св. Престола представляла собой прямое нарушение Устава ООН, а также Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки в 1975 г. и содержавшего положение

¹ Глушко В. С. Позиция Германии по вопросу признания независимости республик бывшей Югославии (1991–1992 гг.) [Электронный ресурс] URL:<http://www.war-history.ru/library/?id=217> Дата обращения: 21.06.2014.

² Милошевич Б. С. Разрушение Югославии: осуществлённый политический проект и его последствия для мировой цивилизации [Электронный ресурс] URL:<http://www.politpros.com/journal/read/?ID=361&journal=79> Дата обращения: 24.06.2014.

о том, что границы могут меняться исключительно мирным путем. С началом балканского кризиса позиция Ватикана заключалась не в стремлении сохранить существующую политическую систему, а в намерении обеспечить получение независимости католическим республикам – Словении и Хорватии. Именно эти действия создали международно-правовую основу для последующей эскалации боевых действий в Хорватии и их распространения на территорию Боснии и Герцеговины¹. Тем самым на территории бывшей Югославии был создан прецедент неурегулированного с точки зрения международного права выхода из федерации отдельных её частей². Такие высказывания характерны для большинства исследователей в России в силу традиционных просербских настроений в нашем обществе.

Св. Престол нарушил как статьи Латеранских соглашений, обязывающих его оставаться нейтральным и ограничивать свою деятельность исключительно религиозной сферой, так и резолюции Второго Ватиканского Собора, определяющие характер миссионерской деятельности духовенства как сугубо религиозный (не политический) по своей природе. Президент Франции Франсуа Миттеран также полагал, что прохорватский альянс между Иоанном Павлом II и канцлером Гельмутом Коелем, а также признание Хорватии и Словении содействовало развалу Югославии.

Другая позиция точка зрения преобладает в странах с католическим населением, США, Германии, поскольку она базируется на том, что Св. Престол и Иоанн Павел II стояли во главе сил, сражающихся с коммунизмом и атеизмом в Восточной Европе³. В поддержку этого мнения приводятся высказывания Жан Луи Торэна, что агрессия федеральной армии сделала независимость единственно верным способом, который может остановить войну. При этом он был хорошо осведомлен о традиционном французском альянсе с Сербией и считал, что досада Миттерана отчасти вызвана именно этим. Эти союзы объясняются и тот факт, что Франция из всех европейских государств медлила с принятием решения в отношении независимости Хорватии и Словении. В нашей науке на сегодняшний момент наиболее взвешенно представлена позиция Е. Ю. Гуськовой в работе «История югославского кризиса (1990–2000)», основанная на анализе большого количества документов⁴.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что участие Св. Престола в начальных событиях этно-религиозного конфликта на территории бывшей Югославии проявилось, с одной стороны, в односторонней поддержке словенского и хорватского сепаратизма, в развертывании антисербской кампании в СМИ после событий в г. Вуковаре в сентябре 1991 г., в поддержке проводимых западными странами антисербских акций на территории Хорватии, а с 1992 г. и на территории Боснии и Герцеговины, Косово и Метохии. С другой стороны, Св. Престол считает своей важной миссией установление мира на основе фундаментальных принципов прав человека и мирных взаимоотношений между свободными и ответственными народами, строящиеся на юридической основе.

Таким образом, Ватикан оказался активным соучастником перестроечных процессов в Восточной Европе, отстаивающим свои стратегические интересы с помощью новейших методов религиозной геополитики. Стремясь к объединению Европы, он открыто поддержал расширение Европейского Союза на восток. При этом политика Св. Престола базировалась не только на восстановлении влияния Ватикана в католических странах бывшего соцлагеря, но и в продвижении далее на восток, в связи с чем Украине, Белоруссии и России уделялось особое внимание.

¹ Искендеров П. Балканы: кризис международно-правовой системы [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/table/balkany_krizis_mezhdunarodno-pravovoj_sistemy_2011-01-17.htm Дата обращения: 24.06.2014.

² Четверикова О. Восточная политика Иоанна Павла II: «священный союз» с Вашингтоном [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.me/chapter.php/1003982/9/Chetverikova_Olga_-_Izmena_v_Vatikane_ili_Zagovor_pap_protiv_hristianstva.html Дата обращения: 24.06.2014.

³ Вейгел Дж. Свидетель надежды Иоанн Павел II. Книга 2. М., 2001.

⁴ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.

РАЗДЕЛ IV. БАЛКАНЫ, КАРПАТЫ И КАВКАЗ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ, ОСМАНСКОЙ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИЙ

Т. Ю. Терзиян
(Северо-Кавказский федеральный университет)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ КАВКАЗ – КРЫМ – БАЛКАНЫ (XVIII – НАЧАЛО XX вв.)

Взаимоотношения между различными этносами и конфессиями на протяжении истории человечества и на современном этапе являются наиболее проблемными в аспектах безопасности и территориальной целостности, вызывающими наибольшую напряженность в психологии общества.

В XVIII веке (и задолго до этого) на рассматриваемой территории столкнулись геостратегические и прочие интересы (политические, этноконфессиональные, экономические и другие) Российской и Османской империй, стран Западной Европы, а позднее и Америки. Но главными оппонентами были Россия и Турция.

Обе державы – Россия и Турция – претендовали и на политическое и на духовное главенство. В основе противоборства лежали не только территориальные претензии, но и стремление каждой из сторон утвердить свою ведущую роль в судьбах православного христианства или мусульманского мира. Причем турецкий вассал – Крымское ханство (с XV по XVIII вв.) – служило ударной силой османской агрессии против России и других славянских стран. XVIII век явился чрезвычайно важным временем в истории российско-крымских отношений, когда закончился долгий период почти непрерывного противостояния и оба народа начали постепенно переходить к практике мирного сотрудничества¹.

Накануне распада Османской империи территория являлась домом для арабов, курдов, туркмен, турок, черкесов (так называли мусульман-переселенцев с Кавказа и Балкан), персов, индийцев, евреев, армян, ассирийцев и европейцев. Этносы, представленные в Османской империи, в большинстве своём исповедовали одну из трёх распространённых здесь религий: ислам, христианство и иудаизм. Внутри каждой из конфессий имело место дальнейшее дробление ортодоксальное и неортодоксальное (речь идёт о религиозных ересь) направления². Деятельность католических религиозных миссий в стране привела к вступлению части христианских общностей в унию с Римской католической церковью. Имелись и последователи реформаторских европейских церквей, а также религиозные маргиналы, выработавшие вероучения, отличные от предлагаемых мировыми религиями. К числу последних принадлежат караимы, ези́ды и мандеи. Наиболее многочисленной конфессией страны являлась община мусульман-шиитов, рассматривавшая все остальные (особенно немусульманские) как второстепенные³.

Представители российского консульства в построении своей политики исходили из того факта, что со времён халифа Усмана (644–656) ощущение национальной идентичности у населения Ближнего Востока было подменено религиозным самосознанием, то есть каждый индивид ощущал себя прежде всего членом той или иной религиозной общины и лишь потом – представителем определённой этнической общности. Арабу-сунниту, например, проще было найти общий язык с единоверцем-курдом, нежели с арабом-христианином, а степень отчуждённости между адептами различных церквей внутри одной конфессии была не меньшей, чем между мусульманами и немусульманами в целом⁴.

Залогом сохранения подобного положения вещей являлась система миллетов, заимствованная турками-османами от арабских халифатов⁵. Суть её сводилась к тому, что Порты даровала немусульманским меньшинствам право самоуправления в рамках культурно-религиозной автономии иноверческой общины при условии признания последней верховной власти султана и уплаты подушной

¹ Начало распада Османской империи. Балканские и арабские народы во второй половине XVII и в XVIII в. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st009.shtml>.

² Тихонова Е. В. Россия и этноконфессиональные общины Месопотамии накануне развала Османской империи http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Tihonova.pdf.

³ Там же.

⁴ Климович Л. И. Ислам в царской России. М., 1936.

⁵ Иванов Н. А. Система миллетов в арабских странах XVI–XVII вв. // Восток. 1992. № 6. С. 29.

подати. Суверенитет миллета имел экстратерриториальный характер, то есть распространялся на религиозные общности независимо от места проживания их приверженцев. В вопросах же экономической и политической жизни, при возникновении межконфессиональных споров решающее слово принадлежало османским властям. Именно система миллетов обеспечивала мирное сосуществование народов и конфессий в рамках Османской империи. И хотя она не исключала рецидивов этноконфессиональной розни и открытого вмешательства государства в дела этноконфессиональных меньшинств, вплоть до конца XIX в. она была действенным инструментом, позволяющим сглаживать противоречия как между титульной конфессией и иноверцами, так и государством и немусульманской частью подданных султана.

Необходимость существования института миллетов объяснялась тем, что на Востоке религия является фундаментальной составляющей социально-культурной характеристики общества. Она охватывает там все стороны жизни человека и пронизывает всё его бытие, поскольку соблюдение традиционных обычаев и ритуалов на официальном и народном уровнях составляет неотъемлемую часть повседневной жизни. При этом религиям ближневосточного региона (прежде всего исламу, христианству и иудаизму) свойственен религиозный центризм, основанный на вере в абсолютную истинность своих представлений о мире, поэтому система миллетов просто необходима для их мирного сосуществования¹.

Каждая из держав, борющихся за влияние на арабском Востоке, стремилась привлечь как можно большее число разнообразных этноконфессиональных общностей на свою сторону. Одним из самых действенных механизмов этой борьбы явилась миссионерская деятельность. Религиозные миссии (в том числе и русские), имели своей целью не столько привлечение новых прозелитов в пропагандируемые ими церкви, сколько являлись проводниками влияния представляемых ими держав. Для более полной реализации собственных целей, миссионеры широко использовали широкую гамму методов вербовки: от предоставления всевозможных благ и подкупа до натравливания мусульман на христианские конфессии. Зачастую представителям христианских общностей не оставалось ничего иного, как искать помощи у тех же миссионеров. Таким образом, официальная деятельность миссионерских организаций, направленная на увеличение числа приверженцев той или иной церкви приобретала сугубо политическое звучание. Кроме того, ожесточённая борьба за прозелитов создавала благоприятную обстановку для вмешательства европейских держав в отношения между различными религиозными общинами и Портой².

Под давлением европейских держав на Берлинском конгрессе в международную практику был введён принцип коллективного вмешательства держав в политику османских властей, касающуюся положения христианского населения империи. С тех пор, как проблема христианских общин стала составной частью внешней политики европейских государств в отношении Османской империи, эти общины оказались в положении, при котором их государство постоянно находилось под прессингом их единоверцев (христианско-католического мира и России). Это способствовало усилению подозрительности уммы мусульман по отношению к христианам, ибо всякий раз во время беспрецедентных войн империи с европейскими державами вставал вопрос о том, кому верны христиане: своему государству или своим братьям во Христе. В этой связи последователей ислама особенно волновал рост численности приверженцев православной, католической и протестантской церквей, так как они понимали, что он обусловлен не догматическими соображениями, а стремлением христиан получить поддержку и защиту западноевропейских держав.

В свою очередь, для христиан всегда непростой оставалась проблема идентификации себя с государством, в котором чуждая им религия являлась государственной.

В XVIII в. наиболее острыми были австро-турецкие противоречия, позднее – русско-турецкие. Русско-турецкий антагонизм углублялся по мере продвижения России к побережью Черного моря, а также вследствие роста национально-освободительных движений угнетенных народов Османской империи, видевших в русском народе своего союзника.

Турецкие правящие круги занимали особенно враждебную позицию по отношению к России, которую они считали главной виновницей волнений балканских христиан и вообще чуть ли не всех затруднений Блистательной Порты (Блистательная, или Высокая Порта – султанское правительство). Поэтому противоречия между Россией и Турцией во второй половине XVIII в. все чаще приводили к вооруженным конфликтам.

¹ Тихонова Е.В. Россия и этноконфессиональные общины Месопотамии накануне развала Османской империи http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Tihonova.pdf

² Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Международная научная конференция 22 мая 4 июня 1995. Челябинск, 1995. Ч. 1-2.

Важным для Турции было то, что после Кючук-Кайнарджийского мира, подписанный в 1774 году, коренным образом изменилось соотношение сил в Черноморском бассейне: резкое усиление России и столь же резкое ослабление Османской империи поставили в порядок дня проблему выхода России к Средиземному морю и полной ликвидации турецкого господства в Европе¹. Решение этой проблемы, поскольку внешняя политика Турции все больше утрачивала самостоятельность, приобрело международный характер. Россия в своем дальнейшем продвижении к Черному морю, к Балканам, Стамбулу и проливам сталкивалась теперь не столько с самой Турцией, сколько с главными европейскими державами, также выдвигавшими свои притязания на «османское наследство» и открыто вмешивавшимися как в русско-турецкие отношения, так и в отношения между султаном и его христианскими подданными.

С этого времени ведет свое существование так называемый Восточный вопрос, хотя самый термин стал применяться несколько позднее. Составными частями Восточного вопроса были, с одной стороны, внутренний распад Османской империи, связанный с освободительной борьбой угнетенных народов, а с другой стороны – борьба между великими европейскими державами за раздел отпадающих от Турции территорий, в первую очередь европейских.

В 1787 г. началась новая русско-турецкая война. Россия открыто готовилась к ней, выдвигая план полного изгнания турок из Европы. Но инициатива разрыва и на этот раз принадлежала Турции, которая действовала под влиянием английской дипломатии, хлопотавшей о создании турецко-шведско-прусской коалиции против России.

Французская революция, вызвав международные осложнения в Европе, создала благоприятную для Турции ситуацию, способствовавшую отсрочке ликвидации турецкого господства на Балканах. Но процесс распада Османской империи продолжался. Восточный вопрос еще более обострился вследствие роста национального самосознания балканских народов. Углубились и противоречия между европейскими державами, выдвинувшими новые претензии на «османское наследство»: одни из этих держав действовали открыто, другие – под прикрытием «защиты» Османской империи от посягательства своих соперников, но во всех случаях эта политика вела к дальнейшему ослаблению Турции и превращению ее в зависимую от европейских держав страну².

Укрепление позиций России на Северо-Западном Кавказе в течение XVIII в. способствовало тому, что Османская империя впервые «уступала» территории, населенные мусульманами. Эти два обстоятельства – усиление Российской империи и ослабление Османской империи предопределили в XIX в. развитие политической ситуации на Северо-Западном Кавказе.

В российской и зарубежной историографии довольно подробно освещены проблемы, связанные с историей российских и османских притязаний на территории Кавказа, Крымского и Балканского полуостровов. Результаты этих исследований позволяют констатировать, что к началу XVIII столетия взаимоотношения России с зарубежными христианами поднялись на новый уровень. Именно к периоду правления Петра I в сознании угнетенных христианских народов Балкан, Кавказа и всего Ближнего Востока сформировался образ России как Богом данной преемницы Византии (Москва – третий Рим а четвертому не быть) и освободительницы всего Православного Востока от многовекового османско-исламского владычества.

В последней четверти XVIII века произошло идеологическое и военно-политическое оформление претензий России на регион Кавказа и Закавказья – определился еще один южный вектор российской внешней политики. Огромное значение имело то обстоятельство, что к началу XIX века образовался Кавказский фронт. Освободив Южный Кавказ и взяв под защиту автохтонное население, Российская империя получала прямой выход к азиатским территориям Османской империи, также в значительной степени заселенным христианскими народами – армянами, ассирийцами, греками, езидами, православными сирийцами, а также курдами. В этой ситуации Порты оказывала мощную поддержку мусульманским народам Кавказа, пытаясь превратить их в антироссийский бастион, препятствующий связям Российской империи с христианами Кавказа и Османской империи.

¹ Начало распада Османской империи. Балканские и арабские народы во второй половине XVII и в XVIII в. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st009.shtml>

² Начало распада Османской империи. Балканские и арабские народы во второй половине XVII и в XVIII в. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st009.shtml>.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ГОРЦЕВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОРТОЙ: К МОТИВАМ ВЫБОРА ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭТНОГРАФИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Определяя задачи этнографии войны, Н. И. Бондарь отмечал, что это многокомпонентная предметная область «включает в себя не только этнический состав воюющих сторон, но и все блоки и компоненты культуры, как традиционные, так и инновационные», демонстрирующие этнокультурное своеобразие. В области соционормативной культуры это направление может быть представлено изучением противоречий между обычаями и «законами военного времени»¹.

На события Кавказской войны пишущие современники и последующие поколения авторов часто смотрели из времени и пространства совершенно иной культуры, что порождало глубокие понятийные недоразумения и стереотипы, основанные, прежде всего, на европейской картине мира². При этом утрачивалась та связь с восприятием времени и пространства в культуре, для обозначения которой выдающийся отечественный литературовед М. М. Бахтин ещё в послевоенные годы выдвинул понятие «хронотоп»³. В хронотопе Кавказской войны представляется важным изучение воздействия традиционного и модернизирующегося пространства и объективных временных процессов на конкретного исторического человека, выяснение его реакции на них, мотивов поведения, реконструкция внутреннего мира. В статье предпринята попытка решения этих актуальных задач этнографии войны на примере обращения к мотивам выбора внешнеполитических имперских ориентиров одного из заметных предводителей западных адыгов – Ибрагим-бея Карабатыра Заноко.

Отрывочные сведения о князе, которые встречаются в источниках и работах исследователей⁴, обобщила «Адыгская энциклопедия»: Карабатыр – младший сын князя Сефер-бея Зана, воспитывался у убыхов, «подобно многим адыгским феодалам того времени, колебался в выборе внешней опоры для восстановления утраченных привилегий аристократии». После смерти отца и с провозглашением Сочинского меджлиса в 1861 г. Карабатыр становится одним из главных лидеров адыгов. Неоднократно ездил в Османскую империю, стремясь заручиться поддержкой султана. По окончании Кавказской войны эмигрировал и был принят на османскую службу в чине полковника⁵.

Реальное время жизни и деятельности Карабатыра можно локализовать 1820-ми–1900-ми гг. Т. Лапинский, который в конце 1856 г. высадился на Черноморском побережье, характеризовал его как «молодого человека не старше 30 лет»⁶, следовательно, Карабатыр появился на свет в середине или во второй половине 1820-х гг. Скончался он, по-видимому, в начале XX в., поскольку Е. Д. Фелицын в своей работе о Сефер-бее, вышедшей в 1909 г., сообщал: «Карабатыр умер несколько лет тому назад в Малой Азии на обратном пути из Мекки где-то около Смирны, не оставив мужского поколения в прямой линии»⁷.

Однако для историко-антропологического портрета важным представляется не столько реальное время, сколько пространственно-временная модель, определяющая поступки и стремления Ибрагим-бея. Для закрытого традиционного общества пши основным фактором формирования индивидуальных временных представлений были принципы кодекса уэркъ хабзэ, основанные на идеализации военного образа жизни, желании закрепить своё превосходство над простолюдинами,

¹ Бондарь Н. И. Сны войны (к этнографии Великой Отечественной войны 1943–1945 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / Отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2010. С. 179.

² Дегоев В. В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. С. 16.

³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.

⁴ Фелицын Е. Д. Князь Сефер-бей Зан политический деятель и поборник независимости черкесского народа / Предисл. и сост. П. А. Кузьмина. Нальчик, 2010; Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989; Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; Панеш А. Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007; Хаджибиекова Ф. М. Деятельность Мухаммед-Амина и Сефер-бея Зана как военно-политических лидеров кубанских горцев в период Кавказской войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2012 и др.

⁵ Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Главн. ред. М. А. Кумахов. М., 2006. С. 949.

⁶ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 289.

⁷ Фелицын Е. Д. Указ. соч. С. 174.

ведущими «скучную и однообразную жизнь»¹. Все ценности и идеалы сосредотачивались вокруг культа войны во всех её проявлениях, начиная от межродовых стычек и заканчивая масштабными походами. Полученное у убыхов военное воспитание ещё более сказалось на том, что молодой князь распределял свою жизнь между боевыми действиями и подготовкой к ним. Э. Х. Панеш справедливо отмечает: «По крайней мере, шесть месяцев в году рыцарское сословие во главе с князем или дворянином первой степени устраивало стан в лесу или горах, совершая набеги... Кавказская война, совпавшая с периодом завершающей фазы становления этнокультурного облика адыгов, и вовсе заставила горцев жить в состоянии постоянной войны»². «Сын Сефер-бея Карабатыр, по обычаю аталычества, соблюдаемого черкесскими князьями и дворянами, отдан был в детском возрасте на воспитание убыхам и по достижении совершеннолетия, возвратившись на родину, начал принимать деятельное участие в предприятиях враждебных нам горцев», – отмечал Е. Д. Фелицын³. В документах есть описание одного из таких походов, предпринятых Карабатыром 29 октября 1849 г. во главе отряда горцев против станицы Николаевской. Стремление Карабатыра скрестить клинки с всадниками Анапского горского полуроты и завладеть пасшимся скотом в окрестностях станицы скотом⁴ позволяет видеть в этом бою скорее модель идеального образа жизни горского рыцаря, демонстрацию наезднических формы удал. Тот же документ сообщал, что, несмотря на значительные потери, «Карабатыр собирает теперь новую партию для отмщения за понесённое поражение»⁵.

Т. Лапинский, воспитанный на европейской тактике, приходил в отчаяние от того, что Карабатыр, возглавляющий горскую конницу, «совершенно нас скомпрометировал». «Вместо того, чтобы незаметно для неприятеля перейти вброд, Карабатыр стал переправляться «перед глазами всего неприятельского лагеря», в результате чего «русские выставили все свои силы против этой кавалерии»⁶. Операция сорвалась, но Карабатыр прискакал к Лапинскому «очень радостный, в надежде услышать <...> комплименты»⁷. Лапинский осыпал его упрёками, в воспоминаниях дал горскому вождю весьма нелестную характеристику: «ни к чему не пригодный, безголовый, и к тому же упрямый дикарь»⁸. Европейцу, пусть даже и такому тонкому наблюдателю как Теофил Лапинский, трудно было постичь то, что казалось ему «дремучим варварством»⁹. Карабатыр, по словам мемуариста, «не придавал особого значения моим упрёкам; он был вне себя от радости», исходил из совершенно иной культуры восприятия времени и пространства Кавказской войны, в которой эталоном воина была не дисциплина, а индивидуальная рыцарская удал¹⁰. В народных песнях адыгов известен сюжет, связанный со штурмом Куркоикале – Варениковского укрепления¹¹. В песне штурмующих возглавляет храбрый Хаджи-Бирам. Народный текст явно гиперболизирует рыцарские возможности предводителя: «Вместе с таким предводителем / даже одному в набег можно пойти. / В набеге участвующих считают пять тысяч всадников, / А когда подсчитывают, оказывается их / не больше пятнадцати всадников»¹². Известно, что этот приступ 21 сентября 1855 г. возглавлял Карабатыр. Комендант крепости майор Чирг расположил за укреплением пластунские цепи, обратившие атакующих в бегство ещё на подступах к крепостному рву, поэтому атака укрепления в лоб не удалась¹³. Народный текст также отмечает слабость черкесов в том, что они «не ожидая друг друга, на крепостные рвы налетают, / Тех, кто за ними не угнался, / с дощатого моста сбрасывают»¹⁴. В другом варианте «пластун анапский появился под горой»¹⁵, способствуя разгрому черкесов. Тем не менее, образ Хаджи-Бирама героизируется: «Века его геройской славы не сотрут».

¹ Бгажноков Б. Х. Этнография адыгов. Нальчик, 2011. С. 68.

² Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 214–215.

³ Фелицын Е. Д. Указ. соч. С. 73.

⁴ Акты, собранные Кавказскою Ахеографическою комиссиею (АКАК) в 12 томах / Под ред. А. А. Берге. Тифлис, 1885. Т. X. № 629. С. 679–680.

⁵ Там же. № 629. С. 680.

⁶ Лапинский Т. Указ. соч. С. 318.

⁷ Там же. С. 319.

⁸ Там же. С. 318.

⁹ Дегоев В. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁰ Марзей А. С. Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. М., 2000. С. 144.

¹¹ Адыгейские народные песни и легенды в переводах Олексы Кирия. Краснодар, 2014. С. 63.

¹² Адыгские песни времён Кавказской войны / Сост., вступ. Ст. В. Х. Кажарова, А. М. Гутова, Н. Г. Шериевой. Нальчик, 2005. С. 134.

¹³ Покровский М. В. Указ. соч. С. 280.

¹⁴ Адыгские песни времён Кавказской войны. С. 135.

¹⁵ Адыгейские народные песни и легенды. С. 64.

Не случайно, по-видимому, сыну Сефер-бея, имя которого при наречении было Ибрагим, дали прозвище «Карабатыр», что в переводе с ногайского (матерью Карабатыра стала ногайская княжна) означает «Чёрный богатырь». Как и в английских народных преданиях о «Чёрном рыцаре» Ричарде Львиное Сердце, подобное прозвище определяло мотивы и семиотику поведения его носителя. В этом кроется один из истоков трагедии поражения горцев в Кавказской войне: закрытая воинская культура адыгской знати не признавала новшеств, консервировала патриархальное восприятие войны, поэтому оказалась не способной ответить на вызовы времени. Известный нальчикский этнограф Б. Х. Бгажноков в своих оценках ещё более категоричен: адыгские феодалы «не решили и малой части задач культурного, духовного развития народа, столь чётко поставленных перед ними эпохой, этот упрёк следует отнести, прежде всего, в адрес князей и тлекотлешей»¹.

В мотивах поведения Карабатыра огромная роль принадлежала родовой памяти, фамильной истории, семейным традициям, текущему статусу семьи Заноко и соответствующим представлениям о будущем. Мир князей Черкесии носил черты замкнутой социальной группы, противопоставленной всем слоям общества, прежде всего свободным и закрепощённым крестьянам. Чувство превосходства над «низкосортными» соплеменниками, желание закрепить за собой позицию, занятую на иерархической лестнице предками культивировали оппозицию «благородный/неблагородный», которая уже в XVIII в. имела результатом целый ряд крестьянских восстаний². Исследователь песен и преданий адыгов о Бзюкской битве Р. Унорокова справедливо обратила внимание на то, что в текстах об этом противостоянии знати и рядовых общинников обозначены черты будущей трагедии: «непримиримость и бескомпромиссность, неумение идти на уступки – идеальные качества в одних ситуациях, но малоприемлимые в других – впоследствии, как известно, сыграли жестокую роль в судьбе адыгов»³.

В числе других княжеская фамилия Зан утратила владельческие права над натухайцами, обитавшими в окрестностях крепости Анапы. Поэтому стратегии поведения Сефер-бея и его сына Карабатыра были направлены на восстановление этих утраченных прав. Они во многом определяли их мучительные поиски выбора между Российской и Османской империями. После знакомства с вице-адмиралом Л. М. Серебряковым в декабре 1851 г. Карабатыр ходатайствовал о принятии его в российское подданство и разрешении «собрать подвластных своих и поселиться с ними в окрестностях Анапы, на родовых землях своих предков, князей Зан». Он не только с согласия отца стал возводить на этих землях посёлки, но и поступил на русскую службу. В июне 1853 г. по ходатайству Л. М. Серебрякова Карабатыр Заноко был произведён в поручики кавалерии с назначением ему пенсии 300 руб. в год⁴. В материалах фонда 260 Государственного архива Краснодарского края сохранился рапорт «по кавалерии поручика Зан Оглы Харабатыра» от 8 января 1853 г., в котором наш герой писал: «Передавшись раз Русскому Правительству, я останусь, покуда жив, верноподданным нашему Государю Императору, столько меня благодетельствовавшему, чтобы лично пред лицом Его Величества иметь счастье доказать ту глубокую признательность, которую питаю я в душе за его глубокие милости (я оставлю здесь престарелую мать, сестру-девицу и всё, что имею), осмеливаюсь просить об одном ещё благодеянии Начальства предоставить мне случай служить в Собственном Его Императорского Величества конвое»⁵. Этот крамольный в глазах многих соплеменников шаг был явно сделан в пику демократическому миру тфокотлей. «В ответном письме его к старшинам на вызов их возвратиться к шапсугам видны были смелость и родовая гордость, – справедливо полагал Е. Д. Фелицын. – Несмотря на то, что у закубанских племён князья и дворяне давно уже утратили свои права, и они только в тайне замыслили о восстановлении прежнего своего значения, опасаясь внимательного наблюдения со стороны среднего сословия тхвокотлей, Карабатыр, напротив, открыто обвинял старшин в том, что они не признают родовых прав его»⁶.

Вероятно, он в этот момент искренне надеялся, что русское правительство поможет вернуть утраченные привилегии, как это имело место с бжедугскими князьями. Прислушивался Ибрагим и к советам матери, «на опыте убедившейся, что восстановление утраченных прав и значения в народе

¹ Бгажноков Б. Х. Указ. соч. С. 87.

² Там же. С. 68.

³ Унорокова Р. О некоторых аспектах изустной истории Бзюкской битвы // Проблемы Бзюкской битвы: история и современность (материалы республиканской научно-практической конференции, посвящённой 200-летию битвы). Майкоп, 1998. С. 102.

⁴ Фелицын Е. Д. Указ. соч. С. 86.

⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1714. Л. 3 об.

⁶ Фелицын Е. Д. Указ. соч. С. 76.

князей Зан, а также материальное благосостояние их возможно лишь при условии снискания милости царя и внимания русского правительства»¹. В рапорте генерала А. И. Будберга сообщалось, что на Карабатыра «зlobствуют горцы за переход на нашу сторону и за поданный им первый пример поселения... всех подвластных в одну деревню»². Нашлись среди адыгов и желающие осесть в новом поселении на русской стороне. Начальник штаба Черноморской береговой линии сообщал в апреле 1853 г. о желании натухайцев ущелья Шутук переселиться в деревню Карабатыра³. Друзья также советовали князю «теснее сблизиться с русскими»⁴. Таким образом, это был выбор не только Ибрагим-бея, но и определённой этнокультурной дворянской среды, желавшей закрепить сложившийся уклад российскими гарантиями. Несмотря на угрозы, Карабатыр проявил твёрдую волю, защищал свой посёлок до последней возможности, и лишь уступив силе своих врагов, отступил под защиту станицы Николаевской. Имение князя при этом было истреблено муртазиками до основания⁵.

Однако стоило Сефер-бею обратиться с началом Крымской войны ко всем, «кто верует в Бога и Мухаммеда, поднять оружие против Русских»⁶, как Карабатыр внезапно поменял внешнеполитическую ориентацию. Добравшийся до Анапы бывший русский пленный Иван Козлов, служивший у поручика Карабатыра, дал знать 19 января 1854 г., что князь, «собрав крестьян своего посёлка со всем имуществом, изменнически бежал в горы»⁷. Дело было вовсе не в том, что его черкесы, вовлечённые в Кавказскую войну, становились естественными союзниками Порты: мы видели, что Карабатыр нисколько не боялся угроз своих соотечественников в отстаивании родовых прав. Скорее сработала родовая система этических обязательств по отношению к отцу. В полном соответствии с логикой патриархального уклада адыгов к главе семьи сын обязан был явиться по первому зову⁸. Вскоре Сефер-бей и Карабатыр с турецкими войсками высадились в Абхазии.

Османская имперская модель была ближе и понятнее мироощущению горских князей, Сефер-бей долго жил в Порте, пытался представлять там черкесские интересы⁹. Но главный смысл картины мира претендующей на лидерство среди адыгов знати не менялся. Не находя широкой социальной опоры внутри черкесских обществ, дворянское консервативное сословие видело выход в поисках сильного сюзерена за пределами края¹⁰. Громко именуя себя анапским пашой и «главнокомандующим всеми горскими народами и начальником Турецких сил в Анапе» Сефер-бей, по свидетельству генерал Н. Н. Муравьёва, «подавал надежду князьям и дворянам, давно утратившим свои права между Закубанскими Черкесами, на восстановление древних их прав»¹¹.

Выбрав османскую ориентацию для этих целей, Сефер-бей и Карабатыр никогда не исключали возможности её смены на российскую. Об этом говорят переписка Сефер-бея с генералом Г. И. Филиппсоном, осуществлявшаяся через Карабатыра, а также интересный проект создания Натухайского княжества под «управлением наследственного князя <...> под верховным владычеством Императора Всероссийского»¹². Показательна в этом отношении и фотография, опубликованная М. Х.-Б. Кишмаховым в его последней книге об этнической истории убыхов: вместе снялись группа высших офицеров Османской и Российской армий в Стамбуле в 1881 г., среди которых мы видим полковника Ибрагим-бея¹³. А ведь за три года до этого снимка на Балканах Карабатыр воевал против русских войск во главе черкесской милиции! Создаётся впечатление, что его мироощущение, обусловленное родовой принадлежностью и трагедией адыгов на завершающем этапе Кавказской войны, не создавало в восприятии Российской империи непродолимой стены...

В столкновении княжеской модели мира с военно-теократическим устройством свободных общинников, сделавших ставку на наивов Шамиля, заключались драматические истоки падения цивилизации (в широком смысле этого слова) горцев, не сумевшей преодолеть социальный раскол

¹ Фелицын Е. Д. Указ. соч. С. 89.

² АКАК. Т. X. № 645. С. 695.

³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1493. Л. 11.

⁴ Фелицын Е. Д. Указ. соч. С. 75.

⁵ Фелицын Е. Д. С. 85.

⁶ АКАК. Т. X. № 587. С. 642.

⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1714. Л. 5.

⁸ Бгажноков Б. Х. Указ. соч. С. 358.

⁹ Керашев А. Политическая деятельность князя Сефер-бея Заноко в годы Кавказской войны // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII–XIX вв.) / Главн. ред. З. Ю. Хуако. Майкоп, 1995. С. 105.

¹⁰ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 741.

¹¹ АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. № 56. С. 70.

¹² АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. № 627. С. 733.

¹³ Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической и культуры убыхов. Сухум; Карачаевск, 2012. С. 697.

в условиях присоединения Северо-Западного Кавказа к России. Система, навязываемая горцам Сефер-беем и Карабатыром, была уже во многом анахронизмом, уходила в золотой век черкесского рыцарства и не отвечала насущным потребностям абадзехов, шапсугов и натухайцев. «Если Карабатыр, несмотря на своё личное мужество, был мало пригоден против неприятеля, то для административной деятельности он годился ещё меньше, – отмечал Т. Лапинский. – Жители Шапсуги не хотели давать подати... Половина Шапсугии взялась за оружие, и Карабатыр, так же как и Хаджи-Измаил-паша, должен был спешно бежать за реку Абин, чтобы спасти свою жизнь»¹. Генерал Г. И. Филиппсон в мае 1860 г. писал о Карабатыре: «Вообще этот человек в настоящее время не имеет значения у Шапсугов. В этом народе господствует совершенное безначалие и неурядица»².

После смерти отца Карабатыр пытался играть самостоятельную роль, но в условиях глубокого раскола среди горцев, ни его участие в Сочинском меджлисе, ни многочисленные призывы к единству, ни обращения к султану и английской королеве уже не могли переломить ситуацию. Показательно его обращение к соотечественникам из Константинополя в январе 1863 г. «Золотой» век черкесов он видит в прошлом, называет их «знаменитыми смелостью и храбростью», напоминает о потере «старинных прав и преимуществ»: «В прежние времена ни одно государство не покорило ваших владений, наследие дедов ваших, и вы по причине похвальных качеств защитили вашу землю от рук врагов и увековечили имя и славу черкесов. Бог даст, и теперь вы достигнете осуществления надежд ваших при помощи Всевышнего, причины всех причин, к которому всё возвращается, и в котором все ищут убежища»³. Отдав должное «наследию праотцов», Карабатыр призывает: «Слушайтесь наставлений ваших начальников и приказаний великого совета, которые от нас исходят, не противтесь этому, исполняйте обязанности по всей службе»⁴. Но на одной идеальной картине прошлого нельзя построить настоящего, и потестарная культура горцев оказалась неготовой к вызовам времени завершающего этапа Кавказской войны⁵.

Таким образом, этнография Кавказской войны даёт определённое представление о мотивах выбора между Россией и Портой одного из ярких предводителей горского сопротивления. Воспроизводство в широких масштабах традиционного патриархального уклада воинского сословия черкесов, закрытость и стагнация этой культуры в условиях Кавказской войны, искусная игра на патриотических чувствах народа предопределили личную драму Ибрагим-бея Карабатыра и во многом – социальную трагедию горцев Северо-Западного Кавказа в целом. Но есть и вторая сторона: сохранение традиционной системы ценностей позволило адыгам с большим достоинством пронести сквозь нелёгкие испытания истории свою духовность и этнокультурное своеобразие. Поэтому героические символы исторического прошлого и духовного наследия продолжают жить и поддерживать народную картину мира.

С. Ш. Салакая

(Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа Академии наук Абхазии)

АБХАЗСКОЕ КНЯЖЕСТВО И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В 10–60-х гг. XIX в.

На протяжении нескольких десятков лет в XIX столетии Абхазское княжество, точнее его владельцы, были одними из главных проводников российской политики на черноморском побережье Кавказа. Однако такое положение сложилось не сразу. Абхазский владетель Келешбей, в начале XIX в. обратился с просьбой о принятии в русское подданство. Кавказское начальство получает инструкцию из Санкт-Петербурга, владетелю не отказывать, но быть крайне осторожным, что бы об этих контактах не узнала Турция. Вскоре, однако, произошел открытый разрыв Келешбея с Турцией, после чего Россия положительно ответила на просительные пункты Келешбея, однако официального подтверждения владетель не получил. После убийства Келешбея (1808) Российское правительство поддержало его сына Сафарбея (Георгия), который указом Александра I был признан владетельным князем

¹ Лапинский Т. Указ. соч. С. 339–340.

² АКАК. Т. XI. № 729. С. 852.

³ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX–начало XX века. Сборник документов и материалов / Научн. ред. Р. У. Туганов. Сост. Р. Х. Гугов, Х. А. Касумов, Д. В. Шабаев. Нальчик. 2000. № 40. С. 70–71.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ См.: Матвеев О. В. Потестарная культура адыгов на завершающем этапе Кавказской войны в свете современных научных интерпретаций (к 100-летию со дня рождения Л. И. Лаврова) // Кавказский сборник. Т. 7 (39) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2011. С. 333.

Абхазии и принят в российское подданство (17 февраля 1810). Он сумел уговорить влиятельного садзского князя Левана Цанба принять русское подданство. Однако Георгий оказался слишком слаб, постоянно нуждался в помощи и МИД предложил императору оставить Абхазию. Лишь резкий протест «проконсула Кавказа» А. П. Ермолова, заявившего, что сдача Абхазии приведет к уничтожению влияния России и пригрозившего отставкой, вынудило Александра I отвергнуть предложение К. Нессельроде.

Сын Георгия Дмитрий, с детства воспитывавшийся в Санкт-Петербурге, казался царской администрации идеальной фигурой, но забывший родной язык и обычае молодой владетель оказался еще менее популярным в народе, чем отец и умер через год, находясь практически в изоляции.

Его младший брат, последний владетель Абхазского княжества Михаил был совершенно иной фигурой. Получив прекрасное горское воспитание у знаменитого убыхского предводителя Хаджи Берзека, затем получил неплохое образование в России. Его мечтой было укрепление владетельской власти. Он понимал, что это будет возможно только при поддержке России. В то же время, российская администрация рассматривала его как наиболее подходящую кандидатуру, для проведения своей политики на черноморском побережье Кавказа. Усиление российского военного присутствия в Абхазии, одновременно приводит к укреплению власти Михаила Шервашидзе. Поэтому, речь идет не просто о слепом исполнении российской политики, а симбиозе, на определенном историческом этапе, устраивающем обе стороны. В интересах абхазского владетеля правительство приняло целый ряд мер (например, право ссылать своих подданных в Сибирь и т. д.), проводило военные мероприятия против непокорных Михаилу жителей горной части Абхазии (Цабал-Цебельда, Дал, Псху). Недаром, Наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич в письме к Александру II писал: «При Раевском власть абхазского владетеля стала вполне неограниченной». В свою очередь Михаил Чачба-Шервашидзе не только участвовал в военных экспедициях царских войск, но и пытался добиться мирного вхождения причерноморских горцев в состав Российской империи. Влияние Абхазских владетелей на соседей было традиционно велико. Оценивая самых влиятельных людей среди причерноморских горцев в 50-е годы XIX века, российские военные аналитики отмечали, что влияние Михаила Шервашидзе превосходит влияние популярных среди горцев Сафарбея Зана (Занок) и наиба Шамиля на Западном Кавказе Мухамеда Амина.

Правительство было настолько заинтересовано в услугах абхазского владетеля, что закрыло глаза на действия М. Г. Чачба-Шервашидзе в годы Крымской войны. Тогда Михаил сначала вывел из Абхазии русские войска (гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии) и расстроил союз Мухамеда Амина с убыхами, используя свои связи с Берзеками, но затем заключил с турками. И хотя он вскоре рассорился с ними и уехал из Абхазии к русским, Кавказский наместник Н. Н. Муравьев-Карсский и ряд других генералов Кавказской Армии потребовали отстранить М. Г. Шервашидзе от управления Абхазией. Однако правительство предпочло не заметить метаний абхазского владетеля, более того поручает ему восстановление разрушенных укреплений в Абхазии. Генерал М. Т. Лорис-Меликов пояснил ситуацию: «Мы не владеем Абхазией, а лишь занимаем ее». В 50-х гг. XIX в. генерал П. К. Услар (одновременно выдающийся ученый-кавказовед) так объяснял значение Абхазского княжества: «В общей системе кавказской военной политики Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта вместе с Цебельдою на большом протяжении границ своих соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для Западной части Закавказья и проводником нашего влияния на Черкесию».

Сам Михаил, что бы реабилитировать себя в глазах правительства участвует в экспедициях царских войск, устраивает встречи горцев, прежде всего убыхов и садзов (западно-абхазская этнографическая группа не подчинявшаяся владетелю Абхазии) с представителями кавказской администрации. С другой стороны он понимал, что окончание Кавказской войны, будет окончанием и его прежнего значения. Он являлся вдохновителем объединения западно-кавказских горцев, даже ввел в Абхазии специальный налог в пользу садзов и убыхов. В то же время Михаил продолжал убеждать их сложить оружие. Последний раз убыхи обратились за советом к абхазскому владетелю в конце 1863 г., на что последовал совет соглашаться на все условия, выдвигаемые царскими генералами, прося лишь о том, что бы их оставили на родной земле. К сожалению, горцы не прислушались к его советам, и большинство из них вынуждено было покинуть родную землю.

Также полностью подтвердились и опасения владетеля относительно как личной судьбы, так и Абхазии. Не прошло и месяца после окончания Кавказской войны, как в июне 1864 года Абхазское княжество было упразднено и преобразовано в Сухумский военный отдел, а сам Михаил Чачба-Шервашидзе был сослан в Воронеж, где и умер в апреле 1866 г.

**РОЛЬ А. М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА В ОРГАНИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КНЯЖЕСТВЕ БОЛГАРИЯ
И КАВКАЗСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ В КОНЦЕ 70 – НАЧАЛЕ 80-х гг. XIX в.**

В истории России было много замечательных личностей, внесших свой вклад в строительство государства. Благодаря их организаторским способностям, полководческому таланту, дипломатическому такту были присоединены народы и регионы, шло формирование империи «от моря до моря». В числе государственных мужей, посвятивших жизнь служению Отечеству, значительна доля элиты этнических меньшинств. Это представители княжеских и царских фамилий: Черкасские, Юсуповы, Урусовы, Лорис-Меликовы, Багратионы, Орбелиани, Разумовские и многие другие. Среди них особое место занимает род Дондуковых-Корсаковых, обрусевших калмыцких князей потомков известного калмыка Аючи.

Князь, генерал-адъютант и генерал от кавалерии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893), оставил яркий след в истории Российской империи, приняв участие в трех войнах XIX в.: Кавказской, Крымской и Русско-турецкой 1877–1878¹, что позволило ему проявить все грани «восприимчивой и необузданной натуры», как он сам о себе заметил, находясь уже на склоне лет².

Наш интерес к этой незаурядной личности в масштабах империи обусловлен его практической работой по созданию новой системы гражданского управления в Болгарском княжестве и Кавказском наместничестве. Балканы и Кавказ объединяли не только горы, похожий климат, темперамент жителей, но традиционная экономика, борьба народов за свободу, ментальность. Органы гражданского управления в обоих регионах были введены после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Проводил их, с небольшим разрывом во времени один и тот же человек, что позволяет сравнить их качество и место в жизни народов Балкан и Кавказа.

Александр Михайлович получил прекрасное образование в Благородном пансионе и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Полученные правовые знания в начале востребованы не были, поскольку он поступил на военную службу в качестве адъютанта наместника Кавказа князя М. С. Воронцова.

Сделав прекрасную карьеру, Дондуков-Корсаков в 1878 года был назначен командующим Восточным отрядом в Болгарии, а 16 апреля 1878 г. произведен в генералы от кавалерии.

Для управления освобожденных от турецких войск районов, в Болгарии было создано Русское гражданское управление, которое взялось за организацию мирной жизни в Софии, Златиче, Этрополе, Самокове, Дупнице, Радомире, Ихтимане, Кюстидиле, Джумае и в других округах, где занималось административно-территориальным устройством, восстановлением военного и экономического потенциала, решало культурно-просветительские вопросы. Управление в Болгарии последовательно возглавляли князь Черкасский, генерал Анучин, князь Дондуков-Корсаков³.

Российская администрация в Болгарии начала работу с реформирования судебной сферы, поскольку старая турецкая судебная система, основанная на постулатах шариата, была отменена. Ее результатом стало создание 8 губернских и 56 окружных судов. В сельской местности учреждались земские суды⁴.

В области финансов деятельность российской администрации в Болгарии ограничилась принятием мер к охране налогов и к упорядочению действий администрации по сбору податей с населения⁵.

Для устройства средних и духовных училищ были выделены пособия из российской казны. Значительное число молодых людей было отправлено в Россию для получения образования в гимназиях, университетах и военных заведениях, с выдачей им государственных стипендий.

¹ Подробнее см.: Портрет и биография генерал-адъютанта кн. А. М. Дондуков-Корсакова. Написана Н. А. Волконским // Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис, 1882. Отд. оттиск; Русский биографический словарь. Дабелов-Дядьковский. СПб., 1905. Т. 6; Овсяный Н. Р. Русское управление в Болгарии в 1877–1879 гг. Ч. II. Российский Императорский комиссар в Болгарии, генерал-адъютант кн. А. М. Дондуков-Корсаков. СПб., 1906; Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 9 и др.

² Мои воспоминания 1840–1844 гг. Князя А. М. Дондукова-Корсакова. СПб., 1902. С. 4.

³ Александрович С. С. Реформы русского гражданского управления в Болгарии (январь-май 1878 г.). Минск, 2010. С. 158.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Овсяный Н. Р. Устроители Болгарии: князь Черкасский, кн. А. М. Дондуков-Корсаков и Столыпин // Русская старина. 1909. № 3. С. 168.

После подписания Берлинского трактата кн. А. М. Дондукову-Корсакову было поручено подготовить проект Органического устава княжества (Конституции)¹.

За основу Органического устава были взяты апробированные в соседних государствах положения сербской и румынской конституций, идеи юриста С. И. Лукьянова и рекомендации Дондукова-Корсакова. В соответствии с проектом, Болгария должна была стать наследственной конституционной монархией. Высшими правительственными учреждениями должны были стать: Государственный совет, который де-факто становился верхней палатой народного представительства, Совет Министров, министерства.

Принципиальной новизной отличались пункты Устава, закрепившие основные либеральные свободы в новой Болгарии: равенство всех граждан перед законом, право частной собственности, неприкосновенность личности и жилища, свобода печати.

В конце октября проект Органического устава был завершен и передан для анализа в Особое совещание при II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где были внесены изменения либерального характера. Петербургский проект подчеркивал конституционный характер Болгарского княжества. Расширялись полномочия Народного собрания. Ни один принимаемый закон не мог быть издан, изменен или отменен без предварительного принятия и обсуждения его Народным собранием.

Новый проект Устава был получен Дондуковым-Корсаковым в январе 1879 г., а на 10 февраля 1879 г. был назначен созыв Народного собрания Болгарского княжества для обсуждения проекта, которое должно было стать фактически Учредительным собранием, но его права были ограничены как решениями Берлинского конгресса, так и самим текстом программы преобразований.

Открывая собрание, князь Дондуков-Корсаков подчеркнул, что предлагаемый вариант Органического устава имеет рекомендательный характер и предлагается в качестве версии для облегчения работы депутатов, которые имеют право свободно обсуждать и изменять любые статьи проекта. Чтобы избежать обвинений в давлении на депутатов, императорский комиссар сразу после открытия собрания покинул Тырново, подчеркнув тем самым независимость депутатов в принятии решений. Уполномоченным в Собрании с «чисто совещательным голосом» был назначен С. И. Лукьянов. Предложенная версия преобразований была принята депутатами Народного собрания.

Гражданам княжества предоставлялось прямое равное избирательное право (ст. 86 Конституции)², за депутатами народного Собрания закреплялось право законодательной инициативы (ст. 109), запрещались титулы благородства и иные отличия в княжестве (ст. 58). Ст. 79 Конституции гарантировала свободу печати, запрещала всякую цензуру, провозглашала свободу собраний и дружеств (ст. 82, 83). Государственный совет упразднялся, а его полномочия распределялись между Народным собранием, Советом Министров и судом высшей инстанции. Все налоги и государственные сборы устанавливались только с согласия Народного собрания, а возможные кредиты у иностранных государств не могли быть заключены без согласия депутатов³.

Введение в Конституцию Болгарии столь демократических институтов, которые не существовали даже в Англии, считавшейся эталоном конституционной монархии, делало ее одной из самых либеральных и прогрессивных стран Европы⁴.

Завершив работу по созданию новой формы государственности в Болгарии, А. М. Дондуков-Корсаков был отозван в Петербург, где ему предложили должность Главноуправляющего на Кавказе с тем, чтобы он сформировал новую систему управления, основанную не на чрезвычайных началах, введенных в годы Кавказской войны в форме Кавказского наместничества, а на основе гражданских законов Российской империи.

Институт наместничества как особая форма государственно-административного устройства крупнейшего региона страны был признан излишним. В административной политике страны победила идея централизации управления, направленная на усиление вертикали власти, поскольку часть министров коронного правительства видели в самостоятельности кавказской администрации главное препятствие к полной интеграции Кавказа в общероссийскую систему управления⁵. Указом от 29 января 1882 г. должность Наместника Кавказского и Кавказский комитет упразднялись⁶.

¹ Коротких М. Г. История создания Тырновской Конституции 1879 г. URL. <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=187071> Дата обращения 10.06.2014 г.

² Конституция на Българското царство. София, 1914. С. 20.

³ URL. <http://mykpzs.ru/konstitucionnoe-pravo-bolgarii/> Дата обращения 03.06.2014 г.

⁴ Коларов В. Избранные произведения. В 2-х т. София, 1955. Т. 2. С. 310.

⁵ Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. Владикавказ, 2005. С. 194.

⁶ Об упразднении Кавказского комитета от Ноября 29-го 1882 г. // ПСЗРИ. Собр. III. Т. II. № 637. СПб., 1882. С. 28.

Издание указа «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» от 26 апреля 1883 г., положило начало формированию новой системы управления Кавказом. Позже, положения нового указа получили более детальное освещение в «Учреждении управления Кавказского края»¹, к составу которого были отнесены Северный Кавказ и Закавказье. Данный документ оформил новую структуру управления Кавказским регионом, включавшую в себя назначаемого начальника в лице Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, его помощника, Совета Главноначальствующего, Управления отдельными частями разных ведомств, местные губернские и областные учреждения.

Полномочия Главноначальствующего, в сравнении с властными функциями наместников были существенно урезаны: «Права и обязанности Главноначальствующего по внутреннему управлению, а также отношение его к Верховной власти, определялись «Общей инструкцией генерал-губернаторам»². То есть новый управляющий Кавказа наделялся полномочиями обычного российского генерал-губернатора с незначительно расширенными правами в сфере охраны порядка и руководства частями Кавказского военного округа. Все административные и общественные учреждения края (за исключением контрольного ведомства) находились в подчинении Главноначальствующего, которому предоставлялось право инспектировать и координировать их деятельность для выявления должностных нарушений, о чём он обязывался ставить в известность Правительствующий Сенат и соответствующее министерство.

В целом, управленческая стратегия российского правительства в начале 80-х гг. XIX в., способствовала механическому распространению на Кавказе общероссийской системы управления. К сожалению, был забыт в целом эффективный опыт работы Кавказского наместничества второй половины XIX в., когда управление всеми звеньями власти было отдано в руки компетентных военных и гражданских чиновников, имеющих опыт работы на Кавказе, знающих и понимающих этнические, психологические, социальные и политические особенности жителей региона.

Сравнительный анализ систем управления в Болгарском княжестве и на Кавказе показывает, что, несмотря на то, что в обоих случаях преобразования проводил Дондуков-Корсаков, их качество оказалось далеко не равнозначно. В Болгарии была создана в целом демократическая система управления, поскольку каждый шаг российской администрации определялся европейскими стандартами государственного управления.

В рамках же Российской империи апробированный опыт Болгарии был не востребован. В консервативных кругах правительства торжествовал принцип: «для россиян плохо все, что хорошо для Европы». Начинался период «закручивания гаек», контрреформ, борьбы с влиянием Запада. Поэтому ликвидация наместничества не улучшила, а скорее ухудшила качество управления Кавказским регионом.

А. Горак

(Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша)

БОРЬБА П. А. ШУВАЛОВА ЗА ЦЕНТРАЛИЗАЦИЮ ЖАНДАРМЕРИИ И РЕАКЦИЯ НАМЕСТНИКА КАВКАЗА

Вторая половина 60-х гг. XIX в. принесла существенные изменения в функционирование жандармерии в Российской Империи³. Среди причин этих реформ указываются частные причины, как и процессы более общей природы. Чтобы создать вертикаль власти – отдельную службу, нужно было освободить политическую полицию, как от влияния военных структур, как и гражданской администрации, в том числе наместников⁴. В этом контексте нужно помнить, что жандармерия это не только политическая полиция, которая боролась с внутренними врагами царя и государственного

¹ К истории высшего гражданского управления Кавказского края. Публ. Г. Г. Лисицыной // Россия и Кавказ сквозь два столетия: Исторические чтения. СПб., 2001. С. 287–319.

² Там же. С. 317.

³ Próchnik A. Żandarmeriana ziemiach Królestwa Polskiego // он же, Studia i szkice (1864–1918). Warszawa, 1962. С. 47–104; Kozłowski J. Reorganizacja żandarmerii w Królestwie Polskim (1861–1864) // Przegląd Historyczny. T. 87 (1996). Тетр. 3. С. 579–589; Kozłowski J. Żandarmeria w Królestwie Polskim w latach 1867–1880 // Przegląd Historyczny. T. 89 (1998). Тетр. 1. С. 49–68.

⁴ Имперские власти неоднократно упортебляли эту модель управления к Грузии и на территории бывшей Речи Посполитой: Górak A., Ustrój administracji rosyjskiej na Kaukazie (1785–1844) // Kaukaz w stosunkach międzynarodowych. Przeszłość, teraźniejszość, przyszłość, ред. P. Olszewski, K. Borkowski, Piotrków Trybunalski, 2008. С. 87–114.

строю, но также осуществляла общий надзор на администрацией. В проекте с 1867 г. читаем: «Для наблюдения за состоянием умов всех жителей Империи и правильным отправление администрации, был сформирован в 1826 г. Корпус Жандармов...»¹.

Очевидно осуществление контроля над администрацией не могло не возбуждать попыток сопротивления с ее стороны. И тут надо вспомнить, что на территории бывшей Речи Посполитой и на Кавказе администрация и жандармерия первоначально была подведомственны наместникам. Правда, наместник не был чиновником МВД, но он был заинтересован в позитивных оценках аппарата управления вверенного ему края, чем успехах жандармов в раскрытии злоупотреблений чиновников. В этом отношении дело политического контроля над администрацией было поводом соперничества наместника края с шефом жандармов.

Введение нового Положения, а в последствии явных и секретных инструкций для офицеров жандармерии, было поводом к оживлению отношений между сторонами и позволяет нам легче показать их позиции и аргументы.

После завоевания Кавказа и подавления Январского восстания в Польше, пришло время для разработки нового статуса и формулы деятельности жандармерии, в так называемой мирной обстановке. Все-таки надо обратить внимание, что хотя сопротивление коренных народов Кавказа было уже подавлено, край все же сильно отличался от внутренних губерний системой управления и самостоятельностью местных российских властей, и особенно наместника. С другой стороны почти одновременно власть пришла к ключевой переоценке задач и позиции политической полиции в Империи в целом, в связи с переменой политики Александра II.

Что интересно, сначала была преобразована жандармерия в Царстве Польском и Наместничестве Кавказском с помощью одного закона от 21 декабря 1866 г. (2 янв. 1867)², который значительно увеличивал независимость начальника округа жандармерии от наместника и других ведомств³.

Управления округов были подчинены шефу жандармов по строевой части, посредством штаба корпуса, а по наблюдательной – III Отделению Собственной ЕИВ Канцелярии. Прямое начальство было вверено начальникам округов на правах командиров дивизий. Начальники были обязаны представлять ежемесячные отчеты и другие срочные донесения о состоянии дел в округах в штабы, главный и корпуса жандармов. Наблюдательская деятельность была регулирована особыми инструкциями. Очень важным был § 15: «В наблюдательном отношении, жандармские чины исполняют и все предписания наместника, обращенные к ним непосредственно, хотя бы помимо ближайшего своего начальства, донося о последствиях исполнения надобных поручений, как наместнику, так и своему начальству». Положение подчеркивало, что жандармские чины по наблюдательной части подчиняются лишь своему прямому начальству и от других лиц поручений не принимают. Начальников округов назначал император, а штабс-офицеров и класных чиновников управлений – шеф жандармов по согласованию с наместником (§28). Ст. 30-я воспрещала назначения штаб-офицеров и обер-офицеров, а даже чиновников из лиц польского происхождения. Комплектование состава нижних чинов происходило на основании правил с 1865 г.⁴, но с запретом принятия на службу в этих округах поляков, католиков и евреев (даже крещенных).

Новое положение для жандармерии внутри Российской империи было издано 9 (21) сентября 1867 г.⁵ Положение уничтожало округа кроме 8-го, который был переименован в Сибирский. С этого времени в основной части Империи существовали лишь жандармские губернские управления.

Очевидные попытки Шувалова, направленные на полное подчинение администрации жандармерии натолкнулись на сопротивление, более или менее самостоятельных, руководителей регионов: Ф. Ф. Берга, Э. Т. Баранова, а особенно Великого князя Михаила Николаевича. Борьба шла за господство в сфере контроля над обществом и администрацией. Император имел выбор между старой системой в виде сосредоточения надзора в руках местных особых, вневедомственных субъектов – наместников и генерал-губернаторов, и централизованной, специализированной политической

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 2992. Л. 148.

² ПСЗРИ II. Т. 41 (1866), № 44022, 21 декабря 1866 г. Высочайше утвержденное положение о варшавском и кавказском жандармских округах, (дополнение к положению № 44022 а).

³ Ивангород и Новогеоргиевск. Крепостной статус гор. Замостья отменен 6 (18) сент. 1866 г. – ПСЗРИ II. Т. 41 (1866). № 43622. Упразднение замосьцкой крепостной жандармской команды и формирование особой жандармской команды в городе Лодзе.

⁴ ПСЗРИ II. Т. XL (1865). Ч. 1, № 42473, 18 сентября 1865 г. Правила о комплектовании жандармских частей.

⁵ ПСЗРИ II. Т. XLII (1867). Ч. 2. № 44956, 9 сентября 1867 г. Высочайше утвержденное положение о корпусе жандармов.

полицией. Что характерно для таких перемен, спор принял персональный характер, в котором все зависело от такта, чем от ожидаемой пользы для государства. Речь шла, с одной стороны о доверие и исполнительности главных начальников, а с другой о признании угроз наблюдаемых жандармерией, на местах и в государстве в целом.

С начала у графа Шувалову все шло гладко. Он дипломатически подготавливал свои планы. Заранее встретился с Великим князем Михаилом Николаевичем на совещании для обсуждения направления перемен и получил его общее одобрение, о чем немедленно заявил императору¹. Дело в том, что Великий князь, выработанные формулы воспринимал буквально. Следовательно, как во время встречи в Петербурге, так и в рескрипте к Шувалову от 2–14 ноября 1866 г. он выражал «полное сочувствие», а равно и согласие на изменение существовавшего до ныне порядка подведомственности Кавказского жандармского округа.

Уже само Положение произвело негативное впечатление на Кавказского наместника, а присланные ему инструкции для чинов варшавского жандармского округа, в качестве образца для кавказского округа², убедили Великого князя, в том, что Шувалов его обманул. Его ответ можно считать резким³.

Возражения Кавказского наместника не произвели впечатления на гр. Шувалове. Правда, принятая процедура не допускала введения законов на Кавказе без согласия наместника. Здесь проявлялось игнорирование со стороны Шувалова протестов наместника. Это может свидетельствовать, что он был убежден в поддержке императора. Наверно поэтому он играл свою роль далее, как бы, не понимая аргументов соперника. Он указывал на параграфы проекта инструкции для жандармов, в которых сказано, что жандармские чины: немедленно ставят в известность ту власть, от которой зависит устранение зла; с местной властью действуют единодушно; содержание донесений своих начальнику округа, сообщают, для сведения и тем учреждениям, ведению которых подлежат исполняемые ими дела; начальник же округа о важнейших обстоятельствах докладывает наместнику. В дальнейшем он объяснял, что не вносил прямых регламентаций в положение на том основании, что означенные вопросы решает инструкция, (для варшавского жандармского округа уже утвержденная)⁴.

Очевидно, что такие общие и неточные формулировки не могли успокоить Кавказского наместника. Он хотел сохранить контроль и над администрацией и жандармским ведомством, последовательно ссылаясь на «словесное соглашение» и разные высшие ценности, в реакции на указанные Шуваловым фразы инструкции наместник ответил: «Я немогу не выразить, что я ненахожу в них осуществления основного начала нашего соглашения, а именно: что никакое предписание шефа жандармов и III Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии чинам кавказского жандармского округа и равно никакое донесение сих последних своему начальству не остаются неизвестным наместнику»⁵. На этом рескрипте Шувалов записал: «я удивляюсь, что великий князь так превратно толкует проект инструкции».

Прежде чем Михаил Николаевич получив ответ, он сделал еще один шаг. Убедившись, что Шувалов может так с ним играть еще долго, начал искать другие обходные пути и в письме от 13 марта 1867 г. он просит прислать инструкции, изданные для офицеров жандармских округов, находящихся во внутренних губерниях Империи – для изучения⁶.

В то же время, в ответе на рескрипт от 31-го марта, Шувалов убеждал наместника, что он не нарушил одобренных начал, и если проекты инструкций не удовлетворяют его позицию, то это надо отнести скорее к недоразумению. В итоге он не согласился переменить хотя бы одно слово в проекте. Это письмо Шувалов окончил фразой находившейся в сильном контрасте с его содержанием: «С чувством глубокого высокопочитания и неизменной преданности имею честь быть вашего императорского высочества»⁷. Наместник Кавказа ответил аналогично, если не более любезным тоном. Он отверг «абсурдные» подозрения шефа жандармов, что он желает, чтобы жандармские штаб-офицеры доставляли ему копии со всех донесений, которые они представляют своему непосредственному окружному

¹ ГАРФ. Ф. 110 Штаб Отдельного Корпуса Жандармов. 1827–1917. Оп. 2. Д. 1108 «С инструкциями чинам Варшавского и Кавказского Ж-х Округов». Л. 8–9 об. Вел. кн. Михаил Николаевич – гр. П. А. Шувалов, 21 февраля 1867 г.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 1. гр. П. А. Шувалов – Вел. кн. Михаил Николаевич, 12 февраля 1867 г.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 8–9 об. Вел. кн. Михаил Николаевич – гр. П. А. Шувалов, 21 февраля 1867 г.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 31–31 об. Гр. П. А. Шувалов – Вел. кн. Михаил Николаевич, 21 февраля 1867 г.

⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 33–36. Вел. кн. Михаил Николаевич – гр. П. А. Шувалов, 31 марта 1867, Тифлис.

⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 37–38. Вел. кн. Михаил Николаевич – гр. П. А. Шувалов.

⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 39–42. Об. Гр. П. А. Шувалов – Вел. кн. Михаил Николаевич, 28 апреля 1867.

начальству. Наместник тщательно определил, какая процедура удовлетворит его пожелания и не нарушит его позиции главного начальника края. Он считал нужным, чтобы те из донесений жандармских офицеров были ему докладываемы, которые относились к центральному управлению по наблюдательной части. А так как Шувалов убеждал, что в центральное жандармское управление доходят только донесения о важнейших делах по наблюдательной части, то этим самым может разрешиться и пожелание наместника – чтобы они не оставались ему неизвестными. Далее наместник доказывал, что тоже самое относится и к предписаниям, исходящим от шефа жандармов или III-го Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии к чинам кавказского жандармского округа. Наместник желал быть поставленным в известность о таких предписаниях, которые возлагались на жандармских чинов по части наблюдательной, и конечно не касаясь вопросов хозяйственных или административных¹. Надо подчеркнуть, что такой порядок сношений центральных ведомств с местными кавказскими органами наблюдался и в других государственных структурах.

Одновременно к Шувалову был направлен рескрипт наместника, содержащий более подробные замечания на проект инструкции. Наместник сообщал в нем, что, по его мнению, в проекте инструкции проведена мысль о предоставлении жандармским чинам обширной, независимой, распорядительной власти. Интересно, что Великий князь считал, что такой порядок мог быть временно допущен в Царстве Польском, но не на Кавказе, где по его мнению, населению, исключая разве некоторые, самые малочисленные группы населения, чужды все те политические стремления, которые проявлялись в западных частях империи². В последствии Великий князь сформировал, можно сказать, основу желаний исполнительной власти в отношении жандармерии:

1. Жандармские чины не приступают самостоятельно ни к каким мерам, ни предупредительным, ни исполнительным.

2. Обо всем заслуживающем внимания жандармские офицеры обязаны: в уездах сообщать уездному начальнику, а в губернских городах докладывать губернатору, донося вместе с тем и своему начальству.

3. Жандармские чины обязаны исполнять всякия требования губернаторов, в рамках их компетенции, присутствовать при следствиях, сопровождать губернатора. О всяком требовании и поручении губернатора они доносят своему начальству.

4. Жандармские чины не должны ни с какими требованиями обращаться к губернским и уездным властям, минуя губернаторов.

5. Губернаторы имеют право наблюдать за действиями губернских жандармских чинов и обо всех нарушениях сообщать начальнику жандармского округа.

В заключение Великий князь выразил надежду, что при предлагаемых началах не возникнет между представителями и исполнителями правительственной власти таких столкновений, которые бы угрожали правильному отправлению служебных обязанностей и не будет, вместе с тем, никаких препятствий к исполнению той задачи, которая возложена на Шувалова и на корпус жандармов³.

Из переписки о введении на Кавказе варшавской инструкции видно, что наместник положительно отнесся к этому, но с коррективами, полагая, что она будет полезна и для других частей империи⁴.

Разногласия между сановниками закончились изданием 1/13 августа 1870 г. положения «О преобразовании кавказского жандармского округа»⁵. Царь по предложению Военного Совета утвердил 14 существенных изменений в Положении. Эти изменения обозначали унификацию кавказского округа жандармерии с внутренними губерниями, а его сходство с варшавским округом почти исчезло. Пункт 1-й предусматривал сохранение силы §§ 15 и 28 Положения о кавказском жандармском округе и ст. 315 кн. III, ч. 1 Свода Военных Постановлений изд. 1869 г., определяющих предыдущее отношение жандармерии на Кавказе к наместнику. Одновременно было ликвидировано управление кавказского округа жандармов, и все части жандармерии подчинялись местной администрации и

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 43–44 об. Вел. кн. Михаил Николаевич – гр П.А. Шувалов, 14 июня 1867, Боржом.

² Указ ЕИВ из Правительствующего Сената, 28 октября 1866. Циркуляр министра внутренних дел от 12 октября 1866.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 54–60. Рескрипт кавказского наместника об инструкции чинам Кавказского Жандармского Округа, 14 июня 1867.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1108. Л. 62. справка.

⁵ ПСЗРИ II. Т. (1870) ч. 2, № 48608, выс. утв. положение военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству 31-го того же августа (высочайшее повеление это объявлено Сенату Военным Министром 18 сентября 1870 г.). О преобразовании кавказского жандармского округа.

центральному управлению корпуса жандармов. Пункт 3-й определял, что штаты губернских жандармских управлений на Кавказе будут унифицированы со штатами таких же управлений внутри империи (утвержденных 9 сент. 1867 г., за № 44956).

Конечно, происходившие процессы централизации Великий князь Михаил Николаевич не был в состоянии задержать. Постепенно политический надзор над администрацией посредством доверенных лиц – главным образом наместников, генерал-губернаторов и губернаторов уходил в прошлое. Роль и власть наблюдательных служб усиливалась. На самом деле все это и было предпосылками того зла, о котором писал Михаил Николаевич. А в европейском современном государстве осуществление контроля над администрацией без административной юстиции и гражданского общества было невозможным. Расширение полномочий жандармерии было успешным в кратковременной перспективе, но в долгосрочном отношении империя проигрывала.

А. Н. Птицын

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ЭМИГРАНТЫ ИЗ КАРПАТСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ АВСТРО-ВЕНГРИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На рубеже XIX – начале XX в. на Кавказе доля иностранцев среди всего населения была самой высокой по сравнению с другими регионами Российской империи. Приток зарубежных переселенцев обуславливали такие факторы, как наличие свободной земли и иных природных богатств, бурное экономическое развитие региона, вызывавшее потребность в рабочих руках, капиталах и предприимчивых людях, сравнительно благоприятный климат, близость к портам и границам и т.д.

Среди иностранцев, прибывавших на Кавказ, доминировали выходцы из двух азиатских (Персии и Турции) и двух европейских стран (Германии и Австро-Венгрии). По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., всего на Кавказе проживало 2111 подданных Австро-Венгрии и 2573 уроженца этой страны. Распределение австро-венгерских выходцев по кавказским губерниям и областям было неравномерным. 60 % от их общего количества проживало на Северном Кавказе, 40 % – в Закавказье. Больше всего эмигрантов было зафиксировано в Черноморской губернии и Кубанской области, где существовало около десятка чешских колоний. В то же время, около половины австро-венгерских переселенцев, находившихся в кавказском регионе, проживало в городах. Среди них преобладали мужчины, что было связано с их большей социальной мобильностью¹.

Примечательно, что если в целом по России количество австро-венгерских подданных значительно превышало количество уроженцев этой страны, то на Кавказе ситуация была прямо противоположной. Это объяснялось тем, что проживавшие здесь переселенцы в силу значительной удаленности от своей родины рассматривали свое пребывание как постоянное и были более склонны к перемене подданства, чем в других регионах. Таким образом, процесс ассимиляции австро-венгерских подданных на Кавказе шел более быстрыми темпами, чем в целом по стране.

Среди австро-венгерских иммигрантов на Кавказе были представлены, почти исключительно, славяне. Больше всего в составе переселенцев было чехов. В состав австро-венгерской диаспоры входили также, по мере убывания численности, словаки, русины, словенцы. Среди австро-венгерских эмигрантов на Кавказе были отдельные немцы, венгры и евреи. Точную численность иммигрантов различных национальностей установить трудно, т. к. сведения о небольших этнических группах, как правило, не находили своего отражения в материалах статистики.

Австро-венгерская миграция в Россию, в целом, и на Кавказ, в частности, носила экономический, трудовой характер. Ее участники отправлялись на восток в поисках заработка, возможностей для ведения торговли и иной предпринимательской деятельности, открытия собственного дела, приобретения собственности и т. д. Российское общество неизменно оказывало заграничным славянам благосклонный прием.

С середины XIX в. из словацких земель в нашу страну каждый год отправлялись тысячи торговцев, среди которых были т. н. шафранники (продавцы специй и лекарственных трав), олейкары (торговцы растительным маслом и благовониями), продавцы полотна, галантереи, мелких металлических и ювелирных изделий, керамики и прочего мелочного товара. В Северной Словакии были

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. II. С. 122–123, 228.

общины, где, по данным словацких историков, почти в каждой семье кто-либо из мужчин торговал в России¹.

Часть торговцев добиралась и до кавказских губерний, где вела разносную и развозную торговлю, преимущественно в сельских районах. Примечательно, что словацкие торговцы добирались даже до высокогорной Теберды. Словацкие торговцы поделили Россию на «сферы влияния» и приезжали в тот или иной регион из года в год. В частности, одна из таких групп торговала на Северном Кавказе. Так, в 1880 г. годовые билеты на право жительства в России, обязательные для всех иностранцев, в канцелярии ставропольского губернатора получили 10 словацких торговцев и приказчиков. Только двое из них прибыли непосредственно из Австро-Венгрии (из городов Святой Мартин и Тречин), остальные же находились в нашей стране и в предшествующем году, при этом прошлогодние билеты на жительство двое словаков получили в Ставропольской губернии, двое – в Терской области, один – на Кубани и еще трое – в Донской области².

Особую группу словацких переселенцев в Российской империи составляли ремесленники-металлисты, называемые на родине дротарями (жестянщиками). Они специализировались на изготовлении изделий из жести и проволоки, починке посуды, паяльных работах и т.п. Дротари появились на российских просторах в середине XIX в. и нашли там обширный рынок сбыта, отсутствие конкуренции и благожелательное отношение местного населения. Вначале дротари странствовали по стране, затем постепенно стали оседать в различных городах, открывая там свои мастерские. По подсчетам словацких историков, всего в нашей стране действовало около 80 дротарских мастерских, некоторые из них со временем выросли в крупные предприятия. На Кавказе крупные дротарские мастерские действовали в Баку (владельцы – Йозеф Белон и Ян Кнохик) и Тифлисе (владелец – Йозеф Белон). В последней, в частности, было занято 28 словацких рабочих. В деятельности словацких ремесленников, как и торговцев, большую роль играли родственные и земляческие связи³.

Словаки, которые в начале Первой мировой войны находились в Кубанской области и Черноморской губернии, были представителями следующих профессий: торговец, крупчатник, чернорабочий, бухгалтер, зубной врач, а также домохозяйка⁴.

Среди русинов, переселявшихся в нашу страну, большинство составляли сельскохозяйственные и неквалифицированные рабочие («чернорабочие»), в числе которых были и женщины. Всего в нашей стране, по данным переписи 1897 г., трудилось 26 тысяч сельскохозяйственных и промышленных рабочих, бывших уроженцами Австро-Венгрии (в том числе 6 тысяч женщин)⁵. Русины-«чернорабочие» на рубеже XIX–XX вв. проживали в отдельных хуторах Ставропольской губернии, Донской и Кубанской областей. Также среди «чернорабочих» на Ставрополье и Кубани были словаки. Кроме того, в качестве чабанов в восточных районах Ставропольской губернии работали румыны из Трансильвании⁶.

Карпатские и балканские славяне, в отличие от чехов, в качестве крестьян-колонистов в Россию переселялись редко. Попытку организовать массовое переселение галицийских русинов на Кавказ на рубеже 1880–1890-х гг. предпринял один из лидеров русинского национального движения священник Иван Григорьевич Наумович. Он разработал проект переселения безземельных галичан на Черноморское побережье Кавказа, как альтернативу их массовой эмиграции в Америку. И. Г. Наумовичу удалось договориться с российскими властями о возможности покупки галичанами земли на побережье по низкой цене – 5 руб. за десятину, причем в рассрочку. Благодаря его посредничеству, в Сухумский округ переселилось несколько групп галицийских крестьян, основавших там поселения Наумовичи и Старую Черниговку. В 1891 г. И. Г. Наумович совершил поездку на Кавказ для подбора мест дальнейшего переселения, но внезапно скончался в Новороссийске. Его смерть разрушила переселенческие планы⁷.

¹ Рокина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань. 2005. С. 214.

² ГАСК. Оп. 4. Д. 913–915, 917, 1830, 1915.

³ Голец Р. Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // Мифы-стереотипы-образы. Восприятие Словакии в России. Братислава–Йошкар-Ола. 2010. С. 30; Пукиш В. С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010. С. 290.

⁴ Пукиш В. С. Чехи Северного Кавказа. С. 289–290.

⁵ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. 34.

⁶ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1830. Л. 161–166.

⁷ Мончаловский О. А. Житье и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899. С. 91–94; Пукиш В. С. Чехи и русины на Северном Кавказе: переселенческие планы и их реализация // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 4. Краснодар-Киев, 2010. С. 274–280.

В конце 1891 г. была сделана попытка организовать переселение на Кавказ подкарпатских (венгерских) русинов. Их представитель Константин Турков, ссылаясь на опыт И. Г. Наумовича, обратился к графу С. А. Шереметьеву, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, с предложением организовать в Сухумском округе русинскую колонию. Он писал о том, что «наши люди сейчас толпами выселяются в Америку и там зарабатывают много денег», однако приобрести землю и заниматься привычным крестьянским трудом там не могут. Поэтому, если российские власти предоставят русинам землю на Кавказе, то туда направится поток переселенцев не только из Венгрии, но и из США. Предложение К. Туркова было рассмотрено в управлении кавказского наместника и в министерстве государственных имуществ, после чего он получил ответ об отсутствии «свободных земель для поселения» на Черноморском побережье Кавказа (в действительности тамошние земли были крупными массивами розданы высшим чиновникам и членам царской семьи и заселялись арендаторами – турецкими армянами и греками)¹.

Единственная словенская колония в России, называвшаяся Итальянский хутор, возникла на рубеже 1870–1880-х гг. в окрестностях г. Владикавказа. Ее название было связано с тем, что основатели колонии (Матеуж Рутар, Матеуж Приможич и Иван Терлихер) принадлежали к числу резьянских словенцев, живших на территории Италии неподалеку от австрийской границы. Они были странствующими торговцами, ведшими дела на Северном Кавказе, и по случаю смогли дешево купить участок земли, куда затем перевезли свои семьи и пригласили несколько семей земляков. В этой колонии насчитывалось 8 дворов и примерно полсотни жителей².

Особую группу переселенцев из Австро-Венгрии составляли представители интеллектуальных профессий, главным образом, учителя. С середины 1860-х гг. российское министерство просвещения стало активно приглашать из Габсбургской монархии преподавателей латинского и греческого языков, острая потребность в которых возникла в связи с проводимой в то время гимназической реформой. Также приглашались учителя новых европейских языков – французского и немецкого. Целый ряд приглашенных учителей был направлен на работу в Кавказский учебный округ. Среди них были чехи, словаки, русины, словенцы и хорваты. Они внесли свой вклад в развитие просвещения на Кавказе.

Галичанин Лев Григорьевич Лопатинский в 1883–1889 гг. являлся инспектором Пятигорской прогимназии, а затем почти три десятка лет, вплоть до 1917 г., занимал должность инспектора Кавказского учебного округа. После революции он служил профессором филологии в Тбилисском и Бакинском университетах. Л. Г. Лопатинский получил известность и в качестве ученого-филолога, он составил одну из первых грамматик кабардинского языка и русско-кабардинский словарь³.

Также на Кавказе в последней трети XIX в. в качестве учителей древних языков работали русины Николай Григорьевич Лопатинский (брат Л. Г. Лопатинского) – в Кутаисе (Кутаиси) и Ставрополе, Матвей Григорьевич Астряб – в Кутаисе и Екатеринодаре (Краснодаре), Венедикт Осипович Борковский – в Эривани (Ереване) и Елизаветполе (Гяндже), Александр Федорович Редька – в Кутаисе, Александр Дмитриевич Шушковский – в Эривани. Еще один русин – Иван Осипович Порубальский – преподавал немецкий язык в Шуше и Кутаисе.

Словак Петр Игнатьевич Твердый в 1880-е гг. служил в Эриванской гимназии в качестве учителя древних языков и инспектора, затем занимал должность инспектора Бакинского реального училища, а закончил свою карьеру в середине 1890-х гг. в качестве директора Бакинской Мариинской женской гимназии. Его земляк Игнат Григорьевич Станко в первой половине 1880-х гг. являлся преподавателем латинского и греческого языков в Тифлисской (Тбилисской) гимназии. Еще один словак – Людвиг Осипович Стовик во второй половине 1880-х гг. работал учителем немецкого языка в Шушинском реальном училище. Хорват Адольф Фабианович Якшич был учителем древних языков в Ставропольской (1878–1880) и Тифлисской гимназиях (1880–1888). Словенец Андрей Яковлевич Юртела преподавал французский и немецкий язык в Ставропольской гимназии в 1887–1902 гг.

Таким образом, среди иностранцев, активно переселявшихся на Кавказ во второй половине XIX – начале XX в., были представлены карпатские и балканские славяне: русины, словаки, словенцы и другие. Они были представителями различных профессий – торговцами, ремесленниками, крестьянами, рабочими, учителями и др. В целом, переселенцы смогли достаточно быстро адаптироваться

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 28. Д. 17699. Л. 4–6.

² Дрновшек М. Словенские миграции и Россия в XIX в. // SLOVENICA I: История и перспективы российско-словенских отношений. СПб., 2011. С. 41–42.

³ Бекоева Т. А., Кусова Л. Б. Просветительская деятельность Л. Г. Лопатинского в Северо-Кавказском регионе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2010. № 4. С. 52–54.

к жизни в новых условиях, заняв определенные социальные и профессиональные ниши. Приезжавшие в нашу страну представители славянских народов играли роль посредников в налаживании экономических, культурных и прочих контактов между славянскими землями и Россией, способствовали взаимному знакомству и взаимодействию славянских народов. После суровых испытаний Первой мировой и гражданской войн часть славянских переселенцев вернулась на свою историческую родину, остальные остались в России, прочно связав с ней свою судьбу и став частью многонационального российского социума.

Л. Т. Соловьева
(Институт этнологии и антропологии РАН)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЙОНЕ АБХАЗО-ГРУЗИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Изучение многообразных процессов, происходящих в зонах этнического пограничья, представляет большой интерес для исследователей. Один из подобных регионов взаимодействия двух этнических общностей – абхазов и грузин (мегрелов) – Самурзакано, расположенный на юго-востоке Абхазии. Это регион с благоприятными природно-климатическими условиями и плодородными почвами. Все это, а также удобное расположение вблизи торговых путей, интенсивные хозяйственно-экономические контакты с Турцией, соседними регионами Грузии создавали благоприятные условия для динамичного демографического и экономического развития региона. После утверждения в Самурзакано непосредственного русского управления (1840) большое внимание обращалось на дорожное строительство. В первой четверти XIX в. в Самурзакано в 21 селении насчитывалось около 10 000 чел., в 1891 г. здесь было 65 селений, 30 529 чел. К 1913 г. население Самурзакано составляло 38 580 чел., это был самый густонаселенный район Сухумского округа¹.

В общину в Самурзакано, как и в других районах Абхазии, входили как привилегированные сословия, так и зависимые. Первые были представлены князьями (тавады) и дворянами (жноскуа). Крестьяне делились на несколько категорий, находившихся в разной степени зависимости. Основную часть составляли свободные общинники (пиоши). Крепостные крестьяне были представлены категорией дельмахоре. Переходной от пиошей к дельмахоре была категория мойнале. По данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, все категории крестьян в Самурзакано (как и в Абхазии) владели землей на правах частной собственности, что отличалось от форм землевладения в Мегрелии и показывало, «насколько права и отношения жителей Абхазии и Самурзакани разнятся от прав и обязанностей жителей Грузии»². За стада, которые пасли в окрестностях селения, местному феодалу платили «ажидз» – одного козленка или ягненка из стада: это считалось платой «за покровительство». Если в селении было несколько влиятельных фамилий, все они получали «ажидз». Например, в с. Бедия право на него имели фамилии Шервашидзе, Гарцкия, Эшбая, Хухубия, Горгулия³. В силу особенностей землепользования господствующие классы стали договариваться о границах своих общин только в 1860-е годы, когда велась подготовка крестьянской реформы и была создана сословная комиссия⁴.

Крестьяне исполняли следующие повинности. Пиоши обычно работали 3 дня в году на своего покровителя: на посеве кукурузы, на прополке и на сборе урожая. За невыполнение этих работ полагался штраф (корова или бык), но платили его не во всех общинах. Раз в год пиоши приносили своему дворянину козу или барана. Кроме того, на Рождество или Пасху они давали помещику часть зарезанного к этому празднику животного: но это считалось «гостинцем», а не обязанностью⁵.

Семья мойналедавала владельцу одного человека (мужчину) в постоянные слуги, или вместо этого мужчины семьи несколько дней в неделю работали на помещика. Мойнале несли и натуральные повинности: давали владельцу вино, кукурузу. Дельмахоре давали владельцу мужскую и женскую прислугу; мужчины работали 3 дня в неделю на помещика; были и натуральные повинности. Когда девушки этого сословия выходили замуж, помещику платили «хардж» деньгами и скотом.

¹ Кавказский календарь на 1892 г. Тифлис, 1891. С.9; Мачавариани К. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухуми, 1913. С. 139.

² ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 178.

³ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 166.

⁴ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 11. Л. 9.

⁵ Документы по истории Грузии. Тбилиси, 1954. Т. 1. Ч. 1.

До реформы 1871 г. в Абхазии существовало рабство. Рабы ахашала жили в домах владельцев и не имели своего хозяйства. Если ахашала по разрешению владельца женился, он переходил в сословие дельмахоре, получая землю и все необходимое для хозяйства. В 1865 г. в Самурзакано насчитывалось 16 943 пиоша, 139 мойнале и 3057 дельмахоре. Переход из одного сословия в другое осуществлялся за выкуп. Пиоши и по численности и по положению составляли основу каждой общины. Пиошей нельзя было продавать, даже продажа дельмахоре без особой вины с его стороны была затруднительна: в этом случае все его родственники и однофамильцы могли отказаться от исполнения своих обязанностей и перейти под покровительство другого лица¹.

Почти все сословия в Самурзакано назывались по-мегрельски: жноскуа (дворянин), пиоши (крестьянин), дельмахоре (живущий возле), но в самой Мегрелии в XIX в. чаще употреблялись другие термины: азнауры, моджалабы, мебегре, азаты. Крестьяне в Мегрелии находились в более тяжелой зависимости от помещиков, чем в Самурзакано; нередко были продажи крепостных, что было одной из главных причин их частых переселений в Самурзакано и другие районы Абхазии.

В Самурзакано, как и в Абхазии, существовал такой социальный институт, как асасство (абх. асас – гость), т. е. «обычное право временного или постоянного переселения из одной общины в другую», которое давало возможность крестьянам в какой-то степени отстаивать свои права². В XIX в. основной причиной асасства был протест против феодальной эксплуатации. Право на переселение имели пиоши, а с некоторыми ограничениями – даже мойнале и дельмахоре. В 1867 г. при составлении камерального описания в каждом селении Самурзакано оказалось от 5 до 15 дымов асасов.

Каждый член общины мог принять асаса. По сведениям сословно-поземельной комиссии, многие асасы селились в других селах по приглашению своих родственников, без всякого на то согласия тавада или жноскуа селения. Например, когда в с. Цхири жноскуа К. Лакербай похитил семью у крестьянина Ригуа, тот сжег его дом и вместе со своими родственниками ушел в с. Тагелон. Подобные переходы иногда лишали дворянина значительной части подвластных. Так, у жноскуа А. Алана в с. Бедиа из 80 семей пиошей к 1870 г. оставалось 60, а «остальные разошлись вследствие слабости Аланов» по соседним селам³.

Асас мог найти покровительство и в бедной семье, и у целой фамилии пиошей, но чаще – у князя или дворянина. В любом случае асас «вступал во все права постоянных жителей селения», расчищенный им участок земли становился его собственностью, лесом он пользовался наравне с другими жителями. Права асасов соблюдались столь строго потому, что в этом были заинтересованы и высшие сословия. Так, в 1860-е годы князья и дворяне заявляли, что почти во всех их селениях живут асасы, так как с целью заселения своих владений они давали им земли, не требуя никакого вознаграждения⁴. Существование этого института облегчало переселение в Самурзакано крестьян из соседних районов.

Хозяйственные связи населения Самурзакано с соседними регионами в XIX – начале XX в. выражались, прежде всего, в торговых взаимоотношениях и в отходничестве. В начале XIX в. жители Самурзакано поддерживали внешние торговые связи, прежде всего с Турцией, тогда как внутренняя торговля была мало развита. Местные жители нуждались в железе, соли, порохе, тканях, – все это выменивали у турецких купцов в основном на пленников (захваченных по большей части в соседней Мегрелии), а также на кукурузу, меха, ценную древесину⁵. Самурзакано также играло определенную роль в контрабандной торговле, поскольку суда турецких контрабандистов имели довольно свободный доступ к этому побережью⁶. В 1830-е годы отсюда в Мегрелию поступало много контрабандных товаров, и даже в 1860-е годы эти товары поступали в Зугдиди из Самурзакано⁷. После утверждения в этом районе российских властей стала развиваться и внутренняя торговля, в основном с Мегрелией, которая ранее была незначительной из-за постоянных междоусобиц абхазских и мегрельских феодалов. Этому способствовало также появление торговых местечек и ярмарок в Мегрелии.

В XIX в. определенную роль в экономике Самурзакано играла продажа леса, который в основном шел на строительство морских судов. Торговцами были в основном турки из Окума, Гудава, Зугдиди, мегрелы из Зугдидского уезда, армяне, греки из Редут-Кале.

¹ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 4. Л. 73 об. – 74.

² Очерк устройства общественно-политического быта в Абхазии и Самурзакани // ССКГ. 1870. Вып. 3. С. 2.

³ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 128 и сл. Оп. 3. Д. 11. Л. 34.

⁴ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 392.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19 242. Л. 11 об.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 120. Л. 76.

⁷ Документы по истории Грузии. Тбилиси, 1964. Т. 1. Ч. 2. С. 497.

Со второй половины XIX в. в Самурзакано стала развиваться и внутренняя торговля, которая была в основном в руках выходцев из Западной Грузии – главным образом мегрелов. Местные жители даже в конце XIX в. считали торговлю и ростовщичество позорными занятиями. По словам одного приходского священника, жители с. Саберио «стеснялись» продавать «своим соплеменникам» что-либо из продуктов¹.

В XIX в. Самурзакано имело с соседними регионами и особого рода хозяйственные связи. По словам современников, «Самурзакань всегда являлась передаточным пунктом для всех конокрадов»². Мегрельские конокрады находили приют в Самурзакано, самурзаканские – в других регионах Абхазии, абхазские – в землях убухов, шапсугов, абадзехов. Значительная часть краденного скота доставлялась в Абхазию из Мегрелии и Имерети. О масштабах этого явления говорит тот факт, что в 1860-е годы, о свидетельству современника, целые селения Мегрелии, расположенные по границе с Самурзакано, занимались «исключительно случайным промыслом передачи ворованных лошадей и скота»³. Когда к самурзаканским феодалам приезжали черкесские князья с многочисленной свитой (до 40–50 человек), совершались целые набеги на Мегрелию и Имерети для захвата скота, так как законы гостеприимства требовали угощать приехавших 2–3 недели, а затем одарить их⁴. Конечно, для большинства населения это занятие не становилось профессией, а было лишь способом показать свое молодечество.

Говоря о таком явлении, как отходничество, следует сказать, что сами жители Самурзакано не уходили на сезонные работы. Но в этот довольно зажиточный район приходило множество отходников из Западной Грузии. Так, по данным начала XX в., летом сюда приходили мегрельские гончары, они привозили на продажу кувшины для вина или делали их на месте, на заказ. Артели плотников (грузин – мегрелов и рачинцев, лазов) строили дощатые дома – ода. Летом мегрелы из Сенакского и Зугдидского уездов приезжали на полевые работы или арендовали земли у дворян⁵. В Самурзакано приходили и отходники-сваны.

Таким образом, можно отметить существование тесных хозяйственных связей населения Самурзакано с районами Западной Грузии (в первую очередь с Мегрелией), усиливающихся со второй половины XIX в.

Пограничное положение Самурзакано отражалось и на религиозной ситуации. В XVIII – первой половине XIX в. ислам в Самурзакано, как и повсеместно в Абхазии в тот период, был распространен довольно значительно, главным образом в силу определенного влияния Турции. До 1850-х годов многие самурзаканские дворяне были мусульманами. В первой половине XIX в. даже мегрельские крестьяне, переселившиеся сюда, принимали ислам⁶.

В 1850–1860-е годы происходит быстрая христианизация населения Самурзакано. Этому способствовало соседство с христианской Мегрелией и более ранее утверждение здесь российской власти, придававшей распространению и укреплению христианства на подвластных территориях большое значение. Темпы христианизации местного населения, видимо, указывают на то, что жители Самурзакано фактически лишь «числились» мусульманами и не были ярыми приверженцами этой религии. «Вероотступниками», недавно отошедшими от христианства, считали их и правители соседней Мегрелии. Так, отправляясь в поход в Самурзакано в 1813 г., князь Дадияни целью этого мероприятия объявлял свое стремление «вернуть в лоно христианства самурзаканцев»⁷. Мегрельские священники продолжали здесь миссионерскую деятельность и в 1820-е годы, и позже. Тем не менее, к 1850 г. здесь было всего пять церквей и ни одного постоянно живущего священника: раз в год они приходили сюда из Мегрелии и крестили по несколько человек. Только с 1850 г. в Самурзакано стали назначать постоянных священников⁸. Уже к 1857 г. из 2964 дворов лишь 20 были мусульманскими, а из 535 местных князей и дворян 52 не были крещены⁹.

Распространение христианства в этом районе облегчалось и тем, что здешние дворяне часто женились на мегрелках, которые «твердо держались своей христианской веры», а также обычаем дво-

¹ Третий Саберийский приход // Сотрудник Закавказской миссии. 1912. № 22. С. 342.

² Мачавариани К. Очерки Абхазии // Черноморский вестник. 1900. № 41.

³ Бороздин К. Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОИРГО. 1866. Кн. 7. С. 37.

⁴ Мачавариани К. Состояние православия в Сухумской Епархии // Сухумский листок. 1911. № 93.

⁵ Дгебуадзе А. Общество Абедатское // СМОМПК. 1890. Вып. 10. С. 114.

⁶ ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 652. Л. 12 об.

⁷ Дадияни Н. История Грузии // СМОМПК. 1902. Вып. 31. С. 90.

⁸ Мачавариани Д., Бартоломей И. Нечто о Самурзакани // ЗКОИРГО. 1864. Вып. 6. С. 79.

⁹ Бакрадзе Д. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Кавказ. 1860. № 48–49.

рян воспитывать одного из сыновей «в правилах христианства», для чего его отправляли в Мегрелию, Гурию или Имерети¹. В 1851 г. в с. Окуми была открыта первая в Абхазии школа, затем начали работать школы в Бедия, Дихазурге, Гудае, Саберио. Окумская школа пользовалась такой популярностью, что в нее приходили учиться дети даже из Мегрелии².

Священниками в Самурзакано были почти всегда выходцы из Западной Грузии, поскольку регион относился вначале к Имеретинской епархии; в дальнейшем же священники Абхазской епархии, куда он входил, получали образование в Мегрельском духовном училище. По данным 1864 г., уже все самурзаканцы были крещены, но Д. Мачавариани тем не менее с сожалением признавал, что местные жители «не имеют никакой положительной веры». Различия в религиозной принадлежности, по представлениям самурзаканцев, не служили препятствием для брака: даже в 1860-е годы местные жители нередко выдавали своих дочерей замуж за абхазов-мусульман. Заключение брака зачастую не сопровождалось венчанием; дети оставались без крещения до четырех-шести лет, а нередко и дольше. Так, в с. Саберио в 1912 г. было 67 некрещеных детей до шестилетнего возраста; иногда детей крестили в 12–13 лет³.

Однако, когда это соответствовало народным верованиям, население довольно часто обращалось к помощи церкви и особо почитаемых икон. Так, перед иконой пострадавшие проклинали своих врагов или неизвестных преступников, которые нанесли им тот или иной урон, перед иконой принимали присягу те, кто желал оправдаться в случае обвинения их в тяжком проступке. Большим уважением пользовалась икона св. Георгия из сел. Набакеви: до 1869 г., за небольшую плату священнику, перед ней принимали присягу. Когда в 1891 г. в сел. Отобая кто-то поджог школу, сельчане проклинали неизвестного преступника на чудотворной иконе⁴.

Самой влиятельной на территории Самурзакано считалась знаменитая церковь св. Георгия в с. Илори. Она пользовалась глубоким почитанием у жителей всей Западной Грузии. Проклятие перед образом Илорского св. Георгия считалось настолько опасным, что обидчика, которого собирались проклясть, заранее предупреждали о задуманном деле, а если совершивший воровство или другое преступление был неизвестен, то предварительно делали объявление на сходе, чтобы преступник имел возможность одуматься и явиться с повинной и таким образом избежать страшной кары св. Георгия.

Социально-экономическое своеобразие Самурзакано во многом было результатом именно его особого положения как района пограничного, игравшего роль связующего звена между Грузией (собственно Мегрелией) и остальными районами Абхазии. В Самурзакано в течение долгого времени происходило этнокультурное взаимодействие главным образом двух соседних народов – абхазов и грузин (мегрелов). Этот регион интересен, в том числе и тем, что изучение культуры его населения позволяет наглядно увидеть, как осуществлялись взаимовлияния практически во всех сферах материальной и духовной культуры этих этносов.

Список сокращений

- ВУА – Военно-ученый архив
ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, Тифлис
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис
ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазии
ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии

¹ Мачавариани К. Очерки и рассказы. Батум, 1909. С. 53.

² Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии // Кутаисские губернские ведомости. 1899. № 24.

³ Освящение храмов в с. Чхортоли // Сотрудник Закавказской миссии. 1913. № 10. С. 156; № 21. С. 330.

⁴ Введенский А. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии // ССКГ. 1870. Вып. 4. С. 37.

УЧАСТИЕ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ (1877–1878 гг.)

Впервые на театре военных действий в качестве медицинского персонала русские женщины участвовали в Крымской войне (1854–1856). Это были сестры милосердия из Крестовоздвиженской общины. Об их деятельности высоко отзывался известный ученый, хирург Н. И. Пирогов. В 50–70 годы XIX в. в Москве и Санкт-Петербурге создается целый ряд общин сестер милосердия. Общины сестер милосердия представляли собой закрытые профессиональные общежительные общества, в которых женщины посвящали свою жизнь уходу за больными. Сестры общин ухаживали за больными при госпиталях, в богадельнях, в больницах. Во время эпидемий и войн сестры милосердия командировались в места сражений или центры охваченные эпидемиями, для ухода за больными и ранеными.

После создания Международного общества Красного Креста 29 октября 1863 г. и открытия его представительства в России¹, общины сестер милосердия оказались в его ведении. Участие сестер милосердия в указанной кампании организовывалось Российским обществом попечения о раненых и больных воинах (Уже после войны переименовавшемся в Российское общество Красного Креста).

Женщина на войне – это тема, актуализировавшаяся во второй половине XX века с новой силой. Всегда встречается неоднозначная оценка общества по отношению к женщинам, участницам войн. Сестры милосердия нередко в свой адрес слышали упреки в неискренности поступка, романтический порыв. У женщин были разные причины идти в ряды сестер милосердия. А. В. Постернак описывает несколько «типов» сестер милосердия, участвовавших на фронте в указанной кампании. Он отмечает тип женщины высшего света, которым «наскучила светская жизнь», «отправляясь на войну, они искали разнообразия, новых впечатлений и интересных знакомств. Они смотрели на дело милосердия как на модное дело». Еще одной причиной, автор связывает с перенесенной душевной травмой, вследствие потери любимого человека. Были и такие, у которых, самоотверженное служение больным переплеталось с внутренним тщеславием². Для малоимущих, война оказалась, почти единственной возможностью заработать себе на пропитание: «Это сестры труженицы, из-за куска хлеба без претензий на похвалу совершавшие подвиги милосердия, безропотно, несли свои обязанности»³.

Правовое положение сестер милосердия было определено как военным ведомством, еще в 1871 г. разработавшим «Правила для сестёр милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными в военных госпиталях»⁴, так и ведомством Общества «Попечения о раненых и больных воинах» – «Правилами о сестрах Красного креста» 1875 г. и Правилами, составленными для желающих вступить в сестры Красного Креста в период войны⁵. Работа сестер милосердия в Русско-турецкую войну 1877–1878 в постоянных госпиталях регламентировалась Приказом по военному ведомству за № 80 от 6 марта 1873 г. согласно которому, состоящие в военном госпитале сестры милосердия пользовались правами офицеров на отдельное помещение, мебель, белье. В случае болезни, они помещались на офицерское содержание. Этот приказ также регламентировал количество штатных сестер в госпитале из расчета 1 сестра на 100 больных. Приказ также оговаривал, что если сестра поступала

¹ ГАСК Ф.62. Оп.1. «Историческая справка». Основной задачей Общества была организация помощи раненым и больным воинам, пострадавшим во время боевых действий. 22 августа 1864 г. была подписана Женевская конвенция «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». В этом же году Конвенцию ратифицировали Франция, Дания, Италия, Бельгия, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Испания, Великое герцогство Баден. В России свою работу общество начинает 3 мая 1867 г., когда Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах (в 1879 г. переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК)). Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) оно открывало лазареты в тылу действующей армии, формировало санитарные поезда, создавало «летучие» санитарные отряды и перевязочные пункты вблизи мест сражений. Основной целью данного общества была организация помощи пострадавшим во время военных действий. В мирное время деятельность Общества была направлена на подготовку средств, с которые, по наступлении войны, способствовали бы облегчению и улучшению положения больных и раненых и подготовке к войне, в накоплении денежных средств имущества, подготовке сестёр милосердия и младшего медицинского персонала.

² Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С. 104.

³ Там же.

⁴ Щербинин П. А. Правовая регламентация деятельности сестёр милосердия в период войн России XVIII – начала XX вв. // Проблемы Российской истории в исследованиях тамбовских учёных. Сборник статей. Тамбов, 2010.

⁵ Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С. 42.

сверх штата, то госпиталь мог предоставить помещение, отопление, освещение, но она не пользовалась столовым содержанием¹.

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на полях сражения принимали участие сестры милосердия из Общин и вольнонаемные. По опыту Крымской войны в этой кампании участвовали сестры Покровской, Крестовоздвиженской, «Утоли мои печали», Свято-Троицкой и Тифлисской общин. В большинстве городов России Общин не было, однако сестринское движение охватило практически всю страну, женщины хотели участвовать в войне, быть полезными стране, армии, народу. В Ярославле, Владимире, Костроме², Ставрополе, Пятигорске, Владикавказе и других городах России местными Дамскими комитетами Общества попечения о больных и раненых воинах была организована работа по устройству курсов сестер милосердия и обеспечена их работа в госпиталях и на театре военных действий. В русско-турецкой войне в качестве медицинского и санитарного персонала из всей России участвовало 1300 женщин. Из них более 40 скончалось и практически все из них перенесли ту или иную форму тифа или лихорадки³. В эту кампанию было 3 эпидемии – лихорадка, дизентерия и самая страшная эпидемия, унесшая жизни не только солдат, но и докторов и сестер – тиф. В разной форме тиф перенесли все сестры и весь медицинский персонал. От тифа умерла сестра милосердия, Юлия Вревская⁴, служившая от Свято-Троицкой женской общины на Балканском театре военных действий.

Сестры находились в подчинении у двух ведомств: военного и Красного креста. Взаимоотношения этих двух организаций оставляли желать лучшего. Общество Красного Креста располагало большими средствами, в эту кампанию ему удалось собрать 9 миллионов рублей. Но на театре военных действий Общество играло вспомогательную роль. Представители военного ведомства видели в нем соперника, с которым постоянно вели вражду, несмотря на то, что Красный Крест контролировал всего 1/10 часть медицинских учреждений в изучаемое время. Согласие между двумя ведомствами было достигнуто только на Кавказе, где Красный Крест ограничивался лишь помощью госпиталям военного ведомства, не создавая свои, что оказалось гораздо практичнее и целесообразнее⁵.

Повседневная жизнь сестер милосердия складывалась в зависимости от места их пребывания. Так в тыловых военных госпиталях, день сестры милосердия складывался из ежедневных забот связанных с выполнением своих обязанностей. На театре военных действий, в летучих отрядах и военных госпиталях было сложно, непривычно. Сестры терпели неудобства, холод и грязь, рисковали жизнью также как и другие участники войны. В «Вестнике Красного Креста» в 1908 г. в память о Русско-турецкой войне в январском и февральском выпусках были опубликованы «Воспоминания сестры милосердия о русско-турецкой войне» А. Филатовой⁶. К тридцатилетию окончания войны бывшая сестра милосердия описывает свое пребывание на балканском театре военных действий. Немирович-Данченко В. И., в свойственной ему манере режиссера, в работе «Год войны. Дневник русского корреспондента» красочно и восторженно описывает работу сестер милосердия, отмечая их трудолюбие, стойкость, бесконечную доброту и заботу⁷.

2 августа 1878 г. Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах специальным письмом сообщало в местные комитеты о том, что по окончания боевых действий временные госпитали заканчивают свою работу и женский персонал возвращается с театра военных действий. Главное управление обращало внимание на то, чтобы местные комитеты проявили заботу о том, чтобы в мирное время не терялась связь с сестрами милосердия и где возможно, пристроить их в госпитали, с тем, чтобы с началом новой войны, в первую очередь этих сестер можно было бы привлечь к службе. В этом же письме указывалось, что «желательным было бы в больших городах – Москве, Киеве, Харькове, Одессе образовать общины сестер милосердия», и сестер по возможности распределить в эти общины⁸. Ставропольским Дамским комитетом велась переписка о возможности

¹ ГАСК Ф.62. Оп.1. Д.9. Л. 123–123 об.

² Белова Е. Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.// Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С.33.

³ Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С.104.

⁴ Тихонова Т. К., Абашии В. Г., Цвелев Ю. В. К 200 –летию со дня рождения Н.И. Пирогова. Женский труд на войне (сообщение 2). Сестра милосердия в Русско-турецкой (1877–1878) войне. Боронесса Юлия Петровна Вревская//Журнал акушерства и женских болезней. 2010. Т.LIX. Выпуск 3. С.115.

⁵ Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С.104.

⁶ Филатова А. Воспоминания сестры милосердия о русско-турецкой войне //Вестник Красного Креста. СПб., 1908. №1. С.32.

⁷ Немирович-Данченко В. И. Год войны. Дневник русского корреспондента. СПб., 1878. Т.1. С.316–326.

⁸ ГАСК. Ф. 62. Оп. 1.Д.11. Л.9.

устройства сестер в Тифлисскую общину сестер милосердия, однако те ответили отказом, ссылаясь на невозможность принять дополнительных сестер на свое содержание¹.

Большинство сестер милосердия после войны стремилось продолжить профессиональную деятельность в мирное время. Сестры вне общин, подготовленные только на время войны, надеялись применить полученные навыки и опыт в профессиональной деятельности. Однако, практика работы женщин в медицинских учреждениях еще не устоялась. Из протокола заседания Ставропольского Дамского комитета видно, что продолжить работу сестрой милосердия выразили желание Л. Домбровская, В. Алексеева, О. Черкова, С. Лукаева и П. Орлова. Дамский комитет постановил зачислить на службу с 1.01.1879 с содержанием по 180 рублей в год каждой и принимая во внимание отличное их служение в войну выдать сестрам на содержание по 15 рублей за декабрь. По решению комитета сестер командировали в следующие места прохождения дальнейшей службы. П. Орлову в больницу Ставропольского приказа общественного призрения, С. Лукаеву в Медвеженскую лечебницу, Л. Домбровскую, В. Алексееву, О. Чиркову в Ставропольский военный госпиталь. Также Дамский комитет ходатайствовал в Главное управление о возможности причислить указанных сестер, к какой либо уже имеющейся общине сестер милосердия в империи².

Женщин, решившиеся идти на войну в качестве сестер милосердия в русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. можно назвать новыми женщинами, женщинами будущего. Обладая высокими нравственными, христианскими добродетелями, они проявили смелость, настойчивость, смогли сломить устоявшийся стереотип о месте и роли женщины и сыграли огромную роль в духовно-нравственном преображении общества, подъеме патриотических чувств в непростой обстановке войны. Участие сестер милосердия в русско-турецкой сделало еще один шаг к равноправию мужчин и женщин в профессиональной сфере, возможности быть социально активной, полезной обществу, за что так отчаянно боролись женщины XIX века. В этой кампании, россиянки использовали еще одну возможность заявить о проблемах и стремлениях женщин к равноправию, в очередной раз доказав свое право на профессиональное образование и профессиональную деятельность.

Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян
(Пятигорский государственный лингвистический университет)

ИМПЕРСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА

Модернизация, как правило, связывается с обновлением всех основ общественной жизни путем различных нововведений и усовершенствований. Это сложный многогранный процесс, охватывающий все сферы общественной и частной жизни.

Понятие «modern» начало использоваться еще в конце V в. н. э. и было связано с разграничением христианской культуры и язычества. Окончательно термин укоренился в эпоху Просвещения и стал соотноситься с тем, что «способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени»³.

Таким образом, одно из возможных смысловых наполнений данного явления, это способность и необходимость воспринимать и внедрять инновации в социокультурное пространство в силу внутренних потребностей и (или) внешнего воздействия на общество. На практике это связано с изменениями в экономической, политической, административной и т. п. сферах жизнедеятельности.

Исторически возникновение модернизированных обществ связано с зарождением промышленности, а потому все характеристики, связанные с понятием модернизации, могут быть соотнесены с теми переменами, которые были вызваны промышленным (состоявшимся или формирующимся) обществом, требовавшим нового образа жизни. В этой связи модернизация имеет не только экономическое и технологическое значение – это стиль жизни, охватывающий глубинные экономические, политические, социальные и культурные перемены⁴.

Модернизация как полифункциональное и полифоническое явление рассматривается нами под углом зрения и в ипостаси инновации, обновления всей системы социально-культурных, политико-ад-

¹ ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

² ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

³ Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2010. С. 10.

⁴ Волков Ю. Г., Добренков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология. М., 2005. С. 426.

министративных и экономических институтов, связанных со становлением европейского (русского) по своему характеру и смыслу способу существования и функционирования социальной системы.

Модернизация Северного Кавказа начинается и связывается с появлением в этом крае Российской империи. Имперская социокультурная система стремилась добиться достижения определенных количественных показателей в состоянии этносоциальной и этнокультурной среды Северного Кавказа, когда, как отмечает С. Н. Гавров, инокультурные элементы начинают самоорганизовываться и воспроизводить систему целиком¹. Постепенно для горского населения становится естественным и тот образ жизни, который принесла им империя.

Иными словами, российский проект модернизации преследовал цели превращения Северного Кавказа в составную часть имперского пространства, создания там всех присущих империи экономических, социальных, политических и культурных институтов.

Предстоявшая задача по органичной адаптации региона к социокультурным и политическим ценностям империи предполагала целый комплекс усилий, включавших как силовые методы воздействия, так и вполне мирные способы вовлечения автохтонов в общегосударственное пространство.

Из всего набора средств внедрения модернизационного проекта нами была намеренно выбрана одна из ведущих его ипостасей – урбанизация, которая, по нашему мнению, является базовой для становления модерности как таковой. Для рассматриваемой территории это тем более важно, потому как собственной исторической традиции урбанистической жизни Северный Кавказ не имел. Упомянутые на территории региона «города» древности не могут считаться таковыми. Наличие укреплений еще не делало из поселения действительно города. Здесь, возможно, сказывалось долгое отсутствие потребности в таковых у автохтонных народов².

Урбанизация пространства Северного Кавказа одновременно являлась формой и процессом модернизации, в том числе с точки зрения заявленного нами направления. Составной частью процесса урбанизации была его направленность на разрушение и подавление традиционного способа существования. Посредством исторически сложившихся способов разделения труда, форм экономически или политически мотивированной активности, противящихся пропускать в урбанизированную среду инобытия, не отвечавшего урбанистским смыслом, достигалась высокая степень драматизации в проявлении всех форм коммуникативных связей разных по своим фундаментальным или функциональным проявлениям мирам.

Следствием реализации российского модернизационного проекта на Северном Кавказе стала ситуация-состояние, которую мы, прибегнув к аналогии, вслед за Ф. Тёрнером, охарактеризовали как фронтир³.

С 70-х годов XVIII в. российские власти стали создавать Кавказскую кордонную линию, стремясь протянуть ее «от моря до моря и тем самым прочно закрепиться в регионе»⁴. Таким образом, государственной волей размечался северокавказский «фронтир».

На Северном Кавказе, ставшем пространством пограничья, зоной соприкосновения разных миров, развивались (особенно интенсивно с XVIII в.) неоднозначные процессы, в которые были вовлечены люди разного этнического происхождения, люди, представлявшие общности разной стадии цивилизационного развития, где, по мнению Т. М. Барретта, переплетались воздействие на окружающую среду, культурное смешение, социальная стратификация и конструировалось новое социальное мифотворчество⁵.

Российские власти радикальным образом изживали фронтирную неопределённость кавказского географического пространства, стремясь показать кавказским народам всю силу нового для них строя жизни, его позитивную преобразующую мощь, способную вырвать их из мира жестокого средневековья и родоплеменных распрей. Российские власти стремились создать в крае новые основы материального существования, новые основы быта, возводимые на фундаменте русско-европейской культуры⁶.

На начальном этапе нужны были не только материальные средства, но также носители имперских устоев и духа империи, которые своим примером могли увлечь и приучить горцев к новым

¹ Гавров С. Н. Указ. соч. С.57.

² Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011.

³ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.

⁴ Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003.

⁵ Барретт Т. М. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. М., 2000. С.168.

⁶ Барнаш А. В., Лазарян С. С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. Пятигорск, 2006. С.9.

ценностям и поведенческим стереотипам. Ими стали те славянские (шире – христианские) переселенцы, которые добровольно или волей имперской власти оказались на формирующейся южной окраине страны, имевшей все признаки фронта с его пространством неопределенности, межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, формирующимися коммуникациями идентичностей в формах диалога или конфронтации. Тогда перед российской стороной встала стратегическая задача не только принести на осваиваемую территорию новые для нее базовые социально-политические институты, но еще и добиться того, чтобы в поддержании и воспроизводстве их оказались заинтересованы туземные народы¹.

Неопределенность также была связана с этническими сдвигами среди местных народов: с движением осетин и ингушей с гор в предгорья и на равнины²; с массовым исходом за пределы Северо-Западного Кавказа черкесов и ногайцев³; с переселением значительной части армян, грузин, а также христианских народов, ранее проживавших на территории Османской империи на Северный Кавказ⁴ и т. п. А как только утвердилось постоянное российское присутствие вдоль Терека, туда стали выбегать горские общинники и рабы⁵.

Формировавшиеся северокавказские города постепенно становились форпостами и центрами межэтнического взаимодействия, своеобразными этнокультурными плавильными котлами, в которых скапливались представители многих автохтонных народов. Именно через данные хозяйственные центры ретранслировались имперско-русские социально-культурные смыслы жизнедеятельности, примеры успешного и созидательного жизнеустройства, в какой-то степени – образцы той перспективы, которую несла за собой имперская колонизация. Именно здесь часть горцев приобретала опыт взаимодействия с инокультурными субъектами в условиях, которые выходили за рамки их традиционности.

Разрушение традиционности и архаики происходило и под воздействием усилий горских реформаторов. Имамат, созданный Шамилем, и его предшественниками ломал привычные ценности, приущенные горскому изоляционизму. Заявляя о своей непримиримости «миру гяуров», глава мюридов фактически вместе с ними решал задачу по изменению жизни на Кавказе, расчищая завалы на пути к модернизации.

Подавив сопротивление горцев вооруженной рукой, укрепившись на морских побережьях, а также покорив неприступные прежде горные ущелья, российская сторона исчерпала тем самым географическое пространство северокавказского «фронта».

Не менее трудной и важной задачей было переформатирование этносоциальной, этнокультурной, хозяйственно-экономической и политико-правовой сущности новоприобретенного пространства, переживавшего длительный период состояния пограничности и долговременной неопределенности в направлении имперской однозначности.

Пространство пограничности, пространство «фронта» постоянно сокращалось, но никогда не изживалось окончательно. После острой фазы непримиримых форм коммуникативности последовала фаза притирки и приспособления пристрастных участников прошлого противоборства, принимавшего вид постепенно терявшего холодность взаимодействия либо упорствующей в ненависти локальной замкнутости⁶. Однако линии раздела всё больше истончались, а ситуация пограничной неоднозначности и переходности сменялась имперским доминированием, оставляя «фронтиру» лишь то и столько пространства, где «свой» мир и мир «другого», где мир России и мир Кавказа хранили свою самость и не могли допустить изменений, чтобы не потерять своей фундаментальной первоосновы⁷.

¹ Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С.40; Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С.33–36.

² Берзов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе, 1980; Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Владикавказ, 2010 и др.

³ Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. С.186–187.

⁴ Там же. С.48–49, 56, 60 и др.

⁵ Барретт Т. М. Указ. соч. С.180–181.

⁶ Айларова С. А., Кобахидзе Е. И. «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ, 2011. С.256–284.

⁷ Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. Армавир, 1999; Вопросы северокавказской истории. Вып.7. «Российскость» в истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Армавир, 2002; Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. 2009–2010 гг. (семинары №№14 и 15). Армавир; Ставрополь, 2010 и др.

Уже в имперский период начинает формироваться городской сегмент экономики, который был связан с внесением элементов индустриализма в регион. Это был принципиально новый способ экономической деятельности, привнесивший в местную жизнь иной тип социальных отношений. Города являлись местом наиболее интенсивного межкультурного общения, для которого сама специфика городской жизни предоставляла новые широкие возможности. Однако в имперский период потенциал этого фактора так и не был реализован в полном объеме.

Ситуация претерпевает кардинальные изменения на очередном витке модернизационной трансформации региона, который был связан с советским периодом нашей истории. Новая власть начала целенаправленно осуществлять процесс переселения горцев на плоскость, расходуя на это внушительные суммы, достигавшие пятой части местных бюджетов.

Следующими шагами советских властей стали процессы коллективизации и индустриализации, в результате которых горцы оказались вовлечены в формирование крупных сельскохозяйственных производств в виде коллективных хозяйств, а также разнообразных производств рождавшейся новой социалистической индустрии.

Расширение городского пространства также оставалось важным составным элементом преобразовательной политики советских властей в связи с системными усилиями индустриализационного характера. В данном случае осуществлялось активное внедрение в местный социально-экономический и этнокультурный ландшафт урбанистического начала.

Однако при всем старании государства вынудить горцев в массовом масштабе переселяться в города не удавалось. Весь исторический опыт автохтонов Северного Кавказа не имел урбанистических начал европейской сущности, а попытки приобщения их к городскому существованию в имперский период, не достигли уровня однозначной необходимости и не стали обязывающей тенденцией местной жизни. По этой причине большинство населения региона не имело склонности к урбанизму и деятельности в индустриальной сфере. Кроме того, производственные качества местного населения, в силу определяющей роли традиционного способа существования, и его трудовые ценности не отвечали требованиям индустриальных технологий¹. Потому для возводимых в регионе промышленных объектов приходилось привлекать русское (по преимуществу) население, «импортируемое» из других частей страны.

Урбанизация советского образца, проводившаяся административно-бюрократическими методами, часто не обращавшая внимания на сущности социально-культурного опыта местных народов, привела к тому, что новое население городов не могло из-за исторически высоких темпов преобразовательных мероприятий быстро обзавестись городским типом ментальности и культуры.

Новый (урбанизированный) образ жизни требовал иного, нетрадиционного публично-правового принципа регуляции поведения, в рамках которого доминировали универсальные нормы нравственности, бывшие инновацией для жестких рамок исторически сложившейся среды сельской жизнедеятельности и норм повседневного поведения². Города не успевали перемалывать рецидивы традиционализма, который в условиях Северного Кавказа обладал свойствами этнической нетерпимости. Тем не менее, в горской среде произошла «революция быта», и автохтоны сблизилась с формами повседневного существования русской части населения городов³.

В результате структурного кризиса 90-х гг. XX столетия Северный Кавказ в значительной степени растерял накопленный за советский период модернизационный потенциал, и, перейдя на иные сущностные основы, снова оказался в состоянии политической и социокультурной нестабильности.

¹ Денисова Г. С., Уланов В. П. Указ. соч. С.69.

² Там же. С.71.

³ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С.5–11.

РАЗДЕЛ I. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ КАВКАЗА, КАРПАТ И БАЛКАН

Никифоров К. В. Этнические процессы на пространстве от Кавказа до Балкан в XX в. ...	3
Авксентьев В. А. Проблемы идентичности в поликультурных регионах.....	6
Булыгина Т. А. Проблемы исследования культурного пограничья Северного Кавказа....	9
Аксюмов Б. В. Специфика региональной идентичности северокавказского социума.....	11
Кудрявцев Е. А. Авары на Северном Кавказе.....	14
Кудрявцев А. А. Древние болгары в истории Предкавказья V–IX вв.	16
Хаванова О. В. Школа как пространство интеграции элит: выходцы с Карпат и Балкан в учебных заведениях австрийской монархии XVIII в.	18
Амбарцумян К. Р. Взаимодействие идентичностей горцев Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.	22
Немашкалов П. Г. Культурная идентичность как фактор преодоления религиозного радикализма в Кавказской войне XIX века.....	25
Кругов А. И., Нечитайлов М. В. Поляки на Северном Кавказе в XIX в.	29
Астанина А. В. Православные общественные организации на Балканах в конце XIX–XX вв.	34
Плохотнюк Т. Н. Кавказ – Карпаты – Балканы: немецкий элемент демографической структуры региона в XIX–XX вв., как фактор развития национального менталитета.....	36
Анчабадзе Ю. Д. Украина и Карпаты в политическом сознании кавказской эмиграции (1920–1930-е годы).....	39
Кретинин С. В. Немецкое население Румынии в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: общественно-политические настроения, отношения с властями, проблема переселения в Германию.....	43
Полян П. М. Причерноморье как амфитеатр геноцида и депортаций.....	46
Вучков С. Кино на дороге. Роль передвижных киноустановок в распространении кино в мусульманских деревнях Юго-Западной Болгарии в 50-х – 60-х гг. XX века.....	51
Иванова С. Ю. Социокультурная идентичность и социальное самочувствие молодежи Северо-Кавказского федерального округа.....	57

РАЗДЕЛ II. КАВКАЗ, КАРПАТЫ И БАЛКАНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Колесникова М. Е. Северный Кавказ в контексте интеллектуальной истории.....	60
Невская Т. А. Особенности формирования идентичности крестьян Ставрополя в XIX – начале XX вв. Ткаченко Д.С. Военно-стратегическое изучение Кавказа на рубеже XVIII–XIX вв.	62
Ткаченко Д. С. Военно-стратегическое изучение Кавказа на рубеже XVIII–XIX вв.	64
Колосовская Т. А. Образы и реалии российско-кавказского пограничья в военной публицистике XIX в.	69
Трапш Н. А. Абхазия XIX столетия в этнографических нарративах А. Н. Дьячкова-Тарасова.....	73
Кула Й. Кавказ в литературных источниках польских авторов (обзор нарративов).....	75
Дуда В. Н. Османская империя в периодической печати Юга России в начале XX века....	78
Пеганов А. О. Обсуждение ревизии чехословацко-венгерской границы на страницах венгерской публицистики в межвоенный период.....	79
Ермоленко Л. П. Из истории изучения древних болгар Северного Кавказа.....	84
Дронов М. Ю. К вопросу об угрорусской идентичности у южнокарпатских русинов.....	87
Пискова М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в болгарском кинематографе (на примере архивных документов о фильме «Герои Шипки»).....	90
Сербина А. А. К вопросу о «печально известном» меморандуме Сербской академии наук и искусств 1986 года.....	94
Польская С. А. «Контактная зона» генезиса феодальных отношений в преподавании курса истории южных и западных славян.....	97
Шаповалов В. К. Исламское образование на Северном Кавказе: потребности и реалии...	99

РАЗДЕЛ III. КАВКАЗ, КАРПАТЫ, БАЛКАНЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Сень Д. В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII в. – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений.....	102
Мискевка В. Молдова, 1812: ANNUS HORRIBILIS (Бухарестский мирный договор и его последствия).....	107
Крючков И. В. Империя Габсбургов и Кавказ: проблемы выстраивания контактов в условиях XIX – начала XX вв.	112
Колесников В. А. Линейные казаки Кубани в подавлении венгерского восстания 1849 г. ...	116
Муртузалиев С. И. Балканы периода борьбы России за отмену Парижского договора и «сосредоточения» во внешней политике.....	118
Судаццов Н. Д. Кавказ в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	121
Колонтари А., Бебешу Д. К вопросу определения трианонских границ Венгрии.....	124
Бочкарева З. В. Кавказ в политике мировых держав 1942–1943 гг.	133
Кожемяко Т. Н. Геополитическая обстановка на Кавказе в 1920 году (по материалам турецкого эмиссара).....	135
Животич А. Косовски проблем у односимаизмеђу југославије и Албаније (1945–1961)....	137
Стыкалин А. С. Политика СССР по обеспечению единства социалистического лагеря в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов (на материале отношений со странами Юго-Восточной Европы).....	141
Коробкина И. А. Южный Кавказ во внешней политике Российской Федерации (2008–2013 гг.).....	146
Величко Л. Н. Проблемы реализации программ ЕС в рамках «Восточного партнерства» в регионе Южного Кавказа.....	150
Минасян С. М. Российско-армянские внешнеполитические отношения в контексте региональной безопасности Южного Кавказа.....	153
Садченко В. Н. Позиция святого престола в отношении признания независимости Хорватии и Словении (1991–1992 гг.).....	156

РАЗДЕЛ IV. БАЛКАНЫ, КАРПАТЫ И КАВКАЗ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ, ОСМАНСКОЙ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИЙ

Терзиян Т. Ю. Этноконфессиональные аспекты политики России и Османской империи на территории Кавказ – Крым – Балканы (XVIII – начало XX вв.).....	160
Матвеев О. В. Предводитель горцев между Россией и Портой: к мотивам выбора имперского пространства в этнографии Кавказской войны.....	163
Салакая С. Ш. Абхазское княжество и Российская империя в 10–60 гг. XIX в.	167
Кузьминов П. А. Роль А. М. Дондукова-Корсакова в организации гражданского управления в княжестве Болгария и Кавказском наместничестве в конце 70 – начале 80-х гг. XIX в.	169
Горак А. Борьба П. А. Шувалова за централизацию жандармерии и реакция наместника Кавказа.....	171
Птицын А. Н. Эмигранты из карпатских и балканских земель Австро-Венгрии на Кавказе в конце XIX – начале XX в.	175
Соловьева Л. Т. Особенности социально-экономических отношений в районе Абхазо-грузинского пограничья (XIX – начало XX вв.).....	178
Шафранова О. И. Участие сестёр милосердия в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.)...	182
Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Имперский и советский опыт модернизации в условиях северокавказского фронта.....	184

Научное издание

КАВКАЗ-КАРПАТЫ-БАЛКАНЫ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ,
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ,
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В XVIII–XX вв.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Редактор, технический редактор,
компьютерная верстка Н. П. Чивиджева

Подписано в печать 18.12.2014

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 22,09

Уч.-изд. л. 20,87

Бумага офсетная

Заказ 462

Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2